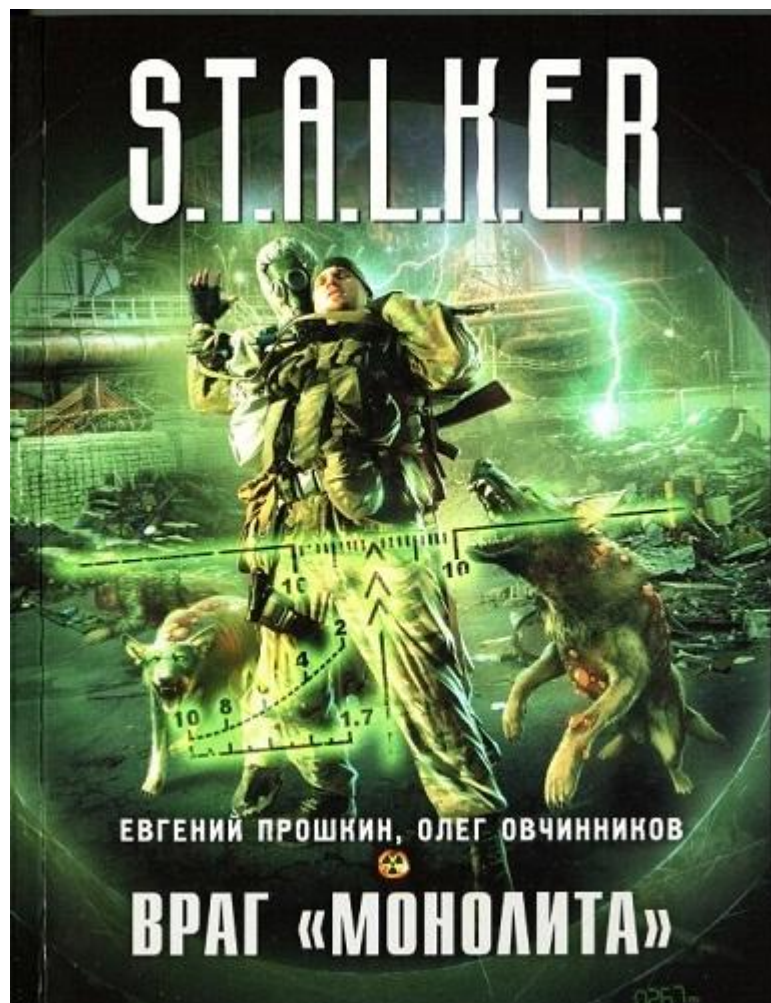

Евгений Прошкин, Олег Овчинников
Враг «Монолита»

S.T.A.L.K.E.R. – 70

Аннотация:

До операции «Фарватер» оставалось два месяца, когда Сергея Шведова выгнали из СБУ. В отчаянии он уходит в Зону и оказывается в отряде наёмников. Теперь он сталкер Швед, у него отличное оружие и новые друзья. Благодаря храбрости и воинской смекалке Швед зарабатывает в отряде авторитет и переходит в закрытую группировку «Монолит», собравшую лучших бойцов.

А вскоре в Зоне появляется майор Дегтярёв. Швед наблюдает за ним издали, но однажды им придётся столкнуться лицом к лицу.

Чем закончится эта встреча, никто не знает...

Евгений Прошкин, Олег Овчинников
Враг «Монолита»

Всем, кто не сел в последний вертолет, посвящается.

Часть 1. Черная Повестка

Глава первая

— Накатим, — предложил Кирюха.

Сергей безразлично заглянул в стакан и согласился:

— Накатим.

Отвратная водка с привкусом дрожжей мучительно протолкнулась в пищевод. Упала на душу. Сергей прислушался: полегчало, нет?.. Нет. Не полегчало.

— Ты где такую отраву берешь? — спросил он. — Паленую давно не продают вроде?

— Места надо знать, — весело произнес Кирюха. — Вот попей с мое...

Сосед по лестничной клетке Кирилл отмечал развод с женой. Он делал это уже четвертый год и настолько успешно, что в квартире почти не осталось мебели.

Сидели на кухне, тому было две причины: во-первых, пропить старый поцарапанный стол Кирюхе пока не удавалось, а во-вторых, больше Сергею Шведову пойти было некуда. И не к кому. Да и незачем, наверное. Во всем городе пьющий сосед был единственным человеком, у которого при встрече с Сергеем не потели ладони. Когда человека выгоняют из Академии СБУ, да еще с таким позором, с грохотом, с вонью, — он вдруг замечает, что у него пропали не только друзья, но и враги. Знакомые продолжали здороваться с Сергеем, но при этом все они были так заняты, что успевали поговорить только о погоде. Бывшие одноклассники, которые еще недавно роились вокруг него, как мухи над банкой варенья, разом исчезли. Изгнание из Академии оказалось хорошей проверкой для старых друзей: ни один из них ее не прошел. Кирюха был не в счет, он мог бы пить даже с Гитлером — конечно, до тех пор, пока у Гитлера не закончатся деньги.

Сергей ожидал чего-то подобного, но не думал, что это произойдет настолько быстро. И он не мог даже предположить, что терпеть одиночество будет так тяжело. Поэтому и зачастил к соседу, которого еще недавно считал конченым человеком. Хотя сам Кирюха за последнее время ни капли не изменился. Он ежедневно демонстрировал Шведову худший жизненный сценарий из тех, что маячили на горизонте, и этим был по-своему полезен. Сергею нравилось сидеть у него на кухне, рассматривать убитую посуду, скотски грязные полы и бесконечно повторять про себя: «Как угодно, но только не так».

— Все нормально, — неубедительно произнес Кирюха. — Отдохни чуток, расслабься, и на работу.

— Куда? — глухо спросил Шведов.

— Да куда угодно!

Сергей покачал головой:

— Куда мне угодно — туда не берут. Исключение из Академии хуже, чем судимость. Главное, каждая собака уже знает, как будто меня в новостях показывали. И все ссут, никто не хочет связываться.

— Ну ты же в армии служил? Иди в охрану, в магазин какой-нибудь. Я не говорю про ювелирный, пф! — Кирюха закатил глаза, словно речь шла как минимум о полете в космос. — Но в продуктовый же тебя возьмут? Вон как раз через дорогу универсам открывается.

— Рано мне на кроссворды садиться. Ты бы еще в дворники пойти предложил.

— А что, жрать захочешь — пойдешь.

— Вот этого я и боюсь, — признался Шведов. — Денег скоро не останется, и нужно будет как-то выплывать. Ничего хорошего мне не светит, придется соглашаться на плохое. Столько пыхтел в Академии, и все насмарку...

Он вдруг сообразил, что рассказывает это совсем не тому человеку. Кирюха понимающе кивал, но единственное, что его интересовало по-настоящему, это продолжение застолья.

— Давай. — Сергей подвинул стакан.

— Ты так и не сказал, за что тебя выперли, — обронил Кирюха, открывая новую бутылку.

— А люди что говорят?

— Люди? Да разное... В основном — что тебя завербовала другая разведка.

— Как много на земле идиотов, — грустно вздохнул Сергей. — Я, стало быть, шпион, и поэтому меня отчислили... А чей шпион, неизвестно?

Кирюха пожал плечами:

— Ясное дело, вражеский.

— Логично. Ну, тогда наливай.

— А на самом-то деле за что? — спросил собутыльник.

— На самом деле за пьянку, — улыбнулся Сергей.

— Понятно... Ну если это секрет, то и ладно.

— Да я правду говорю.

— Серьезно за пьянку? — не поверил Кирюха. — Ты же не пьешь совсем!

— А что я тут делаю? — Сергей постучал ногтем по стакану. — Раньше действительно не пил. Почти три года.

Шведов не врал, он прожил без спиртного ровно тридцать месяцев. Нагрузка в Академии была такой, что на глупости не оставалось времени. Кому-то удавалось немножко расслабиться в выходные, но Сергей не видел в этом смысла. Ему было хорошо и так, он получал то, к чему стремился с детства. Он хотел быть первым на курсе, и ему это удавалось. Наверно, по этой причине все и произошло.

После тяжелой сессии в Академии устроили маленький фуршет. Руководство не возражало, экзамены действительно были адскими, и группа сдала их в целом успешно. Сергей по привычке не пил. Чтобы не выделяться, налил в бокал минералки и аристократически фланировал по столовой, временно преобразившейся в банкетный зал. Он не заметил, как к нему подошла Мария Николаевна, молодой преподаватель криптографии, за глаза — просто Маха. Ей было не больше тридцати, и она не носила обручального кольца, это позволяло курсантам верить, что их томительные сны в принципе осуществимы. Сергей не был исключением, он также просвечивал взглядом все ее кофточки и мечтал, что однажды Маха нагнется за карандашом достаточно низко. Несмотря на возраст, Мария Николаевна была опытным преподавателем, карандашей она не роняла. И вот на фуршете она зачем-то подошла к нему сама и протянула бокал с шампанским. И улыбнулась так, как не улыбалась еще никогда и никому. Сергей не смог отказаться. Он чокнулся с Махой, пробормотал какие-то нелепые студенческие благодарности и выпил до дна.

В следующую секунду его вырубил. Если бы целиком, это было бы не так страшно, но отключились только мозги, и последствия оказались катастрофическими. Как ни странно, тот вечер отпечатался у Сергея в памяти до мелочей. Он не мог объяснить свое поведение, но помнил все превосходно. Возможно, потому, что это был его последний день в Академии СБУ.

Он начал с того, что поцеловал Маху в губы — сочно и сладко, как свою женщину, на виду у всех. Он привлек ее так быстро, что она и пикнуть не успела. Маха запоздало попыталась вырваться, но Шведов не отпускал, он был настроен решительно. Она тоже не шутила, отталкивала его изо всех сил. Разумеется, он был сильнее, поэтому единственное, что ей удалось, это крикнуть. Люди в зале замолчали и обернулись, и Сергея это почему-то вдохновило. Он продолжал держать Маху железной хваткой и даже закрыл глаза — настолько, по его мнению, все было искренне и хорошо. Он не сомневался, что ему завидует весь курс. Это продолжалось пару минут, никак не меньше, пока сзади не рявкнули: «Шведов, отставить! Отставить, урод!» Не узнать голос майора Забелина было невозможно. Сергей отпустил Махин затылок — но лишь для того, чтобы свободной рукой сломать Забелину нос. После этого в зале повисла тишина, по-настоящему гробовая. Даже Мария Николаевна перестала вырываться. Сергей расценил это как окончательное согласие и одним движением разодрал ей блузку вместе с лифчиком. Грудь у Махи оказалась красивой.

На сокурсников это подействовало как команда «фас». Шведова схватили за руки, но он легко вывернулся. Его вдруг переполнила ярость, словно он защищал свою жизнь, а с таким противником бороться сложно. Сергей бешено метался по залу, переворачивал столы и крушил челюсти. Маха к тому времени скрылась, и он чувствовал, что терять ему уже нечего. Это было страшное ощущение, но Сергея оно не пугало, а напротив, пьянило.

Инструктор по рукопашке капитан Морозов стоял у отдельного офицерского стола в противоположном углу. Чтобы добраться до Сергея и разогнать вокруг него бессмысленную свалку, капитану потребовалось несколько минут. Дальше было проще: Сергей взмахнул «розочкой», оставшейся после удара бутылкой по чьей-то голове, — Морозов схватил его запястье, чуть скорректировал движение, нырнул навстречу и резко выпрямился уже за спиной у Шведова, по-прежнему удерживая его руку. Дебошир очутился на полу с вывернутым плечом.

«Сами не могли этого сделать? — проскрипел Морозов, обращаясь к остальным. — Бойцы, едренать, невидимого фронта!»

Что было потом, Сергею вспоминать не хотелось. Его связали обычным ремнем и запихнули в пустую комнату, поскольку гауптвахты в Академии не было. Наваждение схлынуло так же внезапно, как и нашло. И это было еще хуже, чем разбитое лицо майора Забелина, уважаемого человека с нелегкой судьбой. Это было даже большее, чем презрительный взгляд Марии Николаевны. Сергей надеялся лишь на то, что его не станут отчитывать перед всем курсом.

Шведов так и не понял, было ли в том бокале что-то, кроме шампанского, или его переклинило на нервной почве. Вроде от волнения так накрывать не должно... но зачем нужно было Махе угощать его психотропными средствами?.. Да нет, вздор. Незачем ей было это делать. Но тогда почему он так потерялся от одного бокала?

Вскоре Шведов пришел к выводу, что лучше об этом вообще не думать. Что-то замкнуло в мозгу, что-то там неправильно переключилось... Просто не повезло.

Утром Сергея выпустили, молча вручили тощую картонную папку и дали пинка. В папке оказалась только характеристика — такая, что Шведов поджег ее раньше, чем успел дочитать. Пепел он спустил в унитаз, на этом его служба в СБУ была окончена.

— Ну... раз тебя непьющего за пьянку выгнали, значит, мы тем более правы, — непонятно к чему изрек Кирюха и отсалютовал стаканом.

Чокнулись и выпили. Из закуски был только зеленый лук и черствая краюха. Сергей поводит рукой над столом и в который раз выбрал хлеб.

— Есть еще одно местечко, — заявил сосед, прочистив горло. — Но это совсем для бедовых, я даже не знаю, стоит ли тебе туда соваться... — Он немного помолчал. — В общем, несколько парней туда обращались. Большинство не приняли.

— Ты про ту контору на Кузнецкой?

— На углу Кузнецкой и Парковой, — уточнил Кирюха. — И что ты по этому поводу думаешь?

— А ты?

— Я по здоровью не пройду. И тебе не советую, — добавил он, помедлив. — Это я сдуру ляпнул, забудь.

— Сам разберусь, не маленький, — буркнул Шведов.

— Ты и вправду, что ли, туда намылился? — с подозрением протянул Кирюха. Он впервые за весь вечер выглядел по-настоящему заинтересованным. — Не надо, мужик. Это мутная тема. Там ведь...

— Набирают наемников, — закончил за него Сергей.

— Вот-вот. А куда, ты не в курсе? Мы же ни с кем не воюем.

— Всегда кто-то с кем-то воюет, так устроен мир.

— Отправят в какую-нибудь задницу...

— Привезу тебе сувенир, — пообещал Шведов.

— Заставят каких-нибудь африканских повстанцев расстреливать, — настойчиво продолжал Кирюха.

— Не будь кретином. — Сергей опрокинул в себя стакан и занялся ржаной коркой. После дрянной водки хотелось пожевать лука, но усугублять завтрашний перегар было бы неразумно.

— Не ходи туда, — снова сказал Кирюха. — Или... если уж все равно...

— Что «или»? — Шведов внимательно посмотрел ему в глаза.

— Если все-таки надумал... — Собутыльник выдвинул ящик под столешницей и быстрым движением достал оттуда черную глянцевую листовку с единственной фразой: «Бесплатный прием у ветеринара».

Сергей повертел купон в руках и обнаружил, что в нижнем углу выбит едва заметный четырехзначный номер.

— Это пропуск? — усмехнулся он.

— Это, скорее, флаер, — сказал Кирюха. Он уже не выглядел таким захмелевшим.

— А без флаера не пустят? — поинтересовался Шведов.

— Пустят. Но с флаером будет проще.

— То есть две бутылки водки в твоей компании приравниваются к собеседованию?

— Мы ведь не первый день с тобой пьем, — резонно заметил сосед.

— Ясно... — обронил Сергей, убирая листок в карман. — Много ты народу туда сосватал? Если не секрет.

— Секрет, конечно. Ты десятый.

— И сколько было принято?

— Трое.

— А сколько из них вернулось?

— Пока ни одного.

— И ты мне так спокойно об этом рассказываешь...

— Я все-таки хочу, чтобы ты передумал.

— Пожалел африканских повстанцев? — засмеялся Шведов.

— Тебя, дурака, — серьезно ответил Кирилл.

Глава вторая

— Бухаешь? — строго спросил вербовщик. У него были черные глаза и такие глубокие залысины, что оставшиеся между ними волосы напоминали ирокез. Еще у него был большой острый кадык, это Сергей заметил, когда мужчина запрокинул голову и надолго приложился к бутылке чешского пива. Шведов сначала решил, что вербовщик предложит ему похмелиться — так иногда поступали добрые следователи в кино. Сергей уже приготовился вежливо отказаться, но вербовщик ничего предлагать не стал. Он молча допил пиво и убрал бутылку под стол, громыхнув бог знает каким количеством скопившейся там посуды.

Кабинет был похож на учительскую в бедной сельской школе: вдоль стены стоял ряд угрюмых шкафов с покосившимися дверцами, маленькое окно под самым потолком закрывали тяжелые коричневые шторы, впитавшие, наверно, не один килограмм пыли. Стол, за которым сидел вербовщик, пережил такое количество потекших ручек, что его следовало бы захоронить вместе с химическими отходами. Единственным, что выделялось в этой сумрачной комнате, был ноутбук Vaio с откинутой крышкой. Крышка сияла. Сергею вдруг подумалось: если убрать ноутбук и погасить свет — кабинет моментально умрет, его уже не отличишь от сотни других захламленных помещений, пропадающих без рачительного арендатора.

Офис находился на пересечении улиц Кузнецкой и Парковой, в подвале зоомагазина «Странные Друзья». Витрины выглядели так, что мимо них можно было пройти несколько раз и все равно не запомнить, чем конкретно там торгуют. Темная сырая арка вела в глухой двор, заваленный досками, рубероидом и прочим строительным хламом.

Ко внутреннему углу здания прилепилась лестница вниз с оцинкованным навесом, рядом на лавочке скучал какой-то невзрачный мужик. Заметив в руках у Шведова черный флаер, он поднял указательный палец, коротко переговорил с кем-то по мобильному и молча кивнул Сергею. Шведов спустился, протиснулся по узкому коридору и оказался здесь — в убогой комнате, на колченогом стульчике перед столом вербовщика.

— Я не пью, — машинально ответил Сергей.

— Это хорошо. — Мужчина открыл его паспорт и медленно, со вкусом, словно это было меню, прочитал: — Шведов Сергей Алексеевич. Двадцать два года. Так?

— Точно.

— Хорошо... — повторил вербовщик, занося данные в компьютер. — Наследственные, хронические заболевания. Перенесенные операции. Травмы. Сотрясения мозга. Что ты молчишь?

— Я здоров.

— Твои размеры.

— Девяносто, шестьдесят, девяносто, — неожиданно для себя выдал Шведов.

Мужчина скорбно посмотрел на него поверх ноутбука и, нагнувшись, достал из-под стола новую бутылку пива.

— Кажется, я догадываюсь, за что тебя выгнали из СБУ, — обронил он.

— Нет, не за это.

— Не за шутки? — переспросил вербовщик. — Значит, им размеры твои не подошли?

— Давайте ближе к делу, — вздохнул Сергей.

— Семейное положение.

— Холост.

— Дети.

— Нет.

— Судимости.

— Откуда? — удивился Шведов.

Собеседник пожал печами и варварски открыл бутылку об угол столешницы.

— Алименты, — крикнул он, сделав крупный глоток.

— Я же сказал: детей нет.

— Хорошо. непогашенные кредиты, долги частным лицам, проблемы с криминалом.

— Вот пока все это не завелось, я и хочу... — начал Шведов, но вербовщик его прервал:

— Отвечай короче. В анкете ровно сто пунктов, и девяносто из них никому не нужны. Но заполнять все равно придется.

— Зачем?

— Затем, что эту анкету придумал кто-то из твоих коллег, — скривился мужчина.

— Они мне уже не коллеги.

— Я имею в виду — тоже кто-то из бывших. Хотя бывших среди вас не бывает, да?

— Это очень старая шутка, — ответил Сергей.

— Хорошо. Спортивные достижения.

— Нет.

— Водительские права.

— Да.

— Служба в армии.

— Да.

— Участие в боевых действиях.

— Нет.

Вербовщик постукивал по тачпаду, сопровождая каждый клик удовлетворенным кивком. Насколько можно было судить, удовлетворяли его не сами ответы, а скорость заполнения опросника. Многие пункты пересекались, а то и повторяли друг друга, но скоро Шведов перестал об этом напоминать. Мужчина просто вводил данные, ему было глубоко безразлично, кто перед ним сидит. Сергей лишь не мог понять, почему из девяти его предшественников, направленных сюда Кириллом, отбор прошли только трое. Возможно, интервью преследовало совсем другие цели, и где-то под потолком висела инфракрасная камера, которая считывала реакцию кандидата. Впрочем, и об этом Шведов думать со временем перестал. От долгого собеседования его клонило в сон.

Наконец вербовщик откинулся в кресле и скрестил руки на груди.

— Итак... — вздохнул он. — Ты пришел хрен знает куда и сообщил о себе достаточно, чтобы, к примеру, открыть на твое имя оффшорную помойку. Тут два варианта: либо ты, дорогой Сергей Алексеевич, клинический лох, либо... ты продолжаешь служить в СБУ, а то, что с тобой случилось на банкете в Академии, — чистый спектакль.

К такому повороту Шведов был не готов. Он запоздало сообразил, что ноутбук подключен к сети, и вербовщик мог не только отправить данные, но и что-то получить в ответ.

— В СБУ я никогда не служил, я только учился, — возразил Сергей.

— Ну да, ну да... — промурлыкал собеседник.

— Если бы мой визит был операцией Службы Безопасности, то ваша точка доступа давно бы находилась под контролем, — невозмутимо сказал Шведов. — Весь ваш гребаный вайфай. И кстати, человек, который передает вам сплетни из жизни курсантов, может сливать гораздо больше информации в обратную сторону. Подумайте об этом. Ну а если развивать мысль еще дальше, то непонятно, что лично вам мешает постукивать в СБУ на свое начальство. Если только СБУ и ваше начальство — не одни и те же люди. Не потому ли вы так спокойно тут сидите и попиваете пиво?

— Ты серьезно думаешь, что я буду отвечать на этот бред?

— Нет, мы всего лишь обменялись версиями, — улыбнулся Сергей. — Вы заподозрили меня, а я заподозрил вас.

— Не знаю, чему там тебя учили, но съезжать с базара ты умеешь, — кивнул мужчина. — Дай бог, чтобы в дальнейшем тебе это не пригодилось. В Припяти за такие разговоры иногда убивают.

— Значит, все-таки Припять? Не Африка?

Собеседник вздернул брови:

— А ты хочешь в Африку?

— Я хочу быстрее уехать из города. Туда, где меня не будут жалеть и обходить стороной, как прокаженного. Что со страховкой? — внезапно спросил Шведов. — Лечение, пенсия по инвалидности, похороны?

— Это не оплачивается, — отрезал вербовщик. — В Зоне ты будешь на полном обеспечении. Деньги еженедельно будут поступать в любой банк, где ты сподобишься открыть счет. Плюс премиальные, если заслужишь. Но я бы на это не рассчитывал, — добавил он. — И вообще скоро ты поймешь, что бабло — не главное.

— Я нанимаюсь за деньги, — напомнил Сергей.

— Ты удивишься, когда увидишь, как мало они значат. Иногда деньги оказываются самым бесполезным, что есть у человека.

— Не нужно меня отговаривать. Кирилл уже пытался.

— Какой Кирилл?

— Тот, который дал мне ваш флаер.

— А, забудь про него.

— И много у вас таких агентов? — поинтересовался Шведов. — Какое у них вознаграждение?

— Сто евро за каждый контракт.

Сергей мысленно сконвертировал гонорар соседа в дешевую водку — выходило не меньше месяца капитальной пьянки. Ну что ж, хоть какой-то прок...

— Когда и куда мне нужно явиться? — спросил он.

— Тебе сообщат.

— А когда можно будет ознакомиться с договором?

Вербовщик ненадолго задумался.

— Мы с тобой свяжемся, не волнуйся.

— Может, я еще не захочу его подписывать...

— Не захочешь — не подпишешь, — отозвался собеседник, нагибаясь за новой бутылкой пива. — Иди, иди, ты свободен.

— И на этом все? — не поверил Шведов.

— А чего ты ожидал?

— Думал, вы хотя бы предупредите меня о неразглашении...

— У нас без формальностей, мы же не государственное учреждение. — Мужчина открыл бутылку, сделал пару глотков и показал на дверь.

Сергей поднялся со стула и лишь теперь осознал, что результат собеседования отрицательный. Неизвестно, по каким причинам, но его определенно забраковали. Что-то им не понравилось — либо этому пивному насосу с ирокезом, либо тем, кому он пересылал данные с ноутбука. Похоже, Кирюха со своей сотней пролетел...

Шведов решительно вышел из кабинета. Было обидно. Вместе с дорогой он потратил на собеседование почти три часа, и, хотя на кухне у Кирюхи он убил гораздо больше времени, этих трех часов ему было особенно жаль. Единственный итог заключался в том, что Сергей узнал о кроте, засевшем в Академии СБУ, хотя вряд ли эту информацию можно было считать ценной. Во-первых, вербовщик этого и не скрывал, а во-вторых, кадровые проблемы в Академии с недавних пор Шведова волновать перестали. Еще месяц назад Сергей без колебаний сообщил бы об этом в Управление внутренней безопасности, но сегодня он лишь тихо, по-детски радовался, как если бы нелюбимый старший брат ударил себя молотком по пальцу.

Пробираясь по узкому коридору к лестнице, Шведов раздраженно отметил, что здесь как будто стало еще теснее. Проход был загроможден темными ящиками, ржавыми сейфами и секциями откидных кресел из кинотеатра. Он даже свел локти, чтобы не испачкаться, когда спереди вдруг ударил яркий свет. В то же мгновение справа беззвучно отворилась стальная дверь, которая только что выглядела намертво заваренной. Рефлекторно отшатнувшись, Сергей шумно врезался в штабель картонных коробок и тут же почувствовал два укола в правое плечо, словно стреляли из двустволки. Тело моментально ослабло, а лоб налился свинцом и потянул Шведова вниз, как камень утопленника. Безнадежно цепляясь за рыхлые коробки, Сергей сполз на пол и ткнулся головой в колени.

«Небось весь пиджак измазал, — успело пронестись у него в мозгу. — Боже, опять я о всякой херне думаю...»

Глава третья

— Пить... — раздался за спиной чей-то слабый голос.

— Пить! — вторил ему другой, погромче и пободрее.

Шведов открыл глаза. Он лежал на куче прелой соломы и не сразу сориентировался, где верх, а где низ. Вверху были черные стропила, прогнившая обрешетка и битый шифер, по бокам — худые дощатые стены. Похоже, этот сарай не видел ремонта со времен советской власти.

— Пить!.. — снова сказал кто-то рядом.

Сергей осторожно пошевелился и обнаружил, что руки у него не связаны. Голова, против ожиданий, не болела, сознание было вполне ясным, а самочувствие — так даже неплохим. Однако жажда была невыносимой.

По крыше плотно сеял мелкий дождик. Шведов попытался разглядеть хоть что-нибудь сквозь дырки в шифере, но это ему не удалось. Часы на руке не пропали и показывали половину первого — вероятно, ночи, — а вот мобильного, паспорта и ключей от квартиры не было.

— Пить, — в который раз повторил человек на другой стороне кривобокого стожка.

— Дайте воды... — тут же откликнулся еще один, такой же невидимый за кучей соломы.

— Как вы задолбали! — простонал Шведов, поднимаясь на ноги.

Вокруг осевшего старого стога лежали три человека головами к центру. Первое, что бросилось Шведову в глаза, — все они были обриты наголо. Повинуясь скорее опасению,

чем догадке, он схватился за макушку и раздосадованно зашипел. Подстригли машинкой, ровненько.

Одеты незнакомцы были по-разному: один валялся в заношенной куртке «аляске», из-за чего смахивал на бомжа, другой ежился в рубашке с коротким рукавом, словно его сняли с курортного рейса. На третьем был неновый спортивный костюм, и это выглядело наиболее уместно. Сам Сергей в пыльном пиджаке и мятых брюках тоже смотрелся не ахти как. Поздняя весна уже почти превратилась в лето, но ночная сырость давала о себе знать, и Сергей почувствовал, что начинает мерзнуть. Он энергично взмахнул руками и прошелся по сараю. Перекошенная дверь, похожая на калитку, была открыта, в проеме висела тусклая луна, но выходить на улицу отчего-то не хотелось.

В темном углу Шведов заметил четвертого мужчину. Тот сидел на полу, подобрав к себе ноги и взявшись за колени. Его левая ладонь чуть подрагивала, взгляд был угрюм и сосредоточен, но выделялся мужчина не этим. У него была короткая неровная стрижка, как будто он «подравнивался» сам, второпях. Обут он был в практичные юфтевые сапоги с укороченными голенищами, на поясе у него висел пустой патронташ. Полевая куртка и плотные зеленые брюки были испачканы, но совсем не так, как у Шведова, которого тащили по узкому коридору в подвале зоомагазина. Этот, местный, ходил по лесу и по глине. Много ходил, часто падал. Рядом с ним у стены валялась пустая упаковка не то от халвы, не то от печенья.

— Пить! Ну пить же... — взмолился кто-то из троих в стогу.

— Хватит клянить, я не доктор! — громко произнес Шведов.

— Они не слышат, спят еще, — отозвался местный, с неохотой поднимая на Сергея глаза.

Взгляд у него был оценивающий и в то же время безразличный, как у повара, выбирающего свеклу для борща.

— Тебя первым привезли, — добавил мужчина и вяло кивнул куда-то в сторону.

Сергей обернулся — ближе к двери стояло зеленое эмалированное ведро, в котором плавала алюминиевая кружка. Шведов зачерпнул воды, осторожно понюхал и, уже не в силах сопротивляться жажде, сделал несколько глотков. Первая кружка его лишь раздражила, он набрал вторую и выпил ее так же жадно.

— Ссать на улице, — подсказал незнакомец за секунду до того, как у Сергея скрутило живот.

Шведов с трудом доковылял до выхода и едва успел расстегнуть ширинку.

— Это анабиотик, — прокомментировал местный. — Здорово промывает почки, но водно-солевой баланс корежит, как мешок воблы. Если будешь им пользоваться, всегда оставляй под рукой полную фляжку. Иначе та же смерть, что и от выброса, только дольше.

— Чем-чем я буду пользоваться? — спросил Шведов.

— Анабиотиком, брателло.

— А-а... — без энтузиазма протянул Сергей. — Понятно.

Пока струя бурила землю, он успел обстоятельно осмотреться, но это мало что прояснило. Сарай стоял на небольшом пригорке, трава у двери была вытоптана, однако никаких тропинок Шведов не нашел. Метрах в десяти от постройки чернела стена кустарника без единого проблеска. За углом виднелись те же кусты, и никакого намека на дорогу.

Отдышавшись, Шведов вернулся в сарай и не спеша выпил третью кружку.

— Кроме этого... анабиотика... Кроме него, мне ничего не давали? — поинтересовался он у местного.

— Почему ты это спрашиваешь у меня? — бросил тот.

— Ну ты же вроде все знаешь?

— Нет. Только то, что по эту сторону.

— По эту сторону от чего? Мы уже на месте?

— Точно, — кивнул мужчина. — Ты здесь часа два, а эти по часу, примерно, — он ткнул пальцем в сторону сеновала.

— А ты? — вырвалось у Шведова.

— А я... — Собеседник невесело усмехнулся. — Считаю, всю жизнь. Хотя чуть больше года на самом деле.

Сергей сунул руки в карманы, растерянно потоптался и присел на корточки рядом с незнакомцем.

— И чего ты ждешь? — обронил Шведов.

— Того же, что и вы. Пятого пассажира.

— Пить! — снова потребовал парень в «аляске».

Сергей собрался было встать, но собеседник взял его за рукав:

— Ты не сможешь их напоить, пока они не проснутся. И разбудить не сможешь. Это не сон, а что-то похожее на кому.

— Я тоже так мычал?

— Все мычат. Ближе к пробуждению. — Местный вдруг покачал головой: — Ты о такой ерунде волнуешься, что просто смех.

— Почему о ерунде? Для меня это важно — кто, чем и зачем меня напирял.

— Не важно это, — убедительно произнес мужчина. — Ну... сначала скорее всего дротиком накололи, чтобы с ног сбить. А потом уже взрослый дозьяк в вену, с раствором глюкозы. Я не в курсе, сколько тебя везли и как — в багажнике или в чемодане... Иногда в гробах доставляют, это самое оптимальное. Вообще анабиотик минут на сорок-пятьдесят вырубает, но это при штатном применении. Вы-то все не меньше суток проспали.

Шведов потрогал локти на сгибах и быстро скинул пиджак. Левый рукав рубашки был растегнут, на предплечье слегка зудела полоска пластыря.

— Где я?! — выпалил он.

— В Зоне. Наконец-то ты спросил.

— В какой еще зоне?

— Отчуждения. — Мужчина сплюнул под ноги. — В семи километрах от Припяти. Но это если по прямой. Хотя по прямой здесь, конечно, никак не добраться.

Сергей тихо присвистнул и, усевшись на пол, схватился за голову. Пальцы вновь наткнулись на короткую щетину, жесткую, как щетка. Не узнавать на ощупь собственный череп казалось странным, но еще хуже было чувствовать себя обманутым. Пустой разговор с вербовщиком, неожиданный укол в коридоре, и вот — старый сарай в районе Припяти. Это было сделано так подло, что Сергей не находил слов. Ведь он мог бы и отказаться. И на собеседование он таскался просто из любопытства... Ладно, если откровенно, он все равно поехал бы — хоть в Припять, хоть в Африку. Но его даже толком не спросили. Заполнили дурацкую анкету — и вперед. Это было неправильно, не по-человечески.

— Ты хорош зубами тут скрипеть, — подал голос местный. — Раньше надо было думать.

Шведов одарил его долгим внимательным взглядом, но на собеседника это не произвело впечатления.

— Сюда что, все таким макаром попадают?

— Все по-разному, — изрек мужчина. — Ты-то как попал?

— По приглашению, — усмехнулся Шведов.

— Ну, значит, и эти тоже. Группы на проводку всегда подбирают однородные. Только у нас это называется не приглашение, а повестка.

— Повестка?.. — Сергей расхохотался так, что очередное «Дайте пи...», донесшееся от сеновала, оборвалось на полуслове.

Местный тоже отчего-то повеселел.

— Приличные люди, это клёво, — сказал мужчина. — А то на прошлой неделе такую мразь привезли, что они еще в лодке друг друга чуть не прикончили.

— В какой лодке? — спросил Шведов.

— Увидишь, — отмахнулся он. — А по повестке — это ништяк! Настоящие самураи, смертнички. Сюда чаще офисных чудаков присылают, которые вместо того, чтобы пойти в кабаки или отправиться к шалавам, снимают стресс адреналином. Журналов начитаются

всяких, типа мужских... какие носить трусы, как лизнуть шефу и как расслабиться после квартального отчета. Думают, что они на сафари едут. Ха! Чебурашки долбанные. Хотя... я сам, брат, из этих.

Собеседник неожиданно улыбнулся.

— Хаус. — Он протянул Шведову руку. — Доктор Хаус.

— Чего?.. — брякнул Сергей.

— Сериал такой. Не слышал, что ли? Я скачал на работе восемь сезонов и за два месяца все посмотрел. В итоге даже «по собственному желанию» написать не дали, уволили по статье. А был когда-то бухгалтером в страховой компании.

— Ты — бухгалтер? — не поверил Шведов.

— А что, не похож? Тебя самого как звать-то?

— Сергей. — Он запоздало ответил на рукопожатие.

Ладонь у Доктора Хауса была крепкая и шершавая, мужицкая. Совсем не как у бухгалтера.

— Последняя проводка, — сказал Хаус и вздохнул с облегчением. — Больше сюда не вернусь. Хватит, нахлебался.

Еще пару минут назад он сидел возле стенки угрюмым хмырем, а теперь излучал дружелюбие и говорил явно больше, чем следует. Сергею это не понравилось, но он пока не понимал, нужно ли подозревать нового знакомого, и если нужно, то в чем именно.

— Какая проводка? — спросил Шведов. — Бухгалтерская, что ли? Ты о чем толкуешь?

— Какая-какая... — насупился Хаус. — Ты в армии служил? Ах да, служил, если по повестке прибыл. Ну тогда я не буду тебе объяснять, что такое наряд вне очереди.

— Не объясняй, — разрешил Сергей.

— Вот его я и тяну — наряд или вроде того. Три проводки, залетел крепко. Ну в смысле, три группы до города довести должен, — пояснил он, раздражаясь.

— Странное наказание, — с сомнением произнес Шведов. — Неужели дойти до города так трудно?

— Да в общем-то не особо. Просто не каждый доходит, — тихо сказал Хаус. — Ты же боец, а не турист, так что мотай на ус: можешь набухаться, можешь накуриться, можешь свалить с базы куда угодно. Но если приказано к семи утра быть в строю — будь в строю. Бодрый и веселый. Иначе пойдешь на проводку. Сталкеры на этом маршруте выживают с вероятностью семьдесят пять процентов. Не нужно быть математиком, чтобы посчитать: четыре проводки — это гарантированная смерть. Хотя есть уникальные кадры, которые по десять раз ходили и все еще живы. Но у них свои секреты. — Собеседник подмигнул. — Они часто возвращаются в одиночку, потеряв по дороге всю группу.

Шведов заглянул ему в глаза и понял, что Хаус не шутит. Это место как-то не располагало к юмору, и чем больше Сергей слушал, тем меньше в нем оставалось энтузиазма.

— Значит, из четырех проводников до города добираются только трое? — мрачно сказал он.

— Да, такая статистика.

— А как насчет новичков?

— Насчет вас... — Хаус пожевал губами, соображая, как бы уйти от ответа. — Откровенно говоря, с вами дело обстоит чуть хуже.

Сергей поднялся, дошел до ведра и выпил еще полкружки.

— Но шансы есть у каждого, — помедлив, добавил сталкер. — Всегда и везде есть шансы не сдохнуть, это правда.

— Не надо меня успокаивать, я все понял.

— Вряд ли все, — заметил Хаус. — Но все тебе пока и не нужно. Запомни простые правила: делай, что я говорю, и не спорь. Не лезь вперед и не плетись в хвосте. Не тупи без причины, но и специалиста из себя не корчи. Я не душегуб, людей зря не подставляю. Со мной гибнут только по собственной дурости. — Сталкер шмыгнул носом и снова подобрал

колени. — Ты отдыхай лучше, не мельтеши. Сил набирайся. Потом каждую минуту этой тишины вспоминать будешь, как первую любовь.

— Спасибо, — буркнул Сергей.

— Не обольщайся, я не всегда такой заботливый. Просто к эсбзушникам хорошо отношусь. Детские комплексы, уважаю людей в форме.

— Это не форма, если я еще не спятил, — возразил Шведов, одергивая пиджак.

— Угум. Только я контору за версту чую, — сказал Доктор Хаус. — У меня дядя там всю жизнь прослужил.

— А мне вот не судьба.

— А что так?

— Подставили. Выкинули. Даже звание получить не успел.

— Я слышал, они своих не больно охотно отпускают... — невозмутимо произнес сталкер.

— Говорю же: я им не свой, — разозлился Сергей. — И хватит меня на понт брать! Дядя у него в СБУ служил... Ты анкеты наши читал, вот и все.

— Ну ведь получилось? — осклабился Хаус. — Мне ведь надо знать, с кем я иду.

— А остальные?

— Инкассатор, уволенный офицер и пара каких-то гопников, — охотно перечислил он. — Неплохая компания. Пожалуй, это лучшая группа из тех, что я водил. Может, даже все дойдем. Если подфартит, конечно... Путь опасный.

— А в Припяти полегче будет?

— Да там вообще вилы! — Хаус всплеснул руками. — Но в городе поддержка. Базы, норы обжитые, а главное — люди. И от зверья отбиться помогут, и от заразы помереть не дадут.

Один из пассажиров на сеновале снова что-то промышчал про воду, тяжело заворочался и, неистово зевнув, вдруг приподнялся на локте.

— Какого хрена?! — возмутился он.

— Вода вон там. — Хаус показал пальцем на ведро.

— Пришибу, с-суки... — неизвестно кому пообещал мужчина и, почесывая ягодицы, направился к двери. Солома облепила его синий спортивный костюм так плотно, что он стал похож на хороший маскировочный комплект.

— Отряхиваться не надо, — предупредил его сталкер. — И кроссовки перешнуруй потуже.

— Это зачем? — с вызовом спросил тот.

— Чтобы не слетели, когда по кочкам побежишь.

— Я никуда не побегу, — заявил мужчина.

— Побежишь, Андрюша, побежишь.

— Я не Андрюша, я Сергей.

— Тем более. Или инкассаторы бегать не любят? Не потому ли ты сумку с деньгами просрал? — флегматично высказался Хаус.

Мужчина, не отрываясь от кружки, медленно обернулся к сталкеру и движением бровей выразил недоумение.

— Что ты уставился? — спросил Хаус. — В группе два тезки: лопух-инкассатор и... еще один. Фамилия у тебя какая?

— Обухов, — хрюкнул тот, допивая воду.

— А я Шведов, — вставил Сергей.

— Ну значит, Швед и Обух, — подытожил сталкер. — Извините, но по имени-отчеству называть вас будет некогда. Вот до города доберемся, и берите себе любые клички. А пока вы Обух и Швед. И базар окончен.

Шведов с интересом оглядел второго Сергея. При слове «инкассатор» воображение почему-то рисовало тучного лентяя предпенсионного возраста с незаряженным помповым ружьем. Ни ружья, ни выдающегося пуза у Обухова не оказалось. Стрижка под ноль не позволяла правильно оценить его возраст, но ему совершенно точно не было и тридцати.

То ли от громких разговоров, то ли потому, что кончилось действие наркоза, через минуту поднялись и двое других пассажиров.

— Вода в ведре, ссать за дверь, — привычной скороговоркой проинструктировал их Доктор Хаус.

— Ля, а где мы?! — протянул тот, что был в куртке.

Шведов представил себе, как проводник раз за разом повторяет одни и те же объяснения, и посочувствовал Хаусу.

— Мы на острове, — невозмутимо сказал сталкер. — Скоро привезут пятого. Надеюсь, он по дороге уже оклемается. Мы должны выйти с рассветом.

— Почему? — бездумно вякнул мужчина в летней рубашке.

— Нам нужно добраться еще до заката.

— Почему? — повторил он.

— Так... ты, похоже, Владимир, — предположил Хаус.

— Ну.

— А ты Николай, — обратился сталкер к человеку в «аляске». — И ты когда-то занимался боксом, верно?

— Было дело, — ответил тот.

— Значит, ты Бокс, а ты...

— Централ мое погоняло, — опередил его Владимир.

— Не возражаю.

— Пацаны, а вы откуда? — тут же взял инициативу Централ. — Я с Пионерского.

— Гонишь, — бросил Бокс. — Я там всех знаю, а тебя ни разу в жизни не видел.

— Ты сам-то кто? — процедил Централ. — И прикинут не по сезончику. Май уже кончается, а ты как чукча упаковался.

— Это ты как будто с пляжа приплыл. Май кончается, что с того?.. Пора в трусах рассекать?

— Я не понял. Если ты на Пионерском всех знаешь, то и тебя все должны знать. И я тоже. Ты с какого района-то?

— Ну с Химмаша.

— Чего?! — Централ даже присел, чтобы выразить всю полноту эмоций. — Чего ты лепишь?! Какой?.. Какой еще Химмаш? Нет у нас никакого Химмаша.

— Как это нет?.. — оторопел Бокс. — Ты с дуба рухнул? И говоришь ты как-то странно... — добавил он.

— Я?! Это ты странно говоришь!

Шведов давно все понял и, скрестив руки, привалился плечом к стене. Хаус почему-то не спешил прояснять ситуацию. Возможно, для него это было одним из немногих доступных развлечений. Спор между курткой и рубашкой он слушал с неподдельным интересом и, казалось, был слегка разочарован, когда парни наконец-то разобрались.

Широко улыбаясь, они протянули друг другу руки:

— Анапа!

— Екатеринбург!

— Ты прикинь, мля! — воскликнул Централ.

— Чума, в натуре! — согласился Бокс.

Дождь незаметно утих, и, как только Шведов это отметил, среди звука отдельных капель он различил далекий стрекот вертолета. Луна стала светить ярче, и Сергей снова выглянул из сарая. Слева от постройки слышались щелчки, это поочередно включались сигнальные огни. Они стояли прямо на земле, среди некошенной травы, и еще минуту назад их можно было обнаружить, только споткнувшись о корпус прожектора.

Доктор Хаус вышел вслед за Шведовым на улицу.

— Разве на вертолете до города не быстрее? — спросил Сергей.

— Конечно, быстрее, — отозвался сталкер. — Но ты же служил в армии. Разве не проще бежать кросс без противогаза?

— От кроссов не умирают, а ты сказал, что на этом маршруте...

— Я думал, ты сам догадаешься. Это экзамен, Швед. Очень простое испытание: кто непригоден, тот не дойдет.

— Я на такое не подписывался! — подал голос Обух.

— Это не ко мне, это к начальству, — сказал сталкер.

— А что, реально можно отказаться? — обрадовался Бокс.

Вертолет в ночном небе еще был не виден, но винт шумел уже отчетливо. Централ покинул сарай последним и, зябко обнимая себя за плечи, присоединился к встречающим. Вероятно, сверху они выглядели странно — четверо лысых и один клокастый, сбившиеся в кучу посреди буйного сорняка, неуверенно замершие между гнилым черным сараем и помеченным фонарями прямоугольником. В периметре посадочных огней ничего не было — ни бетонных плит, ни временного покрытия. Кто-то выбрал на местности участок поровнее и обозначил его прожекторами — вот и вся площадка. Такую же можно было оборудовать за час в любом другом месте, а потом просто бросить ее за ненадобностью.

Ми-8 завис низко над землей, разгоняя ветром густую траву. Вертолет был старый, перекрашенный бог знает сколько раз, со свежими царапинами и широкими мазками плохо заполированной автомобильной шпатлевки. Ни номера, ни опознавательных знаков Сергей на борту не видел, но это его уже не удивляло. Створка люка отъехала в сторону, и в проеме показался немолодой кряжистый мужик с тяжелым бульдожьим лицом. На нем были болотные сапоги и растянутый тельник с дыркой — ни дать ни взять революционный матрос на пенсии. Он бодро спрыгнул на землю, и из глубины кабины показался следующий гость со связанными руками и тряпочным мешком на голове.

«Арестантов еще не хватало», — отстраненно подумал Шведов.

Пленника подтолкнули из вертолета в спину, и мужчина в тельняшке принял его внизу, бесцеремонно поймав за грудки. Следом высадился чернявый бородатый субъект в камуфляжной куртке, похожий на арабского террориста. После этого створка вернулась на место, и вертолет, мгновенно поднявшись, с крутым виражом ушел обратно в ночное небо.

— Здравия желаю, Кабан! — гаркнул Доктор Хаус, не вынимая рук из карманов.

— Мелкие прогибы не оплачиваются, — бросил мужик в тельнике, направляясь к сараю. — Чак, развяжи его.

— Я ему не доверяю! — отозвался бородач.

— Да ты никому не доверяешь.

— Никому, — подтвердил тот.

— Это неправильно. — Кабан остановился и сдернул мешок с головы пленника. Затем щелкнул выкидным ножом и рассек пластиковую стяжку на его запястьях.

Пятый пассажир тоже был обрит налысо. В остальном ничего примечательного: скучное простоватое лицо, джинсы и старый свитер.

— Присоединяйся к своим, — сказал ему Кабан.

Все зашли в сарай и непроизвольно разделились на две группы: пассажиры у одной стены, борода и тельник у другой. Хаус встал посередине и чуть в стороне, словно командир отделения. Шведов украдкой взглянул на часы — была уже половина четвертого, небо светлело на глазах.

— Главный тут я, и зовут меня Кабан, — произнес мужик в тельняшке тихо, но твердо. — Как зовут вас, мне не важно. Знакомиться с вами буду на той стороне, в Зоне.

— А сейчас мы не Зоне, что ли? — спросил Обух.

Чак сделал такое движение, будто потянулся за пистолетом. Кабан лишь недовольно поморщился.

— По идее, да, — сказал он. — Мы в зоне отчуждения, на закрытой территории. Но это не то, что называется Зоной с большой буквы. Здесь, на острове, безопасно. Доберетесь до берега — начнете понимать, о чем я говорю. Пока дойдете до города, поймете всё. Или не дойдете. До Припяти отсюда семь километров, жду вас к вечеру. Кто отобьется от группы, тот покойник без вариантов. — Кабан медленно оглядел неровную шеренгу из пяти

новобранцев. — Хаус, почему я должен им это объяснять, а? Тебе влом было инструктаж провести?

— Кабан, они только что проснулись. Надо было раньше завозить, если ты хотел, чтобы я тут с докладом выступил.

— Хрен с ним, — отмахнулся командир. — И так болтовни много. Тупые вопросы, нереальные желания у кого-нибудь имеются?

— Имеются, — чуть запнувшись, сказал Обух. — Желаю вернуться домой.

Кабан покивал ему с непонятной грустью.

— Хорошо подумал? — спросил он.

— Я бы не ушел, — сказал Обух. — Но мне не по душе способ, которым меня сюда доставили. Укололи какой-то фигней, ни о чем не предупредили... С людьми так нельзя! Я не туша мороженная, чтобы меня за ноги таскать.

— Твое право, — коротко отозвался Кабан.

— Инкассатор, не делай этого, — проговорил Хаус. — Пойдем с нами! Потом вернешься, если захочешь. Позже.

— Это вопрос принципиальный, — заявил Обух.

— Если я правильно понял, дома тебя ждут долги? Мне всегда было любопытно, сколько денег может влезть в картофельный мешок.

— Хаус, кончай агитацию! — прервал разговор Кабан. — Пассажир остается. Забирай этих четырех, и валите.

Проводник угрюмо бросил «Есть!» и двинулся к двери.

— Погодь! — окликнул его Централ. — Слышь, помоги шмотом, — обратился он к Обуху.

— Кем? — не понял тот.

— Одолжи олимпийку, ага? Мне в рубашке прохладно гулять, а ты скоро дома будешь.

Обух все-таки успел отряхнуться и теперь нарядно сверкал в сумерках тремя белоснежными лампасами.

— Нет, — упрямо ответил он. — Это моя одежда.

— Ты не человек, что ли? — с угрозой произнес Централ.

— Серега, отдай куртейку, — поддержал Хаус. — Ему и правда нужнее. Он же вежливо тебя просит. Ну, насколько он способен.

— Да не люблю я эти расклады! — возмутился Обух.

— Да ему не любовь твоя нужна, а теплая одежда. Хоть что-нибудь с рукавами. Не будь говном, инкассатор!

— Не отдам, — отрезал тот.

— Все, Хаус! — рявкнул Кабан. — Уводи людей, время теряете.

— Ждите к вечеру, жарьте курочку, — сказал сталкер.

— Что сам по дороге наловишь, то и пожаришь, — выдавил Чак.

Проводник и четверо пассажиров вышли на улицу. Облака окончательно разбежались, но из-за блеклого рассвета небо казалось пасмурным и низким.

Хаус обогнул сарай справа и двинулся по пологому склону вниз, к зарослям кустарника. Новобранцы выстроились за ним гуськом: первым шел Централ, замыкал колонну Шведов. В какой-то момент Сергей поймал себя на том, что старается наступать в след идущему впереди новичку, которого привезли на вертолете.

— Может, и нам свалить надо было? — негромко сказал Бокс.

— Да не по-пацански как-то... — проговорил Централ.

— Ладно. Дойдем — поглядим, что там за кисельные берега.

— Кончайте треп, — прошипел Хаус. — Ты, как там тебя?.. Лейтенант!

— Старший лейтенант, — уточнил мужчина, шагавший перед Сергеем. — Только теперь — запас.

— И где же ты служил, запасной лейтенант?

— В ракетных войсках.

— Конкретнее, — потребовал сталкер.
— В береговых ракетных.
— Ты действуешь мне на нервы.
— Триста двадцать пятый ОБРДН.
— Ну, понятно...
— Отдельный береговой ракетный дивизион, — пояснил мужчина.
— Ты стрелять-то умеешь, отдельный береговой?
— У меня двенадцать пусков, все на «отлично».
— Я спрашиваю: стрелять умеешь? — с нажимом повторил Хаус.
— Из пистолета — естественно.
— И то хлеб... А зовут тебя Костя Олейник, если память моя не врет. Стало быть — либо Кот, либо Олень.
— Конечно, Кот, — торопливо ответил лейтенант.
— Покажешь себя в деле — тогда и будешь сам решать, кто ты. А пока ты Олень, — твердо произнес сталкер.

Централ и Бокс приглушенно рассмеялись, а Сергей с тоской посмотрел назад. Ситуация нравилась ему все меньше, и он уже начинал жалеть, что не остался вместе с Обухом в сарае. И хотя он быстро придушил эту мыслишку, настроение было отвратным.

Хаус дотопал до зарослей и протиснулся между кустов.

— За мной, — скомандовал он, поворачивая влево.

Пассажиры змейкой устремились за проводником. Что это были за растения, Шведов так и не понял. Черные узловатые ветви даже в конце мая оставались голыми, без единого листочка, однако в них определенно теплилась жизнь: кусты не трескали, а упруго сопротивлялись и плотно схлопывались за спиной. Тропинки в зарослях не было, Доктор Хаус двигался наугад, но так уверенно, словно проходил хорошо знакомый лабиринт. По одному ему ведомым признакам он определял, где в чаще будет следующая брешь, а куда соваться не нужно.

Дебри оборвались внезапно, в трех метрах от пологого берега. Над тихой водой стоял такой плотный туман, что Шведов поначалу принял его за новый массив растительности. На привязи у перекошенного мостка покорно дожидалась большая надувная лодка.

— Грузимся, — распорядился проводник.

— Холодно, черт! — пожаловался Централ.

— Скоро согреешься.

Лодка с алюминиевым днищем легко приняла бы шестерых: кроме пары широких поперечных сидений, оставалось еще по одному месту спереди и сзади. Хаус дождался, когда все усядутся, потом устроился на корме и отвязал веревку.

— Весла под ногами, разбирайте, — сказал он. — В уключины не вставлять, будем грести, как спортсмены. Но только тихо, тихо!

Сергей взял весло, примерился. Оно было коротким и легким, с удобной ручкой и большой выгнутой лопастью. Последний раз Шведов катался на лодке еще в раннем детстве, но эти воспоминания были связаны с большим светлым парком, совсем не похожим на то, что расстилалось вокруг. Как только Хаус оттолкнулся от мостков, лодка оказалась в сером мареве тумана. Он висел так плотно, что трудно было дышать.

Шведов сделал глубокий гребок, отмечая, что детская память как всегда врет: в работе на веслах ничего радостного не было.

— На такое корыто обычно мотор вешают, — сварливо произнес Бокс.

— Вы заткнетесь или нет? — взмолился Хаус. — То им холодно, то, блин, мотор им давай... шевелите клешнями, или мы три дня по этой луже дрейфовать будем? Здесь от берега до берега рукой подать!

Это заявление подействовало ободряюще, несколько минут все гребли размашисто, хотя и вразнобой. Лодка крутила носом, но шла довольно быстро. Сергей понял, почему Хаус запретил вставлять весла в уключины: гребцы держали их почти вертикально, лопасти

погружались глубоко и выходили из воды без брызг. Для большой дистанции такой способ был бы слишком утомительным, но проводник обещал, что другой берег не далеко.

— Мы правильно идем? — нарушил молчание Олень, сидевший на первой скамейке, спиной к Шведову.

— Четко, как ракета, — отозвался Хаус. — Навались, парни, уже близко.

— А это что?..

Сергей почувствовал, как лопасть ударилась о какую-то помеху, и машинально притормозил. Олень обернулся: именно это он и имел в виду. Рядом с бортом на воде покачивался буюк, обросший водорослями настолько, что его можно было принять за живой организм. Олень потыкал в поплавок веслом, и оно вдруг погрузилось внутрь, легко прорвав оболочку, или точнее... кожу. Бурое вспученное брюхо издало звук, похожий на выдох облегчения, и в воздухе разлилась невыносимая вонь. В тяжелом запахе явственно ощущались сладкие кондитерские оттенки, и это было еще более отвратительно. Прежде чем заставить себя отвернуться, Шведов успел различить на вздувшемся животе остатки одежды. Полосатая майка сгнила и разваливалась вместе с плотью.

Олень надрывно закашлялся и склонился к сиденью. Брошенное им весло разворотило черные внутренности, опустилось на воду и медленно поплыло прочь.

— Ну ты и чушок! — взревел Централ, деливший с Оленем одну скамейку. — Ты что наделал?

— Э! — пнул лейтенанта Бокс. — Здесь и без тебя тошно!

Олень не реагировал, его шумно и обильно рвало прямо на пол.

— Ты зачем в лодку блюешь?!

— Да он еще чеснока нажрался, походу! Газенваген, мля, нам тут устроил!

Олень утер губы рукавом и, запрокинув голову, глубоко вдохнул.

— Пардон, не сдержался, — промолвил он как ни в чем не бывало.

— А?.. Какой «пардон», чепушила? — протянул Централ. — Собирай давай! Хоть руками собирай, гнида, я не буду с тобой сидеть!

— Будешь, — холодно произнес Хаус. — И сидеть, и терпеть. Если встанешь, лодка может перевернуться, тогда все в воде окажемся. А ты, Олень, действительно... Олень. И притом вонючий, — добавил он, чуть подумав. — Навались, мужики, уже близко.

— Он еще и весло просрал! — сообщил Бокс.

— Я видел. Значит, гребете втроем. И вот что: на левом борту остался один Швед, поэтому справа особо не усердствуйте, иначе по кругу будем гулять. Ну а ты уж, браток, выкладывайся, — обратился Хаус к Сергею. — За себя и за того парня. Вернее, за этого. За нашего ракетного мудака.

— Олень, тебе боеголовку на службе ураном не напекло? — осведомился Бокс.

— Было бы, что напекать! — подал голос Централ. — Загребай ладошками, угод! Обрыгался и сидит, млеет, как сука на помойке.

Парни срывали на лейтенанте злость, и Доктор Хаус этому не препятствовал, он лишь изредка их одергивал, чтобы не переходили на крик. Шведову было не до шуток, он с натугой работал веслом и чувствовал, как наливаются тяжестью руки и поясница. Один только Олень был невозмутим. Он принялся было собирать рвотную массу носовым платком, но Централ, с минуту понаблюдав за этим процессом, велел ему прекратить и спрятать руки обратно в задницу. После этого Олень замер и уставился куда-то в даль, хотя на расстоянии двух метров все по-прежнему тонуло в молоке тумана.

— Кто это был, на кого мы напоролись? — спросил Шведов, чтобы отвлечь себя от усталости.

— Морду я не видел, но думаю, что это снорк, — ответил Хаус. — Может, собаки задрали, а может, сам сдуру до края Зоны добрал и там подох. Вообще-то здесь их не должно быть. Ближе к городу — там да, еще посмотритесь.

— Снорк? — переспросил Бокс. — Это что за тварь? Они все такие брюхатые?

— Они, скорее, поджарые. А неделю в теплой воде проведешь — тебя еще не так раздует.

— На нем одежда была, — возразил Шведов. — Ну или остатки. Значит, это не зверь? Человек?

— Кто дойдет до финиша, тот получит в подарок розовое полотенце и красивый КПК, — сказал Хаус. — Про полотенце шучу, конечно. На КПК найдете тучу полезного, все прочтете.

— Читать я не особо люблю, — заявил Бокс.

— Фотки там тоже есть. Да и по пути еще насмотришься.

Разговор быстро сошел на нет. Некоторое время плыли в тишине, нарушаемой лишь плеском весел и редким карканьем где-то в невидимой за туманом выси.

— Хаус, ты же обещал, что берег в двух шагах, — не выдержал наконец Бокс.

— Так оно и было. Десять минут назад. А потом нас незаметно развернуло и погнало по течению... вероятно, — добавил сталкер на всякий случай. — Или мы могли зайти в протоку, но это хуже. Их в этих местах немерено. Короче, заблудились мы, — сознался Доктор Хаус.

— Оба-нна, с-сука! — резюмировал Бокс.

Глава четвертая

— Сейчас бы водяры... — хрипло прошептал Централ.

— Я бы от литрушечки не отказался, — ответил Бокс. — Даже и без закуси можно.

— Литр без закуси? Ты гонишь.

— Да я в натуре могу!

— Крайне ценный навык, — заметил Хаус. — А еще что-нибудь умеешь?

— Слышь, ты, штурман! — огрызнулся Бокс. — Ты лучше за собой следи, ясно? Сколько уже болтаемся тут? Может, нас в океан давно вынесло? Кстати, в Бразилии визы нужны, нет?

— Никакой Бразилии, — отрезал проводник, и в ту же секунду лодка с жестким шорохом наехала на заболоченный берег.

— Будем надеяться, что это другая сторона, а не та, с которой мы отчаливали, — неожиданно высказался Олень.

— Я бы на твоём месте помалкивал при любом раскладе, — процедил Бокс.

Централ перепрыгнул через борт и, с чавканьем приземлившись в траву, подтянул лодку, насколько смог. Группа высадилась через нос, при этом все, кроме Хауса, промочили ноги по щиколотку.

— Почему нельзя было заранее предупредить? — пробурчал Олень. — Зачем хватать народ прямо на собеседовании? Мы бы хоть подготовились, вещи собрали.

— Не знаю, — сказал проводник. — Меня точно так же сюда привезли в свое время. — Он вытянул шею, словно надеялся проткнуть макушкой белесый полог тумана. — Не сильно мы промахнулись, метров на сто всего. Надо вернуться вверх по течению. От воды ни на шаг! Лейтенант, хватаешь конец и тащишь лодку.

— Я, во-первых, старший! Старший лейтенант, а во-вторых...

— Нет, больше не могу! — тряхнул головой Бокс и, шагнув к Оленю, нанес ему короткий удар в челюсть.

Офицер рухнул в грязь, но довольно бодро поднялся и решительно двинулся на обидчика. Бокс встретил его прямым в подбородок, он снова бил вполсилы, но на этот раз уже не так гуманно. Олень отлетел на пару метров и закопался в камышах.

— Уже не старший, — надменно произнес Бокс. — И тебе еще харчи свои отмывать, не забыл?

— Отставить! — рявкнул Хаус. — Разберетесь на базе, сейчас не до этого. Олень, где ты там? Бегом сюда!

— Бегом, сучок! — поддакнул Централ.

Хаус раздосадованно цыкнул и, подскочив к камышам, вытянул за руку увязшего в грязи лейтенанта.

— Бери веревку, бурлак, — сказал он сквозь зубы. — Остальные — марш! Если бы вы знали, в каком мы сейчас положении, без оружия, даже без...

Он не успел закончить. Со стороны суши послышался надсадный лай. Брехала целая свора, и она приближалась. Это сработало лучше любых уговоров: с трудом вырывая ноги из трясины, группа устремилась по кромке воды против течения.

— Быстрее! Быстрее! — не унимался Хаус, бежавший первым. — Надо успеть!

— Куда успевать-то... — прохрипел Централ. — Там что, автобус? Куда мы отсюда денемся? Давайте обратно в лодку!

Все обернулись на Оленя — тот буксовал сзади метрах в десяти и с каждой секундой отставал все больше.

— Бросай конец! — крикнул проводник. — Хрен с ней, с лодкой. Поднажми, ракета! Это вам не бобики дворовые, они с детства человечинкой прикормлены. Вперед!

Стая была все ближе. Собаки не просто лаяли от плохого настроения, а определенно преследовали группу. В редящем тумане уже показались очертания мостка, когда Шведов услышал позади мягкий топот лап и шелест влажной травы. Оборачиваться не хотелось, но Сергей заставил себя это сделать, чтобы не позволить зверю вцепиться ему в шею. Псина, довольно крупная, была всего в паре метров. Единственное, что успел Сергей, это выставить вперед левую руку, согнутую в локте. Собака рефлекторно вцепилась зубами в предплечье, как в перекладину. Вначале Шведову показалось, что псина зажмурилась в охотничьем азарте, но глаз у мутанта не было вовсе — только влажные, сочащиеся гноем щели. Сергей завел свободную руку зверю под затылок и с силой дернул ее на себя. Верхняя челюсть собаки сработала как рычаг. Глухо, но омерзительно отчетливо хрустнули шейные позвонки, и зверь тяжелым мешком рухнул на землю.

Шведов поднял голову и понял, почему до сих пор не кричал отставший Олень. Лейтенант катался по траве, судорожно и бестолково взмахивая всеми конечностями. В лицо ему вгрызлись сразу две твари, одна серая, другая чуть потемнее. Олень издавал лишь слабые всхлипы, но спустя мгновение третья псина сомкнула зубы у него на горле.

Осознав, что тратит время впустую, Сергей снова рванул к мосткам, хотя слабо верил, что убогий деревенский причал как-то поможет защититься от стаи диких собак.

Доктор Хаус был уже почти на месте. На последнем шаге он, то ли споткнулся, то ли прыгнул и, пролетев еще метр, скрылся под огромными лопухами. Через секунду он выкатился оттуда уже с двустволкой и объемистым рюкзаком. Рванув клапан, он рассыпал по траве патроны, не глядя, с удивительной скоростью зарядил ружье и выстрелил в Шведова.

Сергей не успел даже пригнуться, лишь услышал за левым плечом деревянный стук и тут же почувствовал, как щеку обдало чем-то густым и горячим. Зверь с разбитым черепом свалился к ноге, будто с неба.

Шведов тяжело сглотнул и вытер с лица зловонную кровь мутанта.

— Не спим! — заорал проводник.

Централ бросился под лопухи и охапкой вытащил из-под листьев еще несколько ружей.

Хаус пнул рюкзак с патронами:

— Швед, не тормози!

Сергей упал на колени, схватил первый попавшийся обрез и, переломив его, зарядил. Потом вернул ствол на место, одновременно привалился набок и от живота пальнул дуплетом в летевшего на него пса. Мутанту разорвало брюхо. Шведов опять переломил ружье и успел подумать о том, что рано вытер щеку. Теперь он был в крови весь, и даже мясник не шел с ним ни в какое сравнение. Едва гильзы выскочили, Сергей вставил на их место следующую пару патронов и снова изготовился к стрельбе.

— Кажется, отбились, — сказал Хаус.

Централ и Бокс, истратившие по четыре заряда, дышали часто и тяжело. Шведов, наоборот, пребывал в удивительном спокойствии — только руки немного подрагивали. Он заметил, как гуляет на весу короткий ствол, и положил обрез на колени.

Где-то сзади, в том месте, откуда все бежали, вдруг послышались плеск и рычание. Сергей вскочил и увидел, что вокруг дрейфующей лодки плавает еще одна собака. Что-то привлекло ее внимание, но выбраться из воды на баллоны она не могла и барахталась рядом, раздраженно подвывая.

Хаус встал в полный рост и, прицелившись, сделал два выстрела.

— Лодке все равно хана, — пробормотал он, будто оправдываясь.

— Надо было тут не высаживаться, а забрать стволы и по-тихому сплавиться дальше, — сказал Бокс.

— Дальше мелководье, — возразил проводник. — Считай, болото. Все равно пришлось бы пешком идти. Топь, туман и тучи мутантов. Плохая идея. — Он немного помолчал. — Пора уходить от воды.

— А вдруг там еще есть собаки? — осторожно спросил Централ.

— Есть, — заверил Хаус. — Собаки, и не только. Зато нет тумана, и это лучше.

Сталкер перевернул рюкзак, высыпав из него все патроны. Следом выпали три аптечки и шесть противогазов. Сергей машинально посчитал обрезы — их было тоже шесть, на всю группу, включая Оленя и оставшегося в сарае Обуха.

Шведов хмуро оглядел берег. Собачьи туши лежали повсюду, их было больше десятка. Где-то среди уничтоженных мутантов валялись и два его персональных трофея, но общий счет был далеко в пользу Хауса. Как проводник умудрился расстрелять всех этих зверей, Шведов не представлял. Он только помнил, что примитивная двустволка, требующая постоянной перезарядки, вертелась в руках у сталкера без остановки. Но все-таки лучше бы это были карабины.

— Ты скажи там начальству, чтобы маршрут выбрали более безопасный, — глухо проговорил Сергей.

— Эта проводка у меня последняя, так что мне до фени, — искренне ответил Хаус. — А безопасных маршрутов здесь нет. Вот вам, кстати, первый урок: Зона ошибок не прощает, даже пустяковых. Чуть промахнулись с высадкой — потеряли человека.

— Ладно, не трещи! — оборвал его Бокс. — Если бы нам оружие дали на том берегу, все было бы нормально.

— Оружие здесь. Там его никогда не будет.

— Это почему?

— Потому что Кабан своей жизнью дорожит больше, чем вашей. И он прав. Иногда таких отморожков привозят, что им алюминиевую вилку доверить нельзя.

— Вообще-то мы тебя и здесь грохнуть можем, — сурово произнес Централ. — Так, чисто теоретически.

— Без меня вы не дойдете.

— Ты намекаешь, что сюрпризы не кончились?

— Я не намекаю. Сюрпризы еще даже не начинались, дружище, — сказал Хаус и пнул ногой дохлого пса. — Это собаки. Просто собаки, и все. Дальше будет хуже. Эй, Бокс, ты куда поперся?!

— Я только посмотрю, — буркнул тот, направляясь к лежавшему в стороне Оленю.

— Ничего хорошего ты там не найдешь, — предупредил сталкер. — Нас атакуют не сторожевые псы, а голодные мутанты. Они не кусают, они жрут.

Бокс упрямо дошел до тела. Рядом с Оленем темнели трупы трех собак, их пристрелили даже раньше, чем Сергей успел зарядить ружье, однако лейтенанту это уже не помогло. Олень лежал на спине, широко раскинувшись «звездой». Издали его можно было принять за безмятежно загорающего человека, и только тот, кто приблизился к телу вплотную, знал, чем отличается лейтенант от счастливого туриста.

Бокса рвало несколько минут — без перерыва, тяжело, до судорог. Он опустился рядом с Оленем на четвереньки и долго стоял так, выгнув спину и сотрясаясь, будто оплакивая лучшего друга.

— Ну что, чья очередь? — угрюмо спросил Хаус. — Кто еще не блевал? Ты! — Он показал пальцем на Сергея. — Скинь пиджак.

— Зачем?

— Руку покажи! — неожиданно крикнул проводник. — Я же видел, как тебя цапнули.

Шведов снял пиджак. На левой руке, ровно посередине между локтем и запястьем, набухла здоровенная опоясывающая гематома. Открытых ран не было, Хаус убедился в этом, дотошно осмотрев синяк со всех сторон.

— Повезло, — сказал он. — Наверно, тварь была уже старая. Иначе...

— Только не надо втирать про уколы от бешенства, — опередил его Шведов.

— Какие уколы, брат? У нас в таких случаях один укол: пуля в затылок.

— Ты шутишь, — уверенно произнес Сергей.

— Ага. Можешь поржать, если тебе это кажется смешным.

Вдоль берега подул ветер — не относя туман в сторону, а раздувая и перемешивая его в низине, как сахарную вату. Централ, промокший и вспотевший, крупно затрясся. Спустя минуту к мосткам вернулся Бокс и, сняв куртку, молча протянул ее товарищу.

— Благодарю, — ответил тот, клацая зубами. — Согреюсь малехо и отдам.

Бокс ничего не ответил, он все еще находился под впечатлением от увиденного.

— Надо было остаться на фиг, — проговорил Централ. — Один умный человек среди нас. Как его... Обух, да? Обух. А мы лохи. — Он с тоской посмотрел на лодку, но та, уже наполовину сдувшись, грязной тряпкой уплывала в белесую муть.

— Разобрали оружие и противогазы! — приказал Хаус.

Проводник сдвинул на поясе патронташ и начал его методично снаряжать.

— Зачем противогазы-то? — спросил Централ. — Уже не воняет, кажись... — Он вдруг наткнулся на жесткий взгляд Бокса и, прикусив язык, начал сосредоточенно выбирать из травы патроны.

— У хорошего хозяина все сгодится, — обронил Хаус. — Лишнее давайте сюда. — Он сложил в рюкзак два противогаза и аптечки, сунул туда же оба обреза стволами вверх и накинул лямки на левое плечо. — Готовы? Все зарядились? Проверьте еще раз.

Шведов похлопал себя по бокам — карманы пиджака топорщились от боеприпасов, но внешний вид его уже не волновал, всякие эстетические соображения остались где-то на том берегу.

— Вплавь здесь, конечно, стремновато... — сказал себе под нос Централ. — Хотя... пока на лодке шли, ничего такого не было. В воде безопасно, нет?

— Ты все не успокоишься никак? Пойдем! — Проводник дружески хлопнул его по спине. — Держим чуть левее, скоро окажемся на возвышенности. Там и обзор нормальный, и передохнуть можно будет. А пока доберемся, я как раз успею объяснить, почему не следует завидовать Обуху.

Сергей поправил сумку с противогазом и ускорил шаг, чтобы не отставать от сталкера. Как он ни пытался задавить в себе эти мысли, но возможность вернуться его тоже интересовала.

Прямо у мостков начиналась тропинка, по обе стороны от которой зеленел топкий заболоченный луг. С каждым шагом трава становилась все суше. Постепенно и почти незаметно она превратилась в кустарник, такой же плотный, какой рос на острове с сараем. Четверо ходоков оказались в узком коридоре из голых веток, сквозь которые едва пробивалось еще низкое солнце.

Шведов взглянул на часы и с удивлением отметил, что со времени выхода на маршрут прошло всего пятьдесят две минуты. По внутреннему ощущению в Зоне он провел никак не меньше суток.

— Насчет Обуха, — напомнил Централ.

— Сейчас... — Хаус поднял руку, призывая всех остановиться.

Впереди был виден просвет — кустарник расступался у подножия пологого холма. Было ли там что-то еще, Сергей разобрать не мог, он снова оказался последним к цепочке.

— Стволы приготовили, — негромко сказал проводник. — Смотреть под ноги, стрелять во все, что пищит и движется. Без раздумий.

— Чего ждать-то? — промолвил Бокс. — Хоть ориентировочно.

— Крыс, кошек, зайцев. Я не знаю, за кого ты их примешь, фантазия у всех разная. Но вообще это тушканы, и они гораздо опасней, чем кажутся. Только без лишнего усердия, патроны не транжирьте. Одного выстрела обычно хватает, а дробью можно и пару за раз уложить.

Хаус шагнул вперед и влево. Выскочивший за ним Централ отпрыгнул вправо. Бокс и Шведов последовательно повторили эти маневры, в итоге группа растянулась короткой цепью, спиной к зарослям. Осматривая траву, ходоки водили обрезам, как фонариками: из стороны в сторону, вслед за взглядом. Никакой живности поблизости не было, лишь несколько ворон кружили в небе, откровенно дожидаясь вкусенького.

— Не расслабляемся! — предупредил Хаус. — Так и идем.

Уклон становился все круче, или просто подниматься было тяжелее — Шведов не мог толком понять. Каждый следующий шаг давался труднее предыдущего, и это не укладывалось в голову, поскольку с виду пригорок был все таким же пологим. Подъем длился минут десять, не больше, но вымотал Сергея, как восхождение на нешуточную высоту. Не выдержав, он обернулся. Подсознательно он ожидал увидеть сзади крутой склон, хотя в то же время понимал, что никакого склона там нет, и возвышенность, на которую он с таким трудом забирался, это всего лишь неровность рельефа, едва ли достойная занесения даже на тактическую карту.

— Чуете? — осклабился Доктор Хаус. — Аномалия тут. Слабенькая, безопасная. Но ощутимая, правда?

— Ты специально нас через нее повел? — прошипел выбившийся из сил Централ. — А без экскурсий нельзя обойтись? На сегодня и так впечатлений хватит.

— Наверху место хорошее, — отозвался проводник. — Просечем поляну, зачистим, если что. Давайте, еще рывок — и отпустит. Аномалия не весь холм покрывает, она расположена... ну типа, кольцом вокруг вершины.

— Ну типа, ты утомил, — огрызнулся Бокс. — Зубы заговариваешь, просто уводишь нас от реки? Что там с Обухом на том берегу, отчего нельзя ему завидовать? По-моему, очень даже можно.

Проводник с видимым усилием сделал еще несколько шагов и наконец прорвался сквозь гравитационную подушку.

— Подтягиваемся быстрее! — Голос Хауса звучал глухо, словно из-за стены, но пример действовал ободряюще.

Пассажиры преодолели остаток аномалии и встали на возвышенности. Запыхавшийся Централ вернул Боксу его «аляску».

— Можно передохнуть, — объявил сталкер, высматривая что-то на противоположном от реки склоне.

Впрочем, назвать это рекой было бы преувеличением. Водная преграда, которую группа пересекла на лодке, отсюда представлялась небольшой протокой. Вся местность была прорезана извилистыми рукавами и напоминала широко разлившееся русло или стихийно затопленную территорию. То тут, то там посреди мелководья торчали островки размером от кочки до приусадебного участка. На самом большом из них, в кольце из голого кустарника, стоял покосившийся черный сарай. Издали он выглядел еще более убого. С наветренной стороны к острову приближался вертолет. Централ зачем-то помахал ему обеими руками. Бокс тоже поднял было руку, но осекся и растерянно замер со вскинутой ладонью, точно наивный индеец, приветствующий Колумба.

Вскоре вертолет завис на месте и медленно опустился за постройкой, так, что остался виден лишь хвостовой винт, не прекращавший вращаться.

— Думал, сами убедитесь, — раздосадовано произнес Хаус. — Забыл, что площадка с другой стороны.

— В чем мы должны убедиться? — нетерпеливо спросил Централ.

— Я понял, — кивнул Шведов. — Обуха отсюда не заберут.

Проводник повернулся к Сергею и посмотрел на него долго, с интересом, словно хотел сказать: «А ты не такой уж дурак».

— Обуха оставят в Зоне, — помедлив, подтвердил Хаус. — Как и других, кто отказывается идти своим ходом. Но это бывает очень редко, на моей памяти Обух — второй. Что его здесь ждет... одного, без оружия, без укрытия...

— Еще и без еды, — добавил Бокс.

— Да, проголодаться он успеет, но это не самое страшное. Ночью, по всем приметам, будет выброс.

— Что еще за выброс? — упавшим голосом проговорил Централ.

— Это отдельная тема. Если коротко, капец всему живому — и людям, и мутантам. Спаситься от выброса можно только за бетонными стенами или под землей. Ну или в крайнем случае, приняв анабиотик, с которым вы уже знакомы. Только у нашего инкассатора нет анабиотика, и капитальных строений на острове тоже нет. Он тихо загнется, лежа в сарае, скрючившись, как эмбрион. Через час-полтора после выброса до острова доберутся ошалевшие от голода тушканы. Может, даже несколько слепых собак приплывут на запах. Может, и не приплывут... В любом случае от Обука не останется даже костей. Послезавтра с рассветом на острове высадутся сталкеры и зачистят его от мутантов — до следующей партии новичков и следующего выброса. Вот так, парни, эта карусель и работает.

— Почему его не предупредили о последствиях отказа?

— А кому он тут нужен со своими «хочу — не хочу»? Либо ты знаешь, что спина у тебя прикрыта, либо ты один, и рассчитываешь только на себя, но тогда и отвечаешь за себя одного.

— То есть это тоже было частью испытания, — утвердительно произнес Шведов.

— Вроде того, — бросил проводник. — И это придумал не я. Это продолжение естественного отбора.

— Ладно, если он дал слабинку, почему просто не отправить его домой? — неожиданно высказался Бокс.

— Попробуй, — пожал плечами Доктор Хаус. — Доберись обратно вплавь, лодки-то больше нет. Забери Обука и вынеси его из Зоны на своем горбу. Я отдам тебе второй обреза и две аптечки из наших трех. Пойдешь, нет?

— На вертолете было бы чуть быстрее и чуть проще, — заметил Шведов.

Проводник рассмеялся:

— Военные собьют его раньше, чем ты увидишь на горизонте первый блокпост. Это наш трамвайчик, дальше нескольких километров от города он не улетает.

Тем временем вертолет качнул хвостом и медленно поднялся над хибарой. Сколько человек он взял на борт — двоих или троих, было неизвестно, но в том, что Доктор Хаус сказал правду, Сергей почему-то не сомневался. Машина развернулась и медленно, как бы с ленцой, полетела прочь.

Через секунду из сарая выскочил Обух. Он бросился к посадочному периметру, высмотрел в небе удаляющийся вертолет и что-то проорал ему вслед, затем обошел вокруг постройки и внезапно остановился. Он заметил группу из четырех человек и побежал сквозь кусты к реке. Без проводника преодолеть стену из корявых сросшихся ветвей было куда как сложнее, но Обух упорно прорывался, пока не выбрался к берегу. Новобранец оторопело замер у мостка, посмотрел через реку и, кажется, только сейчас понял, в какое он попал положение. Обух зашел в воду по пояс, но быстро вылез обратно. Он подпрыгнул, что-то истошно прокричал и, сняв синюю олимпийку, начал неистово размахивать ею над головой.

— Одумался, фраерюга, — сказал Централ не без удовольствия.

— Пошли, парни, — вздохнул проводник. — Смотреть тут особо не на что.

— Это не юмор? — насторожился Бокс. — Так и пойдем, а он там останется? И завтра ему точно каюк?

Хаус бегло взглянул на Шведова и вдруг взорвался:

— Вы меня уже запарили этим вопросом! «Не шутка?» — прошепелявил он, непонятно кого пародируя. — Нет, не шутка! «Не юмор?» Нет, сука, не юмор! Очень может быть, что до города мы дойдем не все. Кое-что вы уже видели своими глазами. Обух сдался на старте. Олень погиб, как идиот. Но это не было случайностью, понятно? Такие случайности тут происходят постоянно, каждую минуту. А если каждую минуту, то какая же это, на хрен, случайность? Я устал вам намекать, что здесь, мягко говоря, опасно. В Зоне не принято повторять дважды, такая тут жизнь. Может, вы и не рады, что вас сюда занесло, но у каждого была своя повестка, и каждый мог ее просто порвать. Вы не порвали. Потому что решили испытать себя или убежать от проблем — я не знаю, что вы там себе думали. Но в итоге вы здесь. И сожалеть об этом уже поздно, вам ясно? Теперь нужно жить в Зоне, по ее законам. Нужно выживать. Поэтому сейчас мы спускаемся с холма и топаем во-он к тому лесочку, — неожиданно мирно закончил Хаус и, встряхнув на плече рюкзак, направился вниз.

Бокс, впечатленный речью, огладил бритую голову и молча пошел за проводником. Централ что-то пробурчал себе под нос и, зло прищурившись, двинулся следом. Шведов несколько секунд понаблюдал, как Обух мечется на том берегу, и замкнул колонну.

Вертолет с Кабаном превратился в точку на горизонте и потерялся в утренней дымке.

Глава пятая

— Выпить нету, так, может, хоть промедолом задвинуться? — подумал вслух Централ, почесывая затылок. — Промедол-то есть в аптечке? Должен быть. А то, глядишь, и поинтересней чего найдется...

— Тебе зачем? — спросил Хаус.

— Как это зачем... Для настроения. Убиваться ведь никто не планирует. Так, для драйва. Немножко, символически.

— Промедол в армейской аптечке есть, — спокойно ответил сталкер. — Но драйва от него никакого, одно томление. А еще раз с такой темой выступишь — прострелю тебе пузо. Символически. И брошу тут подыхать.

— Кончай, в натуре, — веско произнес Бокс, оборачиваясь к Централу. — Сейчас не до шалостей.

Солнце поднималось навстречу, словно желало поприветствовать путников лично. Небо над головой стало прозрачным и глубоким, как океан; редкие облака плыли в нем неспешно и беззаботно. Местность вокруг казалась светлым сказочным краем. Впереди кудрявились опушки разрозненных посадок, слева сверкали бликами петляющие речные протоки. Метрах в трехстах правее, возле хвойного леса, виднелся рыжий песчаный овражек. Все это выглядело крайне мило, и Шведову, как городскому жителю, радовало глаз. Пока из оврага не показались собаки. Стая была небольшой, Сергей насчитал всего пять особей. Первой бежала самая крупная, остальные следовали за ней правильным квадратом, это напоминало боевой порядок.

— Может, они не к нам? — тихо спросил Централ.

— Ага, чисто на зарядку вышли, — отозвался Доктор Хаус. — Приготовились, ждем. Пока мы с горки не спустились, легко их положим.

Едва он это сказал, как вокруг послышался шорох. Трава у ног зашевелилась, и в ней что-то отчетливо запищало.

— М-мать! — вскрикнул сталкер, переступая так, будто он пытался поднять обе ноги одновременно. — Назад! Наверх!

Шведов, спускавшийся с холма последним, торопливо попятился и снова почувствовал спиной сопротивление гравитационной аномалии. Трава после дождя высохла и шуршала жестко, как сено. Судя по колебаниям, в ней снова была целая армия мелких зверьков.

Тушканы были повсюду. В попытке замкнуть кольцо некоторые из них забегали далеко на пригорок и вязли в аномалии, как в густом сиропе. Сергей сообразил, что тыл группе никто не прикрывает, вернее — никто, кроме него. Эта мысль была простой, ясной и в каком-то смысле даже приятной, потому что не оставляла ему выбора.

Шведов навел ружье на ближайший плешивый комок и выстрелил. Тушкана отбросило, как рваную шапку. Немного дрови досталось и другому зверьку, копошившемуся поблизости. Мутант пронзительно заверещал и, брызгая кровью из разорванной артерии, пополз к Сергею. Шведов хотел пристрелить и его, но второй патрон ушел на здорового тушкана, прыгнувшего сбоку, как кошка. Мутанта разнесло в клочья, однако радоваться удаче было некогда. Сергей сунулся в карман за патронами и, одновременно наступив раненому зверьку на голову, хрустнул каблуком. В обычной жизни его вывернуло бы наизнанку от отвращения, но здесь, на склоне намагниченного холма, в вязкой гравитационной подушке, посреди непонятной, но осязаемой опасности, он вдруг почувствовал себя предельно собранным, мобилизованным. В этом даже было какое-то упоение. Он начинал понимать, зачем люди лезут в Зону и почему не спешат из нее уходить.

«Рано кайфовать!» — одернул себя Шведов.

Он перезарядил обрез и уничтожил еще двух зверьков, прибив их дробью к земле, как шкуры к закроечному столу.

— Я же обещал тушканов? — весело крикнул из-за спины Доктор Хаус. — Обещал — вот они. Я никогда не вру.

— Все врут, — возразил Шведов. — Где там собаки?

— Собаки в порядке. Уже прибежали.

Сергей, не поверив, посмотрел через плечо. Псы и правда были уже у подножия, но в живых осталось только четыре твари. Пятую, мертвую, терзали тушканы. Несколько зверьков в считанные секунды разгрызли труп на части и растащили его по сторонам, скрывшись с добычей в высокой траве. Разделить человека для них было едва ли сложнее — эта мысль Шведова не обрадовала, но заставила перезаряжать ружье быстрее, чем прежде. Боеприпасов он набрал от души, левый карман пиджака отвис, как сумка пожилого кенгуру, и уже через несколько манипуляций с двустволкой Сергей отметил, что вставляет патроны не глядя.

Судя по грохоту за спиной, Бокс и Централ времени тоже не теряли. Чем занимался Хаус, Сергею было неизвестно, но квалификация проводника уже не вызывала никаких сомнений. С этим человеком действительно можно было дойти до цели и остаться в живых — если только не перечить и не косячить.

Собаки участвовали в побоище наравне с людьми. Нельзя сказать, что они дрались на стороне ходоков, они были сами за себя в этой войне всех против всех. Однако в данный момент интересы людей и собак совпадали, и слепые псы, которые ничем не отличались от тех, что напали на группу у реки, усердно рвали зубами тушканов. В противном случае Сергею пришлось бы поверить, что проводник сумел договориться с вожаком стаи.

Шведов не успел заметить, когда убил последнего мутанта в своем секторе. Механически перезарядив обрез, он приготовился к очередному выстрелу и даже не понял, что палить больше не в кого. Некоторое время он пристально оглядывал склон, пытаясь уловить малейшее колебание травы, и расслабился лишь после того, как услышал позади голос Централа:

— Окропили красненьким, да уж...

Подножие холма было усеяно кровавыми ошметками так плотно, что Сергей не знал, куда отвернуться. Взгляд упорно выхватывал такие подробности тушканьей анатомии, что хотелось бросить оружие и зажмуриться. Из собак в живых осталась только одна, с исцарапанной в лохмотья мордой и сильно покусанными лапами. Пес поскуливал и тревожно вертел головой — похоже, запах крови и пороха, доносившийся отовсюду, сбивал его с толку.

— Хаус, отпусти скотину, — попросил Бокс. — Она ведь уже не опасна?

— Скорее всего нет, — ответил проводник.

— Если бы не эта свора — как знать, успели бы мы перебить тушканов, или они быстрее ноги нам отъели бы?

— Собаки нам здорово помогли, — согласился Хаус.

— Вот и оставь ее, не убивай. Не побежит же она за подкреплением?

— Конечно. Куда она с такими ранами? — Он приставил ствол к шее мутанта и нажал на спусковой крючок.

— Йоп! — сдавленно вскрикнул Бокс, запоздало уворачиваясь от брызг. — Ты чего?! Мы же решили, что собака не опасная, и мы ей вроде как благодарны.

— Это и есть благодарность, — тихо сказал Хаус. — Представь себя на ее месте: либо тушканы, либо выброс. Небогатый выбор.

— Я понял, понял... — мрачно отозвался Бокс.

— Если еще вопросы остались — не стесняйтесь. Так... — Проводник оглядел окрестности. — Все проверили стволы, посчитали патроны. Идем на юго-восток.

Хаус зашагал в сторону оврага, и группа, снова гуськом, пошла за ним.

В окружающем пейзаже ничего не изменилось, разве что солнце поднялось чуть повыше. Сергей и не ждал каких-то перемен, но все же было странно наблюдать умиротворение природы, когда позади осталась целая куча убитого зверья.

Едва он это подумал, как над головой столпились невесть откуда взявшиеся облака. Буквально через минуту заморосил мелкий, по-осеннему тоскливый дождик.

— Много еще нам осталось? — поинтересовался Централ.

— От сарая семь километров было. Метров пятьсот можно смело отнять, — сказал Хаус, поднимая воротник.

— Что-то мы не шустро как-то...

Бокс, истолковав этот разговор по-своему, снова снял куртку и отдал товарищу:

— Погрейся малость, а то еще и промокнешь.

— Благодарю... Химмаш, — неожиданно вспомнил Централ, и оба весело рассмеялись.

Шведов тоже фыркнул и, машинально посмотрев на часы, удивился: не было еще и восьми утра, а казалось, что время должно перевалить далеко за полдень. Есть по крайней мере уже хотелось.

— Привал у нас не запланирован? — спросил Бокс, будто прочитав мысли Сергея. — Завтрак на природе или типа того.

— Ты видел, что в рюкзаке, — ответил проводник. — Хавать будем на базе, а это не очень скоро. В смысле, очень не скоро, — добавил он для ясности.

Еще несколько минут группа прошла молча. Овраг, казавшийся не таким уж далеким, упорно не хотел приближаться, словно пятился от путников к лесу. Хаус направлялся к низине, уклоняясь от реки вправо, и относительно ровный участок местности сменился высохшим болотом.

До оврага все-таки добрались — умаявшись обходить кочки и заново промочив в траве ноги. Метрах в пяти от края Хаус поднял руку и остановился.

— Оружие к бою, — прошептал он, затем покопался в карманах и, вытащив оттуда какую-то железку, швырнул ее вперед.

Ответа не последовало, словно железка угодила в мешок с ватой. Проводник снова запустил руку в карман и что-то подкинул на ладони. Теперь все увидели, что это был обычный болт. Хаус отправил его вслед за первым, и спустя секунду из оврага послышался слабый плеск — болт упал в лужу. Выждав еще немного, сталкер с ружьем наперевес подошел к обрыву.

— Похоже, чисто.

Когда-то здесь был небольшой карьер, снабжавший близлежащие поселки песком. Разработку давно забросили, и силы природы превратили карьер в простую яму, поросшую сорняком. По дну вяло тек мутный ручей с зеленой пузырящейся пеной.

— Ну и зачем мы сюда шли? — Централ сплюнул, внимательно проследил за плевком и тут же потерял к нему интерес. — Что здесь такого ценного?

— Теперь потихоньку вдоль овражка, — сказал Доктор Хаус. — Так безопасней, и не заблудимся. Выведет, куда нужно.

— Прямо к городу? — воодушевился Централ.

— Ну не то чтобы прямо... В конце придется забрать левее метров на пятьсот, к самой реке. Хотя в том месте это уже не река, а сплошная трясина. Ничего, обойдем и вернемся.

— Да, пятьсот метров — это фигня! — театрально произнес Централ. — Особенно если учесть, что мы ненамного больше всего и прошли-то.

— Можешь срезать угол прямо здесь, по дну, — ответил проводник.

— А что там такого?

— Ничего живого. Но если есть желание, можешь поискать. Спускайся, ну! И себя от страданий избавишь, и мне мороки меньше.

Централ заглянул в яму и снова туда плюнул с таким видом, будто провел научный эксперимент.

— Пошли поверху, — вздохнул он.

— Спасибо, — сказал Хаус. — Пошли, стало быть.

По другую сторону оврага тянулся угрюмый хвойный лес, который издали казался Шведову светлым и безобидным. Деревья подступали к обрыву так близко, что местами размытые склоны не выдерживали и осыпались вниз. Сосны с вывернутыми корнями образовывали на дне карьера завалы и запруды.

«Потихоньку вдоль овражка» заняло часа два, не меньше. Централ пытался балагурить, но Бокс, сутулясь под дождем, лишь вяло отбrehивался. Потом дождь прекратился, и Бокс получил назад свою куртку. Настроение у него чуть улучшилось, зато сильно испортилось у Централа, который остался в летней рубашке. Так они и менялись, и это было самым занимательным на всем пути.

Постепенно овраг расширился, и левый край стал все круче поворачивать к реке. Группа приближалась к топи.

— В принципе жить можно, — высказался Централ, критически осмотрев окрестности. Подошла его очередь греться в «аляске», поэтому настроен он был позитивно. — Я вообще про Зону эту вашу. Ну собаки, да... ну крысы огромные, тоже хреновое дело. Но ничего смертельного.

— Олень, наверно, с тобой не согласился бы, — напомнил замерзающий Бокс.

— Оленю — оленья смерть, — философски рассудил Централ.

— Каким бы он ни был обсосом, на его месте мог оказаться любой из нас.

Централ собрался возразить и даже заранее нарисовал на лице улыбку превосходства, но в этот момент с реки донеслось низкое раскатистое рычание. По позвоночнику словно помчались муравьи — Сергей скривился и передернул плечами. О чем-то подобном он думал уже давно: Доктор Хаус был скуп на обещания, зато не обманывал. И если проводник посулил неприятности на заболоченном участке, оставалось лишь дожидаться их появления.

— Что еще за хрень? — выдохнул Бокс.

— Держаться плотнее! — скомандовал сталкер. — Проверить стволы еще раз, лишнего времени потом не будет. Глядеть в оба!

— Да на что глядеть-то? — растерялся Централ.

За спиной был овраг, дальше за ним находился лес — хмурый, но, кажется, пустой, а впереди лежало голое пространство с редкими измученными деревцами. Там негде было спрятаться даже собаке, не говоря уж о более крупном звере.

На болоте снова послышалось рычание. Теперь не оставалось сомнений, что звук исходил именно оттуда, с гнилой затопленной равнины.

— Что за тварь? — напряженно повторил Бокс. — Почему ее не видно?

— Невидимая потому что, — без иронии ответил Хаус, и на этот раз никто с ним спорить не стал.

— А как же... как же тогда смотреть?..

— Просто смотри и увидишь. Вон там! — Проводник резко повел стволом, указывая направление, однако не выстрелил.

Шведов успел заметить мелькнувшую в воздухе тень, впрочем, он не стал бы ручаться, что это не было обманом зрения.

— Мираж?.. Над болотом?!

— Это не мираж, — терпеливо произнес проводник. — Когда он движется, он становится заметен. Хотя да, это тоже относится к оптическим эффектам. И все-таки он не мираж.

— Да кто «он»?! — не выдержал Централ.

— Кровосос, — коротко ответил проводник. — Чем эта тварь занимается, объяснять не надо?

— Что, вот прямо конкретно пьет кровь?

— Не только, — кивнул Хаус. — Это вам не бледная бабка в кожаном лифчике из кино про вампиров. Это настоящий зверь, очень сильный и опасный. Жрет он все, что можно выкачать из тела хорошей промышленной помпой. Все внутренности, иногда и мозги заодно. После кровососа остаются одни кости и немного кожи — человека можно хоронить в коробке из-под обуви.

— И что теперь делать? — проронил Централ.

— Ноги, парни, ноги, — тихо сказал сталкер. — Был бы кровосос один, мы его вчетвером уж завалили бы как-нибудь. Но их тут, по непроверенным данным, пять особей. Возможно, шесть. Что такое вальс, все знают? — неожиданно спросил он.

— Мендельсона? — брякнул Бокс.

— Любой вальс, который танцуют на «раз-два-три». Вот этим нам сейчас и придется заняться. Только это будут не совсем танцы. Слушайте внимательно и врубайтесь сразу. У нас двустволки. Швед стреляет — это «раз». Потом про себя отсчитывает «два-три» и снова стреляет. Следующий — Бокс. После второго выстрела Шведа ты тоже отсчитываешь «два-три» и шмаляешь сам. Затем из второго ствола. Потом наступает очередь Централа, и так далее. Пока мы передаем эту эстафету, Швед должен снова зарядить обрез. Бокс, естественно, тоже должен, когда отстреляется. Вот таким вот образом, по кругу. Одновременно двигаемся вправо, вдоль оврага. Не спеша, не растягиваясь. Что бы ни случилось, держим строй, это ясно? Пройти надо немного, меньше ста метров. Стволы держим на уровне живота. Нам просто нужно обеспечить непрерывную пальбу. Кровососы под пули не полезут. Хотя у нас только дробь... Но мы им об этом не расскажем. На перезарядку у каждого будет пять-шесть секунд, этого достаточно. Готовы?

— Ты погоди, это надо обмозговать, — засуетился Централ.

Рядом, где-то совсем близко, опять раздалось рычание и что-то похожее на лошадиный храп. Сергей почувствовал, как по сырой глине протопали массивные лапы.

— Некогда! — крикнул Хаус. — Швед, давай! Понеслась!

Сергей набрал воздуха и плавно прижал спусковой крючок. Педантично прошептал «два-три» и повторил выстрел.

— Два, три, — подхватил Бокс и тоже пальнул.

Шведов, спохватившись, переломил ружье и вставил новые патроны. Когда он закончил, очередь уже перешла к Хаусу.

Они превратились в единый механизм, который последовательно выполнял простые, но жизненно важные операции. Уже на втором круге группа поймала общий ритм и стала похожа на метроном, харкающий огнем и дробью. «Бах! Два-три... Бах! Два-три...» — звучало в голове у каждого. Они осторожно перебирали ногами, сдвигаясь по узкому перешейку между болотом и ямой. Карьер в этом месте был полностью затоплен. Вода неспешно уходила в песчаное ущелье, против течения реки. По дороге она впитывалась, разливалась в запрудах и постепенно превращалась в тот самый ручей с шапкой зеленой пены, который ходоки видели в начале оврага. Была ли здесь вода такой же ядовитой, или она напивалась отравой в пути — Сергей не знал, однако перспектива соскользнуть в яму не становилась от этого более привлекательной.

— Застряли, черт... — проскрежетал Бокс, сбивая темп.

Обжигая пальцы, он судорожно пытался вытащить стреляную гильзу, но у него не получалось.

Сергей перезарядил ружье, дождался Хауса и отстрелялся, а Бокс все еще не мог справиться с гильзами. Он самоотверженно хватал металлические фланцы, срывал ногти, матерился, но ничего не мог поделать.

Централ, ожидавший своей очереди, не выдержал:

— Ты, мля, тормоз долбаный!

— Гильзы... они застряли... обе! — беспомощно прошипел Бокс. — И горячие такие, суки!

— Не волнует! — заявил Централ. — Решай проблему, как хочешь.

— Заткнись ты, умник! — цыкнул Хаус. Он запустил руку за голову и вынул из рюкзака запасное ружье. — Бросай ствол! Держи другой, — приказал он, протягивая Боксу новый обрез.

Централ, вместо того чтобы выстрелить, продолжал наблюдать, как его товарищ заряжает двустволку. Пауза непозволительно затянулась, Шведов уже слышал, как приближается рычащая тварь, ему даже показалось, что в нескольких метрах от группы мелькнул чей-то силуэт.

— Централ, шмалай, не жди! — крикнул Сергей. Одновременно он сам выстрелил дуплетом в ту сторону, где по земле пронеслась тень. Хаус тоже заметил движение и отправил туда две порции дробы, чем окончательно спутал весь порядок.

Мутант оглушительно взвыл и на мгновение стал видимым. Этого было недостаточно, чтобы Шведов успел рассмотреть кровососа в деталях, однако ему хватило и общего впечатления. Обрез в руках у Сергея заработал в режиме автоматической винтовки: большой палец левой руки едва успевал заталкивать патроны, как правая кисть уже вскидывала ружье для следующей пары выстрелов. Неизвестно, серьезно ли был ранен мутант, скорее всего дробь не нанесла ему особого вреда, а лишь разозлила, и от этого положение группы становилось только хуже.

— Двигаемся, двигаемся! — поторопил проводник. — Если другие твари подтянутся, Кабан нас не дождетя.

— А он ждет? — не поверил Шведов.

— Меня — точно. Я у него денег недавно занял. Примета такая.

— Рискованный вклад с его стороны...

Сергей обернулся и увидел, что основную часть оврага они уже прошли. Оставался небольшой участок, закругленный, как воронка от снаряда. За ним можно было сразу сворачивать вправо и отступать к лесу. По болоту ходоки стреляли уже не так слаженно, вальсом тут и не пахло, но отогнать кровососа все-таки удалось. Похоже, психи, истерически палящие в воздух, показались мутанту не слишком аппетитными.

— Все, погнали! — закричал Хаус. — Бегом к лесу, назад не смотреть! Изо всех сил!

Он шагнул в сторону, пропуская остальных мимо, как инструктор провожает парашютистов в первый прыжок. Пассажиры помчались вдоль карьера, огибая крутой обрыв. Хаус какое-то время постоял, прикрывая спутников, затем попятился и, наконец, побежал.

Централ начал отставать почти сразу. Бокс сбавил скорость, взял товарища за воротник и потащил за собой. Шведов несколько раз оглядывался, проверяя, не нужна ли Хаусу помощь. Сталкер периодически останавливался, делал для острстки еще два выстрела по болоту и снова переходил на бег, попутно вставляя в двустволку следующую пару патронов.

Если первые сотни метров группа преодолевала несколько часов, то сейчас оказалась в километре от берега за считанные минуты. Сергею подумалось, что, двигаясь с такой же скоростью и дальше, до города они доберутся довольно скоро.

— Передохнем! — объявил проводник, сбрасывая с плеч рюкзак.

Централ тут же рухнул в траву и, спрятав лицо под капюшоном, блаженно раскинул руки. Хаус, продолжая тяжело дышать, сел на поваленную березу. Место для привала он выбрал у опушки. Шведов предпочел бы зайти поглубже в лес, чтобы не светиться, но у проводника были свои соображения на этот счет, и Сергей не стал с ним спорить.

— Кровосос за нами точно не увязался? — спросил Бокс. — Он же, падла, невидимый. Стоит сейчас рядом и слюни глотает, нет?

— Нет, — качнул головой Хаус. — Кровососы — хищники, они со своей территории уходят редко.

— Потому что на этой территории обитает другой хищник?

— Именно это я и хотел сказать. На любой территории кто-нибудь, да обитает. И кто-нибудь кого-нибудь обязательно жрет. Так уж оно в природе задумано. — Сталкер подтянул к ноге рюкзак и достал оттуда последние патроны. — Да-а... Я надеялся, наши дела получше будут. Посчитайте, у кого сколько осталось. Так! — Он вдруг повысил голос. — У кого ствол не заряжен?! Сколько раз я должен повторять? Проверяйте оружие! Всегда проверяйте оружие! Сколько еще пакости вы должны встретить в Зоне и сколько народу должно погибнуть на ваших глазах, чтобы вы затвердили у себя в башке: всегда! Проверяем! Оружие! Хотя это касается одного тебя, Централ, — добавил Хаус уже спокойней. — У Шведа с Боксом заряжено. А у тебя — нет. Почему? Молчишь?.. Для альтернативно мыслящих поясню: весь этот путь до города нужен только затем, чтобы привить первоходам некоторые элементарные навыки. И если, наглотавшись пыли, ты так и не поймешь, что оружие... должно быть! Всегда! Заряжено, сука! То для чего ты вообще с нами тащишься?

Централ в ходе словесной экзекуции приподнялся на локте, потом сел и два раза переменял позу, но так и не нашел удобного положения. Он покраснел до ушей, и сам это почувствовал, и от этого смутился еще больше.

— Некоторым и заряженное ружье не впрок, — буркнул он.

— У меня гильзы стреляные застряли! — мгновенно вспыхнул Бокс. — Что я мог сделать? Два ногтя сломал.

— И что? Капец маникюру?

— Слышь, корешок... Куртку на базу, — процедил Бокс.

— Чего? — не расслышал Централ.

— Верни куртку, Анапа. Погрелся уже, хватит.

— Да заberi, — презрительно ответил Централ, кидая «аляску» на землю.

— Армия дуболомов, — сокрушенно заключил Хаус. — Скажу по секрету, однажды я вел группу, которая целиком состояла из поваров. Ну, забавно так совпало: сплошные повара. Один из ресторана, двое из школьных столовок, про остальных не помню. Так вот, те шесть поваров держались лучше, чем вы, крутые перцы. И все шестеро из них дошли. Без кунг-фу и мачете, без атомной бомбы, с такими же точно обрезам, как у вас.

— И что, мимо болота так же проскочили? — усомнился Централ. — И не зассали?

— Зассали — не то слово. К тому же там не один кровосос отирался, а сразу два. Я и сам чуть в портки не навалил, реально. Но в итоге все прошли. Потому что никто не играл в альфа-самцов и не тянул одеяло на себя. А мы в отличие от тех поваров сейчас будем менять маршрут. Хрен бы с вами, но я тоже в этом участвую, и я хочу добраться живым.

Доктор Хаус поднялся с дерева и отряхнул штаны.

— Короче, делаем крюк, — подытожил он. — В смысле, не короче, а длиннее. Проиграем в расстояние километра полтора примерно. Зато там спокойней.

— Безопасней? — уточнил Бокс. — Тогда, может, и вправду есть смысл...

— Насчет безопасности — я бы не сказал. Пойдем мимо поселка, по зараженной территории. Хотя она тут везде заражена, чтоб вы не обольщались. Просто в Новошепеличах счетчики трещат погромче. Но у нас их все равно нет, к чему нервы зря трепать?

Централ громко сглотнул и с тревогой помял пах.

— Может... э-э... как-нибудь еще дальше? — заныл он. — Как-нибудь без Ново... Ново...

— Еще дальше нельзя, там много чего обходить придется. К ночи не успеем. И я не очень хорошо те места знаю. Можем в такую глушь забуриться, что от нас и следа не останется. А в Новошепеличах нормально, и, кроме тушканов, там никого не бывает. Зверью тоже не интересно под радиацию лезть, — подмигнул Хаус. Он раздал пассажирам

оставшиеся патроны и погрозил пальцем: — В небо не шмалять, руками ничего не трогать, в дома не заходить.

— Ты сам-то много раз бывал в этих... в Ново...

— Новошепеличи, — охотно подсказал Доктор Хаус. — Думаю, это название вы запомните надолго.

Он накинул полупустой рюкзак, поправил лямки и бодро зашагал в темную еловую чащу.

Глава шестая

— Интересно, как в деревне насчет самогона... — пробубнил Централ без особой надежды, просто чтобы отвлечься на приятные мысли.

— Выпили весь еще до того, как ты первую пробку понюхал, — ответил Хаус. — Там давно никто не живет, людей эвакуировали много лет назад.

Пройдя по лесу метров триста, группа вышла на проселочную дорогу. Бетонные плиты, уложенные в два ряда, расползлись к обочинам и крошились от времени. Местами из плит опасно торчала ржавая арматура, скрытая пробившейся повсюду травой, однако даже по такому полотну идти было несравненно легче, чем по голой земле. Хаус уверенно повернул влево и повел пассажиров навстречу солнцу.

По обе стороны от дороги стояли старые сосны вперемежку с кривобокими елями. Шведов не мог избавиться от ощущения, что сейчас или через минуту где-то качнется ветка, из-за которой появятся грибки, а в конце пути группа выйдет к каким-нибудь дачам.

За плавным поворотом действительно показался просвет, а бетонная дорога на выходе из леса сменилась асфальтовой, такой же разбитой и бесхозной.

Четко обозначенной границы у поселка не было. Новошепеличи открывались путникам постепенно, отдельными постройками. Сперва это был коровник с провалившейся крышей, рядом с ним стоял трактор, ушедший по оси в мягкую землю. За коровником дорога снова вильнула, и впереди возникла водонапорная башня.

— Противогазы! — скомандовал сталкер. — Стоп, сначала застегнуться. Пуговицы, молнии — что там у вас есть? Липучки, шнурки — все затягивайте.

Шведов оглядел свою одежду и, запахнув пиджак, поднял воротник, хотя вряд ли это на что-то повлияло в плане радиационной защиты. Централ, снова оставшийся в рубашке с коротким рукавом, беспомощно посмотрел на Бокса, но тот демонстративно пожал плечами и застегнул куртку до самого горла.

— Вот, боец-отличник! — оценил Хаус. — Теперь противогазы. Проверить, как привинчены коробки. И еще просьба: с дороги не сходить, в лужи не наступать. Подумайте о потомстве.

— Мы ведь к реактору все ближе подходим? — сказал Бокс. — Значит, снять этот гандон уже не судьба?

— Снимем, — успокоил проводник. — В Припяти несколько раз дезактивацию проводили. И там сплошной камень, его дожди каждый день омывают. А тут земля. Кругом пыль. Полчаса подышишь, и можно в гроб ложиться.

Сергей достал из сумки противогаз и разочарованно присвистнул:

— Это же ГП-5? Поновее ничего не нашлось?

— Тебе с вайфаем или, может, со стразами? — сварливо отозвался Хаус.

— Лучше бы с панорамной маской. — Шведов постучал пальцем по маленьким круглым очкам.

— Если тебя что-то не устраивает, можешь не надевать, я разрешаю, — отрезал проводник. — Все готовы? Централ, бедолага... — вздохнул он, глядя, как тот потирает голые локти. — Ну, ничего... Авось обойдется.

Централ, не сильно воодушевленный этим заявлением, набрал воздуха и натянул маску.

Хаус надел противогаз последним и глухо проговорил:

— Парни, мне хочется верить, что вы хоть тут косяков не напорите. Патронов мало. Аптечек у нас всего три штуки. Запасной ствол остался только один. — Он помолчал, соображая, что бы еще добавить, и, ничего не придумав, махнул рукой: — Двинули.

Отдельные постройки постепенно сменились садами, стоявшими плотно, забор к забору. Впрочем, от оград мало что осталось, доски давно сгнили, и только металлические столбики черным пунктиром обозначали былые границы участков. Хозяйства за долгие годы без присмотра не просто пришли в упадок, а исчезли вовсе, превратись либо в чащобы, либо, наоборот, в квадратные пустыри. Судя по всему, после эвакуации в Новошепеличах бывали и мародеры, и пожары. Несколько домов сгорели полностью. В одном дворе, на пепелище в пятнадцать соток, осталась только кирпичная труба, из которой росло кривое болезненное деревце — эта картина Шведова особенно поразила. На другом участке он увидел проржавевшую до дыр тачку — в ней лежала обожженная кукла с такими же дырами на черных щеках. Казалось, что смерть здесь погуляла, но так отсюда и не ушла.

По мере продвижения в глубь поселка Сергей стал замечать и другое: то тут, то там в садах виднелись свежие тропинки, кое-где окна были затянуты парниковой пленкой, а в одном доме он увидел новую дверь, вставленную в посеревшую от плесени кирпичную стену. Признаки человеческого присутствия были ненавязчивыми, они не бросались в глаза, но Сергей слишком внимательно вглядывался в окружающее пространство, чтобы их пропустить.

Смотреть сквозь круглые очки устаревшего противогаза было неудобно. Шведов несколько раз ловил себя на том, что стремится привстать на цыпочки — он чувствовал себя словно ребенок перед высоким иллюминатором, когда самое интересное все время остается где-то за краем. Возможно, из-за этого какие-то детали он и пропустил, но общая картина складывалась именно такая.

Когда группа добралась до магазина с вывеской «Товари для дітей», Шведов заметил на обочине свежий след протектора. Это был грузовик, и проезжал он тут совсем недавно. Вода из соседней лужи наполнила отпечаток колеса на глине, но еще не успела его размывать.

— Швед, не тормози! — окликнул Хаус.

— Пять сек! — отозвался Сергей и присел у обочины.

Он не был уверен, что сквозь стекла противогаза правильно различает цвета. Пятно на земле могло оказаться и вытекшим моторным маслом, но... все-таки оно смахивало на кое-что другое.

— Там кровь! — объявил Шведов, догоняя ушедшую вперед тройку.

— Неужели? — сказал Хаус, не оборачиваясь. — Ты мало крови сегодня видел? Еще одна клякса что-то изменит в твоей картине мира?

— По-моему, та кровь — человеческая.

— С чего ты взял?

— Не знаю... — Сергей замялся. — Просто я так подумал. Почему-то я в этом уверен.

— Если и человеческая — тебе-то что? Не твоя, и слава богу.

— Погоди, погоди. Ты только что говорил, что в поселке жить нельзя.

— Нельзя, — подтвердил проводник.

— Но здесь повсюду следы. Значит, все-таки можно?

— Можно, — произнес Хаус тем же тоном.

Следующие десять метров группа прошла молча. Шведов ждал от сталкера пояснений, но так и не дождался.

— Ну, рожай уже, что ты имел в виду? — не выдержал Сергей.

— Тут, понимаешь ли, нет полиции, — сказал Хаус. — Нет ни рыбнадзора, ни кабинета министров. Никто не диктует, что можно, а что нельзя. Ты решаешь это сам, по обстоятельствам. С точки зрения здравого смысла тусоваться в зараженном поселке могут только душевнобольные. Поэтому я и сказал, что нельзя. Но запретить тебе это не в силах никто, даже Кабан, хотя власти у него много. Поэтому я сказал — можно. И то, что здесь шастают дикие, ничего не меняет. Они раздолбай, им можно все. А ты вроде нормальный, тебе нельзя.

— Дикие — это кто? — невпопад спросил Бокс.

— Тоже сталкеры. Они называют себя вольными, ну им так нравится, — усмехнулся проводник. — На самом деле, конечно, дикие. Бродят по Зоне, мелочевку всякую подбирают. Иногда охотятся: залягут где-нибудь на звериной тропе, дождутся одинокого кровососа и давай его из трех РПК херачить. Или зажмут в угол и гранатами закидают. Возвращаются довольные, как дети. Потом неделю ходят героями: завалили кровососа, блин! А это ведь любой может сделать.

— А что может не любой? — осторожно спросил Шведов.

— А вот это тебе Кабан расскажет. Если дойдем.

— У вас-то с дикими какие отношения? — поинтересовался Бокс. — Война?

— Зачем же война-то... Они нам особо не мешают, мы им, кажется, тоже. Хотя это нас волнует меньше всего. Дикие — в основном одиночки или кучкуются по два-три человека. С такими силами права не покачаешь. Друг с другом и то договориться толком не могут, а нас они просто боятся. Недавно, было дело, обидели они нашего паренька. Ну как обидели... грохнули, да и все. Что-то не поделили на развилке. Так у нас пол сотни душ поднялось, вынесли там все в радиусе километра. Мутантов, диких — зачистили полностью.

— Типа, «закон — тайга»? Кто сильнее, тот и прав?

— Да, как-то так. Но особо с дикими борзеть я бы все-таки не советовал. Среди них тоже разные люди попадают, с разными нравами. В общем, не лезьте в чужие дела, пока они не пересекаются с вашими.

— А что, если они сейчас здесь появятся? — осведомился Шведов.

— Два варианта, — сказал Хаус. — Если это нормальные сталкеры, то даже хорошо будет. Поддержат нас в случае чего. А если отморозки, то каюк нашей инвалидной команде, — весело закончил он.

В небе послышалось лопотание винта, и все четверо подняли головы. Вертолет летел высоко, рассмотреть его было трудно, а очки противогоза и вовсе превращали его в какую-то большую муху.

— Это Кабан? — спросил Бокс.

— Хрен его знает, — ответил Хаус. — Будем надеяться. Вообще в Зоне вертолет только у нас. Но еще военные с Большой земли залетают. Что у них на уме — неизвестно, но, кажется, они к чему-то готовятся. Зачастили последнее время.

— Есть еще вопрос, пока не дошли... — нерешительно начал Бокс.

— Много болтаем, — заметил проводник. — И так дышать тяжело. Если сейчас бежать придется — сразу сдохнем.

— Ты же обещал, что здесь безопасно.

— Обещают девки, — буркнул он. — Ну, выкладывай, что тебя тревожит.

— Когда можно будет вернуться? По-человечески, не как Обух.

— Ты на будущее интересуешься или конкретно передумал?

Бокс в ответ неопределенно повел рукой.

— Так, для общего развития, — сказал он.

— Если для общего, то зависит от твоих заслуг. Можно и самому уйти, никто останавливать не будет, только один отсюда не выберешься. А чтобы парни из отряда проводили и прикрыли, нужен авторитет. Или приказ Кабана. В общем, дембель у всех по-разному происходит, но тебе о нем думать рано. И все уже, хватит трепаться.

За магазином на Т-образном перекрестке группа свернула вправо, затем влево и, оказавшись на параллельной улице, пошла дальше вдоль сгоревших строений и опустошенных садов. Сергей снова видел следы человеческого присутствия, но уже не обращал на них особого внимания.

Последние полчаса Централ в разговоре не участвовал. Он шагал чуть в стороне и непрерывно, как насекомое, потирал замерзшие руки. Бокс всем своим видом показывал, что после перепалки у котлована делиться курткой больше не намерен.

На южной окраине Новошепеличей асфальтовая дорога перешла в грунтовую. Дома, маленькие и покосившиеся от времени, стояли все реже. Впереди была видна граница

поселка, за ней расстиралось не то заброшенное поле, не то пастбище. Внезапно начался дождь, в резиновую макушку ощутимо заколотили крупные капли, по стеклам пробежали водяные дорожки. Шведов отстраненно подумал, что хорошо бы приладить к очкам «дворники», когда вдруг увидел вторую группу в противогазах.

Пятеро незнакомцев в невероятно изношенной одежде стояли на четвереньках вокруг металлической бочки. За время похода чувство реальности у Сергея притупилось настолько, что в первый момент он даже не удивился.

— Коллеги... — обронил он.

Хаус обернулся и сразу выстрелил. Маска на лице у одного из субъектов превратилась в кровавую тряпку. Второй заряд дробы ударил в край бочки и, срикошетив, с визгами разлетелся.

— Огонь, вашу мать! — заорал проводник. — Огонь! Это не люди!

Шведов уже понял и сам: люди так себя не ведут. Трое из них по-лягушачьи прыгнули вверх и, взлетев неожиданно высоко, оказались прямо на дороге. Четвертый «коллега» злобно зарычал и пополз в сторону, явно намереваясь подобраться к группе сзади.

Проводник перезарядил обрез и в упор расстрелял еще одного прыгуна, когда Шведов сделал только первый выстрел. Дробь попала мутанту в плечо и разбила ему сустав, однако новому прыжку это не помешало. Существо поднялось в воздух и, как показалось Сергею, на мгновение зависло — хотя возможно, изменилось восприятие времени у самого Шведова. Он холодно и отстраненно прикинул траекторию, отметил, что мутант приземлится прямо на него, и придавил спусковой крючок.

Сергей не ошибся: прыгун сбил его с ног и оказался сверху, при этом мутант энергично кивнул, и очки противогаза тут же залило кровью. Шведов провел по стеклам рукавом, но лишь размазал густую жидкость. С трудом высвободив из-под тела вторую руку, он протер очки пальцами. Голова мутанта висела на лоскуте кожи или на связке каких-то жил и деревянно стучала по земле, а из разорванного горла хлестала кровь — прямо на Сергея. Шведов попытался избавиться от обмякшего тела, и это ему почти удалось, когда сквозь чужую плоть он почувствовал удар, и после короткой паузы — еще один. Из артерии выбросило новую порцию крови, и Сергею пришлось опять утираться, чтобы разглядеть сквозь красное марево хоть что-нибудь.

Централ, совершенно потерянный, стоял в метре от Шведова и методично лупил из двустволки по дохлому монстру.

— Мудак! — прохрипел Сергей, но Централ его не услышал.

Воздуха не хватало, мутант всем весом давил на грудную клетку, и даже без противогаза Шведов едва ли сумел бы крикнуть. Кровь продолжала выплескиваться, и он подумал, что скоро она забьет входное отверстие в фильтре. Противогаз придется снимать, и тогда уже кровь потечет ему на лицо, что вряд ли будет лучше.

Сергей нащупал рядом ружье и потряс им в воздухе, давая понять Централу, что он свой. Спустя секунду гравий на дороге разметало новым выстрелом. Мелкий камешек врезался Шведову в голову чуть выше уха, еще один чиркнул по правому стеклу, покрыв его сеткой трещин.

— Централ! Не тупи, сука! — гаркнул Хаус. — Тут еще снарки! Бегом сюда, оставь его!

«Снарки. Отлично», — вяло прошелестело в мозгу у Шведова.

Застонав, он все-таки сумел отвалить труп набок и наконец-то вздохнул, насколько это было возможно в старом противогазе. Сергей еще раз протер очки тыльными сторонами ладоней, поскольку все остальное у него было испачкано в крови снарка, — теперь он знал, как называется эта тварь.

Смотреть сквозь стекла в кровавых разводах было по-прежнему тяжело. Хотелось то поплевать на пальцы, то сполоснуть руки в придорожной канаве, от чего Шведов настойчиво себя удерживал. Он как мог огляделся, но ничего толком не понял. Тела, конечности и одинаковые резиновые черепа крутились в алой карусели; рев, глухие крики и звуки выстрелов сливались в единый шумовой поток. Сергей выпрямился, заскользил, как на льду,

и, не удержав равновесия, грохнулся задницей прямо в корыто дорожного ухаба. Одновременно с этим сзади вылетел еще один снарок, метивший ему в шею. Шведов осознал, что в процессе подъема и падения умудрился безотчетно, как робот, перезарядить ружье.

— Н-на, падаль, — сказал он так тихо, что и сам не услышал своих слов.

Снарок, приземлившись перед ним на четвереньки, успел развернуться только наполовину и получил оба заряда в печень или что там у него оставалось от прежней жизни. Мутант издал умиротворенный хрип и осел на землю, поджимая под себя все четыре конечности, словно уснувший на зиму жук.

Сергей привычно полез в карман, но нащупал там лишь один патрон, последний. Другой карман опустел еще раньше, во время стычки с тушканами. Хотя сейчас называть ту встречу «стычкой» было даже неловко. Нудное упражнение в тире — вот что она напоминала отсюда, из поселка.

Шведов снова поднялся, ни на секунду не упуская мысли, что выстрел у него остался только один. Помотав головой и в который раз повозюкав мокрыми рукавами по мокрым очкам, он кое-как сориентировался. Похоже, из всей группы он был наиболее пострадавшим. Трое его спутников стояли на ногах и добивали рычащую снарочью братию. Прихрамывая, Сергей сделал несколько шагов по дороге, чтобы сменить позицию и выйти из-за спин товарищей.

— Патроны есть еще? — спросил он у Хауса. — Дай немножко.

— У тебя уже все, что ли? Погоди. — Проводник очередным дуплетом взорвал живот еще одному снарку и перезарядил оружие. — Нет! Не дам, — сказал он, показывая на свой патронташ. — У самого мало осталось.

— Еще один! — иступленно крикнул Централ, наводя обрез на Шведова.

— Это же я! — Сергей взмахнул рукой, но на Централа это не подействовало.

— Берегись, — произнес он спокойно, как приговор, и нажал на спусковой крючок.

Выстрела не последовало. Централ озадаченно мотнул головой и полез в карман за патронами.

— Ты совсем рехнулся?! — выпалил Шведов.

Централ торопливо зарядил оба ствола. С боеприпасами у него, как назло, был полный порядок. Сергей на мгновение оцепенел. Хаус повернулся к нему спиной и продолжал разделяться со снарками, звать его на помощь было бессмысленно. Бокс вообще пропал из поля зрения, да и вряд ли он мог вразумить ошалевшего анапского приятеля. Шведов растерянно посмотрел на свой обрез и сделал то, о чем давно мечтал. Он взялся за коробку фильтра и рванул противогаз вверх.

— Это я, дубина! — прошипел Сергей и лишь после этого позволил себе вдохнуть воздуха, сладкого и чистого. Полной грудью. Как в последний раз.

— Слева! — крикнул Централ и наконец выстрелил. — А ты и впрямь дубина.

В последний момент Шведову почудилось, будто что-то коснулось его плеча, но двойной удар отбросил угрозу далеко назад.

— Спасибо, — сказал Сергей и обернулся.

Снарок, чуть было не схвативший его за горло, катался у дороги, мучительно перебирая ногами. Судя по всему, дробь попала мутанту в живот. Глухо подвывая, он уткнулся мордой в чудом сохранившийся фрагмент забора. Ни капли жалости Шведов к нему не испытывал, хотя снарок и был похож на человека, особенно в этой позе, когда виден только затылок противогаса и непонятно, что там спереди — фильтр или просто оборванная трубка. И даже одежда, неотличимая от обычной человеческой, такая, как куртка-«аляска», порядком извалянная в грязи, не могла заставить Сергея почувствовать сострадание, если только... если только это был снарок, а не...

Это был Бокс. Сергей подскочил к телу, но раньше, чем он тронул его за руку и перевернул лицом вверх, Шведов уже знал ответ. Коренастый и даже излишне плотный для боксера, со снарками этот человек не имел ничего общего. Сергей удивлялся, как можно было принять его за мутанта, но эту претензию он адресовал не столько Централу, сколько самому себе.

Незаметно подошедший Хаус посмотрел на Бокса, потом на Шведова и снял противогаз.

— Давно пора было, — обронил он.

— Ты о чем? — не понял Сергей.

— Ветра нет сегодня. И дождь недавно прошел. Я про пыль, про пыль.

— А-а... ясно.

Шведов только сейчас заметил, какая вокруг стоит тишина. Дождь прекратился, выстрелы не звучали уже несколько минут. Дохлые снарки лежали вповалку, а значит, можно было двигаться в путь. Но как раз этого — двигаться — Сергею и не хотелось.

Проводник присел рядом и, стянув с Бокса маску, пощупал ему горло.

— Есть новость плохая и похуже, — сообщил Хаус. — Он все еще жив. И бросить его здесь — это не по-пацански и не по-христиански. Не знаю, что тебе ближе, но по всем понятиям выход только один.

— Сделаем волокуши... — неуверенно произнес Шведов.

— Бокс умрет через час. Или через три. А еще — по дороге он может очнуться, и тогда для него каждая минута растянется в год. У нас просто не хватит промедола, чтобы наколоть его до беспамятства. И в любом случае это ничего не изменит. С полным животом дробь умирают — хоть в лесу, хоть в больнице. У Бокса больше нет внутренних органов, у него там сплошной фарш.

— И чего ты от меня хочешь? — сонно спросил Сергей.

— Именно этого, Швед. Ты знаешь.

— Я не буду. Нет. Пусть Централ этим занимается, это же он натворил.

— И вторая новость, — вздохнул Доктор Хаус. — Посмотри вон туда.

Централ сидел прямо на дороге и, крупно дрожа, раскачивался вперед-назад. Вся маска у него была в крови, как у первого снарка, которому Хаус разнес противогаз вместе с мордой. Вначале Сергей что-то подобное подумал и про Централа, но потом понял, что это только брызги. Чужая кровь, Шведов и сам был в ней вымазан с головы до ног. И все-таки с Централом что-то было не так, что-то в его позе было неестественным. Сергей не сразу сообразил, что одно колено у Централа согнуто не в ту сторону. Его левая нога смотрела вперед, как у кузнечика, и это выглядело ужасно. По идее, он должен был орать от боли, но его лишь трясло.

— Диагноз другой, рецепт все тот же, — проговорил Доктор Хаус.

— Нога — это не смертельно, — возразил Шведов.

— Кажется, его покусали.

— И что теперь с ним будет?

— Без понятия. Но на базу я его такого не потащу. И есть еще одно обстоятельство. — Проводник выразительно кивнул на Бокса. — Мы тут хорошую заваруху пережили, но часто бывает и покруче. Если Централа переклинило сейчас, то чего от него ждать в будущем? А вдруг он снова своих валить начнет? Ладно, если тебя... А если меня?! В общем, Швед, тебе как новичку предоставляется право выбора. На Централа, конечно, зла больше, но легче добить Бокса, поверь мне. Он и так почти труп.

— Сделай это сам, какая тебе разница... — глухо произнес Сергей. — Обоих. Если выхода нет... сделай сам. Пожалуйста.

— Хрен тебе, — спокойно ответил проводник. — Мы для этого и топаем в город пешком. Специалистом за один день ты не станешь, но в конце пути поймешь, куда пришел. А избавлять друзей от мучений все равно когда-нибудь придется. И лучше раньше, я-то знаю. Только так ты сможешь рассчитывать на то, что тебя тоже не бросят.

Сергей был готов ко многому, но к такому — точно нет.

Хаус взял в руку его ладонь и вложил туда горсть патронов.

— Держи, ты просил.

После этого проводник уверенно зашел Централу за спину и, подняв двустволку, выстрелил ему в затылок. Без радости, но и без скорби. Добил, как ту собаку возле холма. Просто выполнил обязанность, которая на него свалилась.

Сергей проглотил комок в горле и задумчиво погладил ружье. Затем наметил, где у Бокса находится сердце, прижал ствол ему к груди и сделал то, что требовала Зона.

И сразу перезарядил обрез. Это он уже усвоил твердо.

— Отнесем Централа с дороги, — предложил Хаус. — Снорков пусть другие растаскивают, если они кому-то помешают. А человека бросать не будем.

Шведов подошел и взялся за ноги, при этом левое колено Централа отчетливо хрустнуло.

— Хоронить тут не принято? — спросил он, скрипнув зубами.

— Зона и так сплошное кладбище. Куда ни плюнь — везде чей-то прах. А могилы все равно падальщики разорят. Лучше и не закапывать. И еще патроны у них заберем, — деловито добавил Хаус. — Покойникам они уже без надобности, а нам это поможет не присоединиться к ним раньше времени. Противогазы у них все в кровище, обрезы вообще ничего не стоят, а вот боезапас — это важно.

Сергей вернулся к Боксу и обшарил его карманы. Получилось как-то удивительно буднично. Шведов нашел восемь патронов, переложил их к себе в пиджак и догнал проводника.

Следующие полчаса они прошли, не говоря ни слова. За Новошепеличами появилась рукотворная, но давно одичавшая еловая посадка — миновали и ее. Из всех признаков цивилизации в поле зрения осталась лишь размытая грунтовка и редкие телеграфные столбы.

— Ты молодец. — Доктор Хаус первым нарушил молчание. — Я думал, не осилишь, не сможешь добить пассажира.

— Значит, я все-таки мог отказаться?

— Конечно. Но не отказался, и это хорошо. Сколько там на твоих не конфискованных?

Шведов не сразу и сообразил, о чем речь. Потом посмотрел на часы и, расстегнув брашлет, выкинул их в траву.

— Когда работали, была половина четвертого, — сказал он.

— А когда перестали?

— Говорю же: в половине четвертого.

— В смысле — давно ли это было? — терпеливо пояснил Хаус.

— В половине четвертого, — подумав, ответил Сергей.

Проводник озадаченно потер подбородок и рассмеялся:

— У меня в кубрике есть свободная койка. Чувствую, с тобой не скучно будет.

— Спасибо, согласен, — отозвался Шведов.

— А котлы твои сдохли, когда мы со снорками разбирались, потому что сейчас ровно пять.

— Это ты по солнцу определил?

— Ну да.

— Прямо настоящий следопыт... — без энтузиазма сказал Сергей. — А кубрик хороший? От выброса защищает?

— Нет, конечно, там же окно. Перед выбросом мы в бункер спускаемся.

— Что еще за бункер?

— Обыкновенное бомбоубежище. Это еще со старых времен осталось. Почти в каждом квартале такое есть.

— Значит, кубрик твой в обычном доме? Тогда это просто комната, а никакой не кубрик?

— Комната, — согласился Хаус. — Но мы говорим — кубрик.

— Потому что живете на военном положении, — закончил за него Шведов.

— Скоро сам все увидишь. Действительно уже скоро, — сказал он, вытягивая руку вперед.

Сергей присмотрелся — из-за леса у дальнего поворота медленно выплывал город: стандартные панельные дома, растушеванные в дымке, стоящие особым строем деревья и даже что-то похожее на колесо обозрения.

От созерцания его отвлек громкий, требовательный лай. Навстречу по дороге трусила одинокая черная собака. Хаус снял с плеча ружье и приготовился стрелять. Шведов, не задумываясь, подобрал на обочине камень и метнул его в зверя — без надежды попасть, но с искренним чувством.

— Пошла отсюда! — заорал он.

Собака на ходу развернулась и побежала обратно. Бульжник упал слева от нее, псина недовольно повернула голову, еще раз гавкнула и перешла на рысь.

— Ну или так, — улыбнулся Хаус. — О черт! Чуть не забыли.

Он остановился, снял рюкзак и достал аптечку. Комплект был полным, по норме «участие в боевых действиях», то есть включая возжеленный Централом промедол, но проводника интересовало не это. Он поддел ногтем и вытащил из коробки два небольших пенала малинового цвета, один из которых передал Шведову.

— Там шесть таблеток, жри все.

— Что это? — с опаской спросил Сергей.

— Цистамин, от радиации. Надо было еще до захода в поселок принять. Но лучше поздно, чем никогда, верно?

— Да хрен его знает... Шесть таблеток — не много?

— Не-е. В крайнем случае вырвет. Кстати! — Хаус выщелкнул из гнезда еще один пенал и, открыв его, одарил Сергея седьмой таблеткой.

— А это что?

— Этаперазин, противорвотное, — хохотнул сталкер. — Нет, я серьезно. От шести колес цистамина некоторые реально блюют. Вода кончилась, прожужешь так. На базе водкой полирнем, усилим терапевтический эффект.

Шведов с сомнением посмотрел на горсть таблеток в грязной ладони, пересыпал их в другую, еще более грязную, и закинул в рот. В конце концов, если бы Доктор Хаус захотел лишить его жизни, он мог бы сделать это уже тысячу раз.

Сергею стало так горько, что все другие проблемы вылетели из головы.

— Помогает? — спросил Хаус, громко разжевывая таблетки.

Шведов энергично закивал, чтобы не нарываться на добавку.

— Потом, правда, почки поболят, — предупредил сталкер. — Но не долго, не долго.

— Там действительно будет курица? — поинтересовался Сергей в попытке выжать из себя хоть немного слюны.

— Курица?! — удивился Хаус. — Какая еще курица?

— Жареная.

— А девственниц персидских тебе не надо?

— Ты говорил Кабану... когда мы уходили с острова... — Шведов, кривясь, сделал несколько глотательных движений, и горечь частично провалилась в желудок. — Ты сказал Кабану, чтобы жарили курицу к нашему приходу.

— Это я шутил, неужели не ясно? С деликатесами тут напряг, — признался Хаус. — Тушенка, завтрак туриста, каши всякие консервированные. Все в банках, короче. И ничего другого я тебе тут жрать не советую. Будут угощать — воздерживайся. Один крендель у нас рыбы наловил недавно. Вечером наелся до отвала, а утром все свои зубы на подушке нашел. К обеду отнесли его в яму, облили бензином, да и сожгли от греха. Мертвого уже, конечно, — уточнил проводник.

— И про то, что деньги у Кабана занял, — тоже шутка?

— Это нет. Почему? Действительно занял, сотку евро. На прошлой неделе.

— Зачем он тебе одолжил, если ты в такие походы собирался?

— Он тогда не знал, что мне походы светят, как ты выражаешься. Я чувствовал, что влепят мне проводки, хотя надеялся на две, а дали, сука, три. Ну ладно, вроде, живой, и все позади... А в тот момент он еще был не в курсе, что мне взыскание положено.

— А кто тебе взыскание объявил?

— Сам Кабан и объявил.

— И сто евро не пожалел...

— У нас дисциплина, — серьезно ответил Хаус. — Это дороже денег.

— Но зачем ты эти деньги у него взял-то? Что ты здесь купить собирался?

— Слушай, ну ты не врубаешься абсолютно! — начал злиться Хаус. — Зачем-зачем... Просто я немножко суеверный. Чтобы Кабан нарушил правила и прислал за нами вертолет, сотни не хватит. Но ее вполне достаточно, чтобы он держал за меня кулаки. Вот и все. Сейчас дойдем, и отдам. А ты вообще с какой целью справки наводишь?

— Просто вникаю, — пожал плечами Сергей. — Меня, вероятно, тоже что-то подобное ожидает.

— Я на твоём месте мечтал бы о чем-нибудь более светлом.

— Я и сам не хочу, веришь? Мне ваших чудес уже во как хватило! — Шведов постучал себя пальцами по кадыку. — Но без залетов службы не бывает.

— Тоже правда, — печально проговорил Хаус.

Город приближался не так быстро, как хотелось бы, но Сергей уже начал различать в серых прямоугольниках отдельные этажи, и это поднимало настроение.

— Стой, — неожиданно шепнул проводник. — Не шурши.

Сергей замер в широком шаге, напряженно вслушиваясь в слабое дуновение ветра. Только палец на спусковой крючок положил — так, на всякий случай.

Кто-то шел по дороге из города, похрустывая гравием и негромко, но беспечно переговариваясь.

— Я завалю его, он уже достал, — донеслось до Шведова.

— Ничего ты ему не сделаешь. Он хоть и гнида, но за него многие впрягутся. Сыча завалишь — сам не долго проживешь, — ответил кто-то другой.

Из-за невидимого за кустами поворота возникли трое мужчин в одинаковых комбинезонах болотного цвета. Вооружены они были гораздо серьезней: два автомата и снайперская винтовка.

— Это опасно? — одними губами спросил Шведов.

— Поди разбери... Подождем.

Незнакомцы их тоже заметили, но, не подавая вида, продолжали идти навстречу, хотя в осанке и в походке у всех троих появилось что-то настороженное, хищное.

— Пушку опусти, — приказал проводник Сергею.

— Ну, привет! — бросил один из бойцов, замедляя шаг.

— Ну, здорово, — осторожно ответил Хаус. — Прямоком из города? Чего хорошего нашли?

— Что нашли, то забрали. А у вас как дела?

— Снорки были. Теперь там, возможно, тушканы.

— Прямо на дороге?

— Мимо не пройдете, — кивнул Хаус.

— Да я уж догадался, — ответил боец, критически оглядывая Шведова.

Сергей не понял, что привлекло внимание незнакомца — гражданская одежда или кровь на ней. Но в любом случае он чувствовал себя неловко среди людей в униформе.

— Ладно, двинули, — сказал боец своим спутникам, по-прежнему держа автомат стволом вниз. — Эй! — спохватился он, пройдя несколько метров. — Антибиотиками не богаты?

Хаус молча запустил руку в рюкзак и кинул мужчине аптечку.

— Мерси! — отозвался тот. — Что вам взамен дать? А то вы совсем как бомжи.

— Бомжи аптечками не бросаются, — проворчал Хаус. — Счастливо, не хворать.

— Ну, бывайте!

Троица направилась дальше в сторону Новошепеличей.

— И все-таки я его завалю! — продолжил разговор кто-то из бойцов.

— Сыча? Да расслабься. Его купить дешевле, чем убить.

— О чем это они? — поинтересовался Шведов.

— Не вникай, у них свои темы, — отмахнулся Хаус.

— Это и есть дикие?

— Они самые.

— И в чем же их дикость?

— В неорганизованности. Сегодня нам попались вольные сталкеры, которые были настроены доброжелательно. А завтра все может обернуться совсем иначе. И в принципе эта короткая встреча была опаснее, чем стычка со снарками.

— Да ну... — с сомнением произнес Шведов.

— У снарков нет автоматов, — пояснил Хаус. — Ладно, сам все поймешь. Со временем.

За плотным массивом кустов Сергей увидел тот самый поворот, откуда вышла тройка диких.

— Нам туда, — сказал проводник, показывая на низкие, бликующие от солнца постройки.

— Там что, теплицы? — щурясь, спросил Сергей.

— Когда-то были. Это, считай, уже город.

Метров через двести Хаус сошел с дороги и начал плавно забираться в сторону, увозя Шведова на пересеченную местность. Сергей не возражал и не лез с вопросами, он давно уже понял, что каждый шаг проводника по Зоне чем-то обоснован.

Как выяснилось, река постоянно находилась рядом, скрываясь за холмами и перелесками. Почти все время группа двигалась вдоль берега, хотя проводник и старался держаться от него подальше. Лес расступился, и слева опять за клубились рваные клочья тумана. Река змеилась, выплескивалась на отмели, распадалась на узкие рукава и снова собиралась в единое русло. Из тумана доносились то вой, то рычание, то многоголосый гвалт собачьих стай.

Сергей напряженно смотрел вперед. Парниковое хозяйство занимало огромную территорию и когда-то, вероятно, кормило овощами всю Припять, но сейчас оно напоминало модель Хиросимы после ядерного удара. Длинные каркасы теплиц были похожи на скелеты доисторических монстров с переломленными хребтами. Кое-где блестели чудом уцелевшие стекла, которые выглядели так же странно, как золотые фиксы в пасти полусгнившего покойника. Все это торчало в буреломе из покореженных рам и было усыпано тоннами осколков.

— Какая-то полоса препятствий, — высказался Шведов. — Для тех, кто решил сделать себе харакири, но боится брать на душу грех самоубийства. Мы же здесь не пройдем!

— В гущу-то мы не полезем, — ответил сталкер. — Мы по краешку. Вот где точно не прошли бы, так это по дороге. Дальше на перекрестке разлом, и кого там только нет! Логова кровососов, как ласточкины гнезда, их даже не сосчитаешь. А сюда зверье соваться не любит, тут кругом битое стекло и ржавые... Черт! — Он запрыгал на одной ноге, поджав вторую, с приставшей к сапогу доской. — Гвозди, м-мать!

Доска держалась на подошве крепко, оставалось только догадываться, насколько глубоко вошел гвоздь.

— Обопрись, — сказал Шведов, протягивая руку.

Проводник сделал прыжок навстречу и, уже коснувшись пальцами его ладони, неожиданно рухнул на спину.

— Ну, йо!.. — вскрикнул он не то от досады, не то от боли.

Вторая нога оказалась зажата между двумя брусками, и это было гораздо серьезней, чем дырка в пятке.

— Ты прямо в капкан угодил, — с сожалением произнес Сергей. — Мог бы сразу без сустава остаться. Хотя еще не факт... Пошевелить можешь?

— Нет! — мучительно выдохнул сталкер.

— Что-то не везет нам на переломы. Сначала Централ, теперь ты...

— У меня не перелом.

— Откуда тебе знать? Идти все равно ведь не сможешь.

— Да точно не перелом! Простой вывих!

У Хауса в глазах вдруг промелькнула тревога, быстро сменившаяся отчаянием. Он осторожно протянул руку за обрезом, но ружье при падении отлетело слишком далеко. Проводник хлопал по земле ладонью, но достать обрез не мог. Вспомнив о запасной двустволке, он завел руку за голову, но снова не дотянулся: рюкзак съехал к самой пояснице. Хаус беспомощно поерзал на спине и решил все-таки ползти за своим обрезом.

— Не надо глупостей. — Сергей предусмотрительно поднял его ружье.

— Ты что надумал? — прошипел сталкер.

— А ты что бы сделал на моем месте?

— Я бы... — Хаус медленно покачал головой. — Тут уже близко! Уже не далеко!

— Близко и не далеко... Понятно. — Сергей опустил глаза. — А ведь ты меня точно застрелил бы. Скажешь, нет?

— Не знаю, Швед, не знаю...

Сталкер попытался сесть, чтобы вытащить из-за спины рюкзак, но Сергей толкнул его ногой и заставил снова улечься.

— Ты без меня не найдешь, куда идти, — торопливо проговорил Хаус. — Город не такой уж маленький. Заблудишься, нарвешься на кого-нибудь... У тебя же на морде написано, что ты здесь человек случайный. Тебя любой охламон завалит.

— Ты действительно никому не веришь? — спросил Шведов. — Вообще никому? Как же ты живешь?

— Ой, только не надо вот, не надо! — скривился сталкер. — Если надумал — делай! Ну?! Делай, говорю! Или что... Может, ты меня бросить решил? Просто бросить, да?! Так не поступают. Нет... Слышишь? В Зоне так не поступают!

— Я знаю, как поступают в Зоне. Уже посмотрелся. — Сергей не спеша переломил ствол и проверил патронник.

Ружье, как всегда, было заряжено.

Глава седьмая

— Есть у меня бутылка вискаря. Литрушка «Блэк Лейбл», красивая такая, в коробке. Если живы будем — заквасим ее, родимую. Я много раз уже хотел, но всегда что-то останавливало. Несколько месяцев прятал ее и от других, и от себя. Хотел сберечь для чего-нибудь важного. Типа для особого случая.

— А что, сейчас особый?

— Думаю, вполне. Меня не каждый день на спинке катают.

— Меня, надеюсь, тоже кто-нибудь когда-нибудь прокатит при необходимости.

— Сплюнь, брат, сплюнь.

— Ты помолчал бы, а то тяжело ведь. Дыхалка сбивается. А мне тебя еще тащить и тащить.

— У вас в СБУ все такие хорошие?

— Я не служу в СБУ, — проскрежетал Шведов.

— Ладно, ладно. Просто поговорить хотелось. — Хаус дернул локтями, обнимая Сергея покрепче.

Телосложение у проводника было заурядным, но если учесть всю его снаряду от худых сапог до рюкзака, то получалось, что Шведов несет на спине доброго тяжеловеса.

Шли уже около часа — так сказал Доктор Хаус, взглянув на солнце. Сергей был уверен, что сталкер врет и тащатся они уже часа три.

— Ты душа-а, душа-человек, — пропел сзади проводник.

— Не пыхти мне в уши. И вообще не трепись! Брошу.

— Не-е, теперь уж точно не бросишь. Я тебя понял. Ты правильный.

— Хватит в уши дышать, я возбуждаюсь! — огрызнулся Шведов. — Лучше скажи: ты с двух рук стрелять можешь? А я тебя подержу, если что.

— А что? — встрепенулся Хаус. — Увидел кого-то?

— Да не вертись ты! Никого я не увидел. Так, на всякий случай спрашиваю.
— На всякий случай — могу. Меткости не гарантирую, но шума наделаем. Да тут уже близко.
— Да ты с самого утра это повторяешь!
— Ну правильно. Семь километров — разве много?
— Вот, блин, не думал, что семь километров можно от рассвета до заката топтать...
— Можно и дольше, как повезет.
— Лучше бы ты все-таки помолчал. А если нейдет, то давай о чем-нибудь позитивном. Ты, значит, все серии «Доктора Хауса» смотрел? Вот и рассказывай.
— Что там рассказывать? — удивился проводник.
— Все. А то я только четыре сезона видел, потом времени не было.
— Да ну. Прямо такой занятой?
— Учился, — буркнул Сергей.
— Где, если не секрет?
— Да какие уж секреты... В Академии СБУ.
— Ах, да! Так за что тебя оттуда выгнали-то?
— Сам виноват.
— А подробнее?
— Эй, тебе там не слишком удобно? — разозлился Сергей. — Начали с сериала, а закончили тем, что я тебе еще и сказки читать должен?!

— Сказок не надо, — ответил Хаус.
— Ну вот и помолчим тогда, — предложил Шведов.
Черту города пересекли незаметно, Сергей не уловил момента, когда они оказались в Припяти. Разоренные теплицы остались позади, какое-то время Шведов нес Хауса по сухой, местами выжженной траве, и это, совершенно очевидно, был еще пригород. Потом на пути оказался бордюрный камень, Сергей его перешагнул и вдруг сообразил, что сошел с газона на асфальтовый тротуар обычной городской улицы.

Так он и вошел в Припять: без фанфар и пальбы, хрипя от усталости, смаргивая натекающий со лба пот и не видя уже ничего, кроме маленького пятка под ногами. После такого долгого пути Шведов представлял себе это событие иначе. Он ждал чего-нибудь значительного, запоминающегося, а в итоге получил... что-то вроде одноразовой шариковой ручки на столетний юбилей. Ничего то есть не получил. Настроение было скверным.

— Сейчас вправо, там переходим на другую сторону и на третьем повороте — налево, — обратился сталкер к Шведову, словно к таксисту. Разве что не прищиприл.

— «Переходим», говоришь? — крикнул Сергей, из последних сил встряхивая сползающего по спине Хауса. — Спасибо хоть не «перебегаем». Ты ногами сильнее держись, что ты на шее повис, как внебрачный отпрыск? И рюкзачок твой, кстати... рюкзачок надо было бросить давно. Сколько он весит со всей этой фигней ненужной?

— Ненужного в рюкзаке нет, — отрезал проводник. — А с ногами у меня дела неважные, сам знаешь. Не могу я ими держаться. Да ты переходи улицу, не оглядывайся. Авось не задавят.

Шведов сошел с тротуара на мостовую и направился по диагонали к противоположному дому. Проезжая часть была узкой, в две полосы, хотя сейчас называть ее так казалось кощунством. По этой улице не ездили уже много лет. Асфальт потрескался, а местами грунтовые воды подмыли его так, что он провалился длинными канавами. Из дыр в дорожном полотне беспардонно лезли кусты и даже деревца — растения, так долго таившиеся под гнетом цивилизации, теперь будто брали реванш. Трава пробивалась повсюду: из каждой трещинки торчал хоть маленький, да росточек, а в трещинах пошире стебли разрастались в густые копыны. В некоторых пучках травы что-то цвело, и в принципе это выглядело даже симпатично. Это можно было бы принять за причудливый парк — если только выкинуть из головы название города.

Дома на фоне атакующей повсюду растительности выглядели как неживые декорации. В основном Сергей видел панельные пятиэтажки, но из-за дальних крыш выглядывали башни повыше.

— Вот здесь, — подсказал Хаус, когда Шведов добрел до углового здания с выбитыми витринами и двойной вывеской «Перукарня — Парикмахерская».

Сергей свернул в проулок, выходящий к какому-то широкому проспекту.

— Ну-ка, держи меня покрепче! — велел проводник и, подняв обрез высоко над головой, сделал два выстрела вверх с интервалом в секунду. — Все, отмучились. Вон лавочка, гляди. Давай сядем, я и то устал.

Шведов свалил сталкера на скамейку и тут же рухнул на нее сам. Ни рук, ни ног, ни спины он не чувствовал. Прикрыв глаза, Сергей запрокинул голову и мечтал сейчас только об одном: чтобы его не тревожили. Хотя бы пять минут. Хотя бы три. Чтобы ни одна сволочь не посмела...

— Нормально тебе, удобно? — обронил Хаус. — А сзади у нас что, не заметил?

— Что? — не двигаясь, простонал Шведов.

— Клумба здоровая, на ней бурьян по пояс, а в бурьяне — снарки!

— Где?! — Сергей конвульсивно дернулся, схватил с лавки обрез и обернулся назад.

— Они могли бы там быть, — наставительно заметил Хаус.

— Я убью тебя...

— Ага. Если самого раньше не сожрут. Нельзя здесь расслабляться, сколько раз повторять? Мутантам фиолетово, как ты устал и в какое место ранен. Им от этого только лучше.

— Да я понял, понял, — промычал Сергей, отмахиваясь от проводника, как от мухи. — Я буду бдителен. Клянусь. Но только не сейчас.

— Твое «сейчас» может оказаться последним. В любой момент. И чем чаще ты будешь вести себя как раздолбай, тем быстрее это с тобой произойдет.

Хаус собирался сказать что-то еще, но со стороны проспекта послышался шум. Из-за поворота выбежали четыре крупные собаки и понеслись прямо к скамейке.

— А вот и они, — удовлетворенно произнес проводник.

Вслед за псами, визжа резиной, на перекресток выскочил открытый джип с пулеметом на высокой турели.

— Ни хрена себе... — только и сказал Шведов.

Псы мчались не к лавочке, они убегали от машины. Как только джип выровнялся на дороге, стоявший за пулеметом человек выпустил несколько коротких очередей. Сразу две собаки, словно наткнувшись на препятствие, поднялись в воздух и пролетели с десятков метров. Через мгновение пули достали и третью: пес плашмя проехался по асфальту, оставив на нем длинный темный след. Четвертая собака успела добежать до конца дома и скрылась во дворе.

Джип затормозил и подъехал к тротуару. За рулем сидел Кабан. Чак за пулеметом деловито возился с замком, фиксируя ствол на турели.

— И это всё?! — крикнул Кабан Хаусу.

— А как ты думаешь? — хмуро отозвался сталкер.

— Ясно. Ну и что ты здесь расселся?

— Я сам не дойду, ногу вывихнул.

Командир недоуменно смерил взглядом расстояние от лавки до мостовой.

— Ну, пусть пассажир поможет, — сказал он.

— У него вообще сил нет, — мотнул головой Хаус. — Тасил меня на горбу от самых теплиц. Без привалов.

Кабан перевел взгляд на Сергея и несколько долгих секунд всматривался в него, как в старого знакомого, чье имя не удастся вспомнить. Затем он покинул машину и приблизился к Хаусу. Чак закончил копаться с пулеметом и, прыгнув, подошел к проводнику с другой стороны. Вдвоем они взяли сталкера под руки и перенесли в кабину, на переднее сиденье.

Шведов, не дожидаясь приглашения, враскачку поднялся со скамейки и дотащился до джипа. Это определенно был УАЗ, но какой модели, Сергей так и не понял: то ли сильно покопанный «Хантер», то ли, наоборот, доведенный до ума «четыре-ста шестьдесят девятый». В машине было что-то узнаваемое, из самого детства, но ее покрывало такое количество вмятин и царапин, словно ее использовали в качестве ледокола. Шведов забрался назад и сел рядом с Чаком. Тот повернулся и по примеру командира рассмотрел Сергея в упор. На его маленьком зверском лице между черной бородой и черными бровями вдруг возникло какое-то теплое выражение — впрочем, всего на один миг.

Кабан выкрутил руль и резко тронулся, развернувшись через весь переулок, с заездом на противоположный тротуар. Шведов с Чаком одновременно схватились за поручень и тут же откинулись назад: водитель придавил педаль газа по-юношески горячо, без оглядки на правила дорожного движения. Ни движения, ни, соответственно, его правил в Припяти давно уже не было.

На магистральной улице Сергею показалось интересней: дома здесь стояли большие и, главное, разные. Где-то еще сохранились вывески и витрины, где-то их не осталось, но назначение зданий легко можно было угадать по архитектуре. Когда-то это был благополучный и, возможно, даже счастливый город. «Проспект Строителей» — прочитал Шведов на случайно уцелевшем указателе.

Машина пролетела несколько перекрестков и, уходя в глубь города, свернула налево. Сергей от такого маневра привычно испугался, но снова вспомнил, что сплошной линии, которую они вероломно пересекли, на этой дороге давно не существует.

Поездка закончилась на небольшой улочке возле четырехэтажного дома казенного вида. Двери на входе стояли широкие, двойные — некрасиво, но добротно сваренные из толстых листов железа. Над крыльцом нависал козырек с проржавевшим крепежом для светящейся вывески, но какое тут раньше висело слово, определить было невозможно. Фасад неоднократно обстреливали, и от пластика на козырьке не осталось даже осколков.

Кабан посигналил, дверь тут же приоткрылась, и из-за нее выглянул молодой парень.

— Зови кого-нибудь, Доктора к врачу отнести надо, — распорядился командир.

Паренек растерянно поморгал и, наконец сообразив, скрылся. Вскоре из подъезда вышли трое бойцов, которых Сергей вряд ли смог бы отличить от диких сталкеров, повстречавшихся на дороге у Новошепеличей. Здесь все носили примерно одно и то же: сапоги или высокие ботинки, плотные брюки с накладными карманами, маскировочные куртки или комбинезоны болотного цвета. Бойцы извлекли Хауса из машины и понесли к дому.

— Швед! — позвал проводник. — Поднимайся на четвертый этаж и иди по коридору. Справа увидишь дверь с номером... или с табличкой. Дверь открыта. Заходи и располагайся.

— Так с номером или с табличкой? — не понял Сергей.

— Разберешься, — загадочно улыбнулся Хаус и хлопнул бойцов по спинам: — Вперед! Шведов вопросительно взглянул на Кабана.

— Иди, поднимайся, — подтвердил тот. — Я надеюсь, долго его не задержат.

Сергей отдал свое ружье Чаку и, пропустив добровольных санитаров, зашел вслед за ними в подъезд. Хауса понесли куда-то по длинному проходу, а Шведов через вторые двери направился к лестнице. Похоже, это была гостиница самого что ни на есть эконом-класса для мелких командированных специалистов.

В холле второго этажа стояли несколько человек, все в том же камуфляже. Когда Сергей появился на лестничной площадке, они прервали разговор, довольно холодно осмотрели новичка и демонстративно отвернулись.

Шведов поднялся до четвертого этажа и вышел в коридор. С обеих сторон тянулись ряды дверей, штук по десять в каждом. Ни одной таблички с номером Сергей не обнаружил — на дверях висели сплошь плакаты да какие-то фотки, в основном с недетскими групповыми сюжетами. Он растерянно шагал по скрипучему рассохшемуся паркету и уже собирался поворачивать назад, когда неожиданно понял, о чем говорил Хаус.

Номер на двери проводника все-таки был — автомобильный. Почему-то латвийский, синего цвета. Блатной, без цифр, а с одними лишь буквами: «HOUSE MD».

Сергей уверенно толкнул дверь и оказался в обычном гостиничном номере, вполне соответствующем впечатлению, которое Шведов составил еще в холле. Холодильника и телевизора в комнате не было. Причем не было никогда. Ванной и туалета тоже не оказалось — видимо, советским командированным полагалось довольствоваться общими удобствами на этаже. Но поскольку водопровод и канализация в Припяти едва ли могли работать, отсутствие унитаза в кубрике не играло никакой роли.

Что из гостиничной утвари осталось нетронутым, так это мебель. В номере стояли две кровати, казенного вида тумбочки, тоже две, и огромный шкаф. На окне висели шторы цвета мокрой грязи, которые вдруг пронзительно напомнили Шведову занавеску в кабинете вербовщика. Страшно подумать, но ведь это было еще вчера — черный флаер, крутая лестница вниз и бестолковый разговор в подвале зоомагазина.

Сергей вспомнил его название и невесело усмехнулся. «Странные Друзья». Да, прошло чуть больше суток. А как будто половина жизни.

На обеих койках лежали голые матрасы с подушками без наволочек. Шведов попробовал угадать, какая из кроватей свободна, но, махнув рукой, завалился на ту, что была ближе.

— Я же сказал, что вывих! — раздался бодрый голос.

Сергей открыл глаза и оторопело уставился на Хауса. Тот потряс в воздухе эргономичным алюминиевым костылем:

— Вывих, не перелом. Уже не сильно-то и болит.

С трудом отгоняя сон, Шведов сел на кровати.

— Долго я спал?

— А кто тебя знает. Полчасика, наверно. — Хаус, забавно прихрамывая, добрался до тумбочки и с видом черного мага достал обещанный «Блэк Лейбл». — А посуда у тебя. — Он показал костылем на вторую тумбочку. Кажется, ему нравилась временная хромота. Во всяком случае, он делал все, чтобы его травма была заметна.

— Нам бы пожрать чего-нибудь... — обронил Шведов, выдувая пыль из граненых стаканов. — Еда есть?

— Ты на ней сидишь. Посмотри под кроватью.

Сергей нагнулся и увидел на полу коробку тушенки.

— Это все? — спросил он.

— Тебе мало?

— Я в смысле разнообразия.

— А, так я же тебя предупреждал. Разнообразия нет. Есть только тушенка.

— Да, я забыл, — буркнул Шведов, выдвигая коробку. — Мне бы еще переодеться во что-нибудь.

— Это конечно. — Проводник дотянулся костылем до шкафа и открыл дверцу, да так ловко, словно тренировался годами. — Бери любую куртку, какая понравится, а остальное завтра утром получишь, после построения.

— У вас тут построения? — удивился Сергей. — Может, мне еще и присягу принимать надо будет?

— Нет, у нас проще.

Шведов встал и приблизился к гардеробу. На старых деревянных плечиках висел десяток полевых курток. Совершенно одинаковых.

— И здесь его нет, — пробормотал он.

— Чего нет?

— Разнообразия.

— А-а... — Хаус плеснул в стакан виски на два пальца, немного подумал и решительно долил до половины.

— Не многовато ли натошак? — засомневался Шведов.

— Нормальненько. — Он понюхал напиток и поднял руку в стремлении чокнуться. — С устатку сейчас либо сразу скопытишься, либо второе дыхание откроется. И то, и другое — неплохо, я считаю. Скоро выброс, но здесь тебя не оставят.

— Не надо бы мне пить... — страдальчески вздохнул Сергей и, звякнув доньшком о стакан товарища, выпил.

— Вкусно? — с азартом спросил Хаус. — Ништяк, нет? Ну, скажи!

— Мне по барабану, — признался Шведов. — Не ценитель я. Бухло — и есть бухло.

— Да ты не распробовал! — Проводник нетерпеливо разлил еще по сто граммов. — Понюхай сначала! Ты не морщись, а просто понюхай.

— Чего там нюхать? Сено горелое. Ох... слишком уж мы ускоряемся. Через это дело все мои неприятности приходят.

— Что еще за неприятности?

— Ну с Академией, например, — неохотно произнес Сергей.

— А, забей. Это там осталось, на том берегу. На, поешь лучше. — Хаус виртуозно вскрыл ножом банку тушенки и поставил ее на тумбочке перед Шведовым.

Тот зацепил ломтик мяса посимпатичней и, почти не жуя, проглотил.

— Вот это — действительно вкусно! — затряс головой Сергей.

— Эх ты, лапоть перепутанный! Ничего, исправим. Ты кушай, кушай, — умилился сталкер, поднимая стакан.

Снова чокнулись и выпили. На душе заметно потеплело. Усталость как будто начала уходить. Значит, все-таки второе дыхание, решил Шведов.

— Это у тебя третья проводка была? — спросил он.

— Последняя, слава богу.

— Две предыдущие с такими же потерями закончились?

— Те были попроще. То ли сильно везло, то ли сегодня черный день. — Хаус помолчал. — Совсем черный... Такого у меня еще не было.

— А я думаю, тебе плевать на всех, кто там остался, — неожиданно заявил Сергей.

— На Бокса точно не плевать.

— Ну... Бокс — да, ни за что пострадал. А остальные...

— А кто остальные-то? — вскинулся проводник. — Централ? Он сам с катушек слетел. Да и без этого было ясно, что человек он говно. К тому же нога. Куда его тут с такой травмой девать? Это не то, что у меня, ты сам видел. А Обух — тот сразу пошел в отказ. Значит, вопрос не ко мне. Про Обуха с Кабаном перетрешь, если будет желание.

— Еще Олень, — напомнил Шведов. — Оленя вообще отдали собакам за просто так. Его Централ с Боксом с первой минуты травить начали, а ты и слова им не сказал.

— А что я должен был сказать? «Не гнобите нашего мальчика»? Если он сам не обращал на них внимания, то чем я мог ему помочь? Это же простые законы: тебя гнут, а ты сопротивляйся. У вас в армейке разве не так было? Везде так. Человека опустят ровно настолько, насколько он сам готов опуститься. Эти двое его по дороге все равно бы дотюкали до плинтуса и гвоздями к полу прибили бы. Я его анкету смотрел — он в армии не служил. В смысле, срочную не прошел. Сразу в военное училище рванул. Давай стакан.

— Куда ты, куда ты накатываешь?!

— Во, закудахтал... Тут уже добить проще, чем оставить. — Хаус показал половину бутылки и невозмутимо отмерил еще по сто.

— Ну военное училище, и что? — сказал Сергей. — Почему тебя это волнует?

— Ты просто не видел таких офицеров. А я под ними служил.

Проводник замолчал и уставился на бутылку. Шведов подумал, что это, наверное, к лучшему. За вспышкой ненависти к несчастному Оленю маячила какая-то болезненная для Хауса тема, и трогать ее не стоило, разговор и так зашел слишком далеко.

— Дело не во мне, — все-таки продолжил Хаус после долгой паузы. — Когда я узнал, из каких он войск, у меня внутри все перевернулось. Отдельный береговой ракетный дивизион — это как раз то место, куда мой кореш служить ушел. И откуда он не вернулся. Часть у него другая была... а может, и та же самая, я номер не помню. Да и какая разница?

При чем тут номер?... Вот такие вот гниды его и угробили, моего друга. А знаешь, как это произошло? Теперь уж я расскажу, вывел ты меня на нервы... Давай!

Хаус опрокинул в себя стакан и, с шумом проглотив, медленно выдохнул.

— Красота... — молвил он. — В общем, история не длинная. Служил мой друг, ждал дембеля, все было нормально. И однажды такой вот офицерик, заступивший в наряд дежурным по части, отправил кореша на кичу. С температурой тридцать восемь. Как тебе это? И посадили его в одиночку, где никто даже в дверь постучать не мог, чтобы врача вызвали. Было это после обеда, а к ужину температура поднялась до сорока одного. Ужин на кичу доставили, поэтому камеру и открыли. Если бы не ужин, то открыли бы только утром. Хотя это было уже не важно. В санчасть кореша привезли мертвого. Ехать там буквально десять минут. Вот за эти десять минут он и умер. — Хаус сжал кулак и бросил руку вниз, бессильно разрубив воздух. — А теперь самое интересное. За что посадили кореша. Может, водки нажрался или харю кому-то разбил? Может, нагрубил офицеру или свалил в самоход? Какие будут версии?

— Откуда мне знать... — буркнул Шведов.

— Его посадили в каменный мешок с температурой тридцать восемь за то, что он не хотел ложиться в санчасть.

— Не понял, — покачал головой Сергей.

— Тебе повторить?

— Да нет, я слышал. Просто логики не вижу.

— Логика?! Ее тут нет! Какая, на хрен, логика? Человека убили за то, что он плохо заботился о своем здоровье.

— А кстати, почему он отказался-то? Тоже не ясно.

— У них такая часть была. Реальная, не показушная. Два раза в год заступала на боевое дежурство. Там просто запахло было лежать в больничке, особенно для дембеля. Теперь ясно?

— Теперь да.

— А тот офицерик, который его отправил на кичу, так и не врубился. Потому что он сраный теоретик. Он командовал людьми, но о жизни этих людей он ничего не знал и знать не хотел.

— Мне кажется, ты выводы делаешь... слишком глобальные.

— Какие еще выводы, Швед? У меня был друг. Мы ушли служить одновременно. Я вернулся, а он нет. Вот и вся арифметика. Тут нет никаких выводов. Когда я увидел Оленя, этого теоретического старшего лейтенанта, его таймер затикал сразу же. А что с ним стряслось — сам убился или собаки загрызли, — это не так важно. Я бы не стал стрелять в него без повода, но этот повод нашелся бы очень скоро.

— Грустная история, — согласился Сергей. — Ну и что дальше? Теперь ты превратился в истребителя старлеев? Особенно тех, которые служили в каких-то там ракетных дивизионах? Сколько ты их уже угробил?

— Ты опять меня не услышал, — сокрушенно сказал Хаус. — Ты вообще ничего не понял. Перед кем я тут распинаясь... Олень — первый и последний, — внятно произнес проводник. — Я был бы очень большим человеком, если бы в каждом офицере видел личного врага. За кого ты меня принимаешь?

— Я действительно запутался, — пробормотал Шведов. — Ты копил в себе злость, а потом свалил чужую вину на Оленя, который к твоему другу вообще никаким боком. И ты считаешь это правильным? Если хотел поквитаться за кореша, то надо было того старлея искать, того самого, который...

— Да видел я его, — перебил Хаус, сдвигая вместе пустые стаканы. — Того самого. Обычный такой чувак, не сволочь вроде и не тупица. Нормальный.

— Ну, так что же?... Что ты с ним сделал?

Сталкер замер и впервые оставил бутылку в сторону, так и не налив.

— Ничего, — тихо сказал он. — Это было в Москве, на Курском вокзале. Столкнулись случайно. Вернее, это я на него наткнулся, потому что рожу его помнил по фотографиям,

которые от друга остались. Хорошо-о помнил... Но что я там мог, в Москве? Убить его? А потом сидеть до старости? Я не испугался, пойми. Даже если бы я его до переулка какого-нибудь довел — все равно не убил бы. Просто... на Большой земле так не принято. Там другая жизнь, совсем другая.

— Это уж точно, — вставил Сергей.

— А здесь все иначе. Здесь я того старлея пришел бы без суда и отходной молитвы. И глазом не моргнул бы. Потому что здесь в отличие от Москвы принято именно так. Здесь это правильно. Придави гниду, и бог спишет тебе один грех. Вот поэтому, — сталкер понизил голос до шепота, — поэтому в Зоне и зависают надолго. Не за бабло. Денег заработать можно и там. — Он показал большим пальцем куда-то за спину. — Но вот чего там нет, так это ясности и справедливости. А здесь они есть. В Зоне, по большому счету, только они и рулят. Тут война, Швед, вечная война. А война — это просто и честно. Всегда.

Сталкер перевел дух и все-таки налил.

— Вот смотрю я на тебя... Хороший ты человек, Хаус. — Сергей поставил тушенку на тумбочку и покорно взял в руку стакан. — Я бы, наверно, хотел, чтобы у меня такой друг был. Но все-таки страшно мне рядом с тобой. Ты сам не заметил, как стал частью Зоны. Возможно, лучшей ее частью... Но я-то пока еще — человек с Большой земли.

— Загрузил я тебя, да? Привыкнешь. Вообще, когда я выпью, многовато болтать начинаю. Если откровенно, то за это меня с работы и поперли, а не за сериалы, — рассеянно улыбнулся сталкер. — Хотя сериалы я тоже смотрел, конечно. Но больше — трепался. Как корпоратив, так я говорю и говорю. Пью и опять говорю... — Хаус потупился.

В бутылке оставалось уже не много, и проводник заметно опьянел. Сергей и сам чувствовал, как нарастает шум в голове, а сальные обои в комнате начинают расплываться.

«В кубрике, — поправил он себя. — В кубрике, а не в комнате. Может, и правда привыкну...»

У Хауса в кармане вдруг что-то пискнуло, и какой-то мужчина с отменной дикцией произнес:

— Внимание! До выброса предположительно десять минут. Всем зайти в укрытие!

— О! — Сталкер поднял указательный палец. — Бегом. После третьего звонка в зал не пускают.

Прихватив с тумбочки недопитую бутылку, он заковылял к выходу.

— Уверен, что успеешь со своей палкой? — спросил Сергей.

— Здесь недалеко.

В коридоре захлопали двери, послышались торопливые шаги. Бойцы быстро, но без суеты выходили из кубриков и спускались по лестнице. Шведов держался возле Хауса, поэтому видел, как последний сталкер идет по коридору и заглядывает во все помещения, чтобы там никто случайно не остался. Был ли это дежурный, или кто-то проверял кубрики по собственной инициативе — Сергей не знал, но такой подход к делу ему понравился.

Убежище было действительно близко, Хаусу с костылем даже не пришлось выходить из гостиницы. На первом этаже лестница не заканчивалась, вниз вел еще один длинный марш, который упирался в последнюю площадку, покрытую обычным кафелем. В стене был открыт толстый люк с закругленными углами и запорным штурвалом. Рядом стоял Чак и то ли пересчитывал людей, то ли просто подгонял их мерными взмахами ладони.

Когда Хаус и Шведов вошли в убежище, Чак перешагнул через высокий порог, затворил люк и легко крутанул штурвал. Механизмы были в исправном состоянии и работали без скрипа.

По стенам стояли полумягкие сиденья, демонтированные с городских автобусов, под потолком висело несколько зарешеченных плафонов. Где-то наверху уютно стрекотал генератор, лампы светили неярко, но ровно.

— Внимание! До выброса пять минут. Всем срочно зайти в укрытие! — одновременно известили десятки КПК.

Народу в подвале было немало, но после того, как все расселись, места осталось еще достаточно.

— В норматив уложились, — удовлетворенно поговорил кто-то в углу.

Какой-то боец, увидев костыль, уступил Хаусу сиденье у входа.

— Пьем за моего нового друга! — громко объявил тот, потрясая бутылкой. — Пассажир нес меня на горбу от самых теплиц, вам ясно? — Хаус, нетрезво шурясь, оглядел помещение. — Кого-нибудь из вас пассажиры вытаскивали?

— Три минуты до выброса, — раздалось из карманов сразу отовсюду.

— Да вырубите вы эту шарманку! — потребовал он. — За моего друга... за нашего нового друга. За сталкера Шведа!

Охотников до виски в убежище оказалось много, бутылку растащили по глотку всего за пару минут. Хаус принялся навязчиво рассказывать о злоключениях группы на маршруте, и в каждом эпизоде Шведов почему-то выходил героем. Сам Сергей, убаюканный этим трепом, тихо сидел рядом и моргал все чаще. Обещанное проводником второе дыхание выдыхалось удивительно быстро.

Как только бутылка опустела, интерес сталкеров к Доктору Хаусу заметно понизился. Несколько человек продолжали его слушать, поглядывая на Шведова — кто с интересом, а кто и скептически, но большинство разбрелись по своим местам.

Вскореверху загрохотало — стены и пол завибрировали, а с потолка посыпалась бетонная пыль. Бойцы в убежище не обращали на это внимания: кто-то негромко переговаривался, кто-то резался в карты, один человек чистил пистолет, расстелив ветошь прямо на коленях. Общего впечатления о сталкерах Шведов составить не смог, люди были слишком разными. Кому-то явно перевалило за полтинник, кто-то, наоборот, вряд ли дотягивал до двадцати — здесь собрались мужчины всех возрастов, как на футбольном матче. Единственное, что их объединяло, это выражение на лицах. Хмурые, веселые, безразличные — они все были одинаково сосредоточены, в каждом чувствовалась уверенность. Проводник оказался прав: таких, как Бокс, тут было много, а вот сталкеров, похожих на Оленя, Шведов действительно не видел.

— Знаешь, о чем я сейчас подумал? — сказал Сергей.

— Про Обуха? — предположил Хаус. — Забудь. С ним уже всё. Как и с любым другим человеком, который не успел укрыться до выброса. Да и не только с человеком.

— Из ваших все успели?

— Народу в отряде гораздо больше. Остальные в других убежищах — кого где застало, тот там и схоронился. По крайней мере им стоит этого пожелать.

Гул незаметно стих, через пару минут Чак открыл люк, и сталкеры потянулись к выходу. Хаус стоял у двери, пропуская бойцов вперед, чтобы не задерживать их на лестнице. Некоторым он представлял Шведова лично, хотя рассказ о его героической проводке слышали почти все. Сергея это слегка смущало, но спорить с пьяным Хаусом было невозможно. Шведов отвечал на рукопожатия, стараясь запомнить хотя бы половину имен, и признавал, что все эти клички моментально вылетают из головы.

Как они поднялись на четвертый этаж, он уже не помнил. Последняя его мысль была о том, что такой удобной кровати он не видел за всю свою жизнь.

Похмелье оказалось тяжелей, чем можно было предположить.

— Таблетки во всем виноваты, — сказал Хаус таким тоном, словно от этого пояснения должно было полегчать. — Вискарь-то хороший.

— Хороший, — безвольно согласился Шведов. — Но будь я проклят, если еще раз на него поведусь.

— А больше и нету. Вставай, построение скоро.

Хаус достал из тумбочки бутылку водки и налил в оба стакана граммов по пятьдесят. От одного этого звука Сергея передернуло так, что зашаталась кровать.

— Никогда... — Он покачал головой. — Никогда больше...

— Умные женщины не верят мужикам как минимум в двух случаях, — рассмеялся Хаус. — Когда те обещают вечером и когда зарекаются утром. На, выпей.

— Я уже сказал.

— Похмелись, иначе до плаца не доберешься.

Чтобы прекратить спор, Сергей отнял у товарища стакан и выпил залпом, отчаянно, как будто прыгнул в прорубь. И тут же почувствовал, что животу становится теплее, а голове — легче. Сказать, что ему стало хорошо, было бы большим преувеличением, но похмельная доза по крайней мере помогла Шведову подняться с кровати.

Во внутреннем дворе гостиницы действительно был устроен настоящий плац — без разметки для муштры, но с четко прочерченной линией построения. Бойцы расслабленно слонялись по площадке — кто-то судачил, кто-то по-утреннему мрачно молчал, один любовно полировал ствол пистолета фланелевым лоскутом. Почти все были с оружием — с винтовками или автоматами Калашникова разных модификаций. Всего во дворе находилось человек сорок, примерно столько же, сколько вчера ночью было в укрытии.

— Становись! — свирепо скомандовал Чак.

Сталкеры быстро и довольно организованно заняли места вдоль белой линии. Хаус с клюкой встал за строем, незаметно прислонившись к стене. Шведов пробежал до конца шеренги и как новичок расположился в хвосте на левом фланге.

Никаких «равняйся-смирно» не последовало, к строю сразу вышел Кабан.

— Всем доброго утра, — произнес он умиротворенно, точно царь-батюшка на воскресном параде. — Как вы знаете, наш Доктор Хаус наконец-то отработал свои проводки. Он снова с нами... — Командир отыскал взглядом Хауса за шеренгой. — Правда, пока только мысленно. И, по его словам, он остался в живых лишь благодаря пассажиру. Сергей Алексеевич Шведов, так его зовут, помог добраться до города нашему драгоценному Доктору. Дотасил его на горбу. Хотя я не уверен, что Хаус этого стоит, — добавил Кабан чуть тише, но так, чтобы все услышали.

Сталкеры нестройно захмыкали.

— Последняя проводка далась Хаусу тяжело, — строго повысив голос, продолжал Кабан. — Из всей группы уцелел единственный пассажир. Печально... Но будем надеяться, что отряд получил качество взамен количества. Вот всегда бы так? — вопросительно произнес он, и Чак уверенно кивнул.

Бойцы на этот раз промолчали.

— Не будем затягивать, — сказал командир, доставая из кармана небольшой бумажный пакет. — Сергей Алексеевич, ты принят в отряд. Это шанс начать новую жизнь, которым ты уже воспользовался. С чем я тебя и поздравляю. Держи, это тебе.

Кабан сделал полшага вперед, остальное расстояние пришлось пройти Шведову. В свертке прощупывался коммуникатор или что-то в этом роде. Сергей догадался, что получил свой персональный сталкерский КПК.

— Последний вопрос, — проговорил командир. — Как мы будем к тебе обращаться? Хаус называет тебя Шведом, но ты можешь выбрать любую кличку. Если сумеешь обосновать, — уточнил он.

Сергей, все еще стоявший перед строем, поневоле выпрямил спину и приподнял подбородок.

— Меня всю жизнь так и звали, — признался он. — И во дворе, и в школе, и в армии. Не вижу смысла что-то менять. Да. Швед.

— Запомни этот день. Кстати, что у нас сегодня?

— Двадцать восьмое, — подсказал кто-то из бойцов.

— Двадцать восьмое мая, — повторил Кабан. — Считай это своим днем рождения, сталкер Швед.

Тот не сдержал улыбки:

— Я так всегда и считал. Только в этот раз из головы вылетело. Но вообще у меня сегодня и есть — день рождения.

— Да?.. Тогда держи. — Командир снял с руки часы и протянул их Сергею. — Минут через двадцать поднимись ко мне в кабинет. Это на втором этаже, тебе покажут. Получишь оружие, снаряжение, паек на неделю. И заодно обсудим твой счет.

— Мой счет?.. — озадаченно повторил Сергей.

— Нужно решить, в каком банке тебе его открывать. Ты думал, мы тут за идею, что ли, воюем? За идею хорошо умирать. А работать нужно за деньги. — Кабан хлопнул его по плечу. — Добро пожаловать в бизнес.

Часть 2. Сталкер Швед

Глава восьмая

— Точно пить не будешь?

— Сказал же: не буду.

— Что, прям такой пацанский пацан? Всегда держишь слово?

— Стараюсь, — процедил Швед.

— Ну, как хочешь. — Доктор Хаус достал плоскую фляжку из нержавеющей стали, приложился к маленькому горлышку и торопливо забулькал.

— Сам себе проблемы создаешь, а потом подводишь философскую базу: жизнь к тебе несправедлива, и все такое.

— Признайся, что ты просто боишься попасть на проводку, — отдышавшись, проговорил Хаус.

— Да как-то не тянет.

— Карьерист вонючий, вот ты кто.

— Пошел в жопу, — буркнул Сергей.

— А где мы, по-твоему, находимся?

Они лежали в какой-то глубокой рытвине на самом краю Припяти, метрах в пятистах от проспекта Энтузиастов, в том месте, где, по выражению Хауса, город плавно переходил в парк и уже не возвращался. Впрочем, парком эта территория была давно, когда тут еще жили люди, и кто-то ухаживал за деревьями. Теперь же культурные посадки разрослись в непроходимые чащобы, все заповолил вездесущий кустарник. Площадь он занимал небольшую, заблудиться здесь было трудно, а вот сгинуть — легко. За старым парком начинались и вовсе страшные места, откуда в Припять периодически лезло крупное зверье.

Рядом с канавой стоял открытый трехтонный контейнер, из которого доносился удушливый запах крови. Другой паре бойцов досталась лежка подальше, а Сергею с Хаусом пришлось обосноваться здесь, в метре от смрадного стального ящика.

Снова зарядил дождик, мелкая осенняя пакость. Швед почти не обращал на это внимания, он уже привык и к пасмурному небу, и к ежедневным дождям. Лишь одно не переставало его удивлять в местной погоде: за весь прошедший месяц лето не приблизилось к Зоне ни на шаг. Как было здесь хмуро и не жарко в конце мая, так и осталось к концу июня, и старожилы говаривали, что другой погоды ждать бесполезно до самого октября.

Швед невольно подумал о Централе и его рубашечке с коротким рукавом. Централа он за прошедший месяц вспоминал часто — даже чаще, чем Бокса, которого собственноручно добил в Новошепеличах. Наверное, он потому и стремился его забыть, что Бокс был первым. После него были и другие, Шведу приходилось стрелять в людей, хотя не так часто, как другим товарищам по оружию. И, видит бог, у Сергея это всегда случалось только по необходимости. Хотя для того, чтобы убить человека, в Зоне порой даже не нужен был повод.

Дикие, или «вольные» сталкеры от отряда Кабана предпочитали держаться подальше, да и было их в городе совсем не много. Другое дело — банды беспредельщиков, которые время от времени прорывались в Припять откуда-то с северо-востока. То ли кордоны на том направлении были совсем никудышными, то ли командование тамошнего гарнизона решило поголовно обзавестись яхтами, но факт оставался фактом: незваные гости шли, как правило, оттуда. Хотя, насколько Швед успел сориентироваться, основное скопление диких было в противоположной стороне — в районе Янова и еще дальше к югу. Правда, как раз с Янова никто и не добирался. На юге от города находился какой-то непроходимый участок, а

запасной путь пока еще не был найден, и в отряде все считали, что это к лучшему. Чем меньше народу болталось в Припяти, тем легче было соблюдать всеобщий нейтралитет — причем без каких-либо обещаний и договоренностей. Что касается банд, проникавших с северо-востока, то им приходилось сталкиваться с неорганизованным, но дружным отпором со стороны всех городских группировок. Вряд ли кто-то из пришельцев оставался в живых, иначе там, откуда они являлись, рано или поздно должны были узнать об опасности этих вылазок. Но кордоны по-прежнему работали в режиме худого сита, отморозки продолжали пробираться в Припять, где их неизменно отстреливали — и все это повторялось раз за разом. Под вечно пасмурным небом и нескончаемым дождем.

Сергей поправил воротник, чтобы не затекала вода, и покосился на Хауса. Тот снова достал фляжку и, отвинтив крышечку, поднял брови:

— Или все-таки глоточек?

— Спасибо, пей сам, — улыбнулся Швед.

Доктора Хауса он мог бы описать двумя словами: «славный раздолбай». Они были знакомы всего месяц, но Сергей не сомневался, что и через годы добавить к этим словам ему будет нечего. К тому же день в Зоне можно было считать за месяц, а тридцать месяцев дружбы — срок немалый. Странно, что за время пребывания в отряде Хаус получил всего три проводки. При своей нелюбви к дисциплине он должен был торчать на маршруте безвылазно.

Шведу давно стало ясно, почему Хауса выгнали с прежней работы. Уж точно не из-за сериалов, а из-за общей бесполезности — так это Сергей для себя сформулировал. На Большой земле любили говорить: «Хороший парень — не профессия». Однако здесь, в Зоне, это качество встречалось редко и ценилось очень высоко. Во всяком случае, Швед понимал, что другого такого человека, как Доктор Хаус, ему не найти. Хотя возможно, Сергей всего лишь пытался таким образом объяснить, отчего ему так просто и легко с этим славным, славным раздолбаем.

Хаус даже не помнил толком свой любимый сериал. Первое время Швед надеялся, что сосед по кубику будет скрашивать скучные вечера подробными пересказами. Но, во-первых, скучать в Зоне было некогда, а во-вторых, сюжеты из разных сезонов крепко перемешались в голове у Хауса с другими фильмами — в итоге выходил такой психоделический винегрет, что и передать нельзя. В общем, Доктор был раздолбаем, сколько уже можно повторять?..

В нагрудном кармане тренькнул КПК, и Сергей ответил на вызов.

— Бдите? — коротко осведомился Кабан.

— Бдим, — так же коротко доложил Швед.

— Зверя погнали, скоро будет. Не провороньте там.

— Понял, — машинально ответил Сергей, хотя командир уже отключился.

— Что он сказал? — ревниво спросил Хаус.

— Ты все слышал. Сейчас начнется.

— А почему он с тобой связался? Он же меня старшим двойки назначил.

— Я успел стукануть, что ты бухаешь на задании. Теперь готовься лететь на остров, принимать пассажиров.

Хаус промолчал и снова достал фляжку, но, чуть подумав, спрятал ее обратно. Сергей таким же движением убрал коммуникатор.

Сотовой связи в городе не было и быть не могло, зато работала сеть ваймакс. Две базовые станции стояли где-то на верхних этажах разных домов и покрывали не только город, но и ближайшие окрестности. Как рассказали Сергею, станции на всю Припять хватило бы и одной, но хозяева сети ценили надежность. По той же причине — и это Шведу объяснили в самую первую очередь, — даже случайно наткнувшись на базовую станцию, следовало немедленно забыть о том, где она находится.

Сетью владела группировка «Монолит» — в принципе это все, что знал Швед и о самом «Монолите», и о его сети. Приложение для голосовых конференций позволяло использовать коммуникаторы в качестве раций, хотя это больше напоминало обычную

телефонную связь — с той лишь разницей, что трепаться в Зоне было не принято. Сообщения о приближающихся выбросах передавали люди из того же «Монолита» — на всю сеть в приоритетном порядке. Отключить эту функцию можно было, только сломав КПК, к чему, естественно, никто не стремился. Каким образом Кабан сумел договориться о подключении к чужому ваймаксу, Сергей вообще не представлял, но догадывался, что по дружбе таких одолжений не делают. Впрочем, сеть в городе была не одна, дикие тоже пользовались чем-то подобным, хотя Швед не мог даже предположить, кто им эту сеть устанавливал и главное — поддерживал.

— Ну где уже, блин... — проскрежетал Хаус. — Больше двух часов тут валяемся. Не могут кровососа драного найти!

— Значит, драный не нужен, — рассудил Сергей. — Ждем хорошенького, крепкого.

— Ага, чтобы не кашлял. Но Кабан же сказал — скоро погонят? Сколько еще ждать будем?

— Да хрен его знает. Может, сорвался, как вчера, или еще чего... Вон, едут! — оживился Швед.

Сначала послышался треск веток, настолько громкий, что он заглушал звук двигателя. Затем, подминая кусты бампером, из зарослей показался джип. Пулемет на турели был повернут назад, и Чак стоял рядом с водителем, упираясь коленом в спинку переднего сиденья. Стрелять из такой позиции было неудобно, но Чак этого делать и не собирался, он лишь страховал. Бойцы, участвовавшие в операции, завалили бы кровососа без всяких пулеметов, однако Кабан запретил даже мелкую дробь: зверь требовался живой и невредимый. Вероятно, сегодня отряд выполнял заказ не нового шейха, а какой-то нелегальной биологической лаборатории. Хотя возможно, что как раз наоборот. В подробности Сергея не посвящали.

Проламывая в кустах узкую дорожку, машина катилась вперед, за ней так же неспешно двигался кровосос. С обеих сторон его окружали плотные стены из сросшихся веток, но мутант не сворачивал с пути по другой причине: на лебедке за джипом тащилась по сломанным сучкам подраненная псевдоплоть. Кровосос раздраженно всхрапывал, но никак не мог пристроиться к пище: жертва постоянно ускользала, рывками перемещаясь за джипом. Обессиленное, истекающее кровью животное на тресе смиренно повизгивало.

За рулем сидел Ахмет, приземистый суетливый турок. Командир был слишком занят, чтобы участвовать в охоте лично.

— Пора! — сказал Хаус.

Вместе со Шведом они встали из канавы и побежали к машине, на ходу растягивая две волейбольные сетки, сшитые в ширину.

— Если мутант поперет на тебя, бросай в него бредень и сразу отступай, — скороговоркой напомнил Хаус. — Только спиной к нему не поворачивайся.

С другой стороны к джипу неслась еще одна пара сталкеров с такой же снастью. Они подняли сеть от кустов до контейнера. Швед с Хаусом встали напротив и растянули свою сетку параллельно первой, образовав коридор.

Как только Ахмет выехал из чащи, он круто повернул влево и тут же затормозил, оставив наживку в просеке. Сергей пропустил машину и прижался к кустам. Ахмет снова подал вперед, выволакивая псевдоплоть на открытое пространство. Животное вращало большим мутным зрачком и не шевелилось. За ним из кустов послышался топот могучих лап и хруст не доломанных джипом веток.

Хруст на мгновение прекратился, зверь замер и мощно потянул воздух, принюхиваясь.

Мутанта никто не видел. Опытные сталкеры советовали держать голову прямо, а глаза немножко скашивать — мол, боковым зрением силуэт кровососа заметить легче. Сам Сергей был уверен, что такое можно проделать только под героином. При встрече с кровососом люди обычно начинали палить во все стороны, и это было единственной нормальной реакцией.

Ахмет давно утащил приманку вдоль зарослей. По логике, у мутанта теперь было два пути: либо броситься за издыхающей псевдоплотью и запутаться в сетке, либо проследовать

по коридору в контейнер, на запах парного мяса. Хотя логика у мутанта могла быть и другая, своя собственная.

Кровососа по-прежнему никто не видел, но проблема была не в этом, а в том, что он-то всех видел прекрасно. И сейчас он просто выбирал пищу попривлекательней. Люди ему нравились больше — это Сергей понял со всей ясностью в тот самый момент, когда сам учуял зверя. Мутант стоял рядом, чуть левее, буквально в двух метрах. И, кажется, он смотрел прямо на Шведа. Сергей не решался повернуть голову — возможно, именно поэтому он и различал кровососа, хотя все равно нечетко.

Экземпляр был выдающимся, ростом далеко за два метра и с огромными ручищами, которые Швед никак не мог привыкнуть называть лапами. Даже сутулясь, кровосос излучал такую мощь, что внутри у Сергея все цепенело. Словом, заказчики должны были остаться довольны, хотя в данный момент Швед желал им всего самого худшего — на всю оставшуюся жизнь.

Несколько сталкеров из тех, что загоняли зверя, продрались сквозь кусты и напряженно замерли у контейнера, держа автоматы наготове. Сергей не сомневался, что если кровосос на него нападет, друзья пустят оружие в ход, невзирая на инструкции. Вот только отбивать у мутанта будет уже некого.

Он некстати вспомнил, чем закончилась вчерашняя охота для сталкера по кличке Мотя. Сам Сергей в ней не участвовал, но Ахмет рассказал достаточно живописно. Выговаривать слово «кровосос» турку было трудно, он упорно превращал его в «кросос», и вся история уложилась в тридцать секунд.

— Кросос Моте голова сосал, ананы сиким. Последний капля выпил, и глаз на губа висит, дал ярак. Губа у кросос большой, четыре штук. Ты знаешь. Потом такой фьють сделал, — Ахмет изобразил, как мутант всасывает воздух, — и глаз нет уже, сиктир гит!

Швед вчера слушал и не знал, что делать — смеяться, плакать или бежать блевать. Сегодня кандидатом в доноры был он сам, и вчерашняя история виделась ему в совершенно другом свете. Сергей уже приготовился кинуть сетку в надежде если не поймать зверя, то хотя бы задержать, как вдруг сзади раздался отчаянный вопль:

— А-а-а, дал яр-рак!

Турок, с какой-то слесгой наперевес, мчался прямо на кровососа. Мутант не счел нужным увернуться, и сталкер с разбега воткнул жердь ему в брюхо. Сухая палка переломилась, затем переломилась еще раз — это кровосос махнул не то лапой, не то рукой. Потом зверь ударил снова — уже по сетке, сверху вниз, и вырвал ее у Шведа. Когда загон упал, стало страшно даже тем, кто находился относительно далеко. И тогда Сергей сделал единственное, на что был способен: игнорируя все наставления, он развернулся и побежал.

— Где кровосос?

— Валить его надо!

— Стреляй, завтра другого отловим!

— Да где он, сука? — орали со всех сторон.

Швед неся не разбирая пути и слышал лишь дыхание хищника за спиной, которое было громче, чем стук его собственного сердца. Быстро сообразив, что на прямой он от кровососа не уйдет, Сергей заложил по площадке крутой вираж, обогнул контейнер с тыла и помчался на вторую сетку.

— Опускай! Опускай! — кричал он, взмахивая ладонями, как веслами.

Кажется, его поняли. Снасть легла на землю, и Швед, пробегая над ней, сделал длинный прыжок, чтобы не споткнуться. В ту же секунду сталкеры вновь натянули снасть, и мутант с ревом влетел в нее прямо по центру.

И побежал дальше, волоча за собой двух бойцов, как консервные банки.

Теперь зверь утратил невидимость, поскольку спереди его торс был опутан плетеными шнурами, но легче Сергею от этого не становилось.

— Отстань, ублюдок! — вопил он.

Кровосос настырно его преследовал, не размениваясь на другие трофеи. Тактика была верной: спринт грозил обернуться марафоном, а на это у Шведа не хватило бы сил. Уже

выдыхаясь, Сергей снова повернул и пошел на второй круг. Ему оставалось лишь надеяться, что товарищи успели придумать, как усмирить кровососа.

Фантазией, однако, никто не блеснул. Бойцы продолжали растерянно наблюдать, как взбешенный мутант загоняет Шведа.

— Вам не скучно? — выпалил он. — За попкорном не сбегать?

Кто-то из сталкеров дождался, когда кровосос промчится мимо, и бросился на конец снасти. Он тоже потащился по земле, но теперь их было трое, и мутанту стало тяжелей. А главное, это оказалось правильным примером для других. В течение нескольких секунд остальные бойцы догнали зверя и повисли на ячейках. В довершение Хаус накинуд сверху вторую сетку, которую он с начала охоты так и не выпустил из рук. Подоспевший Ахмет жажнул мутанта дубиной по затылку с такой силой, что деревяшка расщепилась на три части вдоль.

— Кабан доложим, кросос без меня ударился сам, азына сычим! — заявил он.

— Все равно вне Зоны загнется, — сказал Хаус.

— Ты уверен? — спросил Сергей.

— Я слышал, они на Большой земле даже в специальных вольерах не выживают.

— Зачем тогда их ловить?

— Наша забота — отправить, а дальше пусть хоть пельмени из них лепят, — высказался Чак. — Мертвых мутантов тоже можно изучать. Или чучела из них делать.

Сергей бессильно опустилс в траву и, тяжело дыша, посмотрел на небо. И что ему, спрашивается, не нравилось в дожде? Дождь — это отлично. И снег, и град. И жара с морозом — все это замечательные явления природы, которые человек может оценить только при условии, что он жив.

Пара сталкеров, проехавшие на животах по площадке два полных круга, выглядели не намного бодрей.

— Спасибо, — сказал им Швед. — Если бы вы бросили веревки, он бы меня догнал еще на первой минуте.

— Мы бы бросили. Но не смогли, зацепились.

Над округой разнесся истерический хохот десяти глоток.

Кровосос в ответ взревел и задергался под двумя сетками, запутываясь в них еще сильнее. И внезапно стал видимым. Швед ужаснулся и подумал, что если бы он знал, какая крупная и отвратительная тварь за ним гналась, то вряд ли продержался бы так долго.

— Как же мы его теперь в тару запинаем? — опомнился кто-то из бойцов.

Все обернулись и синхронно смерили взглядами расстояние. Кровосос лежал метрах в пятнадцати от контейнера, и подходить к зверю близко было по-прежнему опасно.

— Вызовем Кабана, пусть сам решает, — предложил Доктор Хаус.

— Не надо вызовем, сиктир гит, — сказал турок. — Погрузим, я знаю.

Ахмет взял автомат, обошел контейнер и выпустил три короткие очереди по верхней части глухой стенки.

— Дырка есть! — прокомментировал он.

Затем турок вернулся к машине и подогнал ее к той же стене, по другую сторону от двери. Отвязав от лебедки дохлую псевдоплоть, он встал на цыпочки и просунул трос через отверстие в контейнер. Потом зашел внутрь, взял там конец и, подтащив его к мутанту, смастерил петлю, которую накинуд на зверя, как лассо. Хотя и не с первого раза. Но всем было уже ясно, что дело сделано, поэтому никто не вступал.

— Не удуши его только, — предупредил Чак.

— Захвачу нежно, ананы сиким, — пообещал Ахмет.

Когда после десятка попыток петля все-таки упала правильно, турок деловито отошел к джипу и включил лебедку.

Под дружные аплодисменты рычащего кровососа утащило в контейнер.

— И за веревку пусть цену дают! — победно произнес Ахмет, перерубая трос.

Чак закрыл дверь контейнера и вставил в петли два замка, сверху и снизу.

— Кабан, мы закончили, — доложил он в КПК. — Практически штатно. Снасти потеряли, но это не самое... Есть!

— Довезу тебя давай, — обратился Ахмет к Сергею.

— А что, сам он дорогу не найдет? — спросил Чак.

— Он сегодня герой, — ответил турок. — А я рулило. Место есть, ты знаешь.

— Это ты герой, — возразил Швед.

— Нет, ты. Я медленный думал. И спокойный. А ты кружился. Быстрый. Так думать тяжелый, дал ярк. Я знаю.

— Поехали? — предложил Сергей Хаусу.

— Я бы пешком прошелся.

— Пешком до базы запаришься топать. Тебе, кстати, ногу побережь бы надо.

— С ногой давно все в порядке.

— В общем, ты как хочешь, а я поеду. Устал слегка.

Хаус посмотрел на Ахмета, потом на машину и бросил:

— Ладно, прокатимся.

Вскоре показался вертолет. Не касаясь земли, он завис над площадкой, и Кабан приветственно помахал всем рукой. Грузовая подвеска была уже установлена, стalkerам нужно было только вставить крепеж в петли контейнера. Через пару минут вертолет взлетел и понес добытого кровососа куда-то на северо-запад.

— Надо сказать командиру, чтобы тепловизор какой-нибудь достал, — поделился мыслью Доктор Хаус.

— Что в твоём понимании «тепловизор»? — небрежно произнес Чак. — Типа, очки инфракрасные?

— Ну... наверно, да. Кровососов-то будет в них видно?

— Конечно, будет. Только нет такого устройства.

— Как это — нет?..

— А вот так. Не существует.

— Но я сам видел!

— Где? — с сарказмом спросил Чак. — В том фильме, где пуговицы стреляли? Или где чуваку жабры пришили? Это же кино, голова ты садовая.

— О блин, как все перемешано... — расстроился Хаус. — Хрен поймешь, где жизнь, а где выдумка.

— В жизни такую бандуру и на винтовку-то не всегда установишь, а на морду вешать — вообще нереально. Иначе они давно были бы в Зоне, и всем кровососам пришла бы хана. Возвращаемся на базу! — скомандовал Чак и добавил персонально для Шведа с Хаусом: — Грузитесь в тачку, раз Ахмет такой добрый.

Глава девятая

Когда-то Ахмет пытался поступить в МГУ и не поступил. Из этого ничтожного события стalkerы раздули целую эпопею, и в результате Ахмет приобрел кличку Мехмат. Он не возражал. Кажется, ему даже нравилось. Вообще Ахмет был правильный турок, иначе он не выжил бы в Зоне. Уплетая мясо из банки с нарисованной свиньей, он обычно говорил:

— Это говядина, я знаю.

— Да ладно, Мехмат! Аллах пока не видит, не волнуйся, — пытались ему втюхать соседи старую армейскую шутку.

— Аллах всегда видит, — уверенно отвечал Ахмет. — Но это говядина. Я знаю.

Он вставлял свои забавные матюки почти в каждую фразу, но никогда не ругался, если поминал Аллаха. Иначе он, наверно, не выжил бы в Турции.

— Приехали, сиким, — объявил Ахмет, обращаясь неизвестно к кому.

— Мехмат, почему у тебя язык такой грязный? — недовольно произнес Чак.

— Где грязный. Просто говорю. Не тебе.

— А мне пофиг, я все равно не понимаю, — хмыкнул Швед.

— Тут и понимать нечего, — сказал Чак. — Когда мы вдвоем едем, он так не выражается. Знает, что накажу.

— Я знаю, — подтвердил турок. — Просто говорю. Слова. Фьют, воздух.

Вчетвером они выгрузились из машины и зашли в гостиницу. Ахмет тут же юркнул куда-то в коридор первого этажа, Чак остался в холле, а Швед и Хаус начали подниматься к себе в кубрик.

— Глотнешь с устатку? — предложил Доктор, вынимая из кармана свою фляжечку. Сергей молча отмахнулся.

— На нервной почве, — настойчиво продолжал Хаус. — Подлечись.

— После такого лечения еще сутки выздоравливать надо. А у тебя, я смотрю, уже в привычку вошло?

— Привычки — дело хорошее. Главное, чтобы человек не становился их рабом, — рассудил Хаус и надолго приткнулся к горлышку.

— Эй, не спешите там! — слышалось снизу.

Чак догнал их на подходе к третьему этажу и коротко распорядился:

— Спускайтесь назад. Дело есть. — Заметив у Хауса фляжку, он тут же добавил: — Так, свободен. А Швед — за мной.

— А я-то что?.. — недовольно буркнул Доктор.

— Оскоромился — вали в кубрик, отдыхай.

— Да я... да мне это совсем не мешает!

— Мне мешает, — с ударением выговорил Чак и, поманив Сергея пальцем, направился вниз. — У нас аврал, а народу нет. На базе только пара хворых и наряд. Вахту я снимать не могу, дикие за полчаса здесь все растащат и на стол насрут. Я бы с вами съездил, но мне сейчас в другую сторону и тоже срочно, — посетовал Чак, заводя Сергея в дежурку на втором этаже.

— На Хауса можно рассчитывать, — вступился за друга Сергей. — Он трезвый и вполне себя контролирует. К бухлу прикладывается только для понта.

— Да мне-то плевать, — сердечно произнес собеседник. — Но люди, которые просили помощи, алкоголь не выносят. Пошлю к ним Доктора — подставлю весь отряд.

Швед скрестил руки на груди и привалился к стене. Становилось интересно.

— Просили прислать лучших, — продолжал Чак. — Но лучшие сейчас где-то в городе и вернутся не скоро. Поэтому отправитесь с Ахметом, тот хоть не пьет. И еще пойдет Зингер, он с минуты на минуту появиться должен.

За дверью послышался шум, и в дежурку влетел Ахмет.

— Куда поеду? — выпалил он с порога.

Чак покачал головой:

— Поеду я и в другую сторону. А ты пойдешь на своих двоих вместе со Шведом и Зингером.

— Какие мои двоих кто? Зачем Зингер, дал ярак? — затараторил турок.

— Э-э... — утомленно протянул Чак. — Швед, слушай сюда. На улице Курчатова... где точно — не знаю, пойдете от кинотеатра на запад, пока не найдете. Так вот, где-то там стоит бензовоз. Не наш, чужой. Но часть топлива везли для нас. Поэтому здесь не только вопрос авторитета, но еще и конкретная тема. Сопровождение успело доложить, что на них напал псевдогигант... или даже два... — Чак пожал плечами. — Если получится разобраться, что там произошло. Если нет, то просто продержитесь пару часов. Скоро к вам еще люди подойдут. Надо будет дождаться хозяев бензовоза, и... в общем, все. Пусть забирают, а вы — на базу.

— Что с охраной? — спросил Сергей.

— Связь пропала. При отсутствии сбоя сети это может означать только одно: их уже нет в живых. Там было семь человек. Старший сообщил, что видит у дороги псевдогиганта, потом вроде появилась другая опасность, но на этом связь оборвалась.

— На Курчатов улиц всегиган не ходит, — подал голос Ахмет. — А два всегиган — не ходят совсем! Ты знаешь.

— Ничего я больше не знаю! — отрезал Чак. — Проводить расследование вас никто не просит. Я сказал: главное — постеречь топливо и передать его владельцам.

— А кто владельцы-то? — осведомился Швед.

Чак посмотрел на него, как на идиота:

— «Монолит», кто же еще. Быстро валите за оружием и спускайтесь, ждите Зингера. Подствольники! — Он вытянул указательный палец. — Если это вправду псевдогигант, то патроны вам сильно не помогут. Гранаты я выдам. Марш!

Сергей бегом поднялся на четвертый этаж и заскочил в кубрик. Сосед лежал на кровати и помахивал обеими руками, как бы дирижировал. Со стороны казалось, что Доктор Хаус слушает плеер, но в действительности он просто успел догнаться и теперь тихо млел. Для Шведа это не было открытием.

— Говоришь, для здоровья? — обронил Сергей, открывая шкаф.

— А?.. — Хаус отвлекся от каких-то мыслей. — Да все нормально. Ты куда собрался?

— Чак посылает на улицу Курчатова. Там что-то непонятное. — Швед достал из гардероба автомат поновее и вдруг замер. — Такое ощущение, что сегодня я могу не вернуться...

— Это в любой день может случиться, — благостно отозвался сосед.

— Сплюнь, дурак! — Сергей закрыл дверцу и повесил автомат на плечо.

— С кем идешь-то? Один?

— С Мехматом.

— О-о, этот тебе поможет! «Моя твоя прикрой, да? Твоя ползи, моя смотри», — передразнил Хаус и зашелся в приступе пьяного хохота.

— Это у тебя тунгус какой-то вышел, а не турок.

— А он и есть тунгус. И турок. И немножко узбек, — сказал товарищ, досмеиваясь. — Ты что, не обращал внимания? Он по четным дням так слова коверкает, а по нечетным — эдак.

— Любопытное наблюдение... — пробормотал Швед. — С нами еще Зингер пойдет.

— Ну тогда полегче будет. Ни пуха.

— К черту! — откликнулся Сергей и выскочил в коридор.

Зингер, хмурый дядька лет сорока с ровной шкиперской бородкой, уже сидел в холле. Шведа всегда интересовало, не лень ли ему тратить время на бритье и подравнивание, — об этом же он подумал и сейчас. Но снова не стал спрашивать, поскольку вопрос был очевидно бессмысленный.

Ахмет давно маялся в дверях. Широкий пояс с гранатами для подствольника делал его похожим на боевого муравья. Сергей получил от Чака такой же патронташ и застегнул его поверх ремня.

Чак коротко о чем-то переговорил с Зингером и, хлопнув его по спине, напутствовал:

— Держите все время прямо, мимо Спортивной. С утра там парни снайперов постреляли, дорога чистая.

Инструктаж был совершенно лишним. Даже Швед, проживший в Припяти всего месяц, прекрасно знал маршрут от базы до улицы Курчатова. Просто Чак, второй человек в отряде после Кабана, таким образом ясно указывал, кто в тройке старший. Кавказский менталитет не позволял ему посылать на задание группу с не выстроенной иерархией. И в этом он был абсолютно прав. Сергей против назначения Зингера не возражал, а мнение Ахмета и вовсе никого не волновало.

Первые двести метров прошли молча и сосредоточенно. На улице вдруг распогодилось, в небе показалось скупое солнце. Ветер, не сильный, но упругий и настойчивый, гнал по тротуарам пучки сухой травы. Пустые перекрестки просматривались во все стороны на многие кварталы, повсюду было тихо и пусто. Дома с темными потеками ржавчины и следами перестрелок на стенах выглядели какими-то изможденными. Большинство окон на нижних этажах были выбиты. За долгое время, прошедшее после эвакуации, сталкеры всех

мастей успели похозяйничать в каждой квартире и перетащить все годное барахло себе. В мертвом городе людям хотелось комфорта не меньше, чем на Большой земле, и любая новая группировка начинала с обустройства собственной базы. Вот поэтому Чак и не стал посылать на задание дежурную группу охраны. Наряд, как и снайпер на крыше гостиницы, был не данью традиции, а жизненной необходимостью.

Единственным местом в Припяти, откуда ни один дикий не решился бы взять даже стреляную гильзу, была база «Монолита» в речном порту. Сергей и сам не подходил к ней ближе, чем на квартал. Несмотря на то, что Кабан поддерживал отношения с тамошним руководством, между рядовыми бойцами двух группировок никаких контактов не было.

— Зачем «монолитовцам» столько топлива? — неожиданно спросил Швед. — У них ведь тоже одна машина. Могли бы на ней и завозить канистрами. Проще и безопасней.

— А генераторы? — откликнулся Зингер.

— И что, генераторов так много?

— Видать, много, если бензовоз с прицепом.

Сергей тихонько присвистнул.

— И не забывай про наш вертолет, — сказал Зингер. — Он тоже не святым духом питается.

— Вертолет летает на том же бензине, что и тачка? — не поверил Швед.

— Ты в институте учился или сразу с урока ботаники сюда попал?

— Учился в одном, — осторожно ответил Швед.

— На вертолете установлен газотурбинный двигатель, — нудно проговорил Зингер. — Жрет он все что угодно: газ, керосин, бензин... да хоть солярку. Однако жрет много, с канистрами тут не набегашься. Я думаю, не меньше половины этой поставки предназначалось для нас. Если уж «монолитовцы» после каждого выброса присылают нам свежую карту воздушных аномалий, то почему бы им нас не снабжать еще и топливом? Зато Кабана они могут дернуть в любое время дня и ночи. А тот дернет нас, хоть поодиночке, хоть всех сразу. И пошлет, куда они попросят. Так что за этот бензин, считай, кровью заплачено.

— Упаднические настроения какие-то, — заметил Сергей.

— Нет, почему? Мне в отряде нравится, я сам в него пришел. А раньше был вольным сталкером. В смысле, диким, — усмехнулся Зингер. — Когда-то был, да... Потом просто устал бегать.

— От кого?

— От всех, в том-то и дело. Нас было шестеро — не маленькая в принципе группа. А все равно бегали: и от бандитов, и от Кабана с его парнями, и от других диких, с кем что-то не поделили. Только от тушканов не бегали. Да и то если их не слишком много было.

— Инженерный профессор, потише громкость делай, — прошипел Ахмет. — На большой перекресток идем, гёт сыктым. Там тебя слепой собака послушает или кросос. Никто не знает.

Зингер вприщур посмотрел на низкорослого спутника, но спорить не стал: турок был прав. Сергей тоже повернул голову — из-за пьяного базара Доктора Хауса он теперь обращал внимание на каждое слово Ахмета и ничего не мог с этим поделать.

Не сговариваясь, сталкеры разошлись по разным сторонам улицы — Зингер к востоку, а Сергей и Ахмет к западу. Последние метры до перекрестка они преодолели, прижавшись к стенам домов. Швед в своем секторе ничего опасного не заметил. Зингер прикрыл глаза ладонью и показал четыре пальца. Потом повторил жест.

— Собаки, — выдохнул Ахмет. — Я накликал, дал ярак.

Бойцы простояли так несколько секунд, и Зингер повторил жест: «Восемь собак, больше никого».

— Это нет проблема! — обрадовался турок, хлопая себя по гранатам на поясе.

Зингер в ответ выставил ему средний палец.

— Он говорит, что всех мутантов одним выстрелом не накроет, — шепотом пояснил Сергей. — Остальные могут рвануть за угол и броситься нам под ноги. Нужно отойти назад.

Сталкер на противоположной стороне замахал рукой: «Отступайте».

— Театр пантомимы, — обронил Ахмет и, словно опомнившись, добавил: — Дал ярак.

Зингер зарядил гранату в подствольник и, убедившись, что спутники отошли достаточно далеко, выстрелил куда-то за перекресток. Взрыв показался оглушительным, одновременно за домом разразился многоголосый визг и лай. Швед встал на колени, чтобы оружие и противник оказались на одной линии, параллельно земле.

— Готовьтесь! — крикнул через дорогу Зингер. Он хотел было использовать вторую гранату, но передумал и отрыл стрельбу короткими очередями.

Из-за угла выскочил крупный пес и помчался прямо на Шведа. Он как будто расшифровал все сигналы Зингера и заранее знал, где прячутся люди. Сергей с Ахметом встретили собаку двумя выстрелами в морду. Мутант сделал еще пару прыжков, потом его лапы подогнулись, и он по инерции проехал несколько метров на брюхе, ткнувшись Шведу в ботинки. Сергей брезгливо отступил на шаг и послал вдоль тротуара длинную очередь, которая остановила еще одну собаку. Тем временем Ахмет расправился сразу с двумя, огневая подготовка у него была превосходная. Последнее слово оказалось за Зингером — тот добил раненого пса в невидимом для Шведа секторе за углом здания. После этого он вставил новый рожок, передернул затвор, повесил автомат на плечо и развел руками.

Сталкеры по очереди перебежали широкую улицу и за перекрестком сошлись вместе.

— Много времени потратили, — посетовал Зингер. — Можно было быстрее с ними разделаться.

— Если прибавим шаг, то наверстаем, — предложил Сергей.

— Вот этого не надо.

— На свой похорон никто не опоздает, — вставил Ахмет. — Идем тихий, приходим живой. Я другой волнуюсь, про всегиган, дал ярак. Он в госпиталь спрятался, так? Все знают. Ищешь, как встретить всегиган, — иди в госпиталь. Там встретишь всегда много, азына сычим. А на Курчатов улиц всегиган нет!

— Был доклад: на улице Курчатова бензовоз атаковали псевдогиганты, — терпеливо произнес Зингер. — Или по крайней мере один псевдогигант. Что толку от твоих рассуждений? Дойдем и проверим.

— Я другой говорю! — не унимался турок. — Всегиган идет тихий, совсем тихий, сиктир гит.

— Да какой же он тихий? — удивился Зингер.

— Медленно ходит, — перевел Швед.

— А... Это да. И что?

— Сколько час всегиган идет из госпиталь на Курчатов? Три час, пять час? Целиком день!

— Разумно, — покивал Зингер. — Значит, напали не мутанты, а люди.

— Мехмат подозревает, что мы прямиком в засаду топаем, — догадался Сергей.

— Мехмат сильный подозревает, — подтвердил Ахмет.

— И как такого сообразительного парня могли не принять в МГУ! — театрально возмутился Зингер.

Справа показался просвет: один из домов, по виду — типовой НИИ, стоял не в ряд с другими зданиями, а значительно дальше от дороги. В пустом пространстве перед фасадом когда-то был большой сквер, теперь эта площадка напоминала заброшенный огород в Новошепеличах. В центре пустыря торчала облупленная ваза фонтана, с которой свисали плети вьющихся растений. Все остальное место занимал темный бурьян.

Сталкеры взяли левее, выйдя на середину улицы, и это было верным решением: как только группа поравнялась со сквером, из густого сорняка появилась стайка тушканов. Зверьки не собирались нападать на людей, а просто выбежали по своим делам, однако выяснять их намерения желания не было. Ходоки, не останавливаясь, подстрелили пять или шесть тушканов. Еще столько же мутантов предпочли снова скрыться в траве.

Впереди уже было отчетливо видно площадь и Т-образный перекресток, где улица Лазарева, по которой двигалась группа, упиралась в улицу Курчатова.

— Мы ведь почти половину города отмахали, — заметил Швед. — Неужели поближе никого не нашлось?

— Значит, не нашлось, — рассудил Зингер.

— Тут уже и до речного порта рукой подать, «монолитовцы» могли бы сами до бензовоза дойти.

— Значит, не могли.

Ответить на это Сергею было нечего, и разговор угас.

Сталкеры перебежками преодолели безымянную площадь, такую же пустую, как и все вокруг. Затем Ахмет пригнулся и вышел на середину дороги.

«Там!» — показал он в противоположную от речного порта сторону.

Бензовоз стоял метрах в трехстах от пересечения улиц. Издали он выглядел неповрежденным, и по мере того, как бойцы подходили к нему ближе, это впечатление не менялось. Внушительную «морду» с хромированной решеткой покрывал слой пыли, которую слабый дождь не успел смыть с поверхностей. За огромной черной кабиной тускло сияли две алюминиевые цистерны. Следов от пуль на тягаче не было, только посадка казалась низковатой.

Рядом с машиной не было ни души, в кабине — тоже.

— Вот, тваюмат... — обескураженно выдавил Ахмет, опускаясь на корточки.

У бензовоза — что у тягача, что у прицепа — не осталось ни одного целого колеса.

Зингер тоже присел, устроив автомат на коленях, и с любопытством поковырял длинный разрыв покрышки.

— Это не пули, — сказал он. — Колеса лопнули сами и скорее всего одновременно.

— В бензин даже психи не стрелял, — изрек Ахмет. — Если стрелял, весь огонь гори без пользы, дал ярак.

— Смотри, — обратился Зингер к Шведу, — тягач и вторая цистерна стоят ровно, заноса не было. Машина ехала медленно, а после того, как взорвались колеса, сразу остановилась. Вот такая версия, — закончил он, поднимаясь и отряхивая ладони.

— А люди из сопровождения расстроились и ушли, — кивнул Сергей. — Посчитали, сколько шин им придется менять, и, охренев от такой перспективы, решили податься в леса.

— Ты такой умный... — процедил Зингер. — Не хуже Мехмата. Вы, случайно, не вместе в университет поступали?

Он вытащил КПК, очевидно, чтобы доложить Чаку о прибытии, но в этот момент турок сделал новое открытие.

— Гильзы! Ва-аще свежие! — воскликнул Ахмет, неожиданно по-московски растягивая гласные. — Много, много гильзы!

— Да, гильз полно, — задумчиво отозвался Зингер. — А вот и она.

— Кто?..

— Кровушка. — Он не стал макать в лужу палец, как это делают следователи в дурных фильмах, а ковырнул подсыхающую на асфальте кровь носком ботинка. — Тоже свежая. Сегоднешняя.

Швед осмотрелся и покачал головой:

— На что они надеялись, интересно? Не могли проверить маршрут перед тем, как везти такой груз?

— Спроси их... — буркнул Зингер. — Может, чувствуют себя настолько крутыми, что им это не требуется.

— Ну, тогда пожелаем им новых встреч с мутантами, у которых свое мнение о крутизне.

— Ты уверен, что это звери поработали? Я с трудом представляю, как им это удалось. Ладно, чего гадать... — Зингер поднес КПК к лицу и, близоруко щурясь, вызвал базу. — Чак, мы на месте. Все верно: улица Курчатова, триста метров от перекрестка. Черный Мак без номеров. С прицепом, да. Не угнали. Все колеса повреждены. Трупов не наблюдаем, но перестрелка была. Сейчас вообще никого нет, мы тут одни. Вот такой расклад. Короче, пусть они побыстрее раскачиваются и... пусть делают, что хотят. Отбой.

Едва он закончил разговор, как у него вдруг дернулась правая рука, и коммуникатор, отлетев, ударился о стену дома. Зингер бросился за кабину. Увидев это, Швед метнулся в ту же сторону и пригнулся за колесом. Ахмета пришлось окликать — он стоял спиной к товарищам и ни о чем не подозревал.

Стреляли, несомненно, из оружия с глушителем, но с плохим прицелом. Ахмет к началу нападения находился дальше всех от машины — чтобы уйти с линии огня, ему пришлось вприпрыжку пробежать несколько метров. Пули с визгом чиркали по асфальту, выдавая расположение противника.

Нападавший скрывался во дворе напротив. Стрелок он был никудышный, однако радости от этого Сергей не испытывал. Он попробовал заглянуть под раму, но машина опустилась слишком низко, и в просвет было видно лишь бордюрный камень противоположного тротуара.

— Спрятались за бочкой бензина, — шепотом прокомментировал Зингер. — Мы просто спятили.

— Цистерну он мог расстрелять десять раз. Уж по ней точно не промажешь. А деваться нам все равно некуда.

Швед мотнул головой, указывая на дом, возле которого стоял бензовоз. Подъезд находился далеко, а окна первого этажа были слишком высокими.

— Что с рукой? — спросил Сергей.

— Что с рукой... — ворчливо повторил Зингер. — Болит рука. Но двигается вроде.

— Давай бинтовать могу! — Турок подполз, по пути разрывая перевязочный пакет.

— Надо сообщить, что мы под огнем, — сказал Зингер и поискал глазами упавший КПК.

— Держи. — Швед достал из кармана коммуникатор.

— Без сопливых! — отрезал он, пытаясь дотянуться ногой до своего устройства.

— Дергай меньше! — прикрикнул на него Ахмет. — Я бинт вяжу, ты знаешь.

Зингер снисходительно позволил турку закончить перевязку и попробовал достать КПК, накинув на него ремень от автомата. Ему пришлось выставить из-за кабины руку до самого плеча, но коммуникатор все равно оставался недостижимым. Тогда Зингер шепотом досчитал до трех и, набрав воздуха, высунулся по пояс. В одно движение он накрыл КПК левой ладонью и уже перенес центр тяжести, чтобы снова скрыться за машиной, как вдруг лег на асфальт и замер. Из-под его головы побежал, собирая дорожную пыль, темный ленивый ручеек.

Швед смотрел и не верил своим глазам. В Зоне он видел много смертей, в том числе и неоправданных, но Зингер превзошел всех. Поймав первую пулю, он отделался, можно сказать, легким испугом — хотя даже испуга там не было — и сразу полез под вторую. За каким-то несчастным КПК, хотя у остальных в группе были точно такие же.

— Как глупо... — проронил Швед. — Был человек, и нет человека.

— И нет проблема, — вставил Ахмет. — Только бинт зря изводил.

— Ты о чем это?

— А, пустяк. Громко думаю, не прислушивай.

Сергей снова достал свой коммуникатор и вызвал базу. Чак ответил быстро, хотя это был не ответ, а вопрос:

— Почему на связи Швед, а не Зингер?

— Догадайся с одного раза.

— Нападение? Кто? — мгновенно реагировал Чак.

— Неизвестно. Огонь из двора напротив бензовоза. Один или два ствола, судя по всему. Мы заперты за машиной, отойти некуда.

— За бензовозом? — не поверил он.

— Да, и до сих пор живы. Топливо нужно всем. Где остальные, как с ними связаться? У меня в списке никого из них нет. Нужно продвигаться через арки, улица под обстрелом.

— Люди идут. Но их зажал контролер, уже есть потери. Так что придется подождать. Из какого двора вас обстреливают?

— Возле серой шестиэтажки.

— Хорошо. Но будет лучше, если вы перестанете торчать около машины с бензином.

Сергей посмотрел на убитого Зингера.

— Лучше не будет, уже проверяли. До связи.

Швед убрал КПК и осторожно выглянул в просвет между кабиной и цистерной. Двор был обычный — с детской горкой и парой мусорных баков, весь заросший кустами. Стрелять могли откуда угодно.

— Мехмат, давай-ка их шуганем, а то сидим, как крысы.

— Куда шуганем? Стреляй угадай?

— У нас гранат как грязи, — напомнил Швед. — Пропашем там все слева направо, а потом наоборот.

— Мы пашем-пашем, а он разок бочка пуляет, и нас уже встречай Аллах.

— И что ты предлагаешь?

— Ждем поддержка. Час ждем, два ждем. Сколько надо.

— Мудро, — оценил Швед и, зарядив гранату в подствольник, отправил ее навесом через цистерну.

— Ай, сиким! — вскрикнул Ахмет, заматавшись от одного колеса к другому.

Граната ударилась в стену дома и разорвалась на высоте второго этажа, изрешетив осколками горку-слоника.

— К концу прицепа, бегом! — приказал Сергей. — Долбим с флангов!

Следующий заряд он отправил в просвет за кабиной, стараясь попасть по кустам, и сразу вставил в подствольник новую гранату. Ахмет, выкрикивая что-то нечленораздельное, палил через покатую крышу прицепа. Маленький двор под плотным огнем на глазах превращался в пашню. Стебли сорняка, корни, какая-то проволока — все взлетало в воздух вместе с землей, на мгновение зависало и шумно осыпалось черным дождем.

Швед услышал несколько попаданий в металлический бок цистерны. Кажется, противник окончательно расстался с мечтой перехватить чужой бензин и теперь стремился просто поджечь машину. Сергей прикинул расстояние до стены дома и понял, что если бензовоз загорится, то отступить будет некуда.

— Стреляй, Мехмат! — заорал он. — Либо мы их первые уделаем, либо нас тут сожгут! Русская рулетка, ты знаешь!

Турок самостоятельно пришел к тем же выводам и начал заряжать гранаты в два раза быстрее.

Сергей ждал, когда же бензин из простреленной емкости начнет выливаться на дорогу, но асфальт оставался сухим. В обе цистерны попало по десятку пуль, бензин давно должен был течь, как из дуршлага, но ничего подобного Швед не наблюдал. Он даже выкроил время и встал на колени, чтобы заглянуть под машину. И в этот момент услышал трель своего КПК.

«Хватит!» — прочитал он текстовое сообщение от пользователя Pegas и нажал на вызов.

— Пегас, ты? Где вы, сколько вас?

— Четверо, и мы давно здесь, — откликнулись в коммуникаторе. — Вижу бензовоз, вижу Зингера. Двор мы уже зачистили, — сказал Пегас и повторил криком, на всю улицу: — Зачистили, говорю! Хорош бомбить!

Ахмет замер с автоматом в руках и уставился на Сергея. Тот спрятал КПК и вдруг врезал кулаком по цистерне. Алюминиевая бочка, несомненно, была пустой. Турок ударил по прицепу — результат оказался тем же.

— Маму их, папу, сестер и братьев, деда, прадеда, — педантично перечислил он, — гёт сыктым, сука рваный! Зачем мы тут сидим, а?! Швед, зачем? Ты знаешь?! — Ахмет подошел так стремительно, будто собирался двинуть его прикладом, но на последнем шаге уронил автомат и, обняв Сергея, уткнулся ему лицом в плечо. — Я не знаю, — глухо проговорил он. — Я уже прощался. Два раза успел. А ты, дал ярак!.. Ты зачем первый стрелял? Могли просто сидеть. Могли не волноваться.

— Фишка в том, что мы все равно волновались бы, — ответил Швед, мягко отстраняя соратника. — А когда волнуешься, нужно что-то делать. Иначе за тебя все решит кто-то другой. А решать должен ты сам, всегда. Понимаешь?

— Хорошие слова. Но польза нет в них. Идем, — сказал турок, подбирая свой автомат и точно таким же движением — КПК Зингера.

— Зачем он тебе? — спросил Сергей.

— Дохлый. — Ахмет продемонстрировал темный экран с диагональной трещиной.

— Вот я и говорю: зачем?

— Ну... память, может, остался. Посмотрю, то, сё. Флеш крепкий, может остался. Очень может. — Турок загадочно подмигнул.

— Если что нароешь, не забудь поделиться, — сказал Швед.

— Любишь чужой секрет? Тоже люблю, — заулыбался он.

Через дорогу их встречал Пегас — страшно худой, страшно сутулый тип с выдающимся носом и фатальными залысынами. «В чем душа держится», — это было про него на все сто процентов, начиная от голой бледной макушки и заканчивая ножками тридцать седьмого девичьего размера. Нелепость внешнего вида Пегасу компенсировал задор, часто неоправданный.

— Не зассали у бензовоза прятаться? — громко поинтересовался он.

— Нет, — простецки ответил Сергей. — А вы как?

— Ой, не спрашивай. То, что утром на охоте творилось, было разминкой.

— Ну это кому как, — с сомнением заметил Швед.

— Точно-точно. Мы у гастронома на контролера наткнулись. Итакой, гнида, хитрый!..

А потом еще кровосос нарисовался, и нам пришлось...

— Сколько потеряли? — прервал его Сергей.

— Двоих, — не моргнув, сказал Пегас.

Он повел Шведа в глубь двора — сначала было непонятно зачем, потом стало ясно. За многострадальной горкой в виде слона лежал сталкер с оторванной левой стопой и развороченным животом.

— Значит, вы, говоришь, зачистили... — отрешенно произнес Сергей.

— Не, ну, этого вы, конечно, сделали. И вон того.

Пегас показал второй труп в кустах. Похоже, его накрыло в самом начале, а затем мертвое тело еще несколько раз оказывалось в зоне поражения. В общем, смотреть было не на что.

Швед отвернулся от покойника и поймал себя на том, что, кроме брезгливости, ничего не испытывает. Не было ни сожаления, ни привычного успокоительного мотивчика на тему «мы оба стреляли, это в некотором смысле дуэль». Швед обнаружил, что длинная логическая цепочка, начинавшаяся с мысли «этот мир жесток», сократилась до бесспорного утверждения: «Я жив, а значит, все правильно».

— На вас напали дикие, — сообщил Пегас.

— Ясно, что дикие. Но я так и не понял, кого вы тут зачистили.

— Неблагодарная ты скотина, — ухмыльнулся он. — Эти двое с винтовками лежали, а вот что вам с Мехматом на сладкое должно было достаться.

Бойцы выволокли из-за помоек молодого парня с разбитым лицом и связанными за спиной руками. Отдельно несли РПГ.

— Без гранатомета он уже не так страшен, да? — промурлыкал Пегас. — Прикинь: один выстрел по машине, а вам капец.

— Но я же этого не сделал, — выдавил дикий. — Мог сделать. Но ведь не сделал же!

— А ты — «кого зачистили, кого зачистили»... Другой бы в ноги поклонился.

— Как-нибудь позже, — пообещал Сергей. — А с каких это пор мы берем пленных?

— Чак передал, что мы поступаем в твое распоряжение. — Пегас постарался произнести это с иронией, но ирония получилось неважная, досады она не скрыла. — Поэтому командуй сам. Он вроде как сдался... В общем, сразу его грохнуть не получилось. А теперь он без оружия, и это уже будет... гм... ну, как бы чистой воды расстрел.

— Ты специально его оставил. Только для этого.

— Что за фантазии! — Пегас широко улыбнулся. — Так вышло, Швед, так вышло. Командуй. А хочешь совета — вали его сам, тогда за парней душа болеть не будет.

— Душа у меня здоровая, — заверил Сергей.

— Я ничего не сделал! — повторил пленный, с трудом шевеля опухающими губами.

— Как тебя звать?

— Филя.

— И давно вы тут зависаете? Задолго до нас пришли? Что видели? — спросил Швед. — Да не шатайте его, он и так падает.

Бойцы усадили дикого на край песочницы.

— Видели всё, — прошипел Филя, надувая красные пузыри.

— Ну-ка, ну-ка...

— Перед «Монолитом» прогнуться хочешь? — Пегас попытался сказать это с презрением, но вышло опять не то, что он хотел. Получилась зависть.

— Мне самому интересно, что тут случилось, и куда все подевались, — сказал Сергей.

— Отпустите? — безнадежно промолвил пленный.

— Поглядим.

Филя прерывисто вздохнул и, потупившись, сплюнул кровь.

— Бензовоз мы увидели еще на въезде в город, — проговорил он. — Медленно тащился. Мы угол через дворы срезали и без проблем его обогнали. Богатый хабар, очень хотелось взять. Только стремно было... «Монолитовцы» же. Они потом из-под земли достанут. Но, блин, две цистерны! В общем, мы толком и не знали, что делать. У нас было две винтовки и РПГ. Мне дали гранатомет. Сказали, чтобы стрелял по сигналу — это если совсем паршиво станет. У меня и оружия другого не было! Ну пистолет еще... Но я его даже не доставал, проверьте! Вчера вечером чистил. Хоть ствол понюхайте! Я не стрелял в ваших!

— Сейчас ты сам у меня понюхаешь! — прорычал Пегас.

— Зачем вам бензин? — поинтересовался Швед.

— Как это зачем? — Филя недоуменно поднял глаза. — Здесь на все генераторы хватит до скончания века. Или тачку в город пригнать. С таким запасом — чего же не пригнать-то? Или на крайняк продать тем перцам, которые тут на вертолете рассекают.

— Что?! — Пегас согнулся так, словно ему прихватило живот. — Ты сколько дней в Зоне, валенок? Этот вертолет — наш!

— Похвастал? Зачет, — снова перебил его Сергей.

— Откуда я знал... — буркнул пленный. — В Припяти я недавно, да. У вас тут хрен разберешься, кто за кого. Бензин — «монолитовский», вертолет — ваш... Я в этой тройке был младший, я ничего не решал. Мне велели сидеть с гранатометом, я и сидел.

— Почему не стрелял, когда остальные начали?

— Я подумал — там же люди! Ну в смысле, вы! — У Фили просветлел взор. — Тогда я сказал себе: ты не можешь их убить, ведь они...

Швед выразительно щелкнул предохранителем, и пленный, захлопнув рот, быстро-быстро закивал.

— Я собирался, — промычал он. — И я бы, наверно, выстрелил. Но тут вы сами стали фигачить гранатами, и я сразу увидел Кислого. — Он одними глазами показал на мертвого друга с оторванной ногой. — И я решил просто смыться, я испугался. Это честно.

— Мы его в соседнем дворе отловили, — подтвердил один из бойцов.

— Хорошо, Филя, — протянул Швед. — Теперь о главном: что тут все-таки произошло?

— Каша, — обронил тот. — Натуральная каша была. На дорогу вышел псевдогигант.

— Ай, дал ярак! — не сдержался Ахмет.

— Он, наверно, параллельно с нами двигался, через соседний двор, — продолжал Филя. — И он топнул. Ну а что он еще может... Топнул так, что у бензовоза колеса разорвало. Даже здесь стекла задрожали. «Монолитовцы» начали стрелять, но ему же пофиг. А потом появилась химера.

— Еще и химера? — не поверил Сергей.

— Среди бела дня, мы сами удивились. Она с другой стороны подобралась. Может, следила за машиной или случайно здесь оказалась... Мы у нее не спрашивали. Короче, звери с «монолитовцами» разобрались за минуту. Псевдогигант топнул еще пару раз, а пока они в себя приходили, химера всех погрызла. Их тут семь человек было — двое сидели в кабине, пятеро шли рядом с машиной. Когда колеса лопнули, водитель вылез — его первым химера и прикончила.

— Там нет трупов.

— Химера, — снова повторил пленный. — Она их потом по одному таскала куда-то в нору. Где-то недалеко, каждая ходка занимала немного, несколько минут.

— А вы тут полчаса лежали и наблюдали?

— Дольше! — заверил Филя. — Когда мутанты убрались, мы еще хрен знает сколько здесь торчали, боялись с места сдвинуться. А потом вы пришли. И нам уже обидно стало: мы и «монолитовцев» пережили, и звери нас не тронули, а какие-то... три человека сейчас все заберут себе. Вас трое и нас трое. Правда, о подствольниках мы не подумали как-то... — Он опять покосился на оторванную ногу товарища. — А когда выбора не осталось, мы уже по цистернам работать начали. Странно, что не пробили...

— Они бронированные, — соврал Швед. Он хотел дать знак Ахмету, чтобы тот помалкивал, но турок не собирался возражать, а вместо этого утвердительно кивнул.

— Это не я, это все Кислый! — запричитал Филя. — Он в тройке командовал, а у меня права голоса не было. Я тут недавно, я в ваших делах вообще не рюхаю! Знал бы, во что вписываюсь, — на километр не подошел бы. Дяденьки... отпустите меня, а?..

Пегас фыркнул и с любопытством посмотрел на Шведа.

— Вали, — процедил тот.

— Дяденьки! Не надо! — взмолился дикий.

— Вали, говорю, отсюда! Руки ему развяжите.

— Его нельзя отпускать, — вкрадчиво произнес Пегас. — Это против наших правил.

Сергей достал нож и сам перерезал ремень на запястьях у пленного.

— Пошел отсюда!

— Стоять! — одернул его Пегас. — Швед, мы никогда так не делаем. Мы не просто на улице повстречались, дикие первыми на нас напали. Они грохнули нашего Зингера, за это нужно отвечать.

— Да у меня пистолет со вчерашнего дня... — затараторил пленный, но сталкеры остановили его ударом под дых и вернули обратно в песочницу.

— Швед, они бы и тебя грохнули, если бы им это удалось. И тебя тоже, — повторил Пегас отдельно для Ахмета, который, как казалось, соблюдал в этом споре нейтралитет.

— Чак тебе сказал, что ты поступаешь в мое распоряжение? — спросил Швед. — Вот и подчиняйся.

— Я доложу Кабану.

— Не сомневаюсь.

— Он тебя накажет.

— Посмотрим. — Сергей закинул автомат на плечо. — Все, Филя, канай отсюда. Резче!

Вместо того чтобы встать, пленный неловко соскользнул с бортика на колени и вот так, на четвереньках, прополз десяток метров — задрал голову вверх и вбок, словно удивленная собака. Потом поднялся, опираясь на дерево, и побежал, но как-то нерешительно.

— Эй, охламон! — окликнул его Сергей. — Уходи из Зоны и чеши домой, ясно?

— Да... Да! Я уйду, завтра же. Клянусь!

— Не нужны мне твои клятвы, идиот. Просто позаботься о своей заднице.

Филя подтянул комбинезон повыше и помчался изо всех сил.

Пегас проследил за диким, пока тот не скрылся в арке, и одарил Шведа долгим печальным взглядом.

— Кабан тебя в лоскуты порвет за эту самодеятельность.

Вместо ответа Сергей ткнул в «вызов» на КПК.

— Чак, мы разобрались с проблемой. «Монолит» когда-нибудь заберет свои бочки, или нам тут ночевать? Понял, отбой.

— Какой разговор? — с тревогой спросил Ахмет.

— Сказал ждать. — Швед пожал плечами. — И еще сказал, что «монолитовцы» перед нами не отчитываются.

— А тогда пойдем! — решительно произнес турок, подталкивая Сергея к машине.

— Куда? Зачем?

— Идея простой. Тут дорога раз плюнул. — Ахмет сделал паузу, чуть подумал и уточнил: — Пять раз плюнул. Все равно близкий.

— Я иногда совсем тебя не понимаю, — признался Швед.

— Едем сами, про что понимать! Я ключ обзавелся, там лежал. — Он с гордостью показал брелок. — Отдаем машина сразу и ничто не ожидаем. Время не трать. Жизнь одна, ты знаешь.

— Так ведь колеса все пробиты!

— На диски поедem, дал ярак. «Монолит» сам так покатит. Где шиномонтаж, а? Нет, сиктир гит, никакой тут монтаж.

Сергей обернулся — Пегас оторопело смотрел ему в спину.

— Распоряжений для вас больше нет, — заявил Швед. — Свободны.

Бойцы сокрушенно покачали головами, но спорить не стали и направились к базе.

Ахмет дошел до тягача и, поставив ногу на высокую хромированную подножку, проворно забрался на водительское место.

— Их-ха-а! — по-детски восторженно взвизгнул он, трогая руль. — Чак из джип выгнал, я на грузовоз покатаю.

— Кого покатаешь? — спросил Швед, глядя на него снизу.

— Меня покатаю, — серьезно ответил Ахмет.

Он легко нашел замок зажигания и завел мотор. Сергей открыл вторую дверь, но подниматься в кабину не стал.

— Объясни по-человечески, что ты хочешь, — крикнул он. — Зачем тебе это нужно?

— Сколько объясни? Еду тихий в речной порт. Ваш колымага? Наш колымага! Вот берите, дал ярак. Ай, спасибо, Ахмет! Такой план, — подытожил турок, целеустремленно уставившись вперед.

Самым забавным Шведу показалось то, что соратник не шутил. Он даже умудрился проехать несколько метров — душераздирающе скрежеща дисками и окончательно убивая покрышки.

Сергей шел рядом с открытой дверью и продолжал увещевать Ахмета, хотя успеха это не имело, да и вообще было неизвестно, слышит ли турок его голос за грохотом металла.

Ахмету довольно быстро наскучило, он заглушил двигатель и, прыгнув на асфальт, широко зевнул.

— Хватит, — сказал он. — Я не за подарок, я за кайф. Ты знаешь.

— Не знаю, — отрезал Швед.

Он в ужасе осмотрел машину. Короткая поездка превратила диски в асимметричные многогранники, которые теперьгодились разве что в грузила для утопленников, причем двух первых кандидатов не нужно было даже искать. Половина резины валялась на дороге, от этого оставшиеся куски покрышек выглядели еще страшнее.

— Ты что натворил, дремучий ты человек... — прошипел Сергей. — Тебя прямо сейчас казнить или «Монолита» дождаться?

— А что такой творил? — Ахмет захлопал ресницами. — Дырка бочка я творил? Нет, ты знаешь. Пегас братва тоже знает, гёт сыктым. Считай дырка, считай! Много, дал ярак.

Швед впервые за все время взглянул на цистерны с правой стороны. Разумеется, никакой брони на них не было, и каждая пуля оставила в алюминии аккуратное, идеально круглое отверстие. Много, много отверстий — Ахмет был прав.

— Зачем спешил «Монолит»? — задал турок явно риторический вопрос. — Ни зачем не спешил. Бочка пустой потому что. А мы подыхай, азына сычим. И Зингер подыхай за пустой бочка.

— Ты отомстить, что ли, хотел? — запоздало догадался Сергей.

— Кто что хотел... — Ахмет закрыл левую дверь и не поленился обойти капот, чтобы захлопнуть правую. — Мы прибыл на Курчатова — грузовоз такой стоит. Все, дал ярак. Мы наш друг хорони, а «Монолит» целый жопа сам себя.

Через несколько минут со стороны кинотеатра показалась машина. Швед не мог поверить, что они наконец-то дождались. Это был настоящий военный внедорожник, не то что у Кабана. Правда, сейчас он напоминал индийский паровоз: на крыше опасно раскачивался высокий штабель новой резины для тягача. Марку машины Сергей определить не смог, как ни старался. Это был какой-то специфический автомобиль, вероятно, выпущенный небольшой партией исключительно для армейских нужд и не ушедший, подобно «Хаммеру», в народ, а так и оставшийся где-то в североафриканских или бог знает еще каких ангарах. Во всяком случае, Швед видел это угловатое чудо впервые.

Сталкеры встречали джип, широко улыбаясь и держа руки на виду.

Из машины вышли озадаченные люди в светло-серых комбинезонах. Трое сразу пошли обследовать бензовоз, четвертый приблизился к Шведу.

— Мы потеряли товарища. — Сергей решил начать разговор первым.

— Сожалею, — бесцветно вымолвил боец. — Самсон, «Монолит», — представился он.

— Я Швед. Боюсь, мелким ремонтом здесь не обойдется.

— Самсон, дискам кранты, — подтвердил другой «монолитовец».

— Что случилось? — спросил тот у Сергея.

— А я Ахмет! — заявил турок, оскорбленный невниманием к своей персоне. — Но можно говори Мехмат. Годится.

Самсон повернул к нему голову и вновь обратился к Шведу:

— Кто атаковал машину, выяснили?

— Сначала псевдогигант и химера, потом дикие. — Сергей четко изложил суть дела. Последнюю фразу он постарался выговорить максимально равнодушно: — Все ваши люди мертвы.

— Благодарю за помощь, — не моргнув, ответил Самсон. — Что с дикими?

— Двое лежат во дворе, третий ушел.

Боец не придал этому значения и направился к своим товарищам, которые что-то обсуждали, собравшись у прицепа.

Сергей с Ахметом постояли с минуту и переглянулись, как два дурака.

— Самсон! — не выдержал Швед.

«Монолитовец» посмотрел так, будто удивился, что они еще здесь.

— Вы можете идти, — сказал он. — Я свяжусь с Кабаном позже.

— То есть это все, да?

— Да.

Швед развернулся и зашагал к перекрестку.

— Давай не быстрый! — пробубнил Ахмет.

— Кто не быстрый? — Сергей сощурился от злости.

— Ты знаешь. Спешить не надо, эй!

— Ты задолбал меня своими загогулинами. Мне кажется, ты можешь говорить и нормально, просто не хочешь.

Ахмет остановился и сказал ему в спину спокойно, без обиды:

— Ты турецкий много умеешь? Хотя бы такой умеешь? Мехмат вам смешной, да... А вы хоть смешной умеете турецкий? Нет? А что смеетесь тогда? Над себя смеетесь, дал ярак!

— Ладно... — Швед хотел вернуться и похлопать его по плечу, но подумал, что это будет уже слишком. — Чего ты хочешь на сей раз, полиглот?

— Наблюдение. Тихо, не много.

— Тебе интересно, починят ли колеса? Да не починят, теперь уж точно. Твой труд не напрасен.

Сталкеры двинулись дальше, но уже значительно медленней. Вскоре «монолитовцы» погрузились в джип, развернулись через перепаханную детскую площадку и поехали к речному порту. Оставшийся у тягача Самсон влез в кабину и тяжело, со скипом тронулся с места. Когда турок и Швед подошли к перекрестку, бензовоз как раз протачился мимо — стуча дисками, будто исполинская погремушка, и роняя по пути остатки рваных шин.

— Я говорил, так будет, дал ярак, — удовлетворенно прошипел турок. — Никакой вам шиномонтаж.

— А ты неглупый малый, — сказал Швед. — Когда раскурочишь коммуникатор Зингера, станешь еще на тридцать процентов умнее.

— На пятьдесят, — без иронии ответил Ахмет.

Глава десятая

Доктор Хаус успел и протрезветь, и понервничать. Он лежал на кровати в той же позе, что и несколько часов назад, но с совершенно другим выражением лица, и на Шведа смотрел с укором, как ревнивый муж.

— Погуляли отлично, — проговорил Сергей. — Потеряли Зингера, измордовали «Монолиту» бензовоз и постучали в бочки.

— В какие бочки? — скривился Хаус.

Швед выдержал паузу и ответил:

— В пустые цистерны.

— Совсем пустые? — не поверил сосед.

— Мы их не открывали, но там еще и дикие дырок наделали. Похоже, что совсем пустые, ага. И все это выглядит как коммерческая тайна, поэтому мы с Мехматом решили не трепаться.

— Тогда я тоже не буду, — пообещал Хаус. — Но все-таки неясно, на кой черт тащить в город пустой бензовоз.

— О том и речь. Получается, они что-то собирались отсюда вывозить. Хотя, кроме воды из пруда, здесь набрать нечего.

— Кровь! — Хаус выпучил глаза. — «Монолитовцы» приносят жертвы кровососам, потом выдаивают их на невидимых фермах и отправляют кровь по донорским пунктам. Почему она идет за тонну?

— Ты дьявольски искрометен. Водка закончилась, стало скучно?

Приятель вздохнул и поправил подушку.

— Если послушать, что про них плетут дикие, то кровавые надои — это еще, так сказать, версия-лайт.

— А что про них плетут? Я сегодня разговаривал с одним, очень вменяемый человек оказался. Даже, наверное, слишком...

— Сектанты, фанатики и все такое.

— А, это и я слышал, даже от наших, — поделился Сергей.

— У нас одна половина их боится, а вторая мечтает к ним на службу попасть. Там вроде деньги другие, не как у нас.

— Да? Интересно... — Швед присел на свою кровать. — И насколько другие?

— Принципиально. Говорят, после двух месяцев в «Монолите» можно квартиру купить.

— Бред какой-то. Кто им столько заплатит? Они там что, воду в вино превращают? Кстати!.. — спохватился Сергей, но тут же угас: — А, нет, вряд ли...

— Ты все про цистерны свои кумекаешь? Совсем загрузился, болезный. Пить нечего. Есть будешь?

— Это да, — с энтузиазмом откликнулся Швед. — Так я все-таки не пойму, за что им такие деньги платят. По воде люди не ходят, золота из говна не добывают... две руки, две ноги...

Хаус достал тушенку и черствеющий батон. Сноровисто вскрыл банку, наломал хлеба, культурно разложил все это на тумбочке. В кубрике сразу стало уютнее.

Сергей терпеливо сидел и ждал. Он знал, что рано или поздно Хаус ответит на вопрос — если только вообще о нем не забудет за своими застольными приготовлениями.

— Я не в курсе, Швед, — проговорил наконец Хаус.

— И это все? — разочарованно выдохнул Сергей.

— Что-то слышал ты, что-то слышал я... И это все, да. Нет ничего такого, что можно было бы назвать информацией. Одни домыслы. «Монолит» — закрытая группировка. Кто заглянул туда одним глазком, тот либо остается с ними навсегда, либо исчезает. И поверь, второе происходит гораздо чаще. Я не советую тебе ни к кому лезть с расспросами, особенно к Кабану или к Чаку. Хотя им, конечно, известно о «Монолите» побольше.

— Я все это знал еще в первый день.

— Да ладно! — махнул на него Хаус куском хлеба. — В первый день ты был таким же фаршем, как и любой другой. Есть собираешься или нет? — спросил он без всякого перехода.

Сергей продолжал настойчиво смотреть на соседа.

— Ну ладно, однажды я видел, как они молятся, — не выдержал собеседник. — Издалека. Ничего не понял. Тебе это помогло?

— Вряд ли, — сказал Швед, залезая ножом в банку с мясом.

— Зачем тебе вообще что-то знать о «Монолите»?

— Интересно. — Он пожал плечами. — Деньги, опять же.

— Ты, смотри, кончай эту ерунду. Нет, ты серьезно? — насторожился Хаус.

— Да успокойся, я же никого не достаю, кроме тебя. И никуда я не собираюсь... Хотя нет, уже собираюсь.

Два коммуникатора одновременно известили о выбросе.

— Десять минут. Успеем доест, — предложил Хаус.

Они просидели еще секунд тридцать, но аппетит пропал.

— Лучше пойдем сейчас, чтобы на лестнице не толкаться, — сказал Сергей.

На лестнице все равно была толчея. Уже стемнело, и основная часть отряда собралась на базе, поэтому к укрытию выстроилась организованная, но все же неприятная очередь. Двигалась она, впрочем, довольно быстро. Швед уже спускался со второго этажа, когда рядом вдруг возник Ахмет.

— Мехмат, ты успел посмотреть?

— Что смотреть успел? — с независимым видом спросил турок, и это Сергею сразу не понравилось.

— Память отшибло? — нахмурился он и беззвучно, одними губами добавил: — КПК Зингера.

— А, там ничего. Пустой, дал ярак.

— Не ври мне, — строго проговорил Швед.

Турок невзначай втерся в очередь перед Сергеем и по-детски беззаботно завертел головой.

— Ахмет, не бойся. Я никому не скажу, можешь мне верить.

— Верю, не скажешь. — Тот даже не обернулся. — Нет ничего сказать. Пустой совсем и поломанный.

Сергей сглотнул и с ненавистью посмотрел на черную макушку Ахмета. Так просто и так глупо его не обманывали очень давно — наверно, еще со школы. Никто даже не пытался, потому что это выглядело слишком глупо и слишком просто. Ему захотелось сжать сволочную вихрастую голову и отделить ее от тела, как наконечник от новогодней елки, а затем, хорошо размахнувшись ногой, отправить ее невообразимо далеко, но чтобы

обязательно услышать звук удара. Эта голова должна была врезаться во что-нибудь с глухим стуком, как перезревшая тыква.

— Проблемы?.. — осведомился сзади Хаус.

— Нет, все в порядке, — ответил Швед.

— То-то я и смотрю: бормочешь стоишь, как пономарь.

— Устал, спать хочу.

— Я тоже измотался. Ничего, выброс закончится — и сразу дрыхнуть. Надеюсь, сегодня уже ничего не случится.

Вместе с очередью они спустились в подвал, где возле люка, как всегда, стоял Чак.

— А вот и он! — неискренне обрадовался начальник, тыкая в Сергея пальцем. — Швед, у меня...

— Внимание! До выброса пять минут, — заговорили коммуникаторы у бойцов.

Чак прикрыл глаза, ожидая, когда сообщение прекратится, и повторил:

— У меня рапорт на тебя лежит. Догадываешься, о чем?

— Думаю, да.

— Молодец. Завтра на построении готовься к худшему.

— Я всегда готов, — хмуро ответил Швед.

Глава одиннадцатая

С утра шел проливной дождь, но Кабан решил, что для построения это не помеха. Казалось, он даже получал удовольствие от того, что комбинезон промок до нитки, а белье прилипло к телу. Возможно, это напоминало ему прошлую жизнь, когда он служил в войсках и терпел лишения ради выполнения долга. А возможно, он просто издевался над бойцами.

В ботинках хлюпало, и половина строя незаметно перебирала пальцами — это было и мытье ног, и стирка носков одновременно.

— Итоги вчерашнего дня не порадовали, — объявил Кабан и, окинув шеренгу строгим взглядом, весомо повторил: — Не порадовали. С грехом пополам выполнена задача по отлову кровососа. Все, кто участвовал, молодцы, хотя... — Он склонил голову набок. — Если мы каждый раз будем терять по две сетки, то снасти скоро закончатся. Поэтому я считаю, что операция прошла хуже некуда. Оцениваю на три с минусом. Если бы еще и зверя проворонили, тогда я бы вас вместо него в контейнере отправил. Исключение — Швед, он отличился. Поступил глупо, но хорошо. Хорошо, потому что есть результат. Глупо, потому что результата могло и не быть. Счастливая случайность, не более того. Где ты есть? — Командир отыскал глазами Сергея и сказал, обращаясь персонально к нему: — Будешь и дальше играть с судьбой в орлянку — выпьем за тебя, не чокаясь. Ты понял?

Швед утвердительно моргнул.

— Далее, — повысил голос Кабан. — Случайности бывают и счастливые, но чаще наоборот. Есть убитые. У нас опять есть убитые, — отчеканил он. — Такими темпами через месяц весь отряд уйдет в могилу, и я останусь в Зоне с кучкой зеленых пассажиров.

Он прошелся перед строем и остановился напротив Пегаса.

— Некоторые бойцы, которых, мать, назначают старшими группы, так этому радуются, что начисто забывают, для чего их, мать, назначили! И вот, пока они радуются... пока поют и пляшут вальсы или, там, свои брейки... я не знаю, что вы сейчас пляшете! — внезапно проорал командир Пегасу в лицо. — Тем временем контролер накрывает их группу, — закончил он на удивление спокойно и так тихо, что сталкеры перестали дышать.

Кабан тяжело помолчал и снова двинулся вдоль шеренги.

Дождь лил не переставая и с каждой минутой только усиливался. Косые струи волнами гуляли по плацу, словно расчесывали его стеклянным гребешком. Синяя форма на бойцах давно превратилась в глянцево-черную. Кто-то из сталкеров сдавленно чихнул.

— И еще о вчерашних достижениях, — с угрозой произнес Кабан. — Один мощный стратег додумался послать на простое, но, как выяснилось, опасное задание нашего лучшего механика Зингера. Да что там механика... Инженера с большой буквы!

Командир зыркнул на своего помощника, стоявшего чуть в стороне от общего строя.

— Там... — вырвалось у Чака.

— Ну-ну. — Кабан заложил руки за спину и повернулся к нему всем телом. — Ну, говори?

— Там были проблемы с машиной.

— Разве нас просили ее чинить?

— Кроме этих троих, послать было некого.

— Сам должен был идти. Или звезды на плечах выросли? Тяжелые? Уже мешают?

Чак поиграл желваками.

— Я был занят, ездил на встречу с Морганом.

Кабан хотел что-то ответить, но передумал и примирительно взмахнул ладонью — ладно, мол, тема закрыта.

— Зингера помянем, а всем остальным урок, — сказал он. — Хотя я не представляю, сколько можно вас учить. Обезьяны, и те усваивают быстрее. Но и это еще не все! — добавил он с улыбкой. — Урожайный вчера выдался денек, есть о чем потолковать... Поздравляю, сталкеры, в наших рядах вырос настоящий демократ, пацифист, правозащитник. Гуманное отношение к пленным — что может быть благородней? Вот грохнул какой-то поц нашего парня и тут же ручки вверх поднял: сдаюсь, простите. А мы и простим. Да, Швед?! Простим и отпустим, ведь мы добрые, мы любим людей. Завтра он еще пару бойцов наших завалит, а мы снова простим. Нам товарищей не жалко, у нас их много. Да, Швед?! Пусть хоть всех перестреляют, зато мы сами в белых перчатках останемся. Да?.. Нет, Швед, нет, — покачал головой командир. — Сколько он еще наших парней убьет — все на твоей совести, все как один. Нельзя за чужой счет карму прокачивать. Две проводки, — объявил он без паузы.

— Есть две проводки! — громко ответил Сергей.

— Вот так, орел, — назидательно произнес командир. — Но поскольку ты и там отличился, и в дружественной группировке остались тобой довольны, просили даже поощрить... — Кабан задумчиво покосился на беспроекторное небо. — Пока можешь считать себя условно помилованным. Посмотрим, что дальше выкинешь. А теперь о дне сегодняшнем...

Командир говорил еще долго: раздавал задания, предупреждал о вреде алкоголя, грозил и значительно реже — хвалил. Шведу и Хаусу вместе с другими семьей сталкерами выпало ждать погоды и отправляться за новым кровососом. Прежде чем распустить строй, Кабан с Чаком отошли на дальний угол плаца и минуты две о чем-то совещались. Они могли бы и не шептаться — дождь грохотал так, что бойцы все равно не слышали бы ни слова.

— Ничего так линейка прошла, — делились впечатлениями сталкеры, расходясь после построения. — С нашим командиром и кровососы не нужны! Еще пара таких лекций, и сами склеим лапы от воспаления легких.

Швед протолкнулся сквозь спины и ухватил за рукав спешившего куда-то турка.

— Мехмат, у тебя совесть не проснулась?

— Совесть бодрый, дал ярак, — отвечал тот, упорно двигаясь к двери под навесом.

— Ты вчера пошутил, но не смешно. Сегодня вторая попытка, — сказал Сергей, отмечая, что и сам уже начинает говорить, почти как Ахмет.

— Шутил, — легко согласился тот.

— Ну. Я тебя слушаю.

— О чем? — невинно произнес турок.

— Если ты шутил про сброс памяти на КПК, значит, она осталась? Ты до нее добрался?

— Нету, — заявил он.

— Чего нету? — Швед остановился, и Ахмет забуксовал на месте, не в силах от него вырваться.

— Нет память, нет КПК. Украли, ты знаешь.

Сергей посмотрел на его мокрую морду, облепленную сальными волосами, и... отпустил руку.

— Какое же ты дерьмо, — негромко сказал Швед.

— Я знаю, — бросил Ахмет и исчез в длинном сухом коридоре гостиницы.

— Предлагаю второй завтрак, — промолвил Доктор Хаус. — До обеда этот дождь все равно не закончится.

Сергей послушал, как барабанят капли по жестяному козырьку служебного выхода, и отрешенно кивнул:

— Жрать и греться.

Поднимаясь по лестнице, Швед неожиданно для себя свернул на втором этаже.

— Куда попер? — недовольно произнес Хаус.

— Я сейчас, — не оборачиваясь, буркнул он. — Иди, не жди меня.

В дежурке как всегда топтались бойцы — кто-то уточнял детали своей операции, кто-то требовал новые штаны, кто-то зашел просто так. Стоял страшный гвалт, со всех текла вода, и в комнате было так влажно, что старые обои на стенах начали потрескивать.

Сергей понял, что по личным вопросам приема нет, и пошел к себе в кубрик. По пути к четвертому этажу он вдруг увидел на лестнице Чака.

— А я тебя внизу искал! — обрадованно сообщил Швед.

— Гранаты кончились, ботинки кончились, наволочек нет и никогда не было, — перечислил Чак. — Водки тоже не дам.

Он был злой, как собака, и это казалось логичным. Швед начал без предисловий:

— На каком языке Мехмат матерится?

Чак задумался.

— Да на всяких, — хмыкнул он. — На турецком, на казахском, на киргизском тоже вроде.

— Ты понимаешь, что он говорит?

— Иногда понимаю, иногда просто догадываюсь. А что за вопросы?

— Я тоже на многих языках ругаться умею. Пичка матэр, курэц в дупэ, — продемонстрировал Сергей.

— Это что ты сейчас сказал? — заинтересовался Чак.

— Лучше я не буду переводить. Ты же с Кавказа?

— А что, плохо видно?

— Тогда точно не буду.

— Так о чем этот разговор?

— О том, что я, как и Ахмет, знаю много иностранной матерщины. Но если мне на ногу уронить гирю, то все, что я скажу, будет на родном языке. Потому что это пойдет от сердца, а не от ума.

— А у Мехмата, получается, от ума? — с сомнением спросил Чак. — У него и ума-то нет совсем. Смекалки много, а умом не богат.

— Ты не понял.

— Тогда объясняй снова. Или лучше в следующий раз.

— Лучше, — согласился Швед и пошел к себе на этаж.

В кубрике было тихо. Доктор Хаус, завалившись на кровать во всем мокром, не то дремал, не то притворялся.

— Заболеешь и умрешь, — предупредил Сергей.

— Тебе-то что за дело?

— Сердишься?

— Да на кой ты мне сдался... Пусть Мехмат о тебе печется, у вас с ним общие секреты, тайные знаки и прочий интим.

— Нет, секретничали мы сейчас с Чаком. Но... так и не досекретничали. Не быть ему командиром, намеков не понимает совершенно. Хочешь расскажу, о чем говорили?

— Мне неинтересно. — Хаус взбил подушку и отвернулся в другую сторону.

Швед достал из шкафа запасной комбинезон, переоделся и тоже лег.

— Доктор! — позвал он. — Доктор, почему меня все игнорируют?..

Хаус выдержал еще минуту.

— Ну и о чем говорили? — спросил он, не оборачиваясь.

— Про что говори? Дождик ходи-ходи, погода неважный, дал ярак, — невозмутимо ответил Швед.

На несколько секунд в кубрике повисла тишина, потом оба захохотали так, что соседи стукнули прикладом в стенку.

— Видишь, я тоже это могу, — досмеиваясь, сказал Сергей.

— Любой дурак может, я уже говорил. Но в университет за это не примут.

— Не поступал он ни в какие университеты, это легенда.

— Зачем ему легенда? Чтобы выглядеть поважнее?

— А зачем он прикидывается турком? Ты сам мне этот вопрос задавал. — Сергей положил руки под голову. — Вероятно, прячется от кого-то.

— В Зоне больше половины — прячутся. Кто от долгов, кто от жены, а кто и от жизни.

— Но Мехмат даже здесь шифруется, — со значением проговорил Швед. — И он сюда не сбежал, у него здесь особые интересы. Довольно крупные, судя по всему.

— Почему тебя это парит? — лениво протянул Хаус. — Интересы у него тут? Да и хрен с ними. Ты, главное, близко к нему не подходи, а так — пусть мутит, что хочет.

— Как это «почему меня парит»? — возмущенно спросил Сергей. — Ты забыл, на кого я учился?

— Тебя выгнали, — возразил товарищ. — Хотя привычки старые остались, да.

— Ты обещал, что мы есть будем.

— Типа, «всегда запоминается последняя фраза»? — ехидно улыбнулся Хаус. — А мы разве уже закончили? Что мы имеем в итоге?

— Мы? Ровным счетом ничего. А вот хитромудрый Мехмат имеет как минимум данные с КПК Зингера.

— А на кой черт они нужны? Что там может быть, кроме списка абонентов и истории его соединений? Порнуха? Или дневники?

— Хотел бы я взглянуть на частные записи этого Инженера с большой буквы, как его назвал Кабан... — мечтательно произнес Швед.

— Ну вообще-то Зингер Кабану много помогал. И вертолет восстанавливал, и так еще, по мелочам. Слушай, завязывай со своими шпионскими играми! Это начинает надоедать.

Хаус поднялся и скинул сырую куртку, затем открыл тумбочку и извлек из потайных глубин банку тушенки. Он уже приставил к ней нож, когда коммуникаторы известили о большом сборе.

— Второй раз за день от еды отрывают, — посетовал Хаус.

Спустя несколько секунд на оба КПК пришло текстовое сообщение: «Сбор с винтовками. Дистанция 1000+».

— Прицелы... — озадаченно крикнул Хаус и, распахнув шкаф, достал СВД. — Это мне. Ты бери «винторез». На километр он не бьет, но больше ничего нет.

— Может, лучше «калаш»? Сказано: свыше тысячи. Зачем мне эта пукалка?

— Главное — не выстрелить, главное — попасть. И это, брат, не пукалка, а оружие высокого класса. «Монолитовцы», кстати, его любят. Бери, не думай. Хоть тащить не так тяжело будет.

Хаусу нравилось, что он может чему-то поучить друга, и Швед не стал отнимать у него эту маленькую радость. Он молча надел куртку, накинул на плечо «винторез» и направился к двери. Сосед поймал Сергея за воротник и нахлобучил ему на голову шлем.

— Ворона! — удовлетворенно прокомментировал он.

Сталкеры не строились во дворе, а выбегали через главный вход, и Швед с Хаусом последовали за соратниками. Только на улице Сергей понял, насколько все серьезно. Возле крыльца стояли и «Хантер» отряда, и внедорожник «монолитовцев». Кабана видно не было, погрузкой командовал Чак.

— Еще трое! Пошел, пошел, пошел! — кричал он, подталкивая бойцов. — Еще двое влезут, быстрее! Держитесь там за что-нибудь!

Благодаря тому, что у «Хантера» не было крыши, сталкеры загрузились в него толпой, как пьяные школьники в кабриолет рок-звезды. Однако настал момент, когда сажать людей было уже некуда, и Чак, словно семафор, развернул очередь в другую сторону.

— Вы, сладкая парочка, сюда. — Он указал на второй джип. — В эту тачку, живее!

Швед влетел в открытую дверь и прижался к краю заднего сиденья как можно плотнее. Следом сел Хаус, потом в машину забрался Пегас, за которым лез кто-то еще. Одновременно другие бойцы забивались в багажный отсек. Не дожидаясь, пока все погрузятся к «монолитовцам», Чак сел за руль «Хантера». Сергей поискал глазами Ахмета, но не нашел — похоже, тот еще не вернулся со своего задания.

— Все, достаточно! — объявил водитель, в котором Швед без труда узнал вчерашнего «монолитовца» по кличке Самсон, хотя возможно, это было его настоящее имя.

Сергей кивнул ему в зеркало, но поймал себя на том, что ведет себя глупо.

Последний уместившийся боец с трудом захлопнул дверь, и джип рванул вслед за Чаком. Ехать оказалось не далеко, это был тот же маршрут, которым Кабан впервые привез Шведа в гостиницу. Джип лихо выскочил на проспект Строителей, при этом все сидки сзади непроизвольно выдохнули и сбились в сторону Сергея. В багажном отделении дружно ойкнули и загрохотали винтовками. Двое «монолитовцев», сидевшие спереди рядом с Самсоном, должны были чувствовать себя королями. Проехав несколько кварталов, машина снова повернула и уже через пару минут зашумела покрывками по грунтовой дороге.

Сергей рассчитывал на инструктаж или на минимальные пояснения, но «монолитовцы», которые явно были в курсе дела, так ничего и не сказали.

«Ладно, мы не гордые, — подумал он. — Хотя как же, черт, надоело быть не гордым».

Оба джипа остановились одновременно. Чак снова командовал, теперь уже рассредоточением. Сталкеры разбегались кто куда, но не беспорядочно, а в соответствии с его указаниями. Отряд растягивался в длинную цепь и занимал позиции на самой окраине города — за ржавыми гаражами, за какими-то косыми сараями, в канавах и разрытых фундаментах.

— А это что за дудка-плевалка? — спросил Чак, увидев у Сергея «винторез». — Я ведь предупреждал всех. Это саботаж или тупость?

— Тупость, — признался тот.

— Хорошо. Жди, когда грохнут твоего друга, и заберешь у него СВД. Оба бегом во-он туда. — Чак показал пальцем на какой-то выгоревший домик из красного кирпича.

До строения было метров двести. Хаус со Шведом зачем-то пригнулись и понеслись между ямами, трубами и заплесневевшими бетонными плитами. Оба успели по разу поскользнуться и упасть — Сергей в мокрую крапиву, а Доктор на мелкую арматурную решетку. Дождь подгонял их в спины и хлестал по лицам, вода была и сверху, и снизу, и внутри.

Вместо крыши у кирпичной коробки осталось лишь несколько балок перекрытия, на которых лежали листы старого шифера, поросшие мхом, а кое-где и травой. Но главное, что этот настил все-таки защищал от ливня. Впрочем, дождь закончился и сам — буквально через минуту после того, как друзья вбежали в дом.

Место было неплохим, даже комфортным. Хаус, едва отдышавшись, натаскал к стене тряпья, разбросанного по полу, и устроил лежку под пустым прокопченным окном.

— Ну вот. Теперь ждем, — сказал он, усаживаясь на тряпки.

— Знать бы чего... — пробормотал Сергей.

— Я — смерти, а ты — наследства, — он показал СВД.

— Ты такой впечатлительный, что просто боже ж мой.

Швед сел к стене по другую сторону от окна. Все сталкеры уже заняли позиции, шум прекратился. Он взял в руки «винторез», снял с прицела заглушку и посмотрел в окуляр. На переднем плане Сергей зафиксировал затылки нескольких бойцов, угнездившихся под открытым небом. Выше и дальше были только луга — пустое пространство куда ни глянь. Знакомые теплицы находились далеко слева, почти вне сектора обзора.

Сергей снова принялся осматривать окрестности и обнаружил, что по второму разу это делать гораздо интересней. Он стал замечать детали, которые вначале не то чтобы не увидел, но невольно проигнорировал. Кусты. Вездесущий кустарник кое-где торчал достаточно плотно, чтобы за массивом смогли укрыться два или три человека, и, кроме того, корявые черные пучки скрывали перспективу. Также Швед рассмотрел несколько вывернутых с корнем деревьев. Ближе, где-то на полпути от линии обороны до кустов, безмятежно разгуливали с десятка слепых собак, похожих на пасущихся овечек.

— Людей не вижу, — прокомментировал Сергей. — Хрен знает, куда мы так спешили...

— Посидим, поскушаем. Опередить противника всегда приятней, чем опоздать, — изрек Хаус.

Возразить Шведу было нечего.

— Сталкеры, внимание! — вдруг раздалось из КПК. Чак вызывал в приоритетном режиме. Как и при оповещении о выбросе, ответ каждого абонента не требовался. — С севера движется большая группа, от двадцати до двадцати пяти человек. Скорее всего они будут прорываться через нас на юг, к «Свободе». Задача простая: остановить и зачистить в ноль. Это не Сталинград, парни. Враги нас не видят, а друзья прикрывают. Подпускаем противника на дистанцию уверенного поражения и валим всех. По позициям не шляться, себя не раскрывать! И всем проверить глушители, это касается каждого. Отбой, охотнички, до связи.

Сергей посмотрел на Хауса и снова принял к окуляру. На предполагаемой линии атаки ничего не изменилось, только псы собрались в кучу и куда-то лениво затрусили по пологому склону холма.

— А у вас тут тепло! — заявил новый боец, вползая в обугленную дверную коробку.

— Когда горело, было еще теплей, — сварливо отозвался Хаус. — Каким ветром? Что тебе в канаве не лежится?

— Чак сюда направил, сказал — тут очередь за СВД быстро движется. — Держась подальше от окна, боец снял со спины «винторез» и поставил оружие в угол. — Зато у меня есть вкусное.

Вкусное у сталкера по кличке Бубен было всегда. Кто-то пропивал в Зоне приличные деньги, а он их умудрялся проедать. К тридцати годам он отрастил не только животик, но и большую шарообразную голову с золотыми, как у юного Ленина, кудряшками. Говорил он басом, но, как правило, тихо.

— А мы ничего не захватили, — сокрушенно признался Хаус.

— А у вас все равно такого нет! — Бубен запустил руки в карманы широких брюк и магическим жестом извлек на свет две банки — с крабами и заливными языками.

— Да-а, — протянул Хаус, рассматривая этикетки. — В пайке этого не дают. Где нарыл?

— В гастрономе у контролера, — отшутился Бубен.

— Я возьму винтовочку, пока у тебя руки заняты? — обратился Швед к товарищу.

— Продолжай наблюдение, — деловито сказал тот, доставая нож. — Как что увидишь — свисти.

— Это не скоро, — елеинно произнес Бубен, растирая ладони в предвкушении. — Отморозкам еще полчаса до нас топать, не меньше. Я рядом с Чаком был, пока он меня не выгнал.

— Откуда про них узнали-то? — спросил Сергей.

— Дак... Это же «Монолит» нас по тревоге подорвал. Они и узнали.

— У них что, свой разведспутник над Припятью висит?

Хаус выразительно кашлянул и почесал ножом горло.

— Пф, спутник! — фыркнул Бубен. — У них небось и получше чего найдется! — Он уже три раза проглотил взором пищу и ни на что больше не обращал внимания.

— А Кабан где? Что-то я его не найду, — сказал Сергей, не отрываясь от прицела.

— А зачем ему в пекло лезть? Если облажаемся — тогда прилетит, прожарит все с вертолета. Может, и «монолитовцы» еще подтянутся. Давно я их в деле не видел. Эти трое тоже неспроста с нами сидят.

Хаус наколот ножом свиной язык и сунул Бубну в рот, чтобы он помолчал, но после двух жевательных движений еда чудесным образом исчезла.

— Что-то они там всерьез переполошились, в «Монолите», — продолжал Бубен, сдерживая отрыжку. — Очень их напрягает этот прорыв. Да и народу сейчас много идет, прямо войсковая операция, а не налет бандитов.

— Почему обязательно бандиты? — спросил Швед.

— Ну, анархисты или кто они там... По мне — один черт, беспредельщики.

Сергей поймал в прицел Чака. Тот укрывался не то в подвале, не то на цокольном этаже разрушенного здания. Длинные узкие окна вполне годились под бойницы, а сверху этот наблюдательный пункт накрывала пирамида битого кирпича. Рядом с Чаком стоял Самсон, больше там никого не было. Похоже, Бубна они отослали просто для того, чтобы он не слушал разговоры. Еще двух «монолитовцев» Швед обнаружил на противоположном краю линии обороны, в развороченной траншее давно бездействующей теплотрассы.

Внезапно по позиции прошла неуловимая волна движения — сталкеры что-то тихо передавали по цепочке.

— А вот и они, — сказал Сергей, поднимая ствол выше.

Хаус невозмутимо дожевывал крабов, поставил пустую банку на пол и забрал у друга винтовку.

— Ага, нарисовались. Ух ты, действительно много.

Анархисты шли к городу тремя группами, на небольшом расстоянии друг от друга. Одеты они были кто во что: в спортивные и рыбацкие костюмы, в какие-то явно самопальные фуфайки.

— Шапочек из фольги не хватает, — проговорил Швед.

— Сброд, — согласился Хаус.

С оружием у них дело обстояло чуть получше: кто-то шел с винтовкой, кто-то нес охотничьи ружья.

Бубен подхватил свой «винторез» и тоже примостился у окна, поглядывая в прицел, как в театральный бинокль.

— Пусть и сброд, но через реку бандиты все-таки перебрались, — прогудел он. — Неизвестно, правда, какой ценой... — ответил он на свой же невысказанный вопрос. — А командир у них реально безумен, м-да.

Один из анархистов вышагивал первым, с пистолетом в руке.

— Сейчас все только в него и целятся, — предположил Хаус. — Когда будет отмашка, разнесут ему голову, как арбуз.

Сергей подумал, что эти слова не лишены логики, и повел стволом «винтореза», оглядывая других противников. Если бы гости знали про засаду, то вели бы себя иначе, но они лишь изредка посматривали по сторонам, чтобы не подпустить к себе мутантов. Швед прикинул, что они сделают, когда попадут под обстрел. Вероятно, залягут, благо на разном удалении от города находилось достаточное количество естественных укрытий. Что будет потом, Сергей сказать не мог. Анархисты с одной стороны, отряд с другой — и все лежат, и все ждут. Пришельцы в любом случае были обречены, но сколько придется потратить времени, прежде чем Зона убьет чужаков, — неизвестно...

— Я не пойму, на что рассчитывают эти идиоты, — проговорил Швед.

— На то, что здесь ничейная территория, куда можно припереться, как к себе домой, — с сарказмом ответил Хаус.

— Потом набрать полные лукошки артефактов, загнать их за миллионы и до старости откисать на Багамах, — иронично добавил Бубен. — Ребятки не в курсе, что здесь, как и везде, — система. Надо либо четко вписаться, либо как-то обосновать свое право. Иначе ты оказываешься против системы, а система — против тебя, и Костлявая, считай, уже вышла тебе навстречу.

— Отличный тост! — оценил Доктор Хаус.

— Только не вздумай здесь квасить, — прошипел Сергей.

— Да я не собираюсь. Так, на будущее.

Швед продолжал смотреть в прицел, пока не заметил собак. Мутанты возвращались на прежнее место, но совсем по-другому, лая куда-то вверх и как будто водя хоровод. Изредка они взвизгивали и отлетали в сторону, но тут же поднимались и снова набрасывались на что-то невидимое — таким образом стая медленно двигалась наперерез анархистам. Один из псов опять подпрыгнул, и тут у него из головы брызнул черный фонтанчик.

Сергей схватил коммуникатор.

— Чак! Чак! — торопливо заговорил он, удерживая «вызов». — Прикажи по сети, чтобы не стреляли в собак, у кого там руки чешутся... Собаки бегают вокруг кровососа, а он идет на врагов. Зачем их предупреждать об этом?

— Повтори короче, — велел Чак.

— Не стрелять по собакам! Там кровосос, он собирается атаковать противника! — отчеканил Швед и не сразу сообразил, что слышит свой собственный голос из КПК товарищей.

— Всем всё понятно? — закончил за него Чак.

— Мощно выступил, — улыбнулся Хаус. — Как же ты его там разглядел? Я вот не вижу.

— Не туда смотришь. Сейчас мутант начнет их валить по одному, и мы тоже под шумок пощелкаем.

— Шумок там будет славный, — покивал Бубен.

Кровосос, отбиваясь от назойливых собак, двигался к анархистам, теперь это было ясно. Он размахивал невидимыми, но от этого не менее мощными лапами, и псы отскакивали, как плюшевые игрушки. Однако все собаки, кроме застреленной снайпером, оставались в здравии, как будто кровосос намеренно их щадил.

— Зона сегодня нам помогает, — высказался Хаус.

— Не нам, а «Монолиту», — уточнил Бубен. — Это же они на нее молятся, мы-то здесь просто работаем. О, смотри, смотри! — Сталкер дернул Шведа за куртку и указал на траншею теплотрассы.

Хаус тоже взглянул туда на секунду и вернул ствол в исходное положение.

— Вот об этом я и говорил. Молятся.

Один из «монолитовцев» опустился на колени и начал раскачиваться вперед-назад. Сергей не видел его лица, в прицеле мелькал только затылок и левый рукав с нашивкой. Второй боец продолжал спокойно стоять за бруствером и, что самое удивительное, никак не реагировал на поведение товарища.

Швед моментально перевел прицел на Самсона в подвале — тот беседовал с Чаком и тоже не делал ничего странного.

— Может, ему плохо? — наивно спросил Сергей.

— Ему скорее всего хорошо, — веско сказал Бубен. — А если что не так, пусть сами разбираются. Вон у него напарник совершенно адекватный.

Молитва продолжалась недолго, минут пять или около того. Швед пристально следил за «монолитовцем», пытаясь уразуметь, чем же тот на самом деле занимается, но так ни к чему и не пришел. Закончив обряд, боец выпрямился и завел непринужденный разговор с соратником, потом приставил к плечу винтовку и стал вместе со всеми наблюдать за анархистами.

Из-за молитвы Сергей пропустил момент, когда кровосос начал охоту. Впрочем, для зверя это было не борьбой, а скорее нудной заготовкой провизии. Анархисты необдуманно

перебили собак, и теперь никто на всем белом свете не смог бы им подсказать, в каком месте находится кровосос. Стрелять в мутанта на звук никто из них не умел, для этого требовался бесценный опыт выживания в Зоне. Или хотя бы урок проводки от опытного сталкера — маленькой группой, через Новошепеличи, с одними обрезам.

Отстреливаясь наугад, чужаки сбились в кучу, но вместо того чтобы занять круговую оборону, стали что-то друг другу кричать и доказывать. Вероятно, решали, в какую сторону следует уходить. Тем временем кровосос хватывал их по одному и выпивал, будто маринованные помидоры.

Командир пришельцев, легкомысленный владелец красивого пистолетика, давно лежал на земле, как и предсказывал Доктор Хаус — с напрочь разнесенным черепом. Половина отряда была уже мертва, люди валились каждую секунду — разумеется, не без помощи стрелков из отряда. Хаус со своей СВД особо не напрягался, он больше смотрел. Сергей ясно понимал, что другу противно участвовать в подобной бойне, но вслух он этого не говорил. Шведу и самому не нравилось происходящее. Одно утешало: финал был уже близок.

Оставшиеся в живых гости бросились врассыпную и поодиночке помчались назад.

— На, побалуйся. — Хаус протянул СВД Сергею.

— Дай мне! — сказал Бубен.

Швед без возражений уступил ему оружие и сел на пол спиной к окну.

— Может... еще и кровососика этого... потом отловим... — проговорил Бубен, часто и бестолково нажимая на спусковой крючок. — Он же сытый будет. Тяжелый, медленный.

— Не кажи гоп, — хмуро отозвался Хаус. — И вообще лично мне на сегодня охоты хватит.

Кто добил последнего туриста — мутант или пуля, — уже никого не волновало. Отстрелявшись, сталкеры проверяли оружие и ждали приказа возвращаться на базу. Над позицией висела гнетущая тишина.

— Выходим, собираемся, — наконец-то раздалось из коммуникаторов. — Всем спасибо, а особенно кровососу.

Шутка никого не взбодрила. Бойцы молча подтягивались к площадке, на которой остался только отрядный «Хантер». «Монолитовцы» спокойно погрузились в свой внедорожник и, не прощаясь, укатили втроем. Сергей рассмотрел бойца-богомольца вблизи и еще раз убедился, что это нормальный человек без крыльев, копыт и звезды во лбу.

— Ну вот, считай, что ты тоже прикоснулся к их «жгучей тайне», — вполголоса сказал Хаус. — Много ты в итоге узнал?

— Нет, — подумав, ответил Сергей. — Но стало еще интересней.

Приятель сокрушенно вздохнул и направился к джипу.

То ли все по примеру Бубна успели перекусить, то ли азарта поубавилось, но в «Хантер» не влезло и трети бойцов, вышедших из укрытий. Хаус успел втиснуться справа от турели и некоторое время героически держал место для Шведа. Однако желающих вернуться на машине было слишком много, и вскоре джип забили битком. Хаус даже порывался выйти, но Сергей его остановил:

— Езжай, я нормально пешком дойду.

— Кто дорогу не знает? — спросил Чак, начальственно водя головой.

— Я! — отозвался какой-то чужак из последнего пополнения. — Вернее, плохо помню. В принципе я мог бы, конечно, сориентироваться, но я не уверен на сто процентов, потому что...

— Да глохни уже! — рявкнул Чак. — Запомните этого кекса и смотрите, чтоб не отбился. Еще идиоты есть? Нет? Тогда двинули. Не разбредаться, не галдеть, девочек за косички не дергать!

Он уселся за руль, пнул соседа в колено, чтобы тот не давил на ручку, и неспешно покатил к проспекту.

— Вот зачем он про косички, сука?! — сказал кто-то. — Я четыре месяца косичек не видел.

— У химеры под хвостом заплетешь, — дежурно сострил другой сталкер, и отряд громогласно заржал.

— Пошли. — Бубен пихнул Сергея локтем и подкинул на плече «винторез». — Как раз к обеду успеем. Если торопиться не будем.

Швед вдруг осознал, что давно уже любит всех этих людей, странных и страшных мужиков, не нашедших себя на Большой земле и придумавших новую жизнь — на границе со смертью. Так им было удобней, хотя Сергей вряд ли смог бы объяснить это нормальному человеку. Чтобы это понять, нужно было родиться ненормальным. Сталкером.

Глава двенадцатая

Несмотря на приказ Чака, отряд постепенно рассеялся. Кто-то сразу пошел другим путем, кто-то откололся по дороге. У большинства нашлись свои заботы — в основном мелкий левак с артефактами, а у кого забот не нашлось, тот просто пошел за компанию.

Бубен, навязчиво высасывая из зуба остатки мяса, шагал слева от Шведа. Справа, отставая на полшага, тащился тот самый чудака, за которым велел приглядывать Чак. Сергей в няньки не вызывался, но так уж получилось: когда другие бойцы сворачивали по делам, у чудака никаких дел не оказалось. И это было неудивительно.

— Не помню, как тебя зовут, — обронил Бубен, протягивая руку новичку за спиной у Сергея.

— Чак сказал же: Кекс, — откликнулся тот.

— Ну, это Чак сказал. А на самом деле?

— Кекс, — повторил боец.

— Прикольно... — вякнул Бубен.

— Давно ты в Зоне? — Сергей от скуки решил поддержать разговор.

— Приблизительно... приблизительно... — пробормотал Кекс, — наверное, дней восемь. Или нет! Семь с половиной?.. Да, скорее семь с половиной, хотя я не уверен на сто процентов, потому что когда мы...

— Ты можешь покороче говорить?

— Потому, что когда мы вошли в город, — продолжал Кекс с тем же выражением лица и с той же скоростью, — уже вроде бы стемнело, но я не совсем понял, сколько было времени, и я не уверен...

— На сто процентов, — подсказал Швед.

— Что? — отвлекся он.

— Ты не уверен на сто процентов. Это я уже уяснил. Слушай, мы же не в аптеке, чтобы до секунды мерить. Я задал простой вопрос, а ты начал вдаваться в подробности. Кому это нужно?

— Аптека! — Бубен поднял указательный палец.

— Но ведь ты сам спросил? А как я мог ответить, если я не был уверен на сто процентов? — снова заладил Кекс.

— Перестань! — взмолился Бубен.

— Какая еще аптека? — спросил Швед.

— Хорошая, большая. Если сейчас сворачивать не будем, то через два перекрестка...

— Не пойдем, — отрезал Сергей.

— Это недалеко! Аптека, — со значением повторил Бубен.

— Я понял, понял. Но то, что ты хочешь там найти, давно скисло. После эвакуации города шестнадцать лет прошло.

— Растворы — конечно, а порошки — не факт, не факт, — лукаво произнес он. — Если в воду или на свет не попали, то...

— Все равно не пойдем, — сказал Швед.

— Я же не говорю про какое-то ширево!

— А про что ты говоришь? Про свечи от геморроя?

Они остановились на углу проспекта Строителей и улицы с гостиницей. До базы оставалось совсем чуть-чуть, тем сильнее Бубна влекло дальше, за два перекрестка.

— Я же не для себя! — Он всплеснул руками. — У кого-то спину ломит, у кого-то ноги болят, а промедола из аптек не напасешься. Да и однообразный он какой-то, промедол этот... — позорно спалился Бубен, но сам этого не заметил. — Жесткой наркоты там все равно нет, в лучшем случае — «список А».

— Сколько народа там порылось за все эти годы, ты не подумал?

— Какого народа? — насмешливо произнес он. — Откуда здесь народ возьмется? Это же, слава богу, не Янов, где яблоку негде упасть. Кто тут, кроме нас и «Монолита»? Два десятка диких да прочих шальных-залетных? Вот если дорогу с юга найдут безопасную, тогда и в Припяти будет мрак — попрут, как саранча. И вот тогда уж точно будет поздно!

Швед постоял еще немного в раздумье, сплюнул под ноги и решил, что такая эмоциональная речь все-таки заслуживает небольшого крюка по городу.

— Тем более что большинство вряд ли вернутся раньше нас, — вставил Бубен еще один, уже лишний, аргумент.

— Ну а ты как считаешь? — спросил Сергей у Кекса.

— Если бы я был... — начал тот.

— Этого не надо, — перебил Швед. — Просто ответь: ты с нами идешь или на базу?

— База вот здесь, за поворотом, — любезно подсказал Бубен. — Двести метров по прямой. Осилишь их самостоятельно преодолеть? Пространство и простор. Двести метров по прямой. А?..

Кекс молча повернулся и пошел к гостинице.

— Обиделся, — буркнул Бубен.

— Ты приложил достаточно усилий. И как он только проводку-то прошел... — сказал Швед, двигаясь дальше по проспекту.

— Да так и прошел. Некоторым везет, проскакивают нашару — и что потом, испытания им дополнительные устраивать? Кому это нужно, кто этим заниматься будет... Раз добрался — пусть живет, пока не помер. Пользы мало, но и вреда нет.

Впереди из-за поворота вдруг показались три сталкера. Сергей быстро шагнул за дерево и снял с плеча «винторез». Бубен хотел сделать то же самое, но замешкался. Через мгновение он растянул губы в улыбке:

— Это же свои, Швед. Ты чего такой шуганый?

— Не разглядел.

— Не бойсь, подберем тебе таблетки от глаз какие-нибудь.

— Лучше тебе от живота поищем, — парировал Сергей. — А то ведь в следующий раз могут и не свои оказаться.

— И что?

— Медленный ты, Бубен.

— Поучи, поучи отца.

По мере приближения тройки бойцов Бубен расставлял руки все шире. Когда они поравнялись, его объятия уже были такими, словно он стремился овладеть всем проспектом. Ну или рюкзаком, который нес Пегас.

— Откуда идете, соколики? — слащаво спросил Бубен.

— Так, воздухом дышим, — отвечивал сталкер.

— И чем тот воздух пахнет? Касторкой, йодом? — Он шутливо потянулся носом к рюкзаку.

Пегас отступил назад и перехватил руку. Рюкзак был объемный, увесистый.

— Мы не оттуда, — откровенно соврал он.

— А, так вы, наверно, за булыжниками ходили? — предположил Бубен. — Решили сад камней на плацу устроить?

— Блин, ну ничего от тебя не утаишь! Ладно, дай пройти, — посерьезнел Пегас.

— В натуре, там хоть что-нибудь осталось еще?

— Настоек точно больше нет.

Сталкер, как Дед Мороз, взвалил рюкзак на спину и, отсалютовав свободной рукой, пошел в сторону базы. Два его друга одарили Бубна одинаково неприязненными взглядами и последовали за Пегасом. Сзади они смотрелись еще забавней: тщедушный горбун с огромным мешком добра и при нем — пара крепких молодцов с пустыми руками.

— «Настоек нет!» — презрительно повторил Бубен. — Плебеи вокзальные.

— Думаешь, они нам что-нибудь оставили? — усомнился Швед. — Не повернуть ли нам сразу домой? Зачем время тратить?

— Боярышника после них уже нет, я не сомневаюсь. А что-нибудь потолковой могли и не найти. Надо знать, где смотреть. Не исключено, что стальную дверь вскрывать придется. В смысле, я именно на это и надеюсь. У меня и гранаты с собой. Потому что, если дверь уже вскрыли до нас, тогда мы точно зря идем.

— За шестнадцать лет здесь кого только не было, — покачал головой Сергей.

— Ага, расскажи это Пороху, который полгода назад двести граммов золота нашел.

— Да ну! Слиток, что ли?

— Ко-ольца и брасле-еты... — неумело пропел Бубен. — Ювелирка всякая, еще советская, конечно. Всё — семьсот пятидесятой пробы. В обычной пятиэтажке, в обычной квартире, прямо на телевизоре лежал пакет. Кто его там забыл — поди, догадайся. Но факт есть факт. Не веришь — сам спроси у кого угодно. Так что свои надежды на аптеку пока считаю оправданными.

— Если ты все знаешь, то почему один-то не пошел? — поинтересовался Швед.

— А ссыкотно, брат, одному-то! Лучше поделиться, чем не вернуться.

— Здоровые мысли. Это она?

— Она, родимая.

Сталкеры остановились у одноэтажного дома.

— Вон булочная, а вон сберкасса, — пояснил Бубен, как заправский гид. — Но нам туда не надо.

Швед осмотрелся на улице:

— Вроде чисто.

— Ну, так пойдем?

Бубен пролез через разбитую оконную витрину, а Сергей просто зашел через дверь. И ему почему-то сразу показалось, что ничего хорошего они тут не найдут. Под ногами скрипело, на полу и на пустых деревянных полках лежал сантиметровый слой пыли. Пыль была даже на стенах, она свисала из-под самого потолка тяжелыми мохнатыми прядями.

— Ты уверен, что парни могли тут затариться настойками? — осторожно спросил Швед.

— Теперь уже нет, — отозвался Бубен, включая фонарик. — По крайней мере не на сто процентов.

Смеха шутка не вызвала.

— Такое впечатление, что, кроме собак, в аптеке никого не было с самой эвакуации, — поделился Сергей.

— Это же прекрасно. Пошли! — Сталкер высветил в глубине зала вход в служебное помещение.

За узкой аркой оказался поворот направо и короткая лестница, переходившая в коридор. Швед снял «винторез» с предохранителя и спустился по ступенькам за Бубном. На полу валялись сплюснутые картонные коробки и несколько старых досок, неизвестно откуда взявшихся. Первые две двери спутник проигнорировал по той простой причине, что они были фанерными. Дальше были еще две двери, «распашонкой» — слева и справа, — а заканчивался коридор вполне предсказуемым тупиком.

Бубен обшарил стены фонариком и устремился вперед, но уже через секунду разочарованно застонал. Железную дверь он нашел, однако она была варварски вскрыта, и это сразу ставило крест на мечте о вождельных медикаментах из «списка А». Бубен потянул за ручку, и дверь довольно легко открылась.

В небольшой комнате без окон сталкеры обнаружили мойку, широкий провизорский стол под вытяжкой и два массивных металлических шкафа, лежавших на боку и тоже, разумеется, взломанных.

— Ладно, Швед... — скорбно молвил Бубен. — Мы потеряли не так уж много времени. А проверить по-любому стоило.

Они вышли в коридор, когда наверху вдруг послышались шаги — слишком частые для одной пары обуви. И для двух, пожалуй, тоже. Бубен метнулся обратно в комнату и выключил фонарь. Кроме скрипа мусора под подошвами, сверху доносились и голоса. О чем говорили, разобрать было невозможно, но судя по звуку, люди, несомненно, приближались.

Кто-то ступил на лестницу и посветил в коридор. Мрак в комнате чуть рассеялся, и сталкеры начали судорожно оглядываться. Первое, что пришло им в голову, — это спрятаться за шкафами, но идея оказалась нежизнеспособной: сейфы были не такими уж большими. Швед с тоской посмотрел на раструб вытяжки, но и этот путь не годился — труба воздуховода была настолько узкой, что в ней мог бы протиснуться лишь тушкан, да и то не самый упитанный.

Других вариантов не было.

Незнакомцы включили второй фонарик, и отраженный свет наполнил помещение серыми сумерками.

— Погаси! — шепнул кто-то снаружи.

— Что мы тогда увидим?

— Кореец, погаси второй, я сказал!

Швед сосредоточился, перебирая в памяти клички. Он до сих пор не запомнил весь отряд, в этом не было необходимости, но каждое имя хоть по разу, да слышал. Бубен словно прочел его мысли и отрицательно мотнул головой: никакого Корейца у них не было. Отсветы из коридора падали Бубну на висок и придавали лицу еще более мрачное выражение.

«Что делать?» — спросил он одними глазами.

Сергей отвернулся, ответа у него не было.

Люди шли по коридору, приближаясь к тупику.

Бубен достал из кармана гранату и беззвучно постучал пальцем по «винторезу» Сергея. Тот утвердительно моргнул.

Незнакомец сделал еще несколько шагов и остановился возле двери.

— Поди-ка сюда, — начальственно произнес он. — Нет, Кореец пусть страхует. Давно ее ломали? Это же по твоей части.

Бубен, не дыша, разогнул усики и медленно вытащил кольцо.

Свет из коридора стал невыносимо ярким.

— Очень давно, — отозвался кто-то другой, помоложе. — Царапина ржавчиной уже заросла.

— А что там вну...

Дверь открылась. Бубен выбросил из комнаты гранату. Швед прижал спусковой крючок и, стреляя в ослепляющий поток наугад, рухнул за шкаф. Сноп света беспорядочно заметался. Взвизгнула петлями вторая дверь. В помещении напротив раздался стук падения. Из коридора резанула косая очередь — по стене, по эмалированной мойке, по жестяной вытяжке и дальше вверх. Потом в тупике взорвалась граната, и свет погас.

Сергей достал свой фонарик и включил.

Тяжелая пыль клубами поднималась к потолку. Бубен, нашпигованный свинцом, сидел на полу с открытыми глазами.

Из соседней комнаты кто-то снова выстрелил — пули завизжали, рикошета от сейфа. Швед вжал голову в плечи и отполз к стене за дверью. Отсюда, из безопасного места, он осветил часть коридора на пути к выходу. Через мгновение по полу заскользил луч второго фонарика из кабинета напротив — тоже под углом. Возле короткой лестницы они слились в перекрестье и захватили чье-то тело.

— Кореец! — позвали из другой комнаты.

Сергей осветил лежавшему лицо. Мужик в коридоре — с виду никакой не кореец, а плотный дядька в возрасте — мучительно застонал, держась за живот.

Дотянувшись до Бубна, Швед обшарил его карманы в поисках гранат, но ничего не нашел. Он не помнил, о чем говорил соратник, — об одной гранате или о нескольких. Сейчас кинуть вторую через две открытые двери было бы самое оно...

Напротив о чем-то заговорили. Противники были оглушены взрывом, поэтому шептались во весь голос. Беда в том, что Сергей был тоже оглушен.

— Эй! — крикнул он. — Кто вы?

— Вольные сталкеры! — отозвались из противоположного кабинета.

— Какие же вы вольные... Дикие вы, дикие. Мрази.

— Что?! — не расслышали Сергея. — А, наемничек? Думали, «монолитовца» прищучим, но наемник — тоже хорошо.

Голос показался Шведу как будто знакомым.

— Это кто кого прищучил? — спросил он.

— Сейчас наши подойдут и доделают тебя, не переживай!

Определенно, этот голос он уже где-то слышал.

— Я не переживаю! — заверил Сергей. — Ваших тут раз, два и обчелся, а вот наши точно подойдут.

Несколько минут все лежали молча, проверяя, кто лучше блефует. Потом в другой комнате снова начали тихо переговариваться. Шведу поговорить было не с кем, и это его раздражало.

— Тебе отсюда не выйти, мы контролируем коридор! — самоуверенно произнес противник.

— Я его контролирую не хуже, — ответил Сергей, окончательно узнав голос. — Гранат у вас тоже нет, судя по всему. Сколько будем тут лежать? Надо договариваться.

— С кем?! С тобой, отребье?

Швед зафиксировал включенный фонарь так, чтобы он освещал раненого Корейца.

— Хорошо! — сказал он. — Давайте посмотрим, как умирает ваш друг. Похоже, это доставляет вам удовольствие.

— Не трогай его!

— Я и не трогаю, он сам через час кончится. А мы пока подождем ваших, наших или еще каких-нибудь.

За проходом возникла пауза.

— Мы нигде раньше не встречались?

— Если тебя зовут Филя, то встречались. Я Швед.

— Мне это ни о чем не говорит, — отозвался Филя.

— Короткая у тебя память. Мы же только вчера виделись, на улице Курчатова.

Противники снова помолчали.

— Это он? — спросил кто-то другой, постарше.

— Он, — подтвердил Филя.

— Ты уже убедился: я свое слово держу, — крикнул Сергей. — В отличие от некоторых.

— Ладно, Швед, сдавайся. Я тоже гарантирую тебе жизнь.

— Что-что ты мне, засранец, гарантируешь? — Он задохнулся от возмущения.

— Ну а что ты сам-то предлагаешь?

— Забирайте своего Корейца и проваливайте. Я вас не трону, обещаю. И вы меня не тронете. Просто расходимся в разные стороны — вот такая у меня идея. Или наоборот, сначала уйду я, — добавил Сергей. — Выбирайте, как вам больше нравится.

Дикие сталкеры посоветовались и приняли решение:

— Сначала пойдем мы. Но у нас есть еще одно условие.

— Черт с вами, банкуйте!

— Ты выбросишь в коридор оружие, — потребовал Филя. — Что там у тебя?

— «Винторез». Но тогда и вы разоружитесь!

— А какой смысл, если мы пойдем первыми?

— В этом подвале вообще мало смысла, парни, — пробормотал Сергей и, взяв винтовку за ствол, кинул ее в коридор.

Противники выждали еще немного и покинули свое укрытие. Напарник у Фили был посолидней — лет тридцати и уже с легкой сединой. Левый рукав у него промок и был перетянут бинтом повыше локтя. Боец переступил через порог комнаты, где прятался Швед, и беспардонно посветил ему в лицо. Сергей заслонил глаза ладонью. Тем временем Филя забрал его «винторез» себе — Швед не столько это услышал, сколько почувствовал. Сталкер постоял, нависая над Сергеем, несколько долгих секунд, затем убрал фонарь и присоединился к Филе. Вместе они приподняли стонущего Корейца и медленно, с большим трудом, потащили его к выходу. Швед зацепил носком ремень второго «винтореза», лежавшего за спиной у Бубна, и аккуратно подтянул оружие к себе. Ощупал ствольную коробку, убедился, что предохранитель снят, и, не меняя позы, сделал два выстрела. И сразу — еще три, это было вернее, чем гарантии сталкера Фили.

Сергей подобрал с пола свой фонарик и вышел из комнаты, когда фанерная дверь возле лестницы вдруг приоткрылась. В подвале раздался глухой возмущенный рев, и Шведу в лоб прилетела доска.

Глава тринадцатая

— Очухался?

— Нет... — ответил Сергей.

Его поставили на ноги и прислонили к стене.

— Водки выпьешь?

Швед открыл глаза и осоловело огляделся. Хаус и Капитан придерживали его за плечи, Ахмет с Кексом стояли рядом и поглядывали по сторонам. Вокруг было темно.

— Понравилось в гостях у бюроера? — поинтересовался Хаус.

— Обед я уже пропустил? — вяло проговорил Сергей.

— Ты и ужин пропустил, — сказал Капитан. — Ночь на дворе.

— Как вы тут оказались? — Швед снова наткнулся взглядом на Кекса. — Это ты?..

— Вы долго не возвращались. Я, конечно, не был уверен на сто процентов, но мне показалось, что вам давно пора было прийти. Хотя это не мое дело, конечно, просто я подумал, что для уверенности хорошо бы кому-нибудь... ну, то есть чтобы точно знать...

— Я люблю тебя, Кекс, — промычал Сергей. — Сто процентов.

— Он еще не в себе, — заметил Капитан. — Надо посадить куда-нибудь, пусть отдышится.

— Может, водки? — снова предложил Хаус.

Швед молча взял у него фляжку и долго ждал, пока из узкого горлышка не набулькает на хороший глоток. Потом проглотил, с отвращением кашлянул и занюхал грязным рукавом.

— Тряпка закусь плохой, дал ярак. — Ахмет протянул ему колечко краковской колбасы. — Себе припасал всякий случайный. Всегда нужно, я знаю.

От колбасы Сергей отказался, но улыбки сдержать не смог. Долго сердиться на турка у него не было сил.

Шведа пристроили на парапет у сквера и целых две минуты не беспокоили.

— Ну что, охотник за эфедрином, теперь оклемался? — насмешливо произнес Капитан. Он был худощав, носил маленькие очки и отращивал тонкие усики, однако ничего беспомощно-интеллигентского в его виде не было. Скорее, он напоминал гусара из последнего советского поколения. Лет ему было уже прилично, но Капитан не сдавался и мог бы дать фору любому. — Или вы за презервативами туда полезли? — продолжал куражиться он. — Так спросили бы меня, я бы вам сказал, что там давно пусто. Эту аптеку ломанули еще много-много лет назад.

— Там, кстати, два!.. — Хаус продемонстрировал шишку на затылке. — Два бюрера обитало! Мальчик и девочка. Хотя, наверно, мальчик и мальчик, — добавил он, снова погладив голову.

Сергей вздохнул и хлопнул себя по коленям:

— Пошли. И спасибо вам, мужики.

Он встал, и группа не спеша направилась к базе. Облака разомкнулись, в небе появилась яркая луна. На соседней улице заголосили собаки, но этот лай звучал не опасно — наоборот, он напоминал что-то уютное и теплое, как лето в деревне у бабушки.

— Капитан, ты Пороха знаешь? — нарушил молчание Швед.

— Покажи мне того, кто не знает старого Пороха!

— Это правда, что он двести граммов золота нашел?

— Конечно, правда, — спокойно ответил сталкер.

— Ты сам видел, или тебе рассказывали?

— Я не просто видел, юноша, я это золото у него в преферанс выиграл на следующий же день. Он мне еще полкило остался должен, между прочим. Но я простил.

— Полкило?! — не поверил Сергей.

— Принял паровоз на мизере, вот и все.

— Красиво живете.

— Потом по проводочке оба схлопотали. Я — за то, что выиграл, а Порох — за то, что проиграл.

— Ну ты-то все равно в плюсе?

— Это как сказать... Порох с проводки нормальный вернулся, а мне ногу зашивали от колена до спины.

— У него теперь жопа из трех половинок состоит, — сообщил Хаус.

— А золотишка все равно уже нет, — добавил Капитан без особого сожаления. — Так что в плюсе один Чак остался. Мы с ним как с «болваном» играли. Ну, с живым то есть. С болваном.

— Другой раз меня бери в игру, ананы сиким! — высказался Ахмет. — Я начальники не стучу, ты знаешь.

До гостиницы дошли быстро и без приключений. В холле первого этажа околачивался Пегас — без красной повязки дежурного по роте, но с соответствующим выражением лица.

— А, драгдилеры! — фальшиво обрадовался он. — Второй-то где? До сих пор дегустирует?

— Молчал бы ты, сука... — процедил Швед.

Зайдя в кубрик, Доктор Хаус тут же достал бутылку и без разговоров налил по полстакана.

— Как там Бубен говорил?... — Он замер возле тумбочки. — «За Костлявую, которая уже вышла тебе навстречу»? Или нет... «За Костлявую, которая уже распахнула свои объятия»? Не помню, но приблизительно так вроде...

— Доктор! — воскликнул Швед. — Я не понимаю, как ты со своей памятью и усидчивостью мог работать бухгалтером? Как ты готовил отчеты?

— Я не занимался отчетами. — Хаус протянул ему стакан.

— Только это тебя и спасало.

— Нет, это спасало мою компанию, — засмеялся он.

Вздохнули и выпили. Получилось — не то за отчеты, не то за фирму, откуда выгнали Хауса. В любом случае вышло глупо, поэтому Доктор немедленно налил еще по сто.

— За друзей, — серьезно сказал Швед.

Снова выпив, он прилег на кровать — на одну минуточку, даже не стал разуваться. И открыл глаза, когда за окном давно уже было светло.

Построение во дворе мало чем отличалось от прошлого, только погода в этот раз была поприличней. Сергей стоял, пошатываясь спросонья, и не мог поверить, что прошли уже сутки. Казалось — всего час. Время в Зоне текло странным образом, то растягиваясь, то

сжимаясь. Вот так, наверно, оно и пролетело стремительной птицей для местных старичков вроде Пороха, Капитана или самого Кабана.

Командир опять разглагольствовал об ответственности, он говорил уже минут десять кряду, и посвящалось это одному-единственному бойцу.

— Я не знаю, Швед, не знаю, как мы будем с тобой дальше жить. Я устаю от тебя, дорогой ты мой человек. Дорогой, потому что обходишься ты мне страшно дорого, — пояснил Кабан, как будто у кого-то могли быть сомнения. — Мне что, на цепь тебя сажать? Ни на секунду тебя без внимания оставить нельзя, обязательно где-нибудь накосячишь. Надсмотрщика к тебе, что ли, приставить? Где он, кстати... Хаус! Не ты ли стучал себя коленками в грудь и орал, что Швед отличный сталкер? И что же в нем отличного, поведай нам, кроме способности притягивать беду?

Кабан сделал паузу, чтобы сбавить темп и дожидаться, пока смешки в строю не закончатся.

— Бубна потеряли вчера, — тихо продолжил он. — Бубен звезд с неба не хватал, но ведь человек был. Был человек, да... А с другой стороны, тобой снова довольны, Швед, — Кабан поднял глаза вверх, — и я опять не знаю, что с тобой делать, поощрять или наказывать. Признайся, ты специально хорошие поступки всегда разбавляешь плохими? Или это у меня дежа-вю? — блеснул командир кругозором. — У меня уже входит в привычку вечно с тобой заморачиваться. Но эту привычку я считаю вредной, и я намерен от нее избавиться. Или от тебя, Швед. В общем, поглядим еще, но тенденция тревожная. И стрелка твоих весов упорно склоняется... туда. — Кабан показал большим пальцем себе за спину. — В сторону острова несбывшихся надежд, от которого пешком идти и долго, и утомительно. По тебе давно проводка плачет, и мне нужен только повод, учти это. Сегодня для тебя задание попроще: пойдешь добывать псевдоплоть.

По шеренге эстафетой прокатился хохот.

— Должен же кто-то этим заниматься, — рассудил командир. — Возьмешь Ахмета, он успешный охотник... — Снова смех бойцов. — Тем более что Ахмет вместе с тобой тогда отличился на ниве гуманизма... Значит, так: требуется крупная здоровая самка. Ну... на месте там проверите как-нибудь... чтобы непременно была самка. — Кабана передернуло от отвращения, и отряд снова заржал. — Как отловите — вызывайте, кого-нибудь пришлю на машине. Кто успеет к тому времени проштрафиться. — Он выразительно оглядел стакеров и распустил строй.

— Может, сходить с тобой, помочь? — озадаченно спросил Хаус и тут же осклабился: — Шучу, шучу!

— Швед, ты уж там выбери посимпатичней, мы проверим! Самку легко отличить: от нее сильнее воняет! — понеслись отовсюду издевательские реплики. — Да у них там все видно, не перепутаешь!

Стараясь не обращать внимания, Сергей добрался до дежурки и взял мешок с новой волейбольной сеткой. Потом поднялся в кубрик, постоял у шкафа и выбрал «Калашников» с деревянным прикладом. Поймать псевдоплоть велели только одну, но по одной они, твари, не гуляли.

Ахмет дожидался внизу, сидя на каком-то высоком ящике и по-детски болтая ногами.

— Желаю удачи! — с сарказмом напутствовал Шведа Пегас, еще не сдавший вахту.

Сергей вышел на улицу и остановился в раздумьях. Место охоты Кабан не указал, найти псевдоплоть нужно было самостоятельно. Швед не считал это проблемой, мутантов он часто видел на окраинах, но сейчас почему-то вдруг растерялся.

— Седоплот почитает сочный травка, — подсказал Ахмет. — Не травка пых-пых, а корм, ты знаешь.

— Да понял я, понял, — раздраженно проговорил Сергей. — Где седоплот лови? Какой сторона шагай? Ты знаешь?

— Туда, сиким, — уверенно показал турок в сторону проспекта Строителей.

— Как скажешь, — кисло отозвался Швед. — Мешок несем по очереди!

— Да, — с готовностью ответил Ахмет. — Но сначала ты первый.

Они пересекли проспект, добрались до места, где вчера готовились к приходу анархистов, побродили немного там, незаметно прошли все позиции и в итоге оказались возле теплиц. Ни одной псевдоплоти не было и в помине. Два раза по пути им попадались мелкие группы тушканов. Ахмет расправлялся со зверьками азартно и легко — лишь бы не брать у Сергея увесистый мешок. Турок действительно был хорошим охотником, как бы ни иронизировал на эту тему Кабан. Ахмет отличался прекрасной реакцией и очень точно стрелял, хотя с тушканами это не всегда бывало просто.

— Седоплот сегодня не гуляет, дал ярак, — прокомментировал он очевидное после трех часов скитаний по пересеченной местности.

Швед свалил мешок с сеткой на землю и сел рядом, опираясь на него спиной.

— И зачем она им нужна... — прошептал Сергей в небо.

— Опыты, — пояснил Ахмет. — Пища никак. Седоплот отравя, хуже свинья, сиктир гит. А опыты хорошо.

— Продолжаем искать. — Сергей решительно поднялся и, оставив мешок, направился в сторону подлеска. — Если с такой ерундой не справимся, будет вдвойне стыдно. Кстати, твоя очередь снасти тащить.

Турок с причитаниями взвалил сетку на спину и зашагал за Сергеем.

— Думаю, лево брать, — сказал он.

— Думаешь?

— Предположение.

Они уходили все дальше от города. Швед начал периодически проверять ваймакс, хотя сигнал пока оставался отличным. По ощущениям, они могли бы отойти еще на несколько километров без потери связи.

Над холмами просеялся быстрый грибной дождик. Город позади уже начал пропадать в дымке. Сталкеры незаметно умяли колечко краковской, которое Ахмет забыл выложить из комбинезона. Потом еще два раза передавали друг другу проклятый мешок с сеткой. Терпение давно закончилось, Сергей уже шел на принцип, но и это со временем стало надоедать.

— Они издеваются, что ли? — пробормотал он. — Ни одной псевдоплоти, вообще ни одной. Нам бы уже и самец сгодился, правда?

— Самец тоже хороший, — покладисто ответил Ахмет и, вероятно, собирался добавить «я знаю», когда в карманах у обоих охотников пискнули коммуникаторы.

— Внимание! До выброса предположительно десять минут. Всем зайти в укрытие! — раздалось худшее из всего, что сталкеры могли услышать.

Турок от неожиданности присел.

— Дал ярак! — прошипел он. — Гёт сыктым! Какой укрытий? Где укрытий здесь?!

Ахмет снял с плеча мешок и заметался на открытом пространстве.

— Норка ищи! — заорал он. — Норка, пещера, дырка любой! Каюк нам, Швед! Что делай?! Ты знаешь?

Сергей огляделся и, увидев метрах в двадцати плотный островок из кустов, направился туда.

— Эй! Деревца не спасут нас! — предупредил Ахмет.

— Бери снасть и догоняй, — распорядился Швед.

Турок подтащил сетку к зарослям.

— Что теперь? — требовательно спросил он. — Тут спасаемся, да? Деревца, стебель. Толку ноль!

— Здесь в тенечке приляжем, чтобы не светиться, — сказал Сергей.

— Куда приляжем? Какой приляжем? — запричитал Ахмет и вдруг замер в счастливой догадке. — Анабиотик с собой?

— Ну. А какие еще варианты?

— Фух-х! Ты мой спасатель, Швед! Но-о... я не ел никогда ни разу.

— Я тоже не ел, — признался Сергей. — Вот и попробуем. Выбора все равно нет.

— До выброса пять минут, — как бы подтвердили коммуникаторы.

Швед порылся в подсумке и извлек оттуда стальной пенал размером со спичечный коробок. Он сдвинул плоскую крышку, и... его лицо потемнело.

— Что не так? — забеспокоился турок.

— Прости, Ахмет, — сказал Сергей, прикусывая губу.

— Что?.. Что?!

— Я был убежден, что у меня их две штуки. Может, украли?.. Точно! Кто-то украл одну порцию, ур-роды!

Ахмет болезненно сощурился. Он не мог поверить, что надежда вот так, в мгновение, испарилась.

— Прости, друг, — повторил Швед и, достав черную капсулу с белой поперечной полосой, отправил ее себе в рот.

Турок отнял у Сергея пенал и тут же выронил его из рук: коробка действительно была пуста.

— Три минуты до выброса, — прозвучало из обоих коммуникаторов.

В стремительно темнеющем небе что-то оглушительно загрохотало.

— Мадре скопато! — Ахмет ударил кулаком по земле, встал на ноги и снова бессильно опустился напротив Шведа.

— Помнишь, как ты меня обманул? — медленно спросил тот.

— КПК Зингера?

— Да. Так вот, я тоже тебя обманул. Теперь мы квиты, дружок. — Сергей пожал Ахмету руку и оставил у него между пальцев вторую капсулу.

— А?! — Тот выпучил глаза.

— Жри давай, — улыбнулся Швед. — Времени уже нет.

— Я... я расскажу тебе, что было у Зингера, — пообещал Ахмет и, закинув анабиотик в рот, проглотил.

— Расскажешь, куда ты денешься, — беззвучно прошептал Сергей, глядя на моментально отключившегося спутника.

Он достал из-под языка размякшую капсулу, разделил оболочку на две половинки и высыпал на ладонь темный порошок. Отделив ногтем небольшую часть серых гранул, он скинул их на землю, остальное слизнул.

«А если так нельзя было делать? — пронеслась запоздалая мысль. И тут же пришел ответ: — Кроме Хауса, никто не расстроится».

Когда он уснул, небо над головой уже было кроваво-красным.

Глава четырнадцатая

Швед очнулся первым, значит, хоть в чем-то он не ошибся. Он не знал, сколько у него в запасе времени, поэтому все делал так быстро, как только мог.

Отстегнув ремень от автомата, Сергей перевалил Ахмета на живот и связал ему за спиной руки. Потом снял у него с пояса все, что было, — ножны, фляжку, два подсумка, фонарик и потертую кобуру с ПМ. В карманах комбинезона, кроме коммуникатора, нашелся еще один пистолет и еще один клинок. Третий нож с узкой рукояткой был зафиксирован аккуратно пришитыми петлями в голенище правого ботинка.

— А ты не так прост, Мехмат, — суетливо промурлыкал Швед. — «Мадре скопато», говоришь? Это не турецкий, дружок. Это, кажется, итальянский. Вот я и уронил тебе гирю на ногу. А как будто самому себе попал...

Фляга у Ахмета была полная. Сергей отвинтил крышку, осторожно понюхал, убедился, что это вода, и жадно принял к горлышку. Лишь после этого он вздохнул полной грудью и позволил себе осознать, насколько же ему паршиво.

Голова кружилась, живот то и дело охватывали спазмы, будто кто-то проводил по кишкам электрический ток. Когда он проснулся в сарае на острове, эффект был совсем

другой. Зато сейчас не распирало мочевой пузырь. Пить, однако, хотелось зверски, и эту жажду никак не удавалось утолить. Швед вновь с наслаждением приложился к фляжке.

Ахмет очнулся через минуту. Тяжело вздохнул, простонал что-то нечленораздельное и открыл глаза.

— Кончил выброс, а? — спросил он.

— Кончил, — подтвердил Сергей, показывая на ясное небо.

Соратник тревожно зашевелился.

— Ай! Рука связан зачем, дал ярак?!

Швед проигнорировал вопрос и засек время.

— Зачем что удумал, э! Азына сычим! Развяжи давай!

Ахмет повернулся на бок и тут увидел свои ножи под рукой у Сергея. И, кажется, начал прозревать.

— Что хочешь? Пошли седоплот ловить! Что придумал? — затараторил он.

— Хорошо, хорошо, — кивнул Швед и снова с удовольствием отпил. Поднял брови, почмокал и сделал еще глоточек.

Ахмет мучительно кашлянул.

— Вода давай! Мой вода, сюда давай, друг!

— Тебе нравится Моника Белуччи? — невпопад спросил Сергей. — Или нет, лучше так: насколько популярен в Турции Челентано?

— Зачем дуркуешь? — прищурился Ахмет.

— Это ты дуркуешь. Что заставило тебя выучить итальянский мат лучше родного?

— Дай вода! Дай пить! — возмущенно крикнул он.

Швед в который раз глотнул из его фляжки и вольготно прилег на локоть.

— Смерть от обезвоживания наступает через трое суток, — проговорил он. — У кого-то через пять. Анабиотик сокращает этот срок до двух часов. Ты не отнимешь у меня много времени, но последние два часа тебе запомнятся навсегда. Хотя что я говорю... Как же ты их запомнишь, если ты умрешь? Значит, не запомнишь, — подытожил Сергей.

— Урод! — только и сказал Ахмет. Он сказал бы больше, но у него треснула нижняя губа. Однако крови почти не было, она уже густела в венах, постепенно превращаясь в кисель.

— Головокружение, учащение пульса, тошнота, высокая температура, судороги, кома, — по памяти воспроизвел Швед. — Сообщи мне, в какой последовательности будут появляться эти симптомы.

Ахмет вдруг встал на ноги — удивительно легко для связанного человека — и побежал к городу. Сергей догнал его и сделал подсечку, это тоже было не сложно. Потом взял его за лямки комбинезона и оттащил обратно в тень от кустов. Как только Швед присел, соратник снова упрямо поднялся и предпринял еще одну попытку. И вновь оказался под кустами. На третий рывок у него уже не было сил.

— Ты садист? Это глупо, Швед.

— Приличные люди в контрразведке соблюдают джентльменские правила и не применяют никаких средств оптимизации допроса. Кроме, конечно, психотропных. Но мы с тобой не в кабинете, а в Зоне, на территории боевых действий. Поэтому я вправе использовать методы войсковой разведки. То есть любые методы, которые заставят тебя говорить правду.

— Какая еще контрразведка, чепушила?! — презрительно протянул Ахмет, что интересно, без всякого акцента. — А ну-ка, развяжи мне быстренько ручки, сынок!

— Вот! Вот! — обрадовался Сергей. — Наконец-то пошел разговор. Я буду наливать тебе по крышечке каждый раз, когда услышу откровенный ответ. Но пока не наливаю. Пока не за что.

— Ты... Ты... — обескураженно закудахтал собеседник и вдруг сухо закашлялся. — Кого ты из себя корчишь, козырь битый? Все знают, что тебя выкинули из СБУ, как грязную тряпку. Да ты там и не был никогда. В Академии даже не доучился.

— Ты можешь не ругаться? — скривился Швед. — Что за воспитание такое... Обязательно тебе сквернословить нужно, хоть на каком языке.

— Детство в Палермо, — коротко ответил он.

Сергей налил из фляги в мелкую алюминиевую крышку и поднес ее к сухим белесым губам. Двадцать граммов воды растеклись у Ахмета во рту и впитались в багровый распухающий язык. Швед подумал и налил вторую.

— Это аванс, — предупредил он. — Рассказывай дальше.

— Ты не понимаешь, во что ввязываешься...

— Я-то понимаю. Это ты, брат, не понимаешь, что мне давно все понятно. — Сергей озадаченно помолчал. — Ты меня понял?

— Что ты хочешь услышать?

— Детство в Палермо, — мечтательно повторил Швед. — Как там было? Хорошо? Я очень люблю пиццу, между прочим... Ты продолжай, продолжай! — спохватился он.

— Потом жил в Англии, — выдал Ахмет. — Два года жил в России, в Питере. Еще два года в Анкаре.

— У тебя такие способности к языкам?

— Ты мне уже четыре пробки должен!

— Держи пока одну. — Сергей влил ему в рот еще глоток. — Закончили с юностью. Рассказывай дальше.

— Сначала ты, — заявил собеседник.

От неожиданности Швед чуть не выронил фляжку. Он посмотрел на часы, затем на Ахмета и сказал:

— Думаю, еще минут пять ты покобенишься. Но я не спешу.

— Мне нужно знать, с кем я имею дело.

— Чтобы решить, какую сказку мне тут сочинить? Говори как есть, это поможет тебе выжить.

— Ясно... Тебя не выгнали из СБУ... — еле двигая языком, прохрипел Ахмет. — Залегендировали как уволенного раздолбая и прислали сюда. И что ты здесь забыл?

— То же самое я пытаюсь узнать у тебя. Но при этом я нахожусь на своей территории. Я на своей земле, — внятно произнес Сергей. — А ты нелегальный агент. Поэтому не ты меня допрашиваешь, а я тебя.

— Возможно, мы ищем одно и то же.

— Ты так и не представился, — напомнил Швед, наливая ему новую крышечку.

— Я назову себя, и ты развяжешь мне руки, — выдвинул условие Ахмет.

— А также почищу тебе ботинки и сделаю массаж. — Он застыл, держа руку на весу и вопросительно глядя на шпиона.

Тот со стоном приподнялся, сам дотянулся до крышки и втянул в себя воду.

— Департамент стратегических операций при Трибунале Евросоюза, — сказал Ахмет. — Имя... Какая тебе разница? Зови, как и раньше. Мехматом тоже можно, дал ярак.

Сергей невольно улыбнулся. Он завидовал выдержке этого человека.

Небо затянуло тучами, и в какой-то момент показалось, что сейчас хлынет дождь, но скоро от облачности не осталось и следа. Над головой снова висело чистое солнце, на землю не пролилось ни капли.

— Разведка Евросоюза... — покивал Швед. — Что вы делаете в Припяти? Почему без согласования с СБУ? Здесь вам не Европа, чтобы по карманам шарить, как дома. Это шпионская деятельность в чистом виде, таварисч, — сказал он с ударением.

— Не гони, мы на одной стороне. Вам «Монолит» тоже поперек горла давно, иначе что бы ты здесь делал, Сережа?

Шведа словно ударило током: его впервые назвали в Зоне по имени.

— Хаус проболтался? — спросил он.

— Да, он же смотрел твою анкету, запомнил. Что он еще о тебе знает?

— Больше ничего.

— Вы с ним живете в одном кубрике, рано или поздно он что-нибудь заподозрит, — проговорил Ахмет.

— Доктор Хаус хороший человек. Но не слишком сообразительный, это и спасает его от лишних знаний и прочих невзгод. На, попей еще, шпиончик.

— Никаких государственных тайн я тут не выкопал. Ты знаешь, — по привычке добавил Ахмет. — А координировать действия моего Департамента с СБУ невозможно по той простой причине, что во главе «Монолита» сейчас стоит ваш бывший офицер.

Сергею странно было слышать из его уст такие сложные и осмысленные фразы, он еще не успел отвыкнуть от турецких матюгов. Ахмет говорил очень чисто и прокалывался только на некоторых шипящих. Речь с нарочитым турецким акцентом полностью решала эту проблему, как и многие другие. Вряд ли кто-то присматривался, чем занимается в отряде чудик Мехмат и какие он с кем ведет разговоры.

— Кто конкретно? — потребовал Швед. — Что за офицер?

— Мы даже не знаем, действительно ли он разжалованный, или как ты, понарошку. Условная кличка — Полковник. Руки мне развяжи, — с вызовом добавил Ахмет.

— Не торопись, дружище... Ты пока не сообщил ничего ценного.

— Так же, как и ты.

Сергей немного подумал и перепилил ножом ремень на его запястьях. Первым делом Ахмет схватился за фляжку. Швед уже утолил жажду, поэтому не мешал. Напившись, спутник вернул себе пистолеты, ножи и прочее имущество. Сергей и против этого не возражал, решение было уже принято.

— У тебя ведь нет связи со своими? — утвердительно произнес Ахмет. — У меня тоже нет. Ходить по Зоне со спутниковым телефоном было бы немножко подозрительно для простого турецкого парня. А у Полковника — есть. И своя сеть в Припяти, и контакты с людьми на Большой земле. Деньги, подставные фирмы, чистые маршруты. Все, что нужно.

— Для чего? — прервал его Швед. — Для чего нужно?

— Вот это я и должен выяснить. А Зингер почти успел это сделать.

Сергей попытался сохранить на лице нейтральное выражение.

— Молодец, — оценил Ахмет. — Но про Зингера ты точно не знал. Научно-техническая инспекция ЦРУ, прошу любить и жаловать. Хотя уже поздно, конечно... Боже, он застрелил бы меня, если бы слышал, как легко я его сдал.

— Много полезного ты вытащил из его КПК?

— Много. Беда в том, что это полезно только для покойного Зингера. Он собирался взять под контроль одну из базовых станций, то есть весь ваймакс в городе.

— Это пустое, — отмахнулся Швед. — Никто не будет обсуждать что-то важное по открытым каналам. А поточная дешифровка сигнала невозможна.

— А у тебя какой план?

— А у тебя? — эхом отозвался Сергей.

Ахмет помрачнел:

— Моя миссия фактически провалена. Я попробую объяснить начальству, что несколько месяцев в Зоне — это уже подвиг, но боюсь, такие результаты их не впечатлят. Сбор и анализ информации, дальше я не продвинулся, — заключил он. — Ну а у тебя как дела?

— Есть цель, и я к ней приближаюсь.

— Твоя цель — выговор от Кабана? Других пока не вижу.

— «Монолит», — серьезно сказал Сергей. — Я собираюсь войти в их группировку.

— Чистое безумие, — коротко отозвался Ахмет.

— Я вступлю в «Монолит», и мне не нужно будет взламывать какие-то мифические пароли. Я все получу из первых рук.

— Желаю успехов...

— Нам не обойтись друг без друга. Поэтому я и затеял наш разговор. — Швед отпил из фляжки, теперь уже из своей, и передал ее собеседнику. — Твой образ идиота прекрасен. Никто не заподозрит за тобой недобрых... или каких-нибудь еще мыслей. С дурака спроса

нет, это правильно. Но в «Монолит» тебя такого не возьмут, а умнеть уже поздно. Это ничего, ты мне понадобишься здесь, в отряде у Кабана. Ты мне поможешь, а я помогу тебе.

— Чем ты мне собираешься помочь? — с недоверием спросил Ахмет.

— А на какую помощь ты бы рассчитывал от союзника в рядах «Монолита»? Думай сам. Вам ведь, наверно, нужны контакты Полковника в Европе? Если я до них доберусь, ты их получишь. Если нет — ты в любом случае ничего не теряешь.

Ахмет продолжал смотреть в землю, он сомневался.

— Полчаса назад я мог не спеша отрезать тебе голову, — сказал Сергей. — Пять минут назад ты мог меня застрелить. Но мы этого не сделали.

— Мы не враги, — подтвердил сталкер.

— Не враги — значит друзья. Простой принцип Зоны. — Швед протянул ему руку.

Ахмет кивнул и ответил на рукопожатие.

— Что от меня требуется? — проговорил он.

— То, что у тебя есть: информация.

— Полковник занимается биологическим оружием, — без предисловий начал собеседник. — И не разработкой, а производством. Исследования уже завершены, сейчас он выращивает препараты и разыскивает покупателей. Покупателей он найдет, — заверил Ахмет. — Почему он делает это здесь — думаю, объяснять не надо. В случае утечки и заражения в Зоне этого никто не заметит. Кстати, утечки уже были, но не того, чего следует бояться.

— Поясни, — попросил Сергей.

— Речь идет о многоклеточных микроорганизмах, более сложных, чем бактерии. Это бинарная система, состоящая из двух компонентов: по отдельности они не опасны и, возможно, даже не способны выжить в обычной среде. Но при взаимодействии получается нечто новое, с неизвестными пока свойствами. Бинарные компоненты — это, по сути, мама и папа, слабые мутировавшие микробы, ни на что не способные, кроме как слиться в последнем экстазе. Но ребеночек у них родится такой, что не дай бог. Потому что его никто никогда не видел. От него нет иммунитета, нет антидота, нет ничего. Непонятная болезнь выкосит миллион человек, а потом внезапно закончится.

— Почему закончится? Почему зараза не пойдет дальше и не распространится на весь мир?

— Продукт бинарной системы сам не размножается. Это мул. Чтобы получить еще одного мула, необходимо снова скрестить ослика и кобылу. И покупателям снова нужен Полковник.

— Кобыла и осел — это и есть те компоненты, которые он тут производит?

— Правильно. С одним уточнением: это всего лишь версия.

— Тьфу, блин! — воскликнул Сергей.

— Если у тебя есть гипотезы лучше, то я послушаю. Например, зачем тащить в Зону пустой бензовоз.

— Зачем? — переспросил Швед.

— Чтобы вывезти из Зоны нечто жидкое в двух разных емкостях.

— Ты охренел... — растерянно проговорил он. — Вozить микробов цистернами?!

— В здоровом человеке живет несколько килограммов бактерий. Правда, чтобы убить, иногда требуется всего несколько штук.

— Постой... так ты для этого диски об асфальт погнул?

— В общем, да. Хотя от диких сталкеров, которые продырявили обе бочки, пользы оказалось больше.

— Это было так наивно с твоей стороны...

— Лучше так, чем выпустить биологическое оружие из Зоны, — сказал Ахмет. — Нам пора собираться, мы задержались.

— Следующий транспорт тоже будешь приводить в негодность? — спросил Швед, поднимая из травы автомат. — А если их будет сразу два? Если компоненты одновременно повезут разными дорогами, что тогда?

— Конечно, это не метод, — согласился он. — Это было так... от отчаяния. Какие у тебя планы относительно «Монолита»?

— Самые простые: выслуживаться.

— М-да... Действительно, простые. И с чего ты начнешь?

— Начал я уже давно, а сейчас самое время продолжить.

Сергей остановился, достал коммуникатор и нашел в архиве абонента, рассылающего голосовые предупреждения о выбросах.

— Зингеру мы ведь уже ничем...

— Не поможем, — кивнул Ахмет.

— Не помешаем, — возразил Швед и набрал текстовое сообщение: «Проверьте базовые станции сети. Возможно, было вторжение».

— Надеешься, они это прочтут? — усомнился Ахмет.

— Почем мне знать, — буркнул он, отправляя письмо.

Ответ пришел буквально через минуту: «Откуда информация?»

«По пьяни слышал», — написал Швед и бодро зашагал дальше.

Прошло больше двух часов, прежде чем Сергею снова ответили. Они с Ахметом успели вернуться в город и уже приближались к гостинице, когда в кармане раздалась трель. Он достал КПК и прочел послание из «Монолита» буднично, на ходу, словно обычную эсэмэс.

«Благодарю, Швед».

Часть 3. По Трупам

Глава пятнадцатая

На базе их встречали как героев — из мультфильма про двух идиотов. Куда бы они ни сунулись, везде взрывался хохот.

— Седоплот поймал! — клялся Ахмет. — Большой седоплот, хороший самка, ананы сиким. Потом выброс пришел, мы анабиотик принял, ты знаешь. Две штук было. Третий для седоплот не был, дал ярак. Погиб, вонял сразу.

Сергей демонстрировал перепачканную в земле, кое-как свернутую сетку.

Хаус лежал на кровати, словно боялся выйти из кубрика, чтобы не быть уличенным в дружбе с позорными раздолбаями.

— Ну что там Ахмет? — капризно спросил он. — Небось весь мозг тебе проел?

— Пытался, — вздохнул Сергей.

— А псевдоплоть вы так и не поймали, — заявил проницательный приятель.

— Нет. — Он открыл шкаф и повесил на крючок автомат, затем куртку.

— С таким напарником немудрено. Хорошо хоть, живые вернулись.

— Хорошо, — подтвердил Сергей, устало опускаясь на койку. — А у вас что новенького?

— Борман, Малой, Агдам, — вяло перечислил Хаус.

Швед помолчал, не зная, что сказать.

— Бормана не помню, — проговорил он после паузы. — Не уверен, что вообще его когда-то видел. Если только на построениях...

— Химера порвала. Всех троих. Ее даже не остановили. Чувствую, скоро проводки пойдут, — мрачно добавил Хаус. — Народу-то все меньше в отряде.

Они болтали еще минут сорок, пока на коммуникаторы не пришел общий вызов, который оба восприняли с облегчением, поскольку он избавлял их от необходимости продолжать тягостный разговор ни о чем.

Построения на плацу не было. Кабан отловил на первом этаже десяток сталкеров и велел собираться на внеплановую охоту, остальных отпустил. Хаус и Швед поднялись обратно в кубрик — первый для того, чтобы снова улечься, второй за автоматом.

Старшим группы командир назначил Пегаса, и Сергей сразу почувствовал, что ничего хорошего из этого не выйдет.

Кровососа добывали опять на южной окраине, за проспектом Энтузиастов.

«Если схема работает, зачем ее менять?» — рассуждал Кабан, и он был прав. Трехтонный контейнер «завезли воздухом» еще накануне, оставалось лишь поймать пару псевдоплотей для наживки. Розовые туши с печальными глазами паслись вокруг в огромном количестве, что, естественно, послужило поводом для новых шуток про двух лузеров. Однако Ахмета на охоте не было, и вскоре тема себя исчерпала.

Сталкеры в мгновение ока поймали визжащую псевдоплоть, еще одну пристрелили, остальных пришлось разгонять, дабы не дезориентировать кровососа избыточным ассортиментом. Для того чтобы распространить запах крови, живого мутанта подранили в филейную часть, которая была у него со всех сторон, потом загнали в контейнер и примотали проволокой к полу. Застреленную псевдоплоть амбал по кличке Скрипач разделал бензопилой. Куски мяса свалили в несколько пластиковых мешков и погрузили в машину. Один, посочнее, привязали на трос. Сергей, меланхолично наблюдавший за приготовлениями, подумал, что еще недавно не смог бы даже слушать об этом. Сегодня он видел все своими глазами и чувствовал себя нормально.

Чак в этот раз не участвовал, вместо него сидел Пегас. Задача у экипажа джипа была самой интересной, она напоминала что-то среднее между охотой и рыбалкой — недаром Ахмет всегда рвался за руль.

Машина вдоль берега обогнула кусты и направилась на юг. Там, на расстоянии двухсот метров от контейнера, «Хантер» принялся кружить по равнине, привлекая зверей запахом крови. Сколько мог длиться этот процесс, никто не знал, иногда он занимал не один час. Затасканное мясо периодически подтягивали лебедкой и меняли на свежее. Чаще всего на наживку клевали тушканы: они вцеплялись в плоть, как жуки, и гроздьями тащились за тросом, пока водитель не умудрялся скинуть их на вираже. Некоторых особо настойчивых приходилось расстреливать в ключья из пулемета, но и от наживки после этого мало что оставалось — экипаж был вынужден снова вытягивать трос и привязывать к нему очередной кусок. В целом это было увлекательное, почти безопасное занятие для сталкеров с хорошим положением в отряде. Ахмет никогда не числился в воинах-отличниках, но с помощью своей простодушной хитрости и матерных заклинаний на турецком он нередко выторговывал для себя эту бластную работенку.

Гораздо хуже было тем, кто держал снасти. Всегда оставался риск, что парному мясу зверь предпочтет живого сталкера. В куске псевдоплоти крови было не много, он привлекал мутанта скорее видом и запахом, чем пищевой ценностью. Другое дело — человек. Кровососу как обычному хищнику было интересно не только утолить голод, но и «поточить коготочки», поэтому никто не знал, с какой стороны сетки в этот раз окажется добыча, а с какой — настоящий охотник. Когда мутант подходил к человеку вплотную, тот моментально осознавал, что крупные ячейки из нейлонового шнура — это чистая условность, которая ничего не гарантирует. Единственной защитой оставались друзья, но не все из них могли выстрелить, если зверь находился слишком близко от человека. При этом каждый прекрасно понимал, что лучше умереть от случайной пули, чем от последнего поцелуя кровососа.

После нескольких кругов бойцам на джипе удалось приманить зверя, и водитель направил машину по недавно проложенной в кустах просеке, заводя мутанта в коридор из сеток.

Швед стоял, держа снасть в поднятых руках и надеясь только на то, что одним и тем же человеком два разных кровососа польститься не должны.

День близился к концу, солнце скрылось за деревьями. На улице было пока светло, но уже как-то не ярко. По чистому синему небу плыли тихие пушистые облака. Умереть в такую погоду было бы особенно обидно.

Пегас вылез из машины и пристроился в сторонке, на правах старшего наблюдая за охотой с безопасного расстояния.

Мутант прошел по аллее из кустарника и остановился на выходе. Неизвестно, от чего зависела степень видимости кровососов, но данная особь представлялась дрожащим полупрозрачным силуэтом, и это было гораздо лучше, чем вообще ничего. Зверь продолжал стоять в начале сетчатого коридора, словно размышляя, на кого бы из сталкеров ему напасть. В этот момент, как нельзя кстати, заголосила раненая псевдоплоть в контейнере, и кровосос, шумно вдохнув, сделал первый шаг к наживке.

Второй и последующие шаги оказались более чем неожиданными: мутант коротко разбежался по проходу и запрыгнул на крышу контейнера. Бойцы растерянно подняли головы: что делать дальше, никто не знал. Псевдоплоть, учуяв зверя, отчаянно забила копытами в железную стенку. Кровосос, хищно пригнувшись, оглядывал сталкеров, испуганно роняющих сеть. Теперь от нее не было никакого толку, сверху мутант мог броситься на любого.

Пегас у машины заволновался и посмотрел на пулемет.

— Это что-то новенькое... — прошептал Скрипач. — Надо мочить.

Как будто услышав его слова, кровосос шевельнулся и растаял в воздухе.

Говорят, самое страшное на корабле — это паника. Паника на суше ничем не лучше, если в ней участвуют десять человек с автоматами.

Кто-то из сталкеров в надежде отпугнуть зверя поднял ствол и начал палить вверх. Его тут же сбили с ног, и очередь, чудом никого не задев, проделала в контейнере несколько отверстий.

Пегас запрыгнул в машину с явным намерением удрать, но что-то ему не позволило этого сделать — то ли остатки гордости, то ли страх наказания. Чтобы сохранить репутацию, он перебрался за пулемет и бестолково покачал турель, однако всем было плевать на эту показуху.

Люди в ужасе метались вокруг контейнера — наталкиваясь друг на друга, зацепляясь ремнями автоматов, падая и стреляя в каждую тень. Здравый смысл подсказывал, что нужно не толпиться на маленьком пятчке, а уходить поодиночке в город, но как раз его-то, здравого смысла, здесь давно уже не осталось. До тех пор, пока люди были в куче, у каждого теплилась надежда, что зверь схватит не его, а кого-то другого. Вырваться из толпы и побежать — означало оказаться один на один со страхом. Когда кровосос начнет охоту, он первым делом выберет одиночку, и тогда уж точно не поможет никто.

Мутант изредка всхрапывал, всегда оказываясь где-то на новом месте, вновь и вновь заставляя бойцов бросаться в стороны и сталкиваться.

— Стоять! — заорал Швед. — Собрались! Спина к спине!

Несколько человек обернулись и выразили взглядами согласие, вот только сгруппироваться было невозможно — сталкеры носились друг за другом, не понимая, что принять за точку отсчета и где та спина, к которой нужно прижаться.

— Все ко мне! — крикнул Сергей, останавливаясь возле контейнера.

Первым, как ни странно, откликнулся Пегас. Он подскочил к Шведу, встал рядом и неожиданно скомандовал:

— Всем строиться вокруг меня! Стройся, ослы! Кто тут глухой? Выполнять!

Сталкеры по инерции еще пихались где-то в стороне, когда Сергей заметил, что Пегас пошатнулся и, раскрыв рот, медленно поплыл к двери контейнера. Его ноги не двигались, подошвы скользили по утопанной траве пятками вперед. Кровосос за его спиной снова стал полупрозрачным, хотя из-за наступающих сумерек зверя можно было скорее угадать, чем разглядеть. Прошли долгие две секунды, пока мутант не увлек Пегаса в контейнер. Измученная псевдоплоть в темной глубине что-то тихо проскулила и, кажется, окончательно смирилась со своей участью. Пегас за все это время не издал ни звука. Оцепенев от ужаса, он не шевелился, лишь тянул и тянул к Шведу растопыренные пальцы. Сергей мог схватить его за руку. Или за ремень. Неизвестно, получилось бы отнять его у кровососа или нет, но попробовать, наверно, стоило...

Швед внимательно посмотрел Пегасу в глаза и захлопнул дверь контейнера.

Если кто-то из бойцов и понял, что случилось, то предпочел промолчать.

Сергей сел на землю, вытащил из кармана КПК и вызвал командира.

— Кабан, кровосос у нас. Прилетай, забирай.

— Швед, почему ты докладываешь? Где Пегас?

— У нас потери, — ответил Сергей.

— Пегас?! — Командир помолчал. — Еще кого потеряли?

— Больше никого. Снасти в порядке.

Кабан, не прощаясь, отключился.

Вертолет прибыл минут через двадцать. Контейнер закрепили на грузовой подвеске, и он унесся в темнеющее лиловое небо. Кому-то капнуло сверху на плечо — боец решил, что начинается дождь, но, отряхнув куртку, увидел на ладони кровь.

Чак, встретивший группу в гостинице, был мрачен и неразговорчив. Он лишь сказал, чтобы до возвращения командира никто не ложился, и исчез в дежурке.

Кабан появился на базе только через полтора часа и сразу выгнал всех на плац. Чак запустил дополнительный генератор и включил во дворе два прожектора. Свет бил в лицо, мотор под навесом трещал и выматывал нервы. Где-то неподалеку залаяла собака, и Сергей окончательно понял, что экстренное ночное построение напоминает ему перекличку в исправительно-трудовой колонии.

Кабан долго и странно смотрел Шведу в лицо, как будто увидел там не загадку, а целый кроссворд. Потом тихо, без злобы сказал:

— Завтра идешь на проводку. А наступит оно через полчаса, поэтому поднимайся в кубрик и оставь там все, что у тебя есть. Включая, конечно, КПК. Да, и вот еще что... Не забудь попрощаться с Хаусом. Так, на всякий случай.

Глава шестнадцатая

Пассажиров доставили за час до рассвета. Пока летели на остров, Швед успел просмотреть все четыре анкеты. Там и посмотреть-то было нечего — четыре отдельных листка в прозрачном файле. Когда Кабан вернулся снова, то на борту, кроме него и Чака, находились всего три человека.

— Бывает... — буркнул командир и, вытащив одну из анкет, порвал ее на части. Остальные он убрал во внутренний карман. — На той стороне под мостком комплект на пятерых, включая тебя. Не будем занудами, пусть лишний останется, авось пригодится.

Сергей вместе с Чаком перенесли спящих мужчин на кучу сена.

— Что с четвертым? — спросил Швед.

— Зачем тебе это знать? — отозвался Кабан.

— Судя по анкете, он был самый толковый.

— Толковый погиб, даже не проснувшись. Курьеры в аварию попали. Поэтому работай с тем, что есть. Так... — Кабан огляделся и по-стариковски охлопал карманы, словно мог забыть в сарае что-то ценное. — Торжественных речей не будет, как очухаются — выступайте. Выбросов пока не ожидается, но лучше дойти засветло, сам понимаешь.

Он покинул сарай, и уже через несколько минут рокот вертолетных винтов стих где-то за рекой.

Швед сел на корточки, привалившись спиной к стене.

— Гаврилов Николай Алексеевич, двадцать девять лет, — пробормотал один из спящих.

Сергей вспомнил имена пассажиров — Николая Гаврилова среди них не было.

— Николай Алексеевич Гаврилов! — громко повторил мужчина и перевернулся на правый бок.

— Воды... — попросил другой.

— Воды! — присоединился третий.

— Ну, началось... — прошипел Сергей и приподнялся, заглядывая в ведро. Воду он проверял уже несколько раз, но снова не смог удержаться. Это было важно.

Прошло еще немного времени, ровно столько, чтобы Швед успел задремать, и первый пассажир, диковато оглядываясь, поднялся на ноги.

— Гаврилов? — спросил у него Сергей.

— Николай Алексеевич, — спросонья сказал пассажир. — Встречал тут такого?

— Я думал, это ты и есть. Вода в ведре, ссать на улице, — добавил Швед. — И постарайся не перепутать.

Протирая глаза, мужчина вышел на улицу, и в этот момент очнулся второй.

— Где мои волосы?! — воскликнул он.

— А что, хорошие были? — поинтересовался Сергей.

— Отличные! Я три года за ними ухаживал!

— Значит, на парик продали. Или выбросили. Ты откуда родом, патлатый?

— Из Владивостока, — ответил пассажир, оглаживая бритый череп. — А почему вы спрашиваете?

— Не знаю. — Швед пожал плечами. — Волнуюсь, наверно.

— Отчего же вы волнуетесь, позвольте полюбопытствовать?

— А вот смотрю я на тебя и не верю, что ты пройдешь семь километров по Зоне. Оттого и волнуюсь.

— Мы уже в Зоне? — приятно удивился бывший владелец шевелюры.

— В общем, да. Подожди, сейчас третий проснется, тогда всем сразу объясню.

— Объяснять ничего не надо, — откликнулся из-за двери псевдо-Гаврилов.

— Серьезно? — брякнул Швед.

— Если ты не видел того, кто мне нужен, то я немедленно возвращаюсь, — проговорил он, заходя в сарай и застегивая по пути ширинку. — Я человек занятой, — снисходительно пояснил он.

— Туалет на улице, — сказал Сергей второму пассажиру.

— А этот ваш липовый договор, — продолжал псевдо-Гаврилов, — так я ведь его не подписывал, ха-ха!

— Ха-ха... — кисло поддержал Швед.

— Где здесь туалет, простите? — раздалось снаружи.

— Да где тебе нравится, там и туалет.

— Но-о... мне, я извиняюсь, нужно по-большому.

— Во блин... Тогда на два шага левее! — указал Сергей.

Спустя минуту проснулся третий мужчина. Вряд ли это было совпадением, скорее всего им как-то рассчитали дозы. Возраст по крайней мере подобрали точно один: всем было в районе тридцати. Однако младшеньким себя Швед в этой компании не чувствовал.

Третий не стал ничего спрашивать, а сам нашел ведро и, выпив пару кружек, отлучился на улицу. Сергею такая самостоятельность понравилась.

Когда водные процедуры были окончены, Сергей вышел на середину сарая.

— Сначала давайте познакомимся, — предложил он. — Меня зовут Швед. Фоток ваших я не видел, но кое-что про вас знаю. Соответственно, могу путать. Четвертый участник экспедиции отсутствует, и я надеюсь, что это библиотекарь.

— Простите, но если других работников библиотеки тут нет, то я...

— Черт, вот этого я и боялся! — перебил его Сергей. — Вообще-то я надеялся, что ты окажешься мастером восточных единоборств. Вроде в Японии тоже все вежливые, слышал я такое.

— Япония от Владивостока недалеко, но вынужден разочаровать: боевыми искусствами я не владею.

— Библиотекарь, понятно. Валентин Рылеев, да?

— Рылевский, с вашего позволения. Возможно, вы имели в виду другого...

— Мне другого не надо! Мне одного тебя уже через край! — пролаял Швед. — Теперь ты, Гаврилов, — обратился он к следующему.

— Я не Гаврилов. Я ищу Гаврилова.

— Ах, ну да. Петр Иванов! — вспомнил Сергей. — Частный детектив. Теперь все понятно. Звать я тебя буду, Петя Иванов... пожалуй, буду звать Холмсом, ты не против?

— Мне без разницы, я сейчас уезжаю.

— Это конечно, — отмахнулся Швед. — Погоди, если ты своего Гаврилова не нашел, значит, ты не Холмс, верно? Какой же ты Холмс... Ты пока Доктор Ватсон. Один Доктор у нас уже есть, приведу ему тезку, он обрадуется. Хотя сначала еще дойти надо... Ну и ты, молчун, — повернулся он к третьему. — Ты говорить-то вообще можешь?

— Могу, — сказал пассажир, нехотя разлепив губы.

— Ты Дима Туханов, автослесарь, — объявил Сергей. — А кличка у тебя будет... э-э... Тухес. Нет возражений?

Библиотекарь тихо засмеялся. Швед тоже засмеялся и вот так, смеясь, произнес:

— А ты, Рылевский, будешь откликаться на Рыло.

Тухес прыснул в кулак.

— Я позже объясню вам, что означает ваша кличка, — пообещал ему библиотекарь.

— Ну что ж... Ватсон, Тухес и Рыло, — подытожил Швед. — Отличная, я считаю, компания. Забыл сказать: когда дойдем до города, клички можно будет выбрать другие, по своему усмотрению. Но сначала еще нужно дойти... Прежде чем выдвинемся, проведу краткий инструктаж. Из охотничьего ружья все стрелять умеют? Это просто, Рыло. Справится даже ребенок.

— Я умею, умею, — заверил тот.

— Мне это ни к чему, — поговорил Ватсон, который все это время безучастно подпирал у двери стенку. — Я еду домой.

— Дело в том, что путь домой здесь только один — через Припять.

— Надеюсь, там есть аэропорт? — осведомился он.

— Вряд ли, — честно ответил Швед. — Но мы обязательно что-нибудь придумаем.

— Хорошо, тогда я иду. Далеко до города?

— Ватсон, при вашей профессии нужно внимательней относиться к деталям, — заметил Рыло. — Швед уже говорил, что до города отсюда семь километров.

— Часа полтора, — прикинул детектив.

Библиотекарь посмотрел на него с сожалением, но ничего не сказал.

— Итак... — Сергей замялся, решая, с чего начать. Он не продумывал речь заранее, полагая, что все получится как-нибудь само собой, в режиме вопрос-ответ, и притом без дискуссий. Однако пассажиры выбили его из колеи. Более разношерстную группу трудно было и представить. — Дорога впереди тяжелая, но она одна. Кто не будет меня слушать, тому кирдык, — заключил Швед. — Пошли, уже рассвело.

Рыло остался доволен таким инструктажем, Ватсон всем видом выражал безразличие, а Тухес и вовсе был непроницаем, как ведро с мазутом.

Сергей вывел их из сарая и направился через кусты к берегу. Попетлять в зарослях так же ловко, как это делал Хаус, Шведу не удалось: все-таки ходок у друга было значительно больше. Сергей полез напролом, и это стоило пассажирам нескольких оторванных на рубашках пуговиц.

Надувная лодка с алюминиевым днищем покачивалась на привязи — точно такая же, на какой переправлялся и сам Швед. Пассажиры погрузились, и Сергей, оттолкнувшись от мостка, велел им брать в руки весла.

— В уключины не вставлять, потеряем маневренность, — предупредил он.

Над водой, как и в прошлый раз, стоял густой туман. Швед не знал, что это — совпадение или особенность ландшафта, но в любом случае преодолеть реку ему хотелось побыстрей. Сергей взял четвертое весло и составил пару молчуну Тухесу.

Гребли пассажиры хорошо и вообще вели себя достойно. Никто не шумел и не ронял весел, никто не затевал свар на пустом месте. Швед начал думать, что с группой ему повезло. Поскольку лодка шла ровно, к берегу пристали как раз напротив того места, откуда отчаливали, хотя Сергей это понял лишь в последнюю минуту, когда до мостков оставалось уже меньше двух метров. Увидеть что-либо раньше туман не позволял.

— Сейчас ни звука! — приказал Швед, вслушиваясь в белесое марево.

Где-то взвыла собака, спустя секунду ей ответил нестройный лай стаи — все это было достаточно далеко.

Сергей первым вылез на берег, подтянул лодку и велел пассажирам выгружаться. Под крупными лопухами он нашел пять обрезов и рюкзак.

— Разбираем и заряжаем, — скомандовал он. — Остальные патроны по карманам, противогазы через плечо.

Швед осмотрел оружие и сокрушенно поцокал языком. Старые двустволки не внушали доверия, обрезанные края были обработаны кое-как. Попад в отряд, он забыл эти клюшки, как страшный сон. Но Кабану — или кто там придумал процедуру проводки — почему-то непременно хотелось трудностей. Не для себя, для других.

Вспомнив о Кабане, Сергей так и сел на сырую землю.

— Вам дурно, Швед? — обеспокоился Рыло.

— Нормально. Просто я забыл попросить у него взаймы.

— У кого?

— Не важно. Это просто примета.

— Вы верите в приметы? — удивился библиотекарь.

— Нет, конечно.

Сергей энергично поднялся и встряхнул рюкзак. Аптечки девать было некуда, но и бросить он их не мог. Пришлось надеть полупустой рюкзак на плечи. Пятый обрез он тоже зарядил и сунул за ремень. Это было не слишком удобно, но гарантировало два лишних выстрела без перезарядки.

— Все готовы? — Швед посмотрел вдоль берега, пытаясь отыскать место, где погиб Олень, но по прошествии месяца там не осталось даже примятой травы. — Двинули, банда!

Холм с гравитационной аномалией он решил обойти справа, по другую сторону от начинающегося оврага. Пока поблизости не было слышно собак — не было и нужды тащиться в гору, попусту растрачивая силы. Сергею вдруг подумалось, что маршрут до Припяти можно пройти относительно быстро, если суметь избежать нежелательных встреч. Без мутантов эта территория ничем не отличалась от любого другого пригорода, надо было лишь проявить осторожность... Но пока все шло неплохо, и удачная высадка могла быть добрым знаком — хотя библиотекаря Сергей не соврал, он действительно не верил во всю эту символическую чушь.

У подножия холма сопротивление было легким и незаметным. Насколько Швед помнил, повышенную гравитацию они в прошлый раз почувствовали, уже преодолев половину пути. Чтобы не повторять этого, Сергей вытянул руку с обрезом и шел вперед, пока оружие не начало отклоняться и покачиваться.

— Весьма любопытно, — проронил Рыло. — Увлекаетесь биолокацией?

— Послушай, я знаю, что ты от скуки прочел миллион книжек, но... не лезь ко мне, понял? Просто не лезь.

Контролируя границу аномалии, Швед провел пассажиров кратчайшим путем. Не влезая в гравитационный кисель и не делая лишнего крюка в сотни метров, они оказались на другой стороне холма.

— Смотреть под ноги! — приказал Сергей.

Тушканы, как он и ожидал, появились, но совсем не в том количестве. В принципе он справился бы с ними и сам — помогла запасная двустволка. Кто из пассажиров успел себя проявить, Швед как-то не обратил внимания — ему, откровенно говоря, было на это плевать. Он лишь отметил, что Ватсон не сделал ни единого выстрела.

— Тебе сложно, ты что-то не усвоил? — спросил он у сыщика. — Вот на эти крючки нажимаешь. Пах-пах.

— Я пока не вижу необходимости, — отозвался тот.

— Ни хрена себе! За тебя другие впахивают, вот ты ее и не видишь. Если бы не мы, ты сейчас на коленях стоял бы, ясно?

— Почему?

— Потому что ниже колен у тебя даже костей бы уже не было!

На Ватсона это не произвело впечатления.

— Куда теперь? — устало спросил он.

— Уходим от реки. Мимо карьера, к лесу.

— Я не говорю про такси, но может, здесь есть хоть какой-нибудь сельский автобус?

Швед не нашел, что на это ответить, и, сплюнув, зашагал к оврагу.

— А знаете, Ватсон, вы не очень похожи на детектива, — промолвил Рыло. — Во всяком случае, я представлял себе людей вашей профессии несколько иначе.

— Я пока стажирюсь, — сознался тот.

— Трудно, наверное, быть стажером в вашем возрасте?

— Не труднее, чем библиотекарем, — огрызнулся Ватсон.

— Не растягиваться! — прикрикнул Швед. — Стволы держать наготове, в карьере могут быть собаки.

Поразмыслив, он решил, что все-таки переоценил своих пассажиров. Единственным, кто ему нравился, был безмолвный парень Тухес. И чем дольше он молчал, тем сильнее нравился.

— Ватсон, возможно, вы посвятите нас в суть вашего дела, ведь это не секрет? — проворковал Рыло. — Кого вы намерены найти в Зоне?

— Да практически никого, — бросил сыщик. — Гаврилов Николай Алексеевич, двадцать девять лет, — нудно проговорил он, словно долбил опостылевший урок. — Пропал месяц назад, предположительно отправился в Зону.

— Отправился в Зону и никого не поставил в известность?

— Гаврилов попрощался с родителями. От них мы и узнали, что он, вероятно, находится здесь.

— В таком случае зачем его тревожить? Зачем искать? — не унимался Рыло.

— В наше агентство обратилась его жена.

— Хочет вернуть его домой?

— Либо вернуть, либо получить развод.

— И как же вы собираетесь его уговаривать, простите мое любопытство...

— Моя задача — найти. Дальше уже дело кризисных психологов, адвокатов и нотариусов.

— Вся эта братия тоже приедет в Зону? — изумился Рыло. — Это, должно быть, дорогое удовольствие.

— У Гавриловой успешный бизнес. Фитнес-клуб, салон красоты и, кажется, еще магазины. А муж два года просидел у нее на шее, потом создал какую-то рок-группу, потом бросил... Я же сказал — никто. Теперь вот еще в Зону подался. А сама Гаврилова серьезный человек, ей не до этого. У нее другие интересы, у нее хорошие деньги. И она в состоянии оплатить все накладные расходы, включая мою страховку.

— А смерть у вас по какому прайсу проходит? — не выдержал Сергей.

— Ну какая же тут смерть! — засмеялся Ватсон. — Не вижу в Зоне ничего смертельного.

— А ты много вообще увидеть-то здесь успел?

— Да почти все, — уверенно ответил он. — Времянка из горбыля, переправа через реку, атака грызунов. Честно говоря, пока ничего примечательного. Обычный пейнтбольный матч выглядит более захватывающим, даже если в нем не участвовать.

Сергей уже давно приметил в воздухе колеблющуюся плоскость. Аномалия висела метрах в десяти справа по ходу и напоминала горящий невидимым пламенем обруч, поднятый на высоту человеческого роста. Швед остановился, вытащил из кармана завалившийся болт и метнул его в центр окружности. Раздался громкий хлопок, похожий на выстрел — с таким же металлическим отзвуком, — и болт разлетелся на тысячу искр.

— Прикольный эффект, — высказался Ватсон.

Швед раздраженно фыркнул. Специально вести группу через задницу, чтобы кого-то в чем-то убедить? Ну уж нет.

Карьер прошли по самому краю и тоже на удивление спокойно. Собак там не оказалось, лишь один облезлый тушкан, соскальзывая с крутого песчаного откоса, все карабкался и карабкался вверх, будто проклятый на вечную муку. Сергей уже начинал чувствовать себя чужим в этой компании.

— Ну а вы... э-э... Тухес? — вновь нарушил тишину Рыло. — Что вы всё молчите?

— А что, — сказал мужчина с таким видом, будто за этим последует обстоятельный рассказ, однако больше от него не услышали ни звука.

— Ну а ты, Рыло? — произнес Швед, пародируя пассажира. — Ты-то что забыл в Зоне? Сидел бы в своей библиотеке — тишина, покой, девочки умные.

— Вы даже не представляете, как эта библиотека меня за... — Дальше он выдал пятнадцать слов подряд, из которых Сергей знал только шесть.

— Неужели настолько сильно?

— Вы не поверите, — подтвердил Рыло.

Так они и дошли до леса. Аномально спокойно. Если бы не тушканы, попавшиеся на пути, Швед и впрямь мог бы засомневаться, где он находится.

«Правильно я сделал, что не стал занимать бабло у Кабана, — отстранение подумал он. — Дурацкое поверье, от него один вред. Хаус вон занял сто евро, и что в итоге? Еле до базы добрался».

— Насколько я понимаю, в лесу нас ожидает какая-то опасность? — сказал Ватсон.

— Это неизвестно, — ответил Сергей. — Но любой из нас может не выйти из него живым. Тут уж от везения зависит.

Сыщик удовлетворенно кивнул.

Когда темные кроны сомкнулись над головой, Швед сжал обрез покрепче и положил палец на спусковой крючок. Держа все время на запад, от реки, группа обошла два бурелома и небольшое, но крайне подозрительное болотце. Тропинок в человеческом понимании здесь не было, по этому лесу давно уже ходили только сталкеры, а они избегали чужих дорог.

В небе тревожно каркали вороны, возле пройденного карьера вдруг разразилась лаем огромная стая псов. Ей вторил одинокий тоскливый вой — не собачий, утробно-глубокий. Это было где-то там, сзади, а впереди...

Впереди деревья уже расступались, лес светлел, и под ногами снова появились кусты солнцелюбивой земляники. Сергей понимал, что выглядит пустобрехом, неловким фокусником, который забыл зарядить карты в рукава. Он сам удивлялся, почему его так волнует мнение пассажиров, но ничего не мог с этим поделать.

— Неплохо прогулялись, — заключил Ватсон. — Мы поймаем здесь тачку?

Чаща оборвалась быстрее, чем Сергей ожидал. То, что он издали принимал за подлесок, оказалось противоположной стороной просеки, по которой шла дорога на Новошепеличи. Швед вывел группу на полтора-два километра дальше от поселка, чем в прошлый раз Хаус. Сергей решил, что самый простой способ избежать встречи с болотными кровососами на разливе — не ходить через разлив, и все как бы подтверждало его правоту, вот только сомнений от этого не убавлялось.

— Нам налево, — сказал он, и группа зашагала по старым бетонным плитам.

Солнце карабкалось в зенит, приятный ветер покачивал ветви берез и елей по бокам от дороги, в лесу чудились голоса птиц.

— Противогазы все надевать умеют? — спросил Сергей. — Скоро поселок.

— Зачем нам противогазы? — удивился Ватсон. — Красотища-то какая! Надо почаще на природу выбираться, а то все офис да офис...

Швед скрипнул зубами и, сбивая с ботинок землю, пошел дальше.

— Странно, до сих пор ни одной машины не проехало, — заметил Ватсон через некоторое время.

— Да неужели! — злорадно отозвался Швед.

— Наш друг ничего, совершенно ничего не понимает, — прокомментировал Рыло.

— Сегодня же вторник, да? — уточнил Ватсон.

— Какая разница? — недоуменно отозвался Сергей и тут увидел чужаков.

Из-за плавного поворота показалась тройка диких сталкеров, одетых в относительно чистые комбинезоны. У всех была новая обувь и оружие в хорошем состоянии — вероятно, тоже новое. Двое расслабленно несли закинутые на плечо «Громы» с длинными глушителями, третий держал в руках «Отбойник». Если они промышляли сбытом артефактов, то, похоже, им сопутствовала удача, хотя чутье подсказывало Шведу, что интересы этой троицы лежат далеко за пределами одной лишь торговли.

Ватсона появление незнакомцев крайне воодушевило.

— Уважаемые! — обратился он к ним издали, но было не ясно, слышат ли они его, поэтому детектив сделал несколько нетерпеливых шагов навстречу.

— Назад, придурок! — осадил его Сергей, однако Ватсон не реагировал.

— Уважаемые, приветствую! Я ищу Николая Гаврилова, вы не могли бы мне в этом помочь?

— Ватсон, опусти ружье, быстро! — крикнул Швед.

— Мне нужен Гаврилов Николай Алексеевич, двадцати девяти... — заговорил сыщик, но его сразу перебили.

— Ствол приberi, — с угрозой произнес один из бойцов. Из троицы его выделяла густая черная борода, начинавшаяся высоко, почти от самых глаз. — Ты кто такой?

— Это мой подопечный, — объявил Сергей, приближаясь к сталкерам с опущенным вниз обрезом. В подтверждение мирных намерений он даже перехватил оружие левой рукой. Состязаться в стрельбе с парой «Громы» он был не намерен.

— Чего хотел? — недружелюбно спросил бородатый у Ватсона. — Да уберу ты пушку, глухой, что ли?!

— Я же говорю: разыскиваю некоего Николая Гаврилова, — повторил тот, улыбаясь и напрочь игнорируя указания бойца.

Двое диких напряженно встали по бокам от товарища и принялись недвусмысленно поигрывать оружием. Все это было куда серьезней, чем могло показаться.

— Новичок, первый день в Зоне, — пояснил Сергей, насильно прижимая обрез Ватсона к земле. — Парни, мы пойдем дальше. Всего вам хорошего. Удачи, здоровья, богатого хабара и вкусной водки.

— А ты кто такой? — спросил сталкер, как будто заметил его только сейчас, в последнюю секунду.

— Швед, — представился он.

Боец, не сводя с него глаз, достал из комбинезона КПК и вызвал кого-то из своих.

— Лёха, пробей человека. Назвался Шведом, и с ним еще трое пешеходов голимых.

— Вы мне поможете, или я зря трачу на вас время? — холодно произнес Ватсон.

— Зачем тебе Николай Гаврилов? — процедил сталкер.

— Я его разыскиваю по поручению супруги.

— Это Светлана тебя прислала? Что ей опять не так? Чего она хочет?

Опешивший Ватсон захлопал ресницами.

— Да ладно! — вырвалось у Шведа. — Да не бывает такого! Может, я сплю?

Щипать он себя, впрочем, не стал, это было бы уже слишком.

— Так это вы?! — в свою очередь удивился детектив. — Николай Гаврилов?

— Я. Только здесь меня зовут Буйвол, — сказал сталкер.

— Вот это везение! Я думал, мне до самого города добираться придется, а там, говорят, самолетов нет, — затараторил Ватсон, — а поезда я не люблю, вечно это влажное белье, и потом, когда выходишь, руки такие жирные остаются, никак не отмоешь...

Забывшись, он начал размахивать обрезом, и Швед снова схватил его за ствол — рывком, жестко.

— Сообщите, пожалуйста, ваши контакты, — внезапно выдал сыщик.

— Какие контакты? — нахмурился бородатый. — Я Буйвол, в городе меня каждый знает.

Сергей не стал уточнять, что Буйвола знают скорее всего только среди диких, поскольку сейчас это не имело к делу никакого отношения.

— Мне нужен ваш телефон, — с детской непосредственностью пролопотал Ватсон. — С вами немедленно свяжутся адвокаты вашей супруги.

Шведу захотелось зажмуриться от того кромешного бреда, который нес детектив, но краем глаза он вдруг заметил, как стоящий рядом Тухес поднимает обрез. Сергей не успел даже обернуться — прогремел выстрел, и Буйволу в живот влетел заряд крупной дроби.

После этого у Шведа уже не было выбора. Он вскинул левую руку, в движении подбирая пальцы под спусковые крючки, и выстрелил Буйволу в лицо. Одновременно правой он выхватил из-за ремня вторую двустволку и точно так же, в лицо, пальнул второму сталкеру. И лишь после этого осознал, что с непривычки сделал два дуплета, а все патроны в карманах, а обе руки заняты, и, в общем, наверно, жизнь подошла к концу...

Пока Сергей додумывал эту невеселую мысль, трое диких рухнули на дорогу. Боясь спугнуть чудо, он медленно оглянулся и увидел библиотекаря, застывшего с обрезом. Из стволов его ружья курился, свиваясь в затейливые вензеля, тонкий дымок.

Четвертым упал Ватсон. Простояв несколько долгих секунд, он вдруг пошатнулся и грохнулся на спину, подставив небу простреленную из «Отбойника» грудь.

— Все-таки надо было занять сто евро у Кабана... — пробормотал Швед.

— У нас неприятности? — деревянно спросил Рыло.

— Пока непонятно. А у тебя неплохие рефлексы, мой книжный друг.

— Я готовился, — скромно ответил библиотекарь.

— Тухес! — опомнился Сергей. — Ты что натворил, урод?!

— Что... — вякнул тот, завороченно глядя куда-то внутрь себя.

Швед бросил свои ружья на дорогу, потом выхватил у молчаливого пассажира обрез и с размаху саданул его стволами под ребра.

— Зачем ты шмалял, идиотина?

— Что... — снова сказал тот.

— Мне кажется, наш спутник невменяем, — поделился наблюдением Рыло.

— Это Зона, здесь стреляют, — неожиданно выдал Тухес.

— Здесь живут, скотина! — заорал на него Сергей. — Прежде всего живут! И иногда стреляют, да. Такая здесь жизнь. Но стреляют, чтобы выжить, а не наоборот!

— Не хотелось бы вас расстраивать, но он вряд ли усваивает то, что вы говорите, — снова подал голос Рыло.

— Мне тоже так кажется. — Швед отвернулся, чтобы не забрызгаться, и выпустил второй заряд из двустволки Тухесу в горло. — Я бы с радостью грохнул и вербовщика, который признал этого овоща годным, — добавил он. — А теперь нам придется потрудиться.

Рыло, мягко говоря, не был атлетом, поэтому при перетаскивании тел основная работа легла на Сергея. Библиотекарь помогал чем мог: хватал покойников за ноги, ронял, снова хватал — в общем, принимал участие. Трупы сложили в небольшой ложбинке в лесу, метрах в пятнадцати от дороги. Ватсона с Тухесом можно было бы не трогать, они и при жизни тут мало кого интересовали, но Швед решил подстраховаться. С кровью, оставшейся на бетонных плитах, он ничего сделать не мог, но это для суровых здешних мест было не в новинку.

Закончив, Сергей позволил себе откинуться в траву и немного полежать. Небо между кронами было точь-в-точь как в детстве. Вставать решительно не хотелось.

Рыло тем временем исследовал чужие рюкзаки. Трофеи он выкладывал ровными рядами, и в этом виделась не только аккуратность, но и логика. Три КПК, две аптечки, «Отбойник» и патроны к нему, два «Грома» и рожки, три гранаты.

— Я нашел колбасу. Вы не против, если мы позавтракаем? Я почти двое суток не ел, — смущаясь, сказал библиотекарь.

— Послушай, Рыло. А ты не пробовал обращаться к людям на «ты»?

— Пробовал. — Тот разломил кольцо краковской и протянул большую часть Шведу.

— Ну и как ощущения? — поинтересовался Сергей, забирая себе другую половинку, поменьше.

— Били по лицу, — кратко ответил спутник.

— Теперь это сделать сложнее. Может, попробуешь еще разок? Меня твоё выканье слегка напрягает.

— Хорошо, мы уже на «ты», — объявил Рыло, энергично пережевывая колбасу. — Ещё там есть артефакты, я их не стал из рюкзака вынимать. Мелочевка: две «медузы» и «колобок».

— И ты их так легко опознал? — не поверил Швед. — Ты же в Зоне несколько часов!

— Я ведь уже сказал, что готовился.

— А-а... Я вначале не понял, в каком смысле.

— Именно в этом. Что возьмем, а что бросим? — осведомился он, оглядывая имущество убитых сталкеров.

Сергей тяжело вздохнул:

— Леня предлагает все это выкинуть, а здравый смысл подсказывает, что, кроме чужих коммуникаторов, ничего лишнего здесь нет.

Едва он это сказал, как пискнул какой-то из трех КПК.

— Буйвол, он еще там? Швед у тебя? Вали его без базара и всю его шатию заодно! Буйвол... Ты что молчишь, Буйвол? Буйвол, прием! Буйвол!

Швед прикладом разбил коммуникатор и взглянул на спутника.

— Вот теперь у нас точно неприятности, — сказал он.

Глава семнадцатая

Пять обрезов — как раз по числу покойников — сложили в ложбину и закидали сверху еловыми ветками, не столько для маскировки, сколько ради собственного спокойствия. Остальное барахло распределили по двум рюкзакам, и Шведу еще пришлось повесить за спину «Отбойник». Бросать такую машинку было жаль.

— Идти по дороге неразумно, — высказался Рыло.

— Ты прав, библиотека. Но возвращаться нам некуда, а чтобы обогнуть поселок, придется сделать огромный крюк на запад. Неизвестно, где в итоге окажемся. До встречи с дикими мы шли по Зоне, как по Бродвею, но это не гарантирует дальнейшего везения.

— С дикими? — переспросил спутник.

— Они называют себя вольными сталкерами. — Сергей вспомнил свой разговор на маршруте с Доктором Хаусом и усмехнулся.

Он еще раз проверил рожок «Грома» и направился вдоль дороги, держась в нескольких метрах от обочины так, чтобы в случае опасности можно было быстро залечь. Рыло двигался следом, ни на что не жалуясь и почти не треща сучками. Он был на удивление прилежным учеником, к тому же с серьезной теоретической подготовкой.

— Что еще ты успел вычитать о Зоне? — поинтересовался Сергей.

— Я читал практически все, что было в открытых источниках. Информации о Зоне очень много. Странно, что Ватсон был настолько не осведомлен. Он ведь до самой смерти так ничего и не понял. Жил с закрытыми глазами и умер во тьме.

— Есть такие люди, — согласился Швед.

— Но проблема в том, — продолжал Рыло, — что многие статьи о Зоне противоречат друг другу. Как и рассказы очевидцев, большинство из которых шарлатаны и выскочки. Кто-то пишет о святом воинском братстве... но с ним я уже имел счастье познакомиться. Кто-то рассказывает о бесконечной войне группировок, а кто-то говорит, что Зоной безраздельно правят диктаторы, причем у разных свидетелей имена диктаторов отличаются.

— Всё брехня, — отрезал Швед. — Выкинь из головы. Что сам видишь, в то и верь.

Расстояние, которое по дороге они прошли бы за двадцать минут, по кустам и корням пришлось преодолевать часа полтора. Самым обидным было то, что эта предосторожность оказалась напрасной: за все время им так никто и не встретился. К тому же скоро начался дождь, и довольно сильный.

Путники засели на краю леса. От опушки до первого двора было несколько сотен метров открытого пространства с редкими деревцами и остовами брошенной сельскохозяйственной техники. В сложившейся ситуации эту территорию следовало преодолевать исключительно ползком: потратить еще час времени и последние силы. Шведу этого чертовски не хотелось.

— Хорошо хоть дождь идет... — буркнул он.

— Чего же хорошего? — спросил Рыло, ежась от затекающей за ворот воды.

— Пыли не будет, без противогазов обойдемся. Они в нашем комплекте, как и обрезы, не самые новые, не самые лучшие. Хотя все равно садами лезть придется, и от радиации никуда не денешься.

— У нас есть две «медузы», — напомнил Рыло.

— Слабое утешение. В военную медицину я верю больше. Снимай рюкзак, доставай аптечку.

Сергей раскрыл пластмассовую коробку и выщелкнул из нее цилиндрический пенал.

— Цистамин? — угадал Рыло.

— С тобой даже не интересно.

Они приняли по шесть таблеток и помолчали, громко пережевывая. Дождь не кончался, а наоборот, превратился в настоящий ливень.

— Я полагаю, идти нужно сейчас, — сказал Рыло. — В такую погоду ни одна падла на улицу не вылезет.

— Угу... Все падлы сидят по домам и от скуки смотрят в окна, — как будто бы возразил Швед, но внутренне согласился: ждать нечего, лучше уже не станет, а вот хуже — не исключено.

Пригнувшись настолько низко, насколько это позволяла физиология, почти на корточках, они выбежали из подлеска и на мгновение остановились, оглядываясь, как зайцы, готовые в любой момент шмыгнуть обратно в деревья. Дождь шумел так, что перекрывал шорох травы. Словно готовясь к генеральному сражению, в небе эхом раскатывался гром. Вокруг было темно, как вечером.

«Не к выбросу ли дело?» — с тревогой подумал Швед и, призывно кивнув спутнику, побежал к трактору возле коровника. Достигнув ржавого остова, они залегли — промокнув насквозь, бояться воды было уже глупо.

В полуразрушенном коровнике было пусто. И в следующем строении — кирпичном доме, похожем на электроподстанцию, — тоже никого не нашлось.

Чем ближе они подбирались к Новошепеличам, тем сильнее Сергей нервничал. Спокойствие могло оказаться обманчивым, как недавно случилось с отрядом анархистов, и Швед, естественно, забыть об этом не мог. Вот в таких тягостных размышлениях он сам не заметил, как добежал до крайнего двора.

Швед и Рыло синхронно перепрыгнули через низкую перекладину, оставшуюся от забора, и, преодолев несколько метров погибшего сада, прижались к стене с отбитой штукатуркой. Дом стонал и поскрипывал, словно продолжал умирать все эти годы. Сергей прошел до окна, мельком заглянул в комнату и встал под выступающим козырьком, чтобы дождь не хлестал по лицу. В подполе резвились тушканы, их визг был слышен даже на улице. Рядом с колодцем Швед различил глубокие следы копыт. Поселок давно уже принадлежал не людям, а Зоне. Однако свежие стекла и новые двери, которые Сергей видел в некоторых постройках во время первой проводки, говорили о том, что не все сталкеры готовы с этим смириться.

Отдышавшись, он дошел до конца стены, выглянул за угол и поманил к себе спутника.

— На соседнем участке пепелище, там не останавливаемся, сразу рвем дальше, — сказал Сергей. — И не лезь в головешки, это могла быть аномалия, а не пожар. Хрен ее знает, исчезла она или до сих пор тлеет.

— Ясно, — напряженно отозвался Рыло. — Я готов.

До следующего дома было метров восемьдесят. Специалист по бегу с препятствиями преодолел бы это расстояние грациозней и быстрее, но Швед с Рылом — в мокрой одежде, с

рюкзаками и с автоматами в руках — скакали по огородам, как два раненых архара. На пути все время попадались корневища упавших деревьев, перевернутые бочки и всякий садовый инвентарь, брошенный во время эвакуации и с тех пор никому не пригодившийся.

Второй участок они тоже проскочили насквозь и присели у ограды, за кустами одичавшего крыжовника. Рыло машинально сорвал ягоду, но Сергей ударил его по ладони.

Дальше было то, чего Швед и опасался: крепкое двухэтажное строение с недавно залатанной крышей и свежими окнами. Вместо стекол в рамах была плотная парниковая пленка, но сути это не меняло.

И хуже того — в окнах горел свет.

— Поворачиваем вправо, — сказал Сергей. — Обойдем по соседней улице.

— Кто здесь живет? — недоуменно спросил пассажир.

— Вряд ли живет, но временами, как видишь, наведывается. А кто — не знаю. И знакомиться нет никакого желания.

Рыло уже приготовился к очередному броску, когда возле соседнего дома вдруг послышались голоса. Швед едва успел вцепиться ему в ремень и повалиться на землю. Люди заходили с улицы и были пока не видны, но крыльцо находилось на левой, ближней стороне, поэтому Сергей заранее поднял автомат, чтобы разглядеть незнакомцев через прицел. О чем они говорили, мешал разобрать дождь, впрочем, никакой беседы все равно не было, лишь обмен короткими фразами.

Из-за угла дома появились трое: два бойца и с ними пленный, это было ясно без всякой оптики. Швед то прикладывался к окуляру, то снова поднимал голову, пытаясь определить, как ему удобней. Расстояние было слишком маленьким, прицел не давал четкой картинки, а смотреть вживую мешали сумерки и частый дождь.

В лицо никого из тройки Сергей не опознал. Судя по комбинезонам, двое имели отношение к диким сталкерам, а третий, со связанными руками, был настолько перепачкан землей и глиной, что не поддавался идентификации. Лишь разглядев на его рукаве нашивку с человеческим силуэтом, Сергей сообразил, что это «монолитовец».

Один из диких поднялся на крыльцо и постучал. Дверь ему открыли изнутри. В проеме возникла рука, что-то выплеснула из кружки, и кто-то с хрипотцой проговорил:

— Заходи давай. А этого оставь пока. От Буйвола ничего?.. — успел он добавить, пока дверь не захлопнулась.

Пленный и второй боец остались мокнуть на улице.

— Странная выдалась проводка, странная, — прошептал Швед, неизвестно к кому обращаясь.

Он еще раз принял к прицелу и изучил «монолитовца» получше: жесткое лицо, седоватые брови и такие же, с проседью, усы. И совершенно спокойный взгляд, безразличный к смерти.

— Доставай все рожки, — приказал Сергей. — И гранаты тоже.

— А если они подкрепление вызовут, вы об этом не подумали?

— Конечно, вызовут. Если оно у них есть. Только мы ведь уже на «ты»?

— Прости, я волнуюсь.

— Все нормально, не извиняйся.

Стараясь не поднимать спину, Сергей поочередно скинул с плеч «Отбойник» и обе лямки рюкзака.

— Отползай вдоль кустов к дороге, насколько сможешь, — распорядился он. — По сигналу вали всех, кроме пленного. И не жри крыжовник!

Швед проследил за тем, как спутник меняет позицию, потом поймал в прицел висок дикого сталкера, чуть двинул стволом и прострелил ему череп ровно над ухом. «Монолитовец» вздернул брови — это была вся его реакция. Привлекая внимание пленного, Сергей поднял ладонь и жестом позвал его к себе. Тот сделал шаг от дома, но остановился и отрицательно качнул головой. Через секунду дверь отворилась, и библиотекарь, не заставив себя ждать, свалил второго противника. Дикий упал на пороге, дверь осталась едва

приоткрытой. Швед со своего места видел только узкую полосу света из комнаты и макушку убитого на крыльце.

«Монолитовец» на мгновение прислушался и побежал к Сергею. Даже будучи связанным, расстояние между двумя домами он преодолел не в пример быстрее, чем это удавалось Шведу с Рылом. На последнем шаге он оттолкнулся сильнее и приземлился уже за кустами, рядом с Сергеем.

Не зная, что говорить, Швед просто перерезал на его запястьях ремень и снова поднял автомат. «Монолитовец», тоже не проронив ни слова, подобрал лежавший рядом «Отбойник» и откатился левее, заняв огневую точку между Шведом и пассажиром.

В доме, занятом дикими, судьбу никто не испытывал и под пули не бросался. В одном из боковых окон натянулась и лопнула мутная пленка, пропустив набалдашник пламегасителя на длинном стволе. Одновременно погас свет и ударил пулемет, состригая крыжовник под «ежик», а некоторые кусты вынося прямо с корнем. Сергей сделал по окну несколько одиночных выстрелов, но успеха это не имело, и пулемет продолжал работать. Потом попробовал попасть в дверной проем гранатой, но она ударилась о наличник, отлетела и взорвалась на крыльце. Пулемет, однако, замолчал. Сергей уже решил, что стрелка задело осколком или контузило, когда из заднего окна дома, прорывая пленку телом, выпрыгнул боец и тут же залег в саду. Вторую гранату бросил Рыло — наугад в заросли сорняка.

Сразу после этого дождь закончился, словно отрезали. Спустя минуту тучи разбежались, и над Новошепеличами засияло солнце. Бойца на участке стало видно — взрывом его откинуло на корыто ручной бетономешалки.

— Сколько было народу внутри? — вполголоса спросил Швед.

— Неизвестно, — ответил «монолитовец». — Еще гранаты есть?

— Одна.

Он подполз к Сергею, молча взял гранату и, зигзагами добежав до крыльца, закинул ее внутрь. Оставшиеся в доме окна хлопнули мутными пузырями, и оплавленная пленка безвольно повисла на рамах.

Швед с Рылом переглянулись и встали. «Монолитовец» возвращался к ним без улыбки, даже без удовлетворения, а все с тем же непроницаемым лицом.

— У членов этой банды тоже «Громы», — заметил он. — Довольно редкое оружие.

— Это вместо «спасибо»? — спросил Швед.

— Я пока не знаю, кто вы, — сказал «монолитовец», держа «Отбойник» наготове.

— Так узнай, свяжись со своими. Или с Кабаном.

— Ты из отряда Кабана? Дай мне КПК. Мой отобрали.

— Ну так пойдем его заберем?

— Он уже заблокирован. Дай мне свой, — с нажимом повторил боец.

— У нас тоже нет, мы на проводке.

— Не понял, на чем вы?

— Принимаю вступительный экзамен, — пояснил Сергей. — Мы шли с одними обрезам, потом нарвались на диких. Из этой же группировки, судя по всему. У них «Громами» и разжились. Чужие коммуникаторы брать не стали, сети все равно разные.

— Хороший рассказ, но я не обязан в него верить, — бесцветно произнес «монолитовец».

— Но мы же тебя отбили? — возмутился Швед.

— Это не повод.

— Ну в таком случае... будь здоров, не кашляй. Пойдем! — сказал Сергей пассажиру.

— Как ты можешь доказать, что служишь у Кабана? — спросил «монолитовец», вставая у него на пути.

— Как-как... — растерялся Швед. — Без понятия! Могу описать, как он выглядит, но это половина Зоны может сделать. Во, я знаю одного из ваших по имени Самсон. Мы с ним пересекались, когда вы бензовоз потеряли, и ваших парней химера погрызла, а потом еще дикие подошли. Я с ними и разбирался, своими руками.

— Уже лучше. Самсона в отличие от Кабана видели немногие. Опиши его.

— Нечего сказать, — замялся Швед. — Средний возраст, средний рост, все среднее. Такой же, как и ты, пластмассовый. И нашивка, как у тебя.

— Я Доберман, — неожиданно произнес «монолитовец» и протянул руку.

— А я Швед, — ответил Сергей после небольшой воспитательной паузы.

— А я... — начал библиотекарь, но Сергей его перебил:

— Он пока пассажир, в отряд его еще не приняли.

— Отличная работа, Швед, — похвалил Доберман, лишь теперь опустив «Отбойник».

— И новичок толковый.

— Я могу спросить, чего от тебя хотели дикие?

— Не можешь, — без затей отозвался «монолитовец» и двинулся к дороге. — У вас еще есть дела в поселке?

— Нет, наше единственное дело — добраться до базы.

— А что в этом сложного? — не оборачиваясь, осведомился Доберман.

— Сами диву даемся! — схохмил Швед.

«Монолитовец» не понял сарказма, или не обратил внимания, или вообще успел забыть про Сергея. Он вышел на дорогу и уверенно направился к городу.

Швед и Рыло поплелись за ним, словно придворные. Однако Доберман, при всей своей надменности, вел себя не как король, а как правильный сталкер. Он шел по грязной обочине, прижимаясь к заборам или к тому, что от них осталось. Перед каждым новым участком он скидывал «Отбойник». Доберман не был белоручкой. Сергей все не мог забыть, как он подбежал к дому диких с последней гранатой, не зная наверняка, все ли враги убиты.

Новошепеличи остались позади, вскоре закончился и асфальт. Под ногами захлюпала размоченная ливнем грунтовка. Швед начал искать взглядом развилку, на которой следовало свернуть к теплицам. Доберман увидел поворот первым и перешел на другую сторону дороги, когда вдруг встал как вкопанный, пошатнулся и упал на колени. Сергей испугался, что «монолитовец» с размаха клюнет носом, но тот замер, держа спину ровно. Спустя несколько секунд он начал мерно раскачиваться взад-вперед.

— Как-то неудачно ты браток... — посетовал Швед. — Как-то ты не вовремя...

— Что с ним? — спросил Рыло. — Кажется, ему нужна помощь.

— Не нужна, — заверил Сергей.

— Во-первых, его надо отнести с дороги...

— Не надо! — отрезал он.

— Да что случилось-то?!

— Я понятия не имею, но с ними такое бывает, и вроде бы это нормально. Не будем его трогать, сам оклемается. Некоторые сталкеры считают, что это молитва.

— Молитва? — с сомнением повторил Рыло. — Вот так резко, прямо на дороге, в луже?... Это ближе к трансу, причем к спонтанному.

— Ты об этом что-нибудь читал? В статьях про Зону, которые ты штудировал.

— Нет, ни одного упоминания не видел.

— Я же говорил, что там сплошное вранье.

Швед присел перед «монолитовцем» на корточки, теперь он мог рассмотреть его вблизи. Глаза у Добермана оставались открытыми, но зрачки не реагировали — Сергей даже отважился помахать у него перед лицом рукой. «Отбойник» Доберман выронил, ладони у него были расслаблены, пальцы подрагивали. В таком состоянии он казался легкой добычей даже для комара, и чем бы его «молитва» ни объяснялась, она явно не была добровольной.

— Пока он тут отдыхает, у нас вот какое дело... — обратился Швед к Рылу. — Кличку я тебе, конечно, сгоряча дал. Выбери себе другую, время есть. А то люди, знаешь ли, в отряде простые, как ты им представишься, так они тебя и примут, с юмором не у всех хорошо.

— Ты поэтому не дал мне Доберману назваться? Спасибо, я это ценю.

— Ты не цени, а придумывай. Я не в курсе, когда он очнется, а при нем тоже не надо.

Библиотекарь с шумом почесал бритый затылок.

— А какую кличку можно взять?

— Да какую хочешь, лишь бы не длинная была, и чтобы люди язык об нее не ломали.
— Фридрих — можно?
— Фридрих? Гм... вполне. А почему Фридрих?
— Потому что Ницше.
— Ясно... — буркнул Швед.
— Так не только Ницше звали! — спохватился библиотекарь. — Еще Шиллера, и Шопена, и даже Энгельса.

— Да сталкерам по барабану. Ты только про Энгельса им не говори, это уж точно лишняя информация.

«Монолитовец» продолжал раскачиваться в том же ритме, никаких признаков того, что «сеанс» близится к завершению, не было. Швед и новоиспеченный Фридрих бессмысленно побродили вокруг. Потом просто постояли рядом, невольно напевая в такт какие-то популярные песни, каждый свою. Потом снова покружили на маленьком пяточке. Со стороны города показалась крупная псевдособака. Пес трусил по дороге, приветственно вывалив набок язык. Фридриху требовалась практика, и Сергей позволил ему застрелить мутанта в одиночку. Еще несколько минут они потратили на обсуждение этого события. Потом опять заскучали.

Доберман вышел из своего состояния неожиданней, чем вошел. В какой-то момент он подобрал с дороги оружие и встал на ноги, молитва — или что там еще — на этом была окончена.

— Рад приветствовать. — Сергей еле удержался, чтобы не пощелкать пальцами у него перед носом. — Как самочувствие? Что это было?

— Тебя не касается, — категорично, но без агрессии заявил «монолитовец» и отправился дальше. Он не выглядел ни потеряннным, ни подавленным, он снова был предельно собран и прекрасно понимал, что с ним произошло. И, кажется, не считал это проблемой. Увидев труп собаки, он едва заметно кивнул, это следовало расценивать как одобрение.

Вскоре появилась развилка, ведущая к тепличному хозяйству, где Хаус вывихнул ногу, и Доберман без напоминаний свернул туда.

На пути им еще попадались и собаки, и тушканы. «Монолитовец» трудился наравне со всеми и после первой перезарядки сам нес патроны для своего «Отбойника». Но стена в общении, которую он выстроил, была непреодолимой.

В городе они разошлись — буднично и без церемоний. Доберман вернул Шведу оружие, не забыв выгрести из кармана оставшиеся патроны, сухо пожелал удачи обоим ходакам и отправился к набережной. Сергей и Фридрих, ответив ему тем же, пошли направо, в сторону гостиницы. Осадок на душе после этой встречи был не то чтобы нехорошим, но по меньшей мере странным. Однако они добрались живыми, и это было куда важнее.

— Фридрих, нам остался последний поворот, поэтому забирай-ка все стволы себе, — сказал Швед. — А я возьму рюкзак.

— Ты так устал?

— Имидж, балда. Пусть люди посмотрят, с какими трофеями идет мой пассажир. Не пассажир — красавец!

— Это нужно тебе или мне?

— Это не повредит нам обоим, — заверил Сергей.

— Артефакты я должен буду сдать командиру? Или передать их в общак?

— Обшак?.. Где ты этой хрени набрался? Тоже в статьях вычитал? С артефактами делай что хочешь. При случае впаришь кому-нибудь, или можешь сам использовать.

Капитан, подпиравший дверь гостиницы, открыл рот и уморительно приподнял очки на лоб: Фридрих нес оружие так, что сталкер без труда опознал и «Отбойник», и «Громы».

— Вы с проводки или со склада? — поинтересовался Капитан.

— Из сауны, — лениво ответил Швед. — Кто на месте?

— Да все вроде. Но Кабан так быстро тебя не ждал.

— Пойдем порадуем командира, — сказал Сергей Фридриху, открывая дверь.

Сбор был объявлен общим, но не авральным. Кабан прогуливался по плацу, благодушно поглядывая на тех, кто опаздывал в строй.

— Будем считать, что собрались, — сказал наконец он. — Повод хороший, а это у нас явление не частое. Особенно приятно, что этот повод нам обеспечил не кто-нибудь, а штатный разгильдяй отряда, пролетчик и раздолбай на полном пансионе с усиленным пайком, наш драгоценный Швед.

Витиеватость его речи свидетельствовала о прекрасном расположении духа, поэтому Сергей посмеялся вместе со всеми и даже не без удовольствия.

— Рылевский Валентин Казимирович! — произнес Кабан. — Поздравляю, ты принят в отряд. Это шанс начать новую жизнь, которым ты уже воспользовался. Держи, это теперь твое, как и добытые на проводке трофеи. — Командир протянул библиотекарю сверток с КПК. — Последний вопрос: как мы будем к тебе обращаться?

— Фридрих, — гордо ответил экс-Рыло.

— Отлично. Запомни этот день навсегда, боец. Кстати, что у нас сегодня?

— Двадцать восьмое, — подсказал Сергей.

— Двадцать восьмое июня, — объявил Кабан. — Считай это своим днем рождения, сталкер Фридрих! Ну а ты, Швед, прими мои поздравления, хотя довести одного пассажира из троих — невелика заслуга.

— Тех, кто не дошел, ты пристрелил бы сам, клянусь. Это брак отбора, они не должны были попасть в Зону.

— Ладно, сейчас не об этом, — прервал его Кабан. — Иди отдыхай и готовься к завтрашнему утру. На рассвете поступаешь в распоряжение «Монолита». Подробностей не знаю, — сразу предупредил он.

Сергей поднялся в кубрик и без сил рухнул на кровать. Следом появился Хаус с бутылкой чего-то особенного.

— С возвращением, Швед! Как я за тебя рад! — Он искренне улыбнулся и хлопнул Сергея по протянутой ладони. — Тут, кстати, Ахмет уже два раза по твою душу заходил.

— И что он хотел?

— Да кто его разберет... «Моя Шведа розыск поджидай», все в таком духе. Не умею я с ним разговаривать.

— Я Фридриху, пассажиру своему, посоветовал с Ахметом поселиться. Он всю жизнь в библиотеке проторчал, знаний набрался немерено. Вот пусть теперь делится, просвещает.

— Да черт с ним, с Ахметом. Ну, как сходил-то? Трудно? С первой проводкой не сравнить, правда?

— Других вести гораздо хуже, — согласился Швед. — Но польза есть. Не зря ноги бил... А это что у тебя там? Ты не стесняйся, наливай.

— Мужчина! — похвалил Хаус, резво откручивая пробку.

Как выяснилось, бутылка у него была не одна. Потом в кубрик заглянул Капитан, тоже с бутылкой, потом заходил кто-то еще, все радовались, звенели стаканами, булькали горлышками, пели душевные песни — и так, минуя вечер, день перешел в крепкое пьяное забытие.

Глава восемнадцатая

Улица Курчатова вывела Шведа прямиком на площадь. Город в этом районе был чист и опрятен. Даже следы тлена, вроде отбитой облицовочной плитки или выросшего на крыше деревца, здесь выглядели естественными и живыми. Улицы были чистыми, небо светлым, а ветер ласковым и теплым — пройдя всего километр, Сергей словно оказался на другом континенте.

— Красиво, мля... — высказался Доктор Хаус.

Кабан велел Шведу прихватить помощника, любого бойца, свободного от вахты. Почему-то командир был уверен, что Сергей позовет Ахмета. Швед шифровался, сколько

мог, и растолкал Хауса лишь в последний момент, когда до восхода оставалось не больше получаса. Ахмет в это время еще спал и, вероятно, смотрел свои шпионские сны, полные непереводаемого турецкого фольклора.

Хаус немного побурчал спросонья, но когда сообразил, куда его зовут, вскочил как ошпаренный — в исключительно хорошем смысле. Он был благодарен Шведу за то, что друг взял его с собой, хотя и не понимал, для чего они тащатся на базу «Монолита». Швед и сам этого не знал, но надежды на поход возлагал большие.

Первый патруль они встретили еще у старого КБО. Вернее, это патруль встретил их, выйдя из укрытия так неожиданно, что сталкеры не успели и моргнуть. Швед назвал свое имя, и патруль их немедленно пропустил, даже не связываясь со своим начальством. Бойцы «Монолита» были заранее уведомлены о появлении Сергея, и эта деталь так грела его самолюбие, что дальше он уже не шел, а парил над асфальтом.

— Я думал, вас там проверяли на стойкость, чтобы чепчик от фанаберии не срывало, — сказал Хаус, заметив, как светится его товарищ.

— «Нас там» — это кого и где? — уточнил Швед.

— Ну где-где... В Академии вашей эсбэушной. Ты же должен был стоять на страже... — Он замялся, подбирая нужное слово, но, ничего не придумав, закончил: — На страже чего-нибудь хорошего.

— А я и сторожу. Хорошее сторожу, не плохое. Что может быть лучше, чем маленький домик на маленьком острове и большой счет в надежном банке?

— Мечтатель! — усмехнулся Хаус. — Шальные деньги как приходят, так и уходят, уж поверь страховому бухгалтеру.

— Не шальные, дружище. Эти деньги мы кровью зарабатываем. А кровь у меня дорогая, я так решил. И за полцены я ее не отдаю.

В кинотеатре у «монолитовцев» была целая опорная база, и сталкеров снова остановили.

— Пойдите тут, — сказал Шведу какой-то непроницаемый тип. — Не маячьте на дороге с оружием, отойдите к кассам.

Это означало, что дальше их не пропустят.

— Приглашали, как героев, а приняли, как официантов, — вполголоса поделился Хаус.

Сергей почувствовал, как в нем что-то сдувается. Спутник наблюдал за переменами на его лице с откровенным любопытством.

— Не горюй, Швед, мы всегда для них были только обслугой.

— Из кого же они набирают свои отряды?

— Я не знаю ни одного сталкера, который попал бы к ним со стороны. Так что забудь про свой остров и смотри на жизнь реально. Простой коттедж, сермяжный «Лексус» и тупая фотомодель — это тоже неплохо, и ради этого стоит попытаться.

Уходя с дороги, Сергей бегло огляделся. По крыше над фойе кинотеатра прохаживались двое часовых. За высоким парапетом там угадывалась пулеметная точка, сдвинутая далеко от края. В диспетчерской башне речного порта находилось еще одно пулеметное гнездо, закрытое мешками с песком. Мешки лежали и сверху — там было оборудовано место для стрелка. Длинный козырек порта соединялся с крышей кафе «Припять», на которой сидел наблюдатель с биноклем, просматривавший весь проспект Дружбы Народов. Последним, что заметил Швед, было движение на верхнем балконе в жилой многоэтажке, стоявшей через площадь от кинотеатра. Там тоже кто-то дежурил, контролируя свой сектор на многие кварталы вперед.

Все это выглядело так серьезно и основательно, как будто «монолитовцы» готовились отражать атаку целой дивизии. Неудивительно, что мутантов здесь и близко не было.

Вскоре из-за кафе показался знакомый «монолитовский» внедорожник. Машина проехала через ворота в ограде и неспешно подкатила к статуе Прометея.

— Это за вами, — промолвил боец, стоявший на вахте.

Сталкеры приблизились к джипу. За рулем сидел Самсон, рядом с ним был кто-то еще, помоложе, но такой же суровый. Швед с Хаусом сняли автоматы и устроились на заднем сиденье. Машина тут же тронулась, объезжая Прометея по кругу.

— Что за тачка? — поинтересовался Хаус.

Монолитовцы на вопрос никак не реагировали. Швед покачал пальцем: «Не доставай людей».

Джип вырулил на дорогу и поехал на север, оставляя пруд позади. Улица плавно повернула влево, затем показался второй поворот, Самсон его проигнорировал и съехал на газон. Бордюрный камень преодолел как мог аккуратно, тем не менее в багажном отсеке громынуло. Сергей обернулся и увидел тридцатилитровый молочный бидон. Емкость была зафиксирована ремнями в вертикальном положении, но все равно шаталась и подпрыгивала: дожди давно превратили газон в череду кочек и рытвин.

— Придерживай его, — сказал второй «монолитовец».

Самсон направил машину через скверик, мимо футбольной площадки, куда-то в незнакомые для Шведа места. Проехав двор и нырнув в арку, джип снова оказался на улице. Бидон перестал трястись, и Сергей убрал руку.

Дорога вела к окраине, дома стояли все реже, и вскоре машина выехала на конечную остановку автобуса, которая напоминала заасфальтированный пустырь. Посреди площадки стоял навес с одинокой смурной вороной, вокруг скамейки лежало семейство слепых собак. Они подняли головы, но джип уже промчался мимо. Псы беспокойно понюхали воздух и вновь положили морды на лапы.

— Я понял, куда мы едем, — сообщил Хаус. — К Барону?

— Да, — бросил Самсон.

— А вот такой вопрос. Почему у тебя на рукаве есть нашивка, а у него нет? Вы же оба из «Монолита», форма одна.

Самсон целую минуту вел машину молча, то и дело поглядывая в зеркало, словно прикидывая, где расстрелять любопытного седока — здесь или чуть подальше.

— Я ветеран, а Молот нет, — сказал он, когда ни Хаус, ни Швед уже не ждали ответа.

Молот подтвердил это скупым кивком.

Швед присмотрелся ко второму «монолитовцу»: плечи и шея никак не свидетельствовали о его занятиях тяжелой атлетикой. Впрочем, логики в кличках Сергей давно уже не искал, просто хотел запомнить Молота получше.

Самсон вывел джип на какую-то дорогу местного значения, узкую и ухабистую. Бидон снова запрыгал, и Швед без напоминаний схватил его за ручку. Проехали небольшую рощицу, за ней открылась заболоченная равнина и одинокий холм, на котором стояло несколько ветхих зданий нежилого вида. Не то кирпичный заводик, не то ремонтные мастерские — Сергей не особо разбирался в производственных объектах.

Из приземистой угловой постройки вышел человек и пару минут ожидал, пока «монолитовцы» поднимутся на возвышенность.

— Барон, — прокомментировал Хаус.

— Это должно мне о чем-то говорить? — спросил Швед.

— Барон — командир типа нашего Кабана, только помельче. У него человек пять в отряде. Не отряд даже, а группа. Общих дел у нас никогда не было, но у Кабана с Бароном хорошие отношения, так что расслабься.

— Я и не напрягался, — заявил Сергей.

Он действительно чувствовал себя комфортно — даже лучше, чем в кубрике на базе, под охраной всей сталкерской дружины. Ощущение было таким, словно его, маленького, ведет за руку через двор с хулиганами кто-то взрослый. И хотя Самсон с Молотом были всего лишь людьми, спокойствие не покидало Шведа с тех пор, как он сел в «монолитовский» джип.

Молот вылез из машины сразу, как только она затормозила. Самсон чуть замешкался с ключами и сказал, обращаясь к одному Шведу:

— Не трогайте тут ничего. Особенно груз.

— Не будем, — пообещал Сергей, но «монолитовец» уже хлопнул дверью.
— Да что они о себе мнят? — прошипел Хаус.
— Молчи.
— Думаешь, у них тут микрофоны стоят? И им интересно, о чем мы треплемся? Срал я на вас! — внятно произнес он в потолок.

«Монолитовцы» подошли к Барону, коротко о чем-то переговорили и вместе с ним скрылись в доме.

— Что везем-то, интересно... Ты не в курсе? — спросил Хаус.

— Понятия не имею, — соврал Швед, косясь на бидон.

Груз его, разумеется, смущал. И дело было не в том, что говорил Ахмет о разработках «Монолита». Это, по его же собственному признанию, была лишь гипотеза. Гораздо хуже выглядело другое: емкость можно было уложить на заднее сиденье, а Молот придерживал бы ее, чтоб не болталась. Но похоже, он не хотел к ней даже прикасаться. С другой стороны, если бидон заключал бы в себе смертельную опасность, то вряд ли его затащили бы в единственный джип группировки. В своих размышлениях Сергей так ни к чему и не пришел, но чем больше он об этом думал, тем гаже становилось на душе.

Хаус с любопытством повернулся к багажному отделению и протянул к бидону руку.

— Не трогай! — вскрикнул Швед.

— Ты что?.. — опешил друг. — Чего так испугался-то? Они же не видят.

— Мы не знаем, что там внутри, — выразительно проговорил Сергей.

— Вот и я о том же: не знаем. А надо узнать.

— Не трогай, — с нажимом повторил Швед. — Это скорее всего опасно.

— Да что там опасного?

— Ну... Может, какие-нибудь органы зараженные... какая-нибудь инфекция... — предположил Сергей.

— Что за бред, какие органы?! Тухлая печень кровососа? Зачем она им нужна? В крайнем случае откроем двери и проветрим. Скажем, что я каши гороховой наелся. Нет, лучше ты. Тебя они простят, ты ведь у них на особом положении. Старший подмастерье, — съязвил Хаус.

Он сделал обманное движение, будто собирается открыть дверь, и, неожиданно ринувшись назад, схватился за бидон. И... тут же отдернул руку.

— Ё-моё! — воскликнул Хаус. — Горячий! Он с самого начала такой был?

— Не бреши, он холодный, — ответил Сергей.

— Потрогай сам.

— Зачем мне его трогать? Я его полдороги держал.

— Потрогай, говорю, — с серьезным видом сказал Хаус.

Мученически вздохнув, Швед пощупал флягу и сам чуть не закричал от испуга. Емкость и вправду была теплой. Не горячее, как показалось Хаусу, но ощутимо разогретой — как, например, больной, страдающий от жара. Это сравнение Сергею на ум пришло почему-то первым.

Все было гораздо хуже. В бидоне не просто находилась неизвестная субстанция, там очевидно происходили какие-то процессы. Сергей с нетерпением взглянул на кирпичную постройку. Дверь оставалась закрытой, окна были непроницаемы.

— Сколько мы ехали? — спросил Хаус. — Какой бы туда кипятка ни налили, он должен был уже остыть. Значит, там что-то само разогревается.

— Это и без тебя ясно, — процедил Швед.

— Мы должны на это посмотреть.

— Да ты охренел! — вскинулся Сергей. — Я же сказал тебе: там что-то опасное.

Хаус помолчал, нервозно барабанил пальцами по колену.

— Может, солнце напекло? — безнадежно предположил он.

— Какое солнце в семь утра? Да и стекла сзади тонированные.

— Точно...

Повторяя свою нехитрую уловку, он снова взялся за дверь. Швед ожидаемо поднял руки, загораживая от него флягу, и Хаус крепко заехал ему кулаком в живот. Сергей согнулся, глотая воздух, как рыба, а Хаус тем временем спокойно повернулся назад и открыл бидон.

Швед застыл, ожидая чего-то неминуемого и ужасного, словно его друг выдернул из гранаты чеку.

— Вот это... Вот это, блин... — забормотал Хаус и после третьей попытки наконец сформулировал: — Чума, в натуре.

Сергей подождал еще немного, досчитал до пяти, затем до десяти и, не выдержав, обернулся.

В сужающейся горловине бидона теснились золотые, красные, голубые — и еще всякие, всякие разные шарики и пирамидки. С лучами и ресничками, с короткими колючками, как у ежей, и с длинными отростками, как у морских животных. Ярко сияющие и источающие бледное молочное свечение, ритмично пульсирующие и вовсе черные — каких артефактов там только не было! Некоторые из них подпрыгивали и барахтались, как пельмени в кипятке, и вся эта масса казалась живой.

Швед полюбовался и, захлопнув крышку, щелкнул замком.

Хаус, не моргая, переводил ошарашенный взгляд то на бидон, то на товарища.

— Да-а, это тебе не «ломти мяса», — наставительно произнес он. — Это, брат, настоящий хабар. Сколько там артефактов — несколько десятков? А может, и за сотню... Я некоторые из них даже не видел никогда. Вот, служба, блин... — Он сокрушенно поцокал языком. — Тут тебе небось и домик, и «Лексус», и еще джакузи с русалками на сдачу. Все в одной железной банке. Компактно, удобно. Взял и понес...

— Ты к чему это клонишь? — нахмурился Швед.

— А?... — Он понял, что идея не одобрена, и тут же сдал назад: — Шутка! Нет, ну ты представляешь, сколько это может стоить? Так, чисто теоретически. Они ведь, наверно, самые ценные экземпляры отобрали? Сейчас поедут да продадут. Вот это жизнь! А тебе, стало быть, доверяют, Швед, — сделал заключение Хаус. — Такое бабло бросили спокойно и пошли чай с Бароном гонять. Хотя, может, для них это и не бабло, а мелочь, детишкам на конфеты... Они ведь по таким местам в Зоне ходят, куда ни один дикий не залезет. Все сливки себе забирают. Уникальные вещи возят бидонами, как навоз.

— Молоко, — сказал Сергей, чтобы остановить заболтавшегося друга. — Бидонами молоко возят, а не навоз.

— Да мне без разницы. Дай еще посмотреть! — загорелся Хаус. — Давай, чего там! Мы же их не тырим, мы только одним глазком...

— Похоже, мне действительно доверяют, и я это ценю. И не собираюсь ради твоего любопытства ставить под удар хорошее отношение «монолитовцев».

— У-у, Швед... — разочарованно протянул он.

— Да, да! Я в Зону пришел за деньгами, — зло бросил Сергей. — А не для того, чтобы весело провести каникулы. Только не за этими деньгами, — он небрежно кивнул назад, — не за елочными игрушками, а за реальной суммой, которой мне хватит до старости.

Дверь в доме распахнулась, и на улице появился Самсон.

— Черт, да мы успели бы! — ребячески прошипел Хаус. — Если бы не ты со своей собачьей верностью!

Сергей в ответ ударил его по ноге. Они тихо завозились, как два второгодника на последней парте, но тут же замерли.

— Нужна помощь, — сообщил Самсон, приоткрыв переднюю дверь. — Оба за мной.

Сталкеры вышли из машины и, разминая ноги, направились к зданию. Доктор Хаус несколько раз обернулся, оставляя такой груз без присмотра ему казалось преступлением.

В домишке располагалось то ли заводоуправление, то ли сельсовет, то ли что-то еще аналогично унылое. В полу за предбанником виднелась спиленная под корень штанга от проходной «вертушки». За ней находился коридор с парой дверных проемов по каждой стене. Самсон подошел к дальнему кабинету и остановился, приглашая сталкеров войти.

В комнате без мебели стояли Молот, Барон и еще какой-то боец, все были красными и тяжело дышали. На полу вяло шевелились два человеческих тела. Люди были туго перемотаны широким скотчем — полностью, от пяток до головы, и напоминали живые мумии. Не заклеенными им оставили только носы и глаза. С одной из мумий Швед случайно встретился взглядом, и его передернуло. Нет, это были уже не люди...

Сергей слышал про зомбированных сталкеров, но за месяц так ни разу их и не встретил. Говорили, что южнее их водится много, что в районе вокзала Зона ими буквально кишит и что в Припяти есть отдельный отряд, который только их отловом и занимается. Швед не придавал значения всяким байкам, а сейчас вдруг столкнулся с зомби вплотную, и это было неприятно. Зомбированный как противник не вызвал у Сергея страха, вряд ли он был опаснее обычного сталкера. Но как порождение Зоны это вызывало ужас. Одно дело — смотреть на измененных зверей, и совсем другое — видеть бывшего человека, ставшего животным.

На обескураженный взгляд Шведа зомби ответил глухим мычанием.

— Забирайте и несите в машину, — распорядился Самсон.

Сергей с Хаусом долго примеривались, не зная, как подступиться. Наконец они подняли один сверток для того, чтобы взвалить его на плечи, но зомбированный вдруг согнулся под прямым углом и выскользнул на пол. Сталкеры снова попробовали его поднять, и он гнусаво заныл, с шумом втягивая ноздрями воздух. Зомби пытался брыкаться, но клейкая лента держала крепко, превращая его неистовые содрогания в вялое шевеление большой полудохлой рыбины.

С четвертой или пятой попытки Шведу с Хаусом удалось взять зомби более-менее крепко. Задев за все двери, они неловко и натужно потащили живой рулон к выходу. Сергей думал, что понадобится вторая ходка, но другого зомби несли Молот и боец из группы Барона. То ли они были посноровистей, то ли использовали опыт первой двойки, но обращаться с зомбированным у них получалось значительно лучше.

Опередив их, Самсон открыл дверь багажного отсека и вставил в спинку заднего сиденья мелкую металлическую решетку.

— Заносите, — приказал он. — Осторожнее, не повредите ему голову.

Швед не понял, что можно повредить в разрушенном мозге, но оставил эту мысль при себе. Они с Хаусом кое-как скинули зомби на пол багажника, развернули его поперек машины и пинками затолкали вглубь отделения. Таким же образом впикнули и второго. Ноги у зомбированных оказались согнуты и прижаты чуть ли не к подбородкам, но Самсон погрузкой остался доволен.

— Садитесь, — сказал он и, не прощаясь с Бароном, вернулся за руль.

Молот был уже в машине. Сталкеры заняли свои места, при этом Хаус проверил, насколько прочно держится решетка. Зомбированные в огороженном отделении продолжали мычать и извиваться, хотя свободного пространства там почти не осталось.

— Не задавят они друг друга? — спросил Самсон, заглядывая в зеркало.

— Не должны, — благодушно отозвался Хаус.

«Монолитовец» широко, в один прием, развернулся и направился обратно к городу. Проехав всю Припять по окраинным улицам, Самсон снова вырулил на проселочную дорогу и погнал на запад. Местность здесь мало отличалась от той, где располагался отряд Барона, разве что не было болот и разливов: от реки они уезжали все дальше.

В низине между двух холмов их ждал внедорожник и здоровый бензовоз с сияющей некрашеной цистерной — правда, лишь с одной, без прицепа. Джип Сергею что-то смутно напоминал, и он успел хорошенько помяться, прежде чем сообразил, что это точно такая же машина, как и та, в которой сидит он сам. Вот только цвет у нее был немного странный, ярко-желтый. Когда подъехали ближе, Швед прочитал у нее на боку надпись из веселых прыгающих букв: «Frenzy». Также он рассмотрел бензовоз. На крыше большой цистерны было два наливных люка, а маркировка внизу емкости говорила о том, что цистерна двухкамерная. На ней в отличие от джипа никаких логотипов не было.

«Монолитовцы» покинули машину — им навстречу из желтого джипа тоже кто-то вышел, но за спинами Швед его не видел. Состоялся разговор, не такой короткий, как с Бароном на улице, затем Самсон обернулся и жестом велел нести груз ко второму внедорожнику.

Сергей и Хаус как опытные носильщики перетащили оба свертка за считанные минуты. То ли у зомбированных поубавилось сил, то ли они смирились, но брыкаться они больше не пробовали и мычали уже потише.

— И флягу тоже, — буднично произнес Самсон.

Сталкеры вернулись к багажнику, отвязали емкость от стойки и нерешительно приподняли. Бидон был все такой же теплый, но удивляло другое: весил он не больше десяти килограммов. Швед легко донес его в одиночку и попробовал взглянуть незнакомцу в лицо, но тот опять отвернулся. Пялиться на него в открытую было не то чтобы некультурно, а скорее всего небезопасно, поэтому Сергей установил флягу в ногах у зомби и пошел обратно.

— Обещанное, бревна и препарат, — сказал сзади Самсон.

Швед сел в машину и повторил про себя: «обещанное, бревна и препарат». Чертова шарада...

— Что ты видел? — спросил он у Хауса.

— А что я мог видеть, если они спиной стоят, — недовольно отозвался тот. — Да я и не смотрел особо.

— Самсон что-нибудь ему передавал?

— Кажется, да. Но он же спиной...

— «Кажется» или «да»? — потребовал Сергей.

— Ну он такое движение сделал, как будто из внутреннего кармана что-то достал. Тебе зачем это нужно? — насторожился Хаус.

— Планирую будущую карьеру, — серьезно ответил Швед. — Мужика того разглядел?

— Нет. Слушай, не вплетай меня в свои интриги! И вообще у меня никогда такой мерзопакостной работы не было, понял? Много раз видел живьем распиленную псевдоплоть, но зомби, замотанные в скотч, — это по-моему, хуже. Как куклы... А может, они и не зомби? — спохватился Хаус. — Рты-то заклеены у них! Может, они нормальные люди? Куда их сейчас повезут, зачем? А?.. — спросил он и вдруг отмахнулся, быстро успокаиваясь: — В любом случае спасибо тебе за халтурку, дружбан. Теперь два дня жрать не смогу.

— Не беда, главное, чтобы пить мог, — огрызнулся Сергей.

Незнакомец, так и не показав лица, уселся в желтый джип, Самсон тоже пошел к своей машине, а Молот неожиданно поднялся в кабину бензовоза.

«Огромная цистерна с двумя камерами — тоже для перевозки артефактов?!» — чуть не сболтнул Швед.

Машина с логотипом «Frenzy» укатила, Самсон и Молот снова возвращались в Припять. Джип ехал медленно, за ним двигался бензовоз. По шатаниям цистерны Сергей пытался угадать, есть ли в ней топливо, или в «Монолит» снова идет пустая бочка, но каких-то четких выводов сделать не смог.

На проспекте Строителей Самсон, пропуская бензовоз, прижался к тротуару и монотонно проговорил:

— Благодарю за службу.

По выражению его лица совершенно невозможно было понять, доволен он этой самой службой или не очень.

Хаус подхватил свой автомат и немедленно вышел. Швед задержался, якобы разбираясь с зацепившимся ремнем, и прикрыл за другом дверь.

— Что дальше? — спросил он.

— Ничего. Ты свободен.

— Я хотел бы перейти в «Монолит», — неожиданно заявил Сергей.

— Это исключено, — ответил Самсон сразу, не задумываясь.

— Почему? Я что, не гожусь?

— Не могу сказать. Я тебя не проверял.
— Но я столько всего для вас сделал!
— За это ты получаешь деньги. — Самсон постукиванием по рулю выразил нетерпение.
— Я хочу больше! — бросил Швед. — Мне нужно больше денег.
— Ничем не могу помочь, — отозвался он и, ставя точку в разговоре, повторил: — Благодарю за службу, сталкер.
Сергей вышел из машины бодро, но Хаус встретил его ядовитой улыбкой.
— Ну как, нанялся в «Монолит»? — ласково проговорил он.
— Ты слышал?
— Нет, но догадаться было не трудно. А видел бы ты свою рожу! — с наигранным отвращением добавил Хаус. — Милостыню, и то достойнее клянчат.
— Не триндеть! — отрезал Сергей и сощурился, глядя на уезжающий джип: — Все нормально. Будет и над нашей улицей небо в алмазах.

Глава девятнадцатая

Кабан встречал сталкеров, нетерпеливо прохаживаясь у крыльца.
— Это либо премия, либо проводка, — издали определил Хаус. — Что-то тебя полюбому ожидает.
— Почему меня? — спросил Швед.
— Командир к тебе неравнодушен. Он уже привык, что ты без сюрпризов не возвращаешься.
— Может, он в этот раз по твою душу?
— Ну да, ну да! Ты сам-то в это веришь?
В действительности Кабана интересовали оба.
— Как прогулялись? — громко спросил он, когда стакеры были еще метрах в пятнадцати от гостиницы. — Оружие применять пришлось? Нет? Боезапас не тратили? Тогда бегом к школе!
— А что там, сало раздают? — с вызовом поинтересовался Хаус.
— Химера там. И парням без вас, героев, тяжело.
— В чем проблема-то? — не понял Швед.
— Химера нужна живая, — выпучив глаза, объявил Кабан. — В этом и проблема.
— Все равно ведь из нее чучело сделают, — пробормотал Хаус, прибавляя шаг. — Я уже запарился в тот район ходить.
— Чем тебе тот район не угодил? — прикрикнул Кабан, услышав его стенания. — Не понравилось с «Монолитом» работать? То сами проситесь, то нос воротите, хрен прорубишь ваши настроения... А ну, марш!
Возле школы собралась добрая половина отряда, или, по выражению Доктора Хауса, глупая.
— Надо было по дороге куда-нибудь свернуть, потупили бы до вечера, а потом уж домой, — заныл он сразу, как только увидел бойцов с сетками. — «Монолитовцы» все равно ведь Кабану не доложат, во сколько мы освободились. Переждали бы в тихом месте.
— Хватит трещать, — ответил на это Швед. — Всю жизнь по чердакам не отсидишься. Химера-то есть? — обратился он к маявшемуся неподалеку Капитану.
— Да есть, собака помойная, — протянул тот. — Сейчас на той стороне школы ходит. Видишь, как все ободрились-то сразу. Хуже детей: что видят, того и боятся, а чего не видят, того как бы и нет. Целый час ее, скотину, из оранжереи выманивали.
Сергей огляделся. Рядом со школой, построенной в форме буквы Н, стоял отдельный двухэтажный дом с примыкавшей к нему стеклянной теплицей.
— Вот там она сидела? — уточнил он.
— Ну, — подтвердил Капитан.

— А зачем ее оттуда выманивать-то было?
— Что значит зачем... — опешил он. — А ловить ее как? Кабан приказал брать живую. Если бы надо было просто расстрелять — это парни в два счета сообразили бы! Им только дай волю. Но нужна-то ведь живая.

— Так... мы с Хаусом что-то пропустили. Расскажи, какой план. Кстати, кто старший?

— Чак, конечно. А план у него простой.

— У Чака всегда простые планы, — сварливо вставил Хаус.

— Заманить химеру в школьную раздевалку и закидать сетями, — продолжал Капитан, не обратив внимания на реплику Доктора. — Там сплошные перегородки, химере будет тесно. А на просторе ее никак не возьмешь. Когда она скачет, ее и убивать-то устанешь, не то что ловить.

Сергей задумался. Мимо школы он проходил много раз, но внутрь никогда не заглядывал, не было такой нужды.

— Раздевалка где? — спросил он.

— Да вот она. — Капитан указал на переход между двумя строениями. — Слева четыре этажа — это основной корпус. Справа дополнительный: на первом этаже пищеблок, на втором актовый зал. Раздевалка аккурат посередине.

— А это что? — Швед кивнул на отдельно стоящее здание рядом с оранжереей.

— Да пес его знает. Построили школоте на забаву. У них там, как я понимаю, секции всякие были, кружки рисования и прочая фикция. Порох на втором этаже тут недавно бутылку водки нашел. Нормально детки учились? Ну и парничок заодно вот. Юные натуралисты, и все такое.

— У химеры в оранжерее лежка, или она там просто так сидела?

— Иди сам посмотри! — взорвался Капитан, устав от расспросов.

Вопреки его ожиданиям Сергей так и сделал. Приветствуя по пути других сталкеров, слонявшихся во дворе школы, он целеустремленно зашагал к стеклянному сооружению.

Парник был старым и давно уже негодным, но основательность, с которой его возводили, впечатляла. Дорожка и бортики грядки были забетонированы, причем так щедро, что возникали мысли о крепком фундаменте. Стены от земли и до самой крыши были составлены из стеклоблоков, которые когда-то повсеместно использовались при строительстве разного рода НИИ. Крыша у оранжереи была двускатной, «домиком», из тех же стеклянных кирпичей. Вдоль стен по обеим сторонам тянулись толстые трубки радиаторов. Трудно сказать, что именно здесь выращивали школьники, но такому солидному строению уместней было бы находиться где-нибудь в районе Крайнего Севера.

Следы пребывания химеры были повсюду, если она и не жила здесь, то заглядывала сюда частенько. Швед прошел оранжерею насквозь и оказался в двухэтажном доме, затем вышел на улицу и поискал глазами Чака. Найти его оказалось нетрудно, он обретался возле отрядного джипа: при охоте на химеру продолжительность жизни могла напрямую зависеть от близости к пулемету.

— Есть одна мысль, — объявил Швед. — В раздевалку мы зверя будем загонять до осатанения, если он сам быстрее нас всех туда не загонит.

— Это мне сказали уже десять раз, — устало произнес Чак, собираясь отвернуться, но Сергей ему не позволил:

— В оранжерее мы химеру поймать быстрее.

— Да мы ее оттуда еле выкурили!

— Это правильно. Потому что вначале нужно кое-что приготовить.

Чак жестом подозвал Капитана. Вместе с ним подошел отиравшийся рядом Хаус и еще несколько сталкеров, маявшихся от пустого ожидания.

— Теплица для химеры объект знакомый и привычный, — начал Сергей.

— Короче! — сразу потребовал Капитан.

— Засаду нужно устроить там. Вот и все.

— Туфта, — оценил идею Чак.

— Химера любит прыгать, причем сзади, — сказал Швед. — Единственный вариант — отнять у нее такую возможность. Нам нужно узкое помещение с низким потолком. Вот оно, — он простер руку к теплице.

— Или любой коридор, в школе их навалом, — парировал Чак.

— И сколько часов вы ее уже туда приглашаете? — спросил Сергей. — В любой коридор. Который ей на хрен не сдался. Потому что там нечего кушать. Намек понятен, нет? Нам потребуется наживка. Мы завесим парник сетями по всей длине, а там, где он соединяется с этой двухэтажной хибарой, мы прорубим потолок и спустим на тросе приманку с крыши второго этажа. Химера войдет с торца, увидит мясо, прыгнет на него и запутается. А несколько ребят с крепкими руками быстренько вытянут добровольца наверх пристройки. Хотя, думаю, крепкие нервы тут будут поважнее.

— Превосходная фантазия! — высказался Капитан. — А кого ты приговорил на роль наживки, хотел бы я знать?

Остальные бойцы иронично заулыбались, ожидая услышать собственное имя и заранее готовя идеальную причину для отказа.

— Конечно, себя, — просто сказал Швед.

— А если трос зацепится или химера прыгнет как-то не так? Или сумеет прорвать все сети одним махом? Или если люди на крыше затормозят, не успеют тебя поднять — что тогда?

— Тогда мне капец, — согласился Сергей.

Сталкеры загудели, обсуждая замысел. На гомон из разных углов двора собрались и другие бойцы. К идее все относились по-разному, но дружно сходились в одном: «Хорошо, что это буду не я».

В итоге решили попробовать — не пропадать же добровольцу зря.

Чак на общее решение уже не влиял. Какой бы сумасшедшей ни выглядела задумка Шведа, предыдущий план давно себя дискредитировал.

— Тросик мы снимем с лебедки, а еще нужен ремень, желательно пошире. Не люблю, когда режет в талии, — сказал Сергей, окончательно отбирая у Чака инициативу. — У кого что есть? Сгодится патронташ, если он меня выдержит.

Патронташ никто не захватил, зато у Скрипача нашелся настоящий пояс монтажника-высотника. Примерив его, Швед остался доволен.

Тем временем трое бойцов посмекалистей собрали все снасти и отправились развешивать их в оранжерее. Сквозь мутные стеклоблоки невозможно было рассмотреть, что и как они делают, но, судя по движению силуэтов, работа спорилась.

Прикрепив к поясу трос от лебедки, Сергей принялся разгружаться: отдал Капитану на хранение автомат, все подсумки и нож с фонариком. В борьбе за лишние граммы Швед избавился даже от КПК, только коммуникатор он вручил Хаусу и, пользуясь поводом, отвел его в сторонку.

— У тебя какой пистолет с собой? «Беретта»? — спросил Сергей.

— Как всегда, а что? Тебе одолжить?

— «Беретта» — это хорошо. Да мне-то она зачем? Если что — я не успею. А вот ты сверху — вполне.

— С какого еще верху? — процедил Хаус.

— С крыши домика. Вытягивать меня будешь ты. Выбери себе помощников — наверно, Скрипача и кого-нибудь еще. Но ты все равно главный, понял?

— Почему я-то? — попятился от него товарищ.

— Потому что ты меня вытащишь. Сдохнешь, а вытащишь, я знаю. Но это не самое интересное, что я тебе хочу поручить.

В глазах у Хауса промелькнула тревога.

— Если что-то пойдет не так... — начал Сергей, подтверждая опасения друга. — Не дай зверю сожрать меня живьем.

— Швед, прекрати! — взмолился Хаус.

— Я видел, что делает с человеком обычный медведь. А у химеры ротик пошире будет. В общем, если у нас что-то не получится — херачь мне сверху в голову, прямо в макушку, ты понял?

— Хватит бредить, или я вообще сейчас уйду...

— Ты меня понял?! — сказал Сергей так громко, что на них оглянулись. — Ты сам меня этому научил, в первый же день, еще на проводке. Я просто не хочу, чтобы химера ела меня десять минут. Что неправильного в этом желании?

— Это правильное желание, — с трудом выговорил Хаус. — Если придется, я его выполню. — Он демонстративно достал пистолет, снял его с предохранителя и сунул за пояс.

— Будем надеяться, что это не понадобится.

— Но вообще план, конечно, дурацкий. Неоправданный риск преступен.

— Быстрая карьера — дело затратное. — Швед подмигнул и пошел обратно к машине, возле которой уже заканчивались последние приготовления.

Сети в оранжерее развесили хорошо — ровненько и вроде бы крепко.

Сталкеры поднялись на второй этаж здания и вылезли на крышу.

— Двери в доме закройте и подоприте, — распорядился Сергей. — Не хотелось бы, чтоб химера зашла с другой стороны. То-то будет сюрприз...

— Ясен пень! — весело отозвался снизу Ахмет, болтавшийся до сих пор где-то по школьным кабинетам.

Швед махнул ему рукой и, одолжив у другого бойца автомат, прострелил в стеклянной крыше большое отверстие, которое с натяжкой можно было назвать квадратным.

— Ну, кого ждем? — обронил Сергей. — Поехали, что ли?

Четверо соратников, включая Скрипача и Хауса, бережно опустили его в дыру. Швед коснулся пола и сразу расставил ноги, занимая максимально устойчивую позицию. Из-за снастей, которые висели рядами, как рыболовные сети на просушке, противоположного входа он почти не видел.

Сергей посмотрел вверх и кивнул товарищам:

— Наверно, пора уже как-нибудь начинать? Или сколько я тут торчать должен...

— Гоните ее сюда! — крикнул с крыши Хаус.

— Кушать подача есть! — откуда-то издалека добавил Ахмет.

Сквозь двойное зеленоватое стекло Швед наблюдал, как разбегаются во дворе не задействованные в операции люди. Вскоре за школой послышалась трескотня выстрелов, пару раз грохнули гранаты из подствольников. Сергей слегка занервничал и снова задрал голову.

— Нет еще, — ответил ему через люк Скрипач. — Я скажу, когда появится. А вот она, — сказал он тут же, без паузы.

— Швед, ни пуха тебе! — закричал из окна школы какой-то сталкер, благоразумно укрывшийся на третьем этаже.

— Держись там! Ни пуха, Швед! — наперебой заголосили остальные.

— К черту, к черту, к черту... — скороговоркой шипел Сергей, стараясь ни одно из пожеланий не оставить без ответа.

Он замолчал сразу, как только появился ее силуэт. Химера, довольно крупная, по-кошачьи тихо прошла вдоль стены, что-то обнюхала в углу и присела на задние лапы.

Бойцы с тросом затаили дыхание, хотя зверь их прекрасно видел. Химера лениво на них порычала, но допрыгнуть до крыши второго этажа даже не попыталась — возможно, она уже пробовала это сделать много раз.

Мутант обошел все строение по кругу и снова сел.

— Может, вы ей как-нибудь намекаете про меня? — негромко проговорил Швед.

Этого, однако, не потребовалось. Химера моментально отреагировала на голос в оранжерее и начала возбужденно бродить вдоль постройки.

— Э, да ты тупая? — сказал Сергей сквозь полупрозрачную стену. — И обоняние у тебя хреновое. Овца ты, а не хищник.

Химера возмущенно взревела — всего в паре метров от Шведа. Если бы она могла пробить стену из стеклянных кирпичей, он давно уже был бы трупом. Впрочем, возможно, она и могла — кто это проверял?

Сергей почувствовал, как у него дрожат руки, и крепче взялся за трос.

— Заходи в дверь, дура, — продолжал он беседовать с химерой, чтобы отвлечь себя от страха. — Дверь вон там, в торце. Давай быстрее, не томи!

Мутант подошел к парнику вплотную, и Швед вдруг увидел его морду — абсолютно четко, как сквозь обычное оконное стекло. Он различал все детали — и глаза, и зубы, и даже вторую голову-паразита, смотрящую набок, в сторону от стены. Химера потерлась о стекло носом и, отойдя назад, растворилась в мутной зелени. Потом легко оттолкнулась и... очутилась на крыше парника.

Швед мгновенно вспомнил последнюю охоту на кровососа, когда мутант забрался на контейнер. Руки сразу стали мокрыми и заскользили по тросу, как троллейбусные токоприемники по контактным проводам.

Он отважился поднять глаза и встретился с ней взглядом. На химеру это не произвело никакого впечатления, она со скукой отвернулась и поскребла лапой края отверстия. Люк был слишком маленьким, чтобы она могла в него пролезть. Когда Швед его прорубал, он о таком развитии событий даже не думал и вполне мог бы сделать дыру пошире. Одна эта мысль вызывала у него панику.

— Парни, она отсюда вас не достанет? — спросил Сергей. — На вашу крышу не запрыгнет?

— Вроде нет, — неуверенно отозвался Хаус. — Надеюсь, мы достаточно высоко.

— Если бы могла, уже достала бы, — сказал Скрипач. — Она голодная, слюни рекой текут.

Шведу на плечо упала крупная пенная клекса с резким запахом скипидара.

— Сам вижу... — пробормотал он.

Химера порычала на двухэтажное строение с четырьмя сталкерами и прогулялась по стеклянной поверхности. Сергей заворуженно следил, как по потолку переступают кошачьи лапы, каждая «подушечка» на которых была размером с человеческую ладонь. Мутант вдруг оскользнулся на двускатной крыше, и выпущенные когти процарапали по стеклу параллельные ряды глубоких борозд. Вскоре зверю наскучило бродить по крыше, и он спрыгнул вниз.

Одежда на Сергее была уже мокрой от пота, когда химера наконец соизволила заглянуть в оранжерею. Снасти ей не понравились сразу. Она пригнула голову и осуждающе посмотрела на Шведа. Уходить, однако, она тоже не собиралась.

— Я живой! Я вкусный! — выкрикнул Сергей, не узнавая своего голоса. — Прыгай, сука! Или я сейчас сам от инфаркта загнусь.

Зверь сделал пару шагов и остановился у первой сети. Поднял переднюю лапу, осторожно попробовал ячейку когтем. Веревка зацепилась, и мутант невольно потащил сеть на себя. Сорвавшись с креплений, она упала ему на морду. Он попытался ее стряхнуть и, повернувшись, наступил задней лапой на вторую сетку. После этого он разозлился уже всерьез и принялся кружиться по оранжерее, запутываясь в новых сетках все туже.

— Что там происходит, Швед? — спросили сверху. — Отсюда не видно!

— Порядок...

— А?! Громче!

— Поднимайте! — крикнул Сергей.

Его миглом вытянули на крышу и задушили в объятиях только за то, что он остался жив.

— Швед, это премия, однозначно! — заверил Хаус.

— Ее надо закрепить получше, — сказал тот.

— Ну, ты герой! Сегодня гуляем! — воскликнул Скрипач.

— Закрепите ее получше, — механически повторил Сергей.

Хаус без лишних слов открыл свою фляжку и втиснул ему сквозь зубы горлышко. Швед глотнул, кашлянул, глотнул еще раз и снова кашлянул — так, что водка вышла через нос. Не сказать, чтобы это было приятно, но он тут же пришел в себя.

— Больше я на такое не подписываюсь, — прошипел он.

Химера внизу на мгновение перестала биться в сетях и утробно заревела.

Когда сталкеры спустились вниз, Чак уже докладывал Кабану об успешной операции.

— Значит, так, — торжественно объявил он, выключая КПК. — Сейчас поднесут еще сеток и тросов, на базе выгребают все, что есть. Зафиксируем зверя, и два-три дня пусть лежит здесь, пухнет с голоду. Когда ослабнет, привезут большой контейнер, попробуем затащить ее туда. На это время будет выставлен пост. Пока не расходимся, ждем!

— А может, стоило попробовать усыпить ее снотворными? — подал голос Кекс.

— И как же это мы раньше-то не догадались! — трагически воскликнул Чак.

— На мутантов снотворное действует непредсказуемо, — пояснили Кексу бойцы.

Тот, смущаясь, попятился и скрылся за чужими плечами.

Ахмет пошуровал в джипе и нашел старый канат. Его разрубили на две части и в ожидании подмоги с базы дополнительно закрепили мутанта как смогли. Концы привязали к трубам отопления, и для этого тоже требовалось определенное мужество — химера, даже спутанная, оставалась опасным хищником.

Хаус вернул Шведу коммуникатор и с легким сердцем поставил пистолет на предохранитель.

Выполнив то, что от них требовалось, бойцы занялись привычным бездельем. Все разбрелись по двору, разбились на кучки и принялись обсуждать вечные темы: деньги, бухло и женщин. Кабан с подкреплением не спешил, охотники тем более никуда не торопились.

Когда рвануло, Швед не заметил, за часами он не следил. Сергей сидел в сторонке с закрытыми глазами и переживал последствия стресса, а Хаус тактично помалкивал рядом. И вдруг где-то близко, прямо в школе, бахнуло так, что у Шведа заложило уши. Он открыл глаза и не узнал двор.

Кто-то откусил здоровый кусок от главного школьного корпуса — так вначале показалось Сергею. Огромный фрагмент стены, с первого по четвертый этаж, просто отсутствовал, на его месте зиял открытый проем, распахнувший на обозрение все внутренности здания — и межэтажные перекрытия, и водопроводные трубы, и старую мебель.

Такие масштабные разрушения мог вызвать только мощный взрыв, но Сергей дал бы голову на отсечение, что никакого взрыва не было. Однажды в детстве он наблюдал за сносом старого дома и навсегда запомнил то гигантское облако пыли, которое поднялось от какого-то квелого особняка. Здесь же ничего подобного не было. Ни ударной волны, ни сотрясения почвы, только грохот — короткий, словно выстрел.

— Все целы? — заорал оглушенный Капитан. — Кого не хватает, осмотритесь!

Швед вскочил и завертел головой. Из-под груды битого кирпича у основания школы торчали чьи-то подергивающиеся ноги. Кто из сталкеров присутствовал, а кто пропал, сказать было сложно.

— Становись! — скомандовал Капитан, и это было верным решением.

— Чак! Я его вижу! — вдруг крикнул кто-то из бойцов.

Чак висел в проломе на последнем этаже, держась за край перекрытия. Он болтал ногами, пытаясь найти хоть какую-то точку опоры, но стены были далеко, а внизу зияла пустота, в которой билась и пощелкивала разрядами новорожденная аномалия.

— Кто успеет?! — заорал Капитан. — Помогите ему!

Сергей, не отвечая на призыв, сорвался с места и бросился к раздевалке. Оказавшись в школе, он пробежал по коридору налево, взлетел по лестнице и, задыхаясь, остановился.

Каждую секунду Чак съезжал все дальше в дыру. Руки скользили по окаменевшему линолеуму, сталкер хотел вцепиться в него ногтями, но не мог.

Швед присел у края разбитой стены, чтобы его не было видно с улицы.

— Друг... — простонал Чак, глотая серую пыль, сыпавшуюся сверху. — Давай, давай, тащи меня!

Сергей подпер щеку кулаком.

— Тащи! — повторил Чак. — Руку дай мне!

Его можно было вытянуть уже два раза, но Швед продолжал сидеть, грустно глядя ему в глаза. От известки борода и брови у соратника были белыми, как у просветленного старца.

— Все что хочешь, — пошипел Чак. — Любые деньги, оружие, жратва. Только блатные задания. Самые блатные. Вообще ничего делать не будешь, лежи в кубрике целый год. Только вытащи меня.

Тяжелое снаряжение неумолимо влекло его назад и вниз. Он уже висел на одних пальцах. На какое-то время он перестал сползать, но долго пальцы выдержать не могли — это знал Швед, и это знал Чак.

— Что же тебе надо, сука?

— Ты не захочешь мне это дать, — сказал Сергей.

— Все сделаю. Что тебе нужно?!

— Мне нужно твое место в отряде, — тихо ответил Швед. — И получить я его могу только одним способом.

— Да ты!.. — Сталкеру в рот попал песок, и он кашлянул, сдвинувшись в пролом еще на миллиметр.

— У тебя больше нет сил держаться. Ты уже труп, Чак. Бай-бай.

Сталкер сорвался вниз, но до земли он не долетел. На уровне второго этажа его с оглушительным хлопком разорвало на миллион сияющих искр, которые тут же погасли, оставив в воздухе лишь дымные хвосты.

Сзади что-то заскрипело, и Сергей резко обернулся. Силясь выбраться из-под завалившегося стеллажа, в коридоре лежал Кекс. Швед с досадой вспомнил, что так и не забрал свое оружие у Капитана. Он подошел к бойцу и помог ему подняться.

— Я ничего никому не скажу, — моргнул тот.

— О чем? — недоуменно произнес Сергей.

— Обо всем... То есть ни о чем! Ничего не было. Я гарантирую... ну, то есть...

— Да ты не волнуйся, все в порядке.

— Я ничего не слышал, правда! — страшно прошептал Кекс и прижал руки к груди — не то убеждая Сергея в своей искренности, не то закрывая сердце от ножа.

Швед показал ему пустые руки.

— Тебе что-то почудилось, парень? — спросил он тоже шепотом и дружески приобнял Кекса за плечи. — Ударился головой, увидел сон. Бывает с тобой такое?

— Не-ет, никогда, — заулыбался боец. — То есть да... Да! Мне все приснилось. Я буду молчать.

— Сто процентов, — кивнул Швед. И сломал Кексу шею.

Сергей осторожно опустил его на пол и привалил сверху тем же стеллажом.

Внизу объяснять ничего не пришлось: он не успел добежать до Чака, и никто не успел бы. Только Хаус, услышав про Кекса, придавленного мебелью, почему-то спросил:

— Кексу тоже хана?

Это странное «тоже» долго не давало Сергею покоя, но оно, слава богу, было сказано без свидетелей.

Капитан доложил Кабану о случившемся. Тот в ответ приказал оставить троих сталкеров с химерой, а остальным возвращаться. За руль «Хантера» уселся Ахмет. Что бы ни произошло, он всегда оставался в выигрыше, такой у него был талант.

— Швед, лезь машина взад, ноги зачем ходить? — пригласил он.

— Давай доедем, раз предлагают, — обратился Сергей к Хаусу.

— Ты садись, а я пешком.

— Зачем пешком-то?

— Просто пройдуся, — хмуро отозвался Хаус. — Полнуюсь.

— Ну, дело твое. Если чего интересного найдешь — звони, мы подъедем, тоже поглядим, — вымученно засмеялся Швед.

Друг не ответил.

Глава двадцатая

Вечернее построение было коротким и, несмотря на пойманную химеру, тягостным. Кабан не пускался в привычные лекции, а лишь подвел итоги дня и представил отряду двух новичков, которых довел до базы Порох. Вместо погибшего Чака командир назначил Капитана. На этом и разошлись.

— Ну что, Капитану жить недолго? — мрачно заметил Хаус, двигаясь рядом с Сергеем к двери гостиницы.

— Типун тебе на язык! — сказал Швед. — А ты что такой смурной?

— Просто так. Кекса жалко.

— Хватит намекать. Если есть что предъявить — предъяви и обоснуй. А если нет — заглохни рот, как говорит наш товарищ.

— Не наш он товарищ, а твой. Персональный. А ты чего взбесился, Швед? Я уже и паренька погибшего пожалеть не могу?

— Да что-то устал я, — вздохнул Сергей. — Прости. Еще один день прожит зря, меня это убивает.

— Именно так оно и происходит, и называется это — жизнь. Ладно, пойду, тяпну стаканчик, и спать.

На улице уже темнело. Сергей, задержавшись у двери, отстал от Хауса и поднялся на четвертый этаж значительно позже. Вместо того чтобы зайти в кубрик, он направился в конец коридора, где была еще одна лестница — маленькая, металлическая.

Оказавшись наверху, Швед плотно закрыл люк.

По плоской крыше, в метре от края, бродил Ахмет со снайперской винтовкой. Его смена началась перед самым построением.

— Гость заходи, угощать не могу, дал ярак, — приветствовал он Сергея.

— Не паясничай, мы тут одни.

— Зачем пожаловал? Другого времени не нашел? — спросил Ахмет, не меняя выражения лица. — Не подскажешь, Чак действительно сам сорвался?

— Сам, — честно ответил Швед. — У меня не было выбора.

— Рассчитывал, что Кабан тебя на его место поставит? С какой стати?

— Я харизматичен. И я могу выполнять эту работу.

— Этого недостаточно.

— У меня не было выбора! — повторил Сергей. — Я в цейтноте. Если в ближайшее время не сумею попасть в «Монолит»... — Он с опаской заглянул за край крыши.

— Подожди, мне пора на связь. — Ахмет вытащил КПК и доложил: — Пока время несущую службу, нет происшествий никакого!

— Принял, отбой, — отозвался человек в дежурке и, отключаясь, добавил для кого-то рядом: — Моя-твоя сообщает, что еще не сгинул.

Ахмет пропустил это мимо ушей.

— Ты сюда для мозгового штурма поднялся? — спросил он у Шведа. — Чем я тебе помогу?

— Есть новая информация. Но я надеюсь на взаимность.

— Я тебе в прошлый раз уже все рассказал.

— Ты не назвал имени Полковника, — напомнил Швед.

— Я его и не знаю.

— Врешь.

— Серьезно, не знаю.

— Врешь, говорю!

Ахмет вздохнул.

— Я без понятия, как его зовут. Нам неизвестна даже его кличка в Зоне. Полковник — это условный псевдоним, который мы использовали при его разработке. Мы могли бы называть его Терминатором или Тузиком. Просто «Полковник» звучало уместнее.

— Сегодня приехал новый бензовоз, — неожиданно, без всяких условий, сообщил Сергей.

— Это проверенная информация?

— Я сам его сопровождал.

— Две цистерны? — поспешно спросил Ахмет.

— Одна.

— Ну... по крайней мере понятно, откуда у Кабана новый запас бензина.

— То есть его и привезли?

— Выходит, так.

— Цистерна двухкамерная, — сказал, чуть помедлив, Сергей. — Большая.

— Это редкость, — заметил Ахмет.

— Я не специалист, не в курсе.

— Я и не спрашиваю у тебя, а просто говорю: двухкамерные цистерны для перевозки обычного бензина не используют.

— Значит, они решили совместить приятное с полезным? Сюда бензин, отсюда бинарные препараты?

— И еще один момент: они, похоже, не торопятся. Сколько они будут расходовать эту цистерну? У нас появляется лишнее время.

— Это не меняет мою ситуацию с «Монолитом», — покачал головой Швед. — Мне нужно попасть туда как можно быстрее. «Обещанное, бревна и препарат», — вспомнив, добавил он. — Это сказал «монолитовец», получая бензовоз в обмен на артефакты.

— А он точно передавал артефакты?

— Точно. И еще двух зомби.

— «Монолитовцы» отправили куда-то зомбированных? — понизив голос до шепота, переспросил Ахмет. — Ну вот тебе и бревна.

— По-моему, бревнами он называл что-то другое...

— Это терминология японского «Отряда 731», который во время Второй мировой войны занимался разработками биологического оружия. Значит, версия такая: «монолитовцы» передали образцы препаратов и человеческий материал, на котором его можно испытать. Пробник, одним словом. Похоже, ты был на встрече с потенциальным покупателем. И если они договорятся... Полковнику не трудно будет слить несколько тонн бензина, чтобы освободить емкость для транспортировки. С кем они встречались?

— Я не видел лица. Машина с логотипом «Frenzy». Странный такой, смешной.

— Смешной... — упавшим голосом повторил Ахмет. — Нет, это был не покупатель. В смысле, не посторонний.

— Тебе что-то известно об этой фирме?

— Удивительно, что это неизвестно тебе. Фирма серьезная. Сказать, кто отправляет нам зарплату на банковский счет?

— Кто? — предсказуемо спросил Сергей.

— Корпорация «Frenzy», — грустно улыбнулся Ахмет. — И «монолитовцам» тоже. Был один интересный парень, твой соотечественник, про которого до сих пор никто ничего толком не знает. Занимался каким-то бизнесом в интернете... всякой такой чепухой. А потом вдруг придумал, как обрушить акции «Гугла». И что ты думаешь? Взял и обрушил. Сам или с сообщниками — это тоже неизвестно. Подорвал доверие к «Гуглу» крупных рекламодателей. А «Гугл» — это же мыльный пузырь, кроме доверия у него, считай, ничего и нет. Фондовые биржи тут же отреагировали, акции рухнули. Кто-то на падении потерял, кто-то заработал — это в порядке вещей. Но те, кто был недоволен, стали копать и кое-что раскопали. Дело пахло инсайдерским сливом информации, то ли сговором с топ-менеджерами «Гугла». Как-то слишком странно там все совпало. И главное — те, для кого

совпало удачно, выводили прибыль сходными путями. Начался скандал, подключился антимонопольный комитет, но пока проверяли и перепроверяли, герой бала вывел все активы в теплую страну Венесуэлу. Заработал он, по самым скромным оценкам, далеко за сто миллионов. А чтобы эти деньги не лежали мертвым грузом, он зарегистрировал компанию под названием «Fruit Frenzy», это переводится приблизительно как «Фруктовое безумие». И действительно занялся фруктами, как бы чудно это ни выглядело. Буквально за несколько лет его компания выросла до размеров транснациональной. А затем этот парень познакомился с неким Михаилом Котятко, и в истории фирмы началась новая глава.

— Котятко? — переспросил Швед. — Забавно звучит, пушисто.

— Фамилия — это единственное, что в нем было пушистого. Кстати, в биографии Михаила Котятко такой же туман, как и у первого персонажа. Котятко стал совладельцем компании, и ее реорганизовали в транспортную корпорацию. Название тоже изменили, оставили только слово «Frenzy». Фруктов стало поменьше, а безумия — побольше. Пользуясь отработанными маршрутами, возили по миру... практически все, за что не брались другие. Из Франции в Германию — радиоактивные отходы, из Афганистана в Канаду — маковую соломку, якобы для нужд фармацевтической промышленности, из Израиля в Судан — оружие под видом металлолома. Широта интересов — залог успеха. У них и в Зоне свой бизнес имеется, и, естественно, не только транспортный. Стоит ли сомневаться, что эти безумные фрукты — и есть главные заказчики биологического оружия. Без них в Припяти и тушкан не помочится.

— М-да... — только и сказал Сергей. — Насыщенный выдался денек.

Он достал коммуникатор и долго набирал текстовое сообщение. Потом посмотрел на уже темное, но по-прежнему беззвездное небо и отправил послание.

— Кому пишешь? — со сдержанным интересом спросил Ахмет.

— Хаусу, чтобы за водкой сходил. Муторно на душе, и руки после химеры до сих пор дрожат.

— Секунду... — Теперь Ахмет достал свой КПК и привычно оттарабанил: — Несу службу живой, в округе все совсем хороший!

— Что у нас в итоге? Есть некий Михаил Котятко, фактически управляющий корпорацией «Frenzy». Есть группировка «Монолит», получающая от «Frenzy» зарплату. А внутри «Монолита» есть какой-то Полковник, который владеет новым оружием, и он уже готов отправить его людям из «Frenzy». — Швед озадаченно потер нос. — Мало того что мы не продвинулись ни на шаг, мы еще и в петлю угодили, в замкнутый круг.

— Продолжаем заниматься своей работой, что нам еще остается? Как принято у вас говорить — делай, что должен... — начал Ахмет.

— И гори оно все огнем, — закончил за него Сергей. — Пойду вниз. Хаус, наверно, уже ждет.

— Ты все-таки с ним поаккуратнее разговаривай. Рано или поздно он тебя раскусит, и неизвестно, как он на это отреагирует.

Швед остановился возле люка, но прежде чем открыть, сказал:

— Хаус уже не успеет.

Спустившись по металлической лестнице, Сергей снова прошел мимо своего кубрика и отправился на первый этаж.

— Ахмета когда менять будут? — спросил он по пути у дежурного.

— Да вот, уже сейчас пойдут, а что?

— Ничего, я его внизу подожду.

Швед вышел на крыльцо, набрал полные легкие воздуха и закрыл глаза. Хотелось стоять так целую вечность и ни о чем не думать.

Через минуту он выдохнул: ко входу гостиницы подъехал «монолитовский» джип. Из машины вышел Доберман.

— Это не шутка? — спросил он.

— Доброй ночи, — ответил Сергей. — Не шутка.

— Где он?

— Пусть ваши люди встанут около двери.
Доберман подал знак, и из джипа показались трое бойцов.
— Пистолет и два ножа, — предупредил их Швед. — В правом ботинке может быть третий.
— Искал зачем нужен? — протянул Ахмет, выходя на улицу.
— Уже не нужен, — сказал Сергей.
— Что смех юмор творишь, дал ярак? — растерянно проговорил он.
— Вот и в «Монолите» решили, что это юмор...
На лице у Ахмета отразилось непонимание. Он не боялся. Он просто отказывался верить, что Сергей мог это сделать. Но Сергей мог, и он это уже сделал — десять минут назад, когда отправил текстовое сообщение, приложив к нему фрагмент аудиозаписи.
Ахмета обездвигили и запихнули в багажный отсек, почти как тех зомби.
— Садись и ты, Швед, — сказал Доберман. — Теперь ты будешь с нами, даже если передумаешь. Я бы тебя не взял, но кое-кто желает с тобой познакомиться.
— Я хотел бы попрощаться с друзьями и забрать личные вещи.
— Теперь у тебя нет ни вещей, ни друзей. Только братья. Добро пожаловать в «Монолит».

Часть 4. Ты Будешь Уничтожен

Глава двадцать первая

— Слава Монолиту! — дурашливо гаркнул Доктор Хаус, издали заметив Шведа.
— Вольно, сталкер. — Сергей подошел к парапету и сел рядом, но сначала сдул с него пыль, чтобы не испачкать светло-серый комбинезон. — Ну, какие новости?
— Да какие у нас могут быть новости... Лучше ты рассказывай. — Хаус придвинулся на сантиметр, потом отодвинулся на два. Он не знал, как ему разговаривать со Шведом. — Почему без нашивок? — в шутку удивился он.
— Нашивки ветеранские, мне такие носить не положено.
— Что, три недели недостаточно? Я думал, ты там шороху давно навел.
— Дело не в шорохе и не в сроке службы. Можно хоть двадцать лет отпахать, нашивок не получишь. Ветераны — это те, кто попал под «О-Сознание», кому плавил мозги. Лютые дядьки, между прочим.
— Понятно... — протянул сталкер.
Разговор не клеился, и это было обидно. Доктор Хаус так и остался единственным другом Сергея. В «Монолите» такого понятия, как дружба, вообще не существовало. Вместо дружбы там было братство, а Шведу хотелось не этого. За него могли умереть, но поговорить по душам ему было не с кем. За двадцать дней в новой группировке он не нашел себе собеседника и понял, что уже не найдет.
— Продолжаете ловить кровососов? — спросил Швед, пытаясь придать голосу хоть какую-то заинтересованность.
— На тушканов перешли.
— Мельчаете? — засмеялся он.
— Нет, я серьезно. Поступил безумный заказ на двести особей. Вот уже неделю по городу рыщем, провоняли все не то мышами, не то кошатиной... Я, кстати, сейчас на задании, — предупредил Хаус. — Две твари не принесу — получу втык. А все равно не принесу. Противно. О, ты же, наверно, не знаешь! — оживился он. — Капитана из заместителей поперли, он теперь вроде завхоза у нас. А на его место Кабан знаешь кого назначил? Твоего Фридриха!
— Почему моего?
— Ну а кто его провел? Забыл, что ли?
— Как можно забыть? Да, задатки в нем с первого дня были видны.

— Сволочь он. Лучше бы ты его тогда грохнул на маршруте, большое одолжение сделал бы.

— Я бы тогда и сам до базы не дошел, — сказал Сергей.

— Все как у меня, — обронил Хаус. — Все повторяется... Зомбированных много стало, — невпопад проговорил он. — С середины июля прям как тараканы прут. Откуда — неясно.

— Я тоже на них натываюсь. Ты думаешь, у нас с тобой разные Зоны, что ли? Ловить их перестали. Барон с отрядом снялся и ушел на юг, в Копачи.

— Да? Я не знал...

По противоположной стороне улицы лениво пробежался одинокий тушкан. Замер у кучи какого-то тряпья, ткнулся в нее мордой и пошел обратно. Медлительно, словно давая зверьку последний шанс, Хаус поднял автомат, не спеша снял с предохранителя и прижал к плечу. Досчитал до трех — Швед видел это по губам — и выпустил очередь, пригвоздив тушкана к дереву.

— Видно, не судьба, видно, не судьба... — тоскливо пропел Хаус.

Посидели еще минуту, снова помолчали. Стало совсем тягостно.

— Ладно, пойду я. — Швед слез с парапета и отряхнул комбинезон, хотя он был чистым. — Не скучай, будем видаться.

Приятель тоже прыгнул на тротуар и, покачав головой, вздохнул:

— Да конечно, с тобой теперь увидишься... К вам на пушечный выстрел не подойдешь.

— Сам буду в гости навещаться. Буду-буду, — заверил Сергей, поймав критический взгляд товарища. — А то, может, к нам? А, Хаус?

— Да куда мне... У меня шпионов на примете нет, отличиться нечем. И желания особого — тоже нет. У вас ведь, наверно, и с этим построжее? — Он щелкнул себя пальцем по горлу.

— Алкоголь под запретом, — подтвердил Швед.

— Вообще? — не поверил Хаус. — А чем же вы бяку из организма выводите?

— Цистамин и триптамиин, — улыбнулся он.

— Ну-у... — Хаус сокрушенно махнул рукой. — Тем более не вижу смысла. Я думаю, сваливать пора из Зоны. Как-то мутно здесь становится, напряженно. Зомби повалили. Тут еще и дикие борзеют день ото дня...

— Пойду, — нерешительно повторил Сергей.

Он сделал движение, чтобы обнять друга, но Хаус его не понял, и получилась заминка. Потом Хаус раскрыл объятия, но Швед уже протянул ему руку. Они даже не смогли как следует попрощаться — оба засмутились, натянуто улыбнулись и разошлись в разные стороны.

В речном порту — хотя теперь Сергей называл это здание базой — его давно дожидались.

— Я бы на твоём месте не опаздывал, — сказал дежуривший на КПП боец по кличке Снег, и это было больше, чем сдержанный упрек. «На твоём месте» означало приблизительно следующее: «Ты в отряде никто, ниже тебя только приблудившийся кот, поэтому даже когда ты свободен от вахты, тебе следует неотлучно торчать на базе, в надежде хоть как-то себя проявить».

Возразить, даже мысленно, Сергею на это было нечего. Вот уже три недели он ходил в патрули и стоял на воротах, более серьезных дел ему не доверяли. Швед тянул службу безропотно и добросовестно. Иногда он вместе с провинившимися бойцами подметал улицу — чистота в районе речного порта не возникала сама по себе, ее поддерживали ежедневным нудным трудом. Кто-то получал метлу в руки за мелкие дисциплинарные нарушения, Сергей же занимался этой работой без всякой причины, как новичок, которому не положено было отказываться. Он и не отказывался. Он понимал, что период «карантина» неизбежен, но ждать, когда этот этап закончится, сил оставалось все меньше. В его положении действительно не стоило опаздывать на разговор к начальству — вот что хотел сказать Снег, и он был совершенно прав.

Швед прошел мимо скамеек под навесом и остановился у павильона кафе. Второй часовой намеков делать не стал, а сразу доложил о его прибытии.

— Спускайся, — сказал он, выслушав ответ в коммуникаторе.

Сергей зашел в кафе, миновал зал, затем помещение кухни и, оказавшись в бывшей кладовке, спустился по приставной лестнице через большой люк в полу. Он давно знал, что начальство находится под землей, в переоборудованном подвале, но без необходимости приблизиться к этому месту не мог. А необходимости до сих пор не было.

Внизу его встретил долговязый Мотыль. Он отобрал у Сергея все, вплоть до коммуникатора, и молча указал пальцем на одну из двух дверей.

Кабинет, учитывая широту полномочий его хозяина, был крайне скромным. В углу стоял узкий топчан, у противоположной стены — мощный банковский сейф без какой-либо офисной отделки: простой и прямоугольный, даже не хромированный. Центр комнаты занимал обыкновенный письменный стол со старым кожаным креслом, с потолка свисал кухонный абажур, взятый из первой попавшейся квартиры. Сергей заметил на столе рамку для фотографий, но она была повернута другой стороной. Еще один снимок, большой и яркий, как плакат, висел на стене за креслом. На фоне буйного летнего пейзажа улыбались двое: молодой парень лет двадцати пяти со смысленным лицом и крепкий мужчина в возрасте с идеально выбритым черепом и взглядом человека, постигшего жизнь до конца. Внизу на изображении стоял отгиск красивым, но не слишком вензелястым шрифтом: «Венесуэла, июль 2005».

— Ровно семь лет прошло, — сказал хозяин кабинета, заметив, что Швед засмотрелся на фото.

Это был тот же самый человек, что и на снимке. Время не сильно его состарило, лишь добавило немного морщин. Он по-прежнему выглядел на пятьдесят — как и на фотографии семилетней давности. Одет он был в простой черный френч с единственной нашивкой на рукаве.

— Я не ветеран, но ношу этот шеврон на правах командира, — проговорил он, перехватив взгляд Сергея.

— Читаете меня, как открытую книгу? — спросил Швед.

— Пожалуйста, на «ты», ведь мы братья, — без эмоций произнес мужчина и вдруг добавил: — Вчера мы расстреляли Роберто Кальвино.

— Кого?..

— Ахмета. Это должен был сделать ты. Но у тебя еще будет время, ты сумеешь доказать свою преданность. Или не сумеешь, — равнодушно заметил он.

— Как к тебе обращаться? — Сергей из-за разницы в возрасте чуть не сказал «к вам», но вовремя вспомнил Рыло-Фридриха и решил не следовать дурным примерам.

— Зови Михал Михалычем, я привык. Знаю, что звучит не героически, но это мне и не нужно. Не спросишь, почему Роберто казнили только вчера, спустя двадцать суток после задержания? Да ты присаживайся. — Он кивнул на стул. — Ты здесь надолго.

Швед опустился на жесткое сиденье и прислонился к спинке. Ногу на ногу закидывать не стал: Сергею было совершенно не ясно, с какой он тут целью, что о нем думает новый командир и вообще суждено ли ему отсюда выйти живым.

— Предполагаю, что ты проверял показания Ахмета... то есть Роберто... — поправился Швед. — Вероятно, ты берег его для возможных уточнений или новых показаний. Однако три недели — многовато... Но если он все-таки расстрелян, значит, ничего нового он сообщить уже не мог. Его информация оказалась верной или как минимум правдоподобной.

Михал Михалыч удовлетворенно развел руками:

— Я не разочарован, Швед. Коротко, внятно. Школа чувствуется. — Он сел в кресло и, разумеется, оказался выше посетителя. Все кабинеты в мире устроены одинаково.

— Я никогда и не скрывал, что проходил службу в СБУ.

— Тоже правильно. — Михал Михалыч некоторое время что-то рассматривал на столе, потом быстро поднял глаза на Сергея, внимательные и пытливые: — Только зачем ты прикидывался действующим агентом?

— Иначе Роберто не стал бы со мной разговаривать. Я имею в виду — разговаривать всерьез.

— А зачем тебе нужно было с ним разговаривать?

— А как бы я к вам попал? Ратные подвиги вас не интересуют. Хотя я, между прочим, организовал отлов химеры, а это тоже не два пальца в розетку сунуть.

— Ну почему же не интересуют... Воинская смекалка — это всегда хорошо. Зачем ты так стремился в «Монолит»? — неожиданно спросил он.

— Хочу участвовать в каком-нибудь крупном деле. В настоящем, масштабном. Мне нравится быть полезным. Когда я кому-то нужен, у меня не возникает вопросов «зачем я живу».

— Отличная заготовка для соискателя должности менеджера, — скептически отозвался Михал Михалыч. — Ты только забыл упомянуть личностный рост, раскрытие потенциала и... что еще?

— Деньги, — признался Швед. — В Зону я пришел за деньгами. Если рисковать жизнью, то по максимальной ставке. А если уж на кого-то работать, то на хозяина, а не на пятнадцатого помощника.

— Надо же, как ты нелестно о Кабане. Он не пятнадцатый помощник, он... — командир закатил глаза, словно что-то подсчитывая, — где-то в первой тройке. Ответ про деньги звучит убедительней. Учти это, если будешь снова куда-то устраиваться.

— Надеюсь заработать в твоём отряде столько, чтобы устраиваться никуда больше не пришлось.

— Не стыдная мечта, — одобрил собеседник. — Я тоже когда-то мечтал, со всеми это бывает. Вот, взгляни. — Он выдвинул ящик стола и положил перед Шведом наградной пистолет. — Не многие способны понять его ценность. Ты вообще видел когда-нибудь такую машинку?

— Пистолет самозарядный малогабаритный. — Сергей протянул руку к оружию и замер. — Можно?

— Да, конечно.

Швед аккуратно взял пистолет и прочитал на золотой табличке: «Полковнику СБУ Котятко М. М. за безупречную службу».

— Я ведь тоже служил, — сказал Михал Михалыч. — И тоже этого не скрываю. Зачем?

Сергей трепетно погладил рукоятку, взвесил пистолет в ладони. Командиру нравилось, как Швед обращается с оружием, и он впервые позволил себе улыбнуться:

— Несмотря на то что моя безупречная служба закончилась, а точнее, наши взгляды на безупречность разошлись, я продолжаю гордиться этой наградой.

— Компания «Frenzy» тоже принадлежит тебе, — меланхолично произнес Сергей.

— Почему тоже?

— Вместе с «Монолитом». Ахмет успел поделиться со мной этой информацией. То есть Роберто. — Он положил пистолет обратно на стол.

— Эту страшную тайну объединенная европейская разведка добывала много лет. А я тебе взял, и сам все рассказал. — Михал Михалыч снова улыбнулся. — Как ты думаешь, это Маха плеснула тебе что-то в шампанское или кто-то другой?

Швед словно нырнул в прорубь и оказался подо льдом: он не мог ни шевельнуться, ни вздохнуть, лишь наблюдал, как время течет мимо. Сергей давно уже забыл о том фуршете после экзаменов, когда он устроил в столовой пьяный дебош. И о порванной блузке Махи, то есть Марии Николаевны... и о разбитом лице майора Забелина. И о своем отчислении из Академии СБУ. Все это было так далеко... Совершенно в другой жизни.

— Что молчишь? — осведомился командир. — К таким вопросам нужно готовиться заранее.

— Вспоминаю, — буркнул Сергей. — А ты ловишь на выдохе, Михал Михалыч. Это правильно. Но неприятно, должен сказать.

— По сути! — потребовал он.

— Если по сути, то я не знаю. Я слишком долго искал ответ, и я его не нашел. Дело не в том, кто и что мне плеснул или подсыпал. А в том, зачем это нужно было делать. Кто я был такой? Студент-отличник... Кому я мешал? Я ни во что не лез. Они не должны были со мной так поступать, просто потому, что в этом не было смысла. И тогда я понял... — Швед утвердительно покачал головой. — Мне ничего не подливали в шампанское. Мне не подсыпали никакого порошка. Я сам виноват: измотал себе нервы на сессии. Хотел быть лучшим, хотел быть первым... Меня просто переклинило от алкоголя. Никакой подставы в Академии не было, — закончил он.

— То есть ты всех простил и не держишь на них зла, — прокомментировал командир.

— На кого мне злиться, кроме самого себя? Я начал жизнь с чистого листа — здесь, в Зоне. И эта жизнь мне пока нравится.

— И все-таки ты меня разочаровал, Швед... — Михал Михалыч побарабанил пальцами по столу. — Если бы ты знал, как долго я ждал в Зоне человека из СБУ. Не обсоса из Евротрибунала, а нормального оперативника. Какую шикарную дезинформацию я подготовил для твоих коллег. Не деза, а конфетка!

— Они мне не коллеги, — возразил Сергей.

— Ну, для бывших. Для наших с тобой бывших коллег, — легко согласился он. — И что теперь? По силкам, расставленным на химеру, прошелся тушкан... Я ждал шпиона, а вместо него получил обычного солдата.

Сергей с трудом проглотил комок.

— Я не обычный солдат, — медленно выговорил он. — И я сумел поймать химеру. Сумел один раз, сумею и второй. Ты получишь своего шпиона, Михал Михалыч.

Командир посмотрел на него так, что Сергей снова не понял, о чем он думает.

— Поймай мне его, Швед. Поймай.

Глава двадцать вторая

Ночная тревога в «Монолите» была первой за все время и, кажется, не учебной. Ветераны, и так не слишком приветливые, стояли в проходе один мрачнее другого. Они подгоняли выбегающих из кубрика бойцов, сопровождая каждый тычок единственной фразой: «По боевому расписанию».

Бойцы строились перед навесом, некоторые убегали занимать подготовленные огневые точки. Со стороны кинотеатра и госпиталя мчались еще люди — те, кому не хватало спальных мест в помещениях речного порта.

Михал Михалыч сидел на лавочке, задумчиво глядя в землю, и периодически откликался на вызовы коммуникатора. Доклады не радовали, его лицо на глазах каменело.

— Какие, какие десятки?! — вдруг сорвался он. — Что такое «десятки»? Сколько конкретно, счетовод хренов! Двадцать? Восемьдесят? Не морочь мне голову своими десятками, уточняй!

Командир отключил КПК, но уже через секунду раздался новый звонок. Михал Михалыч отдал какие-то распоряжения, на этот раз более сдержанно, и, на ходу убирая коммуникатор в карман, вышел к строю.

— Все на месте? Ладно, больше не ждем. — Он прочистил горло и вскинул подбородок. — Братя! В Зоне начинается войсковая операция. Операция против нас, против «Монолита», в этом нет сомнений! Они решили нас выжать, установить свой порядок в городе. Кто они такие? По какому праву они будут решать, где и как нам жить?! В операции задействован десант, с юга к нам направляются десятки вертолетов... — Он секунду помолчал, оглядывая отряд. — По последним данным, от сорока до пятидесяти машин. Что мы можем противопоставить войскам? Только свою жизнь! И свою смерть! Нам нечего

терять, братья. Приказываю при любой возможности открывать огонь на поражение. Истребляйте врагов! Враги «Монолита» будут уничтожены!

Он выдержал паузу, не отрывая взгляда от лиц воинов. Полсотни бойцов стояли, не двигаясь и не дыша.

— Ну и хватит речей, за работу, — сказал командир негромко, почти буднично. — Дежурные, комплектуйте оперативные тройки. Все пулеметы — наверх! Самсон, вызови Кабана, прикажи, чтобы тоже готовился со своими оглоедами. Свяжитесь с Бароном, пусть делает все, что может. Он вообще что-нибудь может? Пусть хотя бы информирует, партизан вшивый! Ах, сети на юге нет? А что у нас есть?! Доберман, где Бродяга со своей группой?

— Второй день не появляются, на вызовы не отвечают, — доложил тот. — Я думаю...

— А ты не думай! Ты ищи и вызывай. Похоронить всегда успеем. Выполнять! — Михал Михалыч снова занервничал и перешел на крик.

— Есть! — отозвался Доберман, скрываясь в здании порта.

— Я его таким никогда еще не видел, — шепнул Шведу Молот.

— А ты вообще часто его видел-то? — почти беззвучно, еле двигая губами, откликнулся Сергей. — Он, по-моему, из своего бункера раз в месяц выходит.

— Швед! — рявкнул командир. — Ко мне! Стой рядом, нечего тебе в эту «мясорубку» лезть.

— Михал Михалыч, я... — подбежав, начал Сергей.

— Закрыв рот! Ты мне для другого нужен, и не надейся, что это будет халява. Спирт! — выкрикнул он. — С гауссовкой на крышу, живо! Остальные — в распоряжение старших!

Строй мгновенно рассыпался, бойцы начали группироваться кучками вокруг ветеранов и, получив указания, срывались с места. В считанные секунды площадка у навеса опустела, остался лишь патруль и пост у ограды.

— Садись, — велел командир Шведу, выбрав скамейку подальше от ворот. — Видишь, как все складывается... Не до шпионов нам пока. Ты домики в детстве строил? — в который раз огорошил он Сергея неожиданным вопросом.

— Какие домики?

— Любые. Шалаши всякие. Летом в деревне бывал?

— Ах, это... Конечно.

— Тогда запоминай приказ и не переспрашивай. — Михал Михалыч взглянул на ворота и убедился, что боец по кличке Лаврик его не слышит. — Во-первых, и самое главное. О том, что я тебе поручаю, знать никто не должен. Никто — это понятная формулировка?

— Да, — ответил Швед.

— Сейчас ты обратишься к Мотылю и возьмешь у него свою старую форму, ее сохранили. Как ты ему это объяснишь, решай сам. Что-нибудь придумаешь. Потом вынесешь ее с территории базы и переоденешься так, чтобы тебя никто не видел. В форме наемника... прости, в форме подчиненного Кабана...

— Ничего, я не комплекую, — невпопад ляпнул Сергей.

— Не перебивай меня! — вспыхнул командир.

Лаврик недоуменно посмотрел на Михал Михалыча, но тут же отвернулся.

— Не перебивай меня, Швед, — тихо повторил командир. — Я же просил тебя, как человека. У меня нет времени на пустые разговоры.

Сергей покорно кивнул.

— В своей старой форме ты дойдешь до книжного магазина. Он стоит в самом конце проспекта Дружбы Народов. Найдешь?

Шведу не нужно было искать книжный, он прекрасно знал, где это находится, но, убоявшись очередного взрыва, вместо ответа снова кивнул.

— Найдешь, — удовлетворенно согласился командир. — В магазине лежит куча всякого хлама. Доски, трубы и так далее. Твоя задача: быстро и незаметно... не-за-мет-но, — повторил он по слогам, — выстроить из этого мусора подобие какой-то системы. Шалаш, не шалаш... Квадратное, треугольное — вспомни детство босоногое и ориентируйся по

обстоятельствам. Мне не важно, что конкретно там будет построено. Но там должно появиться нечто явно рукотворное.

Сейчас, сидя к Михал Михалычу почти вплотную, Сергей особенно остро почувствовал, как тот волнуется. Командир был суетлив, многословен и постоянно вытирал испарину с бритого черепа. Он был совсем не похож на рядового «монолитовца», а тем более на ветерана, и нашивка на его рукаве смотрелась не очень уместно.

— Когда закончишь, возвращайся тем же порядком, — продолжал инструктировать командир, — только синий комбинезон можешь назад не тащить, он тебе больше не понадобится. И последняя деталь, Швед. Если тебя кто-то застанет за этим занятием... все равно кто... Ты должен будешь его уничтожить. Или застрелись сам, до того, как я об этом узнаю.

Из здания речного порта показался Доберман и, увидев на лавке командира, скорым шагом направился к нему. Не дойдя всего пары шагов, он вдруг замер, опустился на колени и начал раскачиваться.

— Ветераны, — горестно вздохнул Михал Михалыч. — Вот же их колбасит... Прямо как тебя на банкете. Шучу-шучу. Хотя, говорят, ты самому Забелину нос сломал? Это правильно, он давно заслужил... Тебе приказ понятен? Ты уверен? Разрешаю задать один вопрос.

— А Доберман точно нас не слышит? Я до сих пор не могу привыкнуть к этому зрелищу, — сознался Сергей.

— Точно не слышит, он в трансе. Они все такие, кто через «О-Сознание» прошел. На то и ветераны. Вопрос! — напомнил командир.

Вопросов у Шведа было много. Он попытался выбрать из них самый важный, но не сумел.

— Когда приступать к выполнению? — спросил он.

— Немедленно.

Старую форму Сергей получил без проблем. Паники на базе не было, но Мотыль так измотался в должности старшины, что синий комбинезон выдал, не глядя.

Прижимая к груди одежду, свернутую изнанкой наружу, Швед с независимым видом прошел мимо Лаврика на воротах и двинулся по проспекту Дружбы Народов на юго-восток. Из оружия он взял с собой только «винторез», которым с удовольствием пользовались и в «Монолите», и в отряде Кабана.

До госпиталя Швед дошел не таясь, это не могло ни у кого вызвать вопросов. Миновав главный корпус за больничным сквериком, он как бы невзначай перешел на противоположный тротуар и свернул вправо. Обойдя пятиэтажку, он неспешно прогулялся вдоль дома до первого подъезда. Как и предполагал Сергей, двор оказался пуст: химеру из оранжереи давным-давно вывезли, а больше здесь ничего интересного не было. На школьный корпус с гравитационной аномалией он старался даже не смотреть.

Поднявшись на третий этаж, он выбрал на площадке квартиру почище, почти не разграбленную. Там он быстро разделся, запихнул «монолитовскую» форму в шкаф и прикрыл сверху пледом с дивана. Потом облачился в синий комбинезон и встал у зеркала.

Небритый, нечесаный, злой... Нормально. Все как у людей.

Обратно во двор Сергей вышел, держа оружие наизготовку. Он уже не был «монолитовцем», он был просто правильным сталкером. Пусть таких, как он, дикое отребье называло «наемниками», мало кто рисковал открыто нападать на людей в синих комбинезонах. Однако сейчас наступали смутные времена, Швед это чувствовал. Не возвращаясь, он прошел до конца дома и снова вынырнул на улицу напротив магазина «Березка». Госпиталь остался позади, дальше путь лежал по прямой до самой площади.

Дойти без проблем Шведу не удалось, он на это и не рассчитывал. За такой же пятиэтажкой, как и та, где он переодевался, Сергей наткнулся на двух снарков. Мутанты болтались за углом — там, где дома сходились в узкий проход, — и будто бы кого-то поджидали. Они заметили друг друга одновременно. У снарков было преимущество: они были сильны, выносливы и нечувствительны к боли, и еще они умели далеко прыгать с

четверенек. У человека была только винтовка, и она оказалась гораздо полезней. Швед бегло полоснул по снаркам очередью и, лишив их мобильности, без суеты пробил им противогазы.

Начинало светать, и Сергей, осмотревшись, заметил трупы тушканов — много драных шкурок, раскиданных по широкой проезжей части. Судя по тому, как были истерзаны зверьки, над нами поработал другой мутант, покрупнее, — если только их не рвали гранатами специально.

От видневшегося впереди универмага послышался лай. Возле магазина крутились собаки, большая и опасная стая.

«Что вы тут забыли, интересно? Перепутали сослепу универмаг и гастроном? — меланхолично подумал Швед. — Хотя вам и у гастронома уже много лет нечего делать».

— Сюда, здесь не достанут! — раздался крик слева.

В административном здании напротив магазина на балконе второго этажа стоял какой-то парень в синем комбинезоне. Он и кричал, больше было некому.

— Швед, залезай ко мне! Тут безопасно!

— Что еще за долбаный помощник... — пробормотал Сергей, но собаки его уже учуяли, и он решил не пренебрегать советом.

Сопровождаемый истошным, возмущенным тьяканьем, Швед домчался до строения, залез на первый балкон, встал на поручень и подтянулся до второго. Потолки в здании были высокими, расстояние между балконами — тоже.

Боец подал ему руку, но Сергей крикнул «сам справлюсь» и перевалился через перила. И лишь после этого рассмотрел неожиданного доброхота.

— Ты как в Зоне-то оказался, парниша? — протянул Сергей. — Тебе сколько лет?

— Восемнадцать, — соврал боец.

— Не верю, — сказал Швед.

— Ну и пошел в жопу, — с независимым видом ответил пацан.

— А по шее? — Он и вправду замахнулся, чтобы отвесить молодому хаму подзатыльник, но тот так втянул голову в плечи, что Сергей не посмел ударить. — Что ты тут делаешь-то, на балконе? И я с тобой заодно...

— Спасаясь.

— От кого? От собак?! Блин... я решил, что в магазине еще кто-то есть. А ты дурака валяешь.

— Да я бы их всех уделал, но у меня патроны кончились. У тебя ведь есть? Или ты такой же раздолбай, как я, и с одним рожком по городу шаришься? — Парень засмеялся весело и беззаботно.

— И сколько ты тут уже торчишь?

— С вечера.

— Охренеть...

— Так они не отпускают меня, суки! Сторожат, гляди.

Сергей посмотрел с балкона и увидел пару псов возле стены. Они лежали на газоне, бдительно держа головы кверху. Остальные собаки бродили по дороге ближе к универмагу — подставляли плешивые бока восходящему солнцу, вынюхивали что-то в трещинах асфальта и затевали между собой беззлобные игрища с лаем, прыжками и дружескими укусами.

— Ну и зачем ты здесь стоял столько времени? — хмуро спросил Сергей.

— Ждал, когда они уйдут.

— Так они и не уйдут, пока ты стоишь! Зашел бы внутрь. А Кабану почему не сообщил?

— Я связывался, но на базе кипеш какой-то. Не до меня им, сука.

— Не «кипеш», а тревога. И хватит ругаться!

— Ух ты! У тебя «винторез»? Дай пошмалять, Швед! Я из «винтореза» еще не...

— Спокойно! — отстранил его Сергей. — Ты откуда меня знаешь-то?

— На построении видел.

— Да?.. Я тебя что-то не помню.

— Ну, я тогда новенький был. А ты типа крутой, ниже неба не смотришь. Только ты же вроде в «Монолит» перешел? Ну и как там? — с любопытством спросил боец. — О, а шмотки на тебе наши...

— Много вопросов! — отрезал Сергея. — Тебя самого-то как зовут?

— Гаврошем кличут. Швед, ну дай из «винтореза» пострелять! — снова заклинял сталкер.

— Постреляй... — вздохнул тот, снимая с плеча винтовку.

Первым делом Гаврош убил двух мутантов, что лежали возле дома, но на их место тут же притрусили двое других.

— Понял, да? — воскликнул пацан. — Пасут нас, я же сказал!

— Может, и пасут, — согласился Сергей. — Насчет пожрать мозги у них работают хорошо. Ты начинай тогда с тех, что подальше. А то кучу трупов под балконом навалишь, как нам потом в кровяную слезать отсюда?

— Ага... — вякнул Гаврош, поднимая ствол к универсаму.

Он ранил собаку в брюхо, и та заскулила, бегая по кругу.

— Ты в голову целясь, — велел Швед. — У меня патронов тоже не ящик, чтобы ты тут весь день развлекался.

Сергей прикинул, сколько у него осталось времени. Конкретных сроков Михал Михалыч не называл, зато он внятно сказал про другое — и это Швед хорошо помнил. Вот только думать об этом он себе пока не позволял.

С грехом пополам юный стрелок добил последнего пса, и Сергей тут же отобрал у него «винторез».

— Пошли со мной, — сказал он. — Помочь надо немножко.

— Ладно, только Кабану доложу, что выкрутился.

— Ты еще не выкрутился. — Швед перехватил его руку с коммуникатором и выключил устройство. — Кабан тебя сейчас на работы какие-нибудь прикрутит. Любишь тяжести таскать?

— Да не очень...

— Тогда пошли со мной. Нам в книжный, вон он, в двух шагах всего.

— А что там делать? — поинтересовался Гаврош.

— Увидишь, — бросил Швед.

Увидели они именно то, что обещал Михал Михалыч: кучу мусора, неизвестно как попавшую в книжный магазин. Доски, трубы, секции сеточного забора и прочий хлам лежал на полу вдоль стены, сложенный настолько аккуратно, насколько это было возможно.

Сергей застыл в позе творца, соображая, с чего начать.

— Это все нужно вынести?! — ужаснулся Гаврош.

— Нет. Из этого нам нужно собрать художественную композицию.

— Чё за н-на?.. — обронил боец.

— Тебе язык зеленкой не мазали?! — заорал на него Швед.

— Зеленкой?.. Зачем? — не понял Гаврош.

— Потерянное поколение, — пробормотал Сергей. — Беру вон ту дуру. Да брось ты свой «калаш», не украдут его.

Вдвоем они выбрали из кучи длинную тонкую трубу с красным вентилем и установили ее вертикально в центре помещения.

— Я держу, отпускай, — распорядился Швед. — Так... теперь возьми вон ту доску и подопри эту кочергу.

Постепенно дело пошло, стало даже интересно. Когда первая труба перестала падать, вдвоем к ней подтащили вторую — широкую и тяжелую, но покороче, длиной метра полтора. Затем прислонили к ним еще несколько досок и почерневших металлических уголков. Таким образом в зале появились первые наметки странного шалашика или, как это называл Швед, — адской инсталляции. Следом пошли и секции от забора, и части разобранной железной кровати. Трудно сказать, чем руководствовались люди, таскавшие сюда этот мусор. Даже не имея никаких догадок о форме будущей композиции, можно было

отобрать материал одного типа. Но они не стали. И в итоге Сергею приходилось увязывать с конструкцией каждую новую деталь — и дырявое ведро, и деревянные овощные ящики, и черт знает что еще.

Естественно, Гаврошу все это быстро надоело, и он занял. Сергей снова на него накричал, заявив, что работать придется до тех пор, пока не будут использованы все «детали» до последней. Боец по-юношески грязно матерился, но отказаться не мог, авторитет сталкера Шведа был для него непререкаем. Тем тяжелее Сергею было наблюдать, как заканчиваются материалы.

«Ты должен будешь его уничтожить. Или застрелись сам», — бесконечно пульсировал у него в мозгу приказ командира. И Швед не знал, как ему поступить. Просто не знал. Он молился, чтобы все это обернулось сном и чтобы на месте Гавроша оказался кто-нибудь другой — кто угодно, лишь бы взрослый, а не сопляк.

Последним не задействованным в инсталляции предметом был клубок потемневшей колючей проволоки — не «егозы», а обычной, старой. Сергей не представлял, куда это можно воткнуть. В итоге он обмотал проволокой всю конструкцию на высоте поднятых рук. Получилось даже неплохо, это придавало сооружению прочности.

Но отговорки на этом кончились. Работа была завершена.

— Наконец-то! — обрадовался Гаврош, поднимая с пола автомат. — Все, теперь точно на базу.

— Пойдем, — тихо сказал Швед и, положив руку ему на плечо, вывел из зала.

Сергей почувал неладное еще в коридоре. Оказавшись на улице, он убедился: то, чего так ждал и так боялся Михал Михалыч, уже началось.

Рокот винтов сливался в зудящий раздражающий гул. Двадцать или двадцать пять вертолетов — но явно не пятьдесят, как говорил командир, — приближались к городу со стороны Янова.

Увлекая за собой бойца, Швед отступил назад, в тень от козырька. Вместе с Гаврошем они зачарованно смотрели, как рвутся корпуса вертолетов, как в воздухе тут и там возникают вспышки — казалось бы, без всякой причины, — и как высыпаются из расколотых машин люди. Грохот винтов то и дело перекрывался могучими хлопками, от которых даже здесь, на земле, вздрагивала селезенка. Сквозь этот шум скорее угадывалось, чем слышалось, как на севере, в районе речного порта, заработали пулеметы. Неизвестно, был ли от них толк, но Шведу показалось, что воздушные аномалии наносят эскадрилье гораздо больший урон.

Сергей вдруг осознал, что на входе вертолетов могло быть и пятьдесят, и даже больше, но Зона проредила эту армию легко и беспощадно. До города добрались немногие, и победы им здесь обрести было не суждено. Вертолеты падали один за другим, некоторые шли на аварийную посадку и исчезали из вида.

— Кабану теперь запчастей на всю жизнь хватит, — сказал Швед. — Жаль только, инженер Зингер погиб.

— Инженер в отряде есть, — ответил Гаврош. — Недавно человек пришел. Вроде смыслит в чем-то.

— Да-да... — проронил Швед.

Один из вертолетов пронесся низко над головой и ушел за крышу, в сторону универмага. Сергей несколько секунд ждал взрыва, но так его и не услышал — возможно, пилоту удалось выровнять машину, а может, он врезался в деревья, и этот звук растворился в канонаде.

С севера появился дымный след, похожий на инверсионный от самолета, только ближе и гораздо быстрее, — моментально возник в небе и сразу воткнулся в ротор очередного Ми-8. Размытый круг винта тотчас перестал существовать — лопасти разлетелись в разные стороны, и машина рухнула вниз. Вероятно, Спирт уже выцарапывал засечку на прикладе своей гаусс-пушки.

Вертолеты — те, что пока оставались в воздухе, — тоже вели огонь, хотя непонятно, по каким целям. Швед, не убирая руки с плеча молодого сталкера, плотнее прижался к стене. Он надеялся, что по зданию со словом «КНИГИ» на крыше никто стрелять не станет, и

действительно остатки эскадрильи упорно рвались дальше, к базе «Монолита». Однако Гаврошу все равно было страшно, и Сергей его за это не осуждал.

— Не дрейфь, нас не тронут. — Он снова похлопал бойца по плечу, когда вдруг заметил, что тот оседает. — Эй... Гаврош?... Гаврош!

Сергей увидел на стене расколотую облицовочную плитку в тонких алых брызгах и не сразу решился посмотреть Гаврошу в лицо. Боец был мертв. Он стоял лишь потому, что с одной стороны его держал Сергей, а с другой подпирал угол парапета. Гаврош был мертв — возможно, уже целую минуту.

— Что же это творится... — прошептал Швед, опуская тело на пол. — Господи... Одна пуля... Одна шальная пуля... Спасибо, что хоть это на меня не повесил. Как бы я с таким грехом жил? А?!

В небе загрохотало, но расшифровать ответ Сергей не смог.

Глава двадцать третья

— Ну и где же «Фарватер»? — Михал Михалыч с надменной улыбкой оглядел бойцов, словно это они организовали войсковую операцию. — Где «Фарватер»? — повторил он. — И какой вообще «Фарватер», где они тут воду увидели, остолопы! Крышка «Фарватеру», крышка! — торжественно известил он. — Атака закончилась, не начавшись. Сама Зона остановила этих уродов. Зона! — Михал Михалыч благоговейно посмотрел в близкий потолок, и Швед окончательно понял, что он пьян.

Командир пришел в кубрик, чего за ним никогда раньше не водилось. Соизволил дойти до здания речного порта и спуститься на этаж вниз, где в защищенной от выбросов комнате без окон располагался костяк отряда. Бойцы — и ветераны, и молодежь — вскочили по стойке «смирно» и стояли так уже минут десять, пока Михал Михалыч, протиснувшись между коек в центр кубрика, изливался в победном монологе.

После вертолетной атаки командир двое суток просидел в бункере, никого к себе не пуская. То ли осмысливал произошедшее, то ли просто квасил на радостях — и это, учитывая его нынешнее состояние, было более вероятно. Перед бойцами он появился хоть и не совсем протрезвевшим, но как всегда гладко выбритым — сказывалась старая школа. Она же, офицерская закалка, позволяла ему подолгу выступать перед воинами, не сообщая ничего нового, а лишь накачивая боевой дух.

Новостей между тем за последние два дня было много, и бойцы их знали не хуже командира.

В результате провала войсковой операции в Припяти появились военные, как бы странно это ни выглядело. После жесткой посадки часть экипажей выжили, а некоторые пилоты, даже теряя машины, сумели высадить десантуру с небольшой высоты. Военных уцелело не много, и они сконцентрировались в двухэтажном здании прачечной, наскоро превратив ее в подобие базы. Для этого они разобрали несколько соседних гаражей: забили все окна ржавым железом, а на входе навесили укрепленные ворота.

Появление военных не обрадовало ни диких, ни тем более «Монолит». Коренные обитатели города могли бы прихлопнуть незваных гостей одним ударом, но открытое нападение на их лагерь было бы равносильно объявлению войны всему государству. Для этого у Михал Михалыча кишка оказалась тонка.

— Там была армия, друзья мои, — продолжал он разглагольствовать. — Нам грозила опасность. Но что от них осталось? Горстка испуганных вояк, засевших в прачечной? И этот, как его...

— Полковник Ковальский, — подсказал Самсон.

— Полковник из прачечной! — желчно подхватил командир. — В Зоне только один полковник, это я! И только одна армия — это вы, братья!

«Как удивительно точно разведка Евросоюза угадала с его оперативным псевдонимом, — подумалось вдруг Шведу. — Или Михал Михалыч сам это выудил у Ахмета? Или они все-таки знали, как ему нравится себя называть...»

— Это наша территория, и пришлого люда здесь никогда не будет, — заявил командир. — Зона не допустит этого! У них были устаревшие карты аномалий, ха! Куда они полезли, щенки? На что они надеялись? Хотя Спирт тоже молодец, — скороговоркой добавил он. — Одна гауссовка, один отряд плюс сама Зона — и вот уже нет никакого «Фарватера»!

— Непонятно, как он нами управляет, — шепотом сказал Швед стоявшему рядом Молоту. — Можешь меня сдать хоть сейчас, но я вижу не командира «Монолита», а пьяного прапорщика.

— Сейчас он закончит, поднимемся на воздух, — пообещал Молот. — Там расскажу.

Михал Михалыч упражнялся в пустословии еще несколько минут, потом начал уставать. Ему явно не хватало допинга, но пить при подчиненных он себе не позволял. Быстро завершив выступление и бросив напоследок бахвальское «мы их похороним», он покинул кубрик. Бойцы дружно выдохнули и, не решаясь говорить вслух, принялись обмениваться взглядами. Ветераны постояли с каменными лицами и вышли вслед за командиром.

Швед и Молот подождали еще немного, чтобы ни с кем не столкнуться в коридоре, и тоже отправились на улицу.

— Кто платит, тот и управляет, — неожиданно начал Молот. — Военных талантов у Михал Михалыча нет, но он хороший организатор. После того, как отключили Выжигатель, отряд стал рассыпаться. Раньше группировку что-то цементировало, а потом вдруг перестало. Что-то исчезло такое... что нельзя объяснить словами. А потом появился Михал Михалыч и дал людям веру в себя. Ветераны его за это ценят и прощают ему некоторые странности. А ветераны в «Монолите» — это всё. На них держится наше братство. Как они скажут, так и будет. Но мне кажется... — боец суеверно оглянулся по сторонам, — что раньше было лучше. Отряд был обычной сталкерской группировкой. Добывали хабар, продавали — вот такая была жизнь, простая и спокойная. Денег было меньше, зато была свобода. Потом появилось «О-Сознание», и все пошло прахом. А Михал Михалыч... он спас отряд от распада, собрал его по кускам, но он сделал нас зависимыми. Без него теперь в городе ни одна ворона не каркнет.

Молот был неплохим парнем, хотя подружиться по-настоящему Шведу с ним не удавалось. Впрочем, возможно, сам Молот считал их отношения вполне товарищескими. Во всяком случае, ни от кого другого Сергей таких откровений еще не слышал.

— Тебе этого знать не положено, но я скажу, — проговорил боец, бледнея от волнения. — Некоторые ветераны уже недовольны командиром. Он что-то мутит... у него непонятные цели, а это страшно, потому что любую кашу, которую он заварит, расхлебывать придется нам. Поговаривают даже, что Бродяга не просто пропал, а ушел из отряда. Он и еще несколько человек — Морж, Серп... Все ветераны. Если это правда, то я не знаю, что будет дальше. «Монолит» снова развалится. Это будет катастрофа для всех нас.

— Не преувеличивай, — нарушил молчание Сергей. — В Зоне распалось много группировок, больших и маленьких, небо на землю от этого не упало.

— Ты не понимаешь... Ты попал в «Монолит» другим путем, к нам еще никто так не приходил. Кабан — это Кабан, а мы — это мы. К нам нельзя перевестись из другой группировки.

— Кстати, давно хотел спросить: где вы набираете пополнение, если отряд даже по меркам Зоны считается закрытым?

— На Большой земле, где же еще. В основном из спецуры вербуют, из силовиков. Я вот, например, в ФСКН служил. Залетел по дурости. Брали барыг с партией кокаина, уже расфасованной для розницы. И у меня пара пакетиков к рукам прилипла. — Он смущенно улыбнулся. — Хотел попробовать, просто понять, ради чего люди так рискуют. Кокс — не герыч, от одного разика ничего не будет. На нем же реально весь Голливуд сидит, это не сказки. В общем, стало любопытно, и я взял. А тут как раз подъехала вторая группа с

кинологом, и песик меня сразу облаял. С тех пор я собак не очень люблю... Если бы меня мой собственный командир спалил — дал бы в рыло, тем бы и закончилось. А тут чужие поймали, поднялась вонь. В общем, тюрьма мне за это не грозила, но служба закончилась плохо. А потом нарисовался человечек, предложил начать жизнь заново.

— Наши истории чем-то похожи, — кивнул Сергей.

— Ну да, ты же из эсбэушников? По идее, тебя должны были сразу к нам взять, ну или хотя бы предложить. Может, не доверяли тебе, проверить хотели... А может, твоя служба у Кабана и была проверкой?

— Типа проводки, что ли? Длинною в месяц?! Ни хрена себе...

— Какой проводки? — нахмурился Молот.

— Ты не слышал? Чтобы попасть в отряд Кабана, нужно пойти семь километров по Зоне с одним обрезом.

— Веселая, должно быть, прогулка...

— Ага. Там даже опытные сталкеры выживают с вероятностью в семьдесят пять процентов. Такой вот экзамен.

— В «Монолите» экзамен проще: сразу требуют расстрелять двоих диких, ну или больше — сколько подвернется. Михал Михалыч такую традицию придумал. Это не плата за вход в группировку, это запрет на выход. На Большой земле за два трупа дают пожизненный срок. Хотя там вроде бы всем чихать, что в Зоне происходит, но есть вещи, которых не прощают.

— Судя по последним событиям, уже не чихать, — возразил Швед. — А насчет Бродяги — это точно или так, слухи? — осторожно спросил он.

— А как отличить? Слышал — значит слухи. Там другое интересно: с ним одни ветераны пошли, — выразительно произнес Молот.

— И что это значит? — не понял Сергей.

— Ты разве не обращал внимания, что ветеранов друг с другом стараются никуда не посылать? Группы обычно формируются из одного старичка и пары-тройки молодых.

Швед сосредоточился. В те разы, когда ему приходилось сталкиваться с «монолитовцами» еще в отряде Кабана, так всегда и было — что с первым бензовозом, что с артефактами. Но он не придавал этому значения.

— Несколько бойцов во главе со старшим, это логично, — пожал он плечами.

— Тут не логика, тут элементарные меры предосторожности. Ветераны впадают в транс, когда им вздумается, ты в курсе. Но чаще их расколбашивает, когда в транс находится другой ветеран, где-нибудь рядом, в поле зрения. Они... как бы заражают этим друг друга. Не смертельно, конечно. Через какое-то время всех отпускает. Но представь себе отряд из одних ветеранов. Рано или поздно кого-то из них обязательно накроет, и он не просто превратится в колоду, но еще и друзей своих в транс введет. Вот я и думаю: далеко ли мог уйти Бродяга с таким войском...

Сергей отчетливо вспомнил, как они поджидали группу анархистов на северной окраине. Там были два «монолитовца» с нашивками: Самсон и кто-то еще. Они разошлись далеко по разным укрытиям, и когда второй ветеран погрузился в транс, Самсон упорно не смотрел в его сторону.

Мог ли Швед догадаться об этом самостоятельно? Конечно же, нет. Теперь он начал понимать, почему «Монолит» окружен завесой тайны и откуда берутся нелепые байки о молитвах, в том числе массовых. Вся эта чушь о сектантах имела смысл, но совершенно другой, практический. Никакой мистики тут не было, а была лишь грамотная работа с информацией.

Сергей невольно зауважал Михал Михалыча. Пусть он был посредственным командиром и не исключено — дрянным человеком, но специалистом по пропаганде он был отличным.

Словно услышав эту мысль, Михал Михалыч тут же возник за спиной.

— Швед, ты где околачиваешься? — гаркнул он. — Почему я должен искать тебя по всей базе?!

— Так есть же коммуникатор... — неуверенно отозвался Сергей.

— Что ты мне указываешь?! Бегом за мной!

Командир развернулся и направился к павильону кафе. Молот беззвучно выразил Шведу соболезнования и отчаянно замахал рукой: «Иди, не отставай!»

Сергей спустился за Михал Михалычем в бункер, сдал Мотылю оружие и замер посреди кабинета, не решаясь сесть без приглашения. Командир и не приглашал, в этот раз он был настроен совсем иначе.

— Задание в книжном выполнено еще позавчера, — сказал Швед. — Доложить раньше я не мог, потому что...

— Знаю. Твой оклад уже повышен. — Командир обошел стол и сел в кресло. — Компания «Frenzu» умеет ценить полезных сотрудников. — Он подмигнул, но как-то строго, без фамильярности. — Про Бродягу тебя уже информировали, — обронил Михал Михалыч, задумчиво оглаживая столешницу. — Про мои отношения с ветеранами — тоже.

Сергей заморгал, не найдя подходящих слов.

— Да, так у нас заведено: атмосфера всеобщего доверия, — удовлетворенно высказался командир.

Швед по-прежнему не знал, что на это ответить. Прошло лишь несколько минут после разговора с Молотом. Разве что... прослушка КПК? Программа-шпион, которая могла стоять в коммуникаторе у Молота или у самого Сергея. Или скорее всего у обоих. Это было так просто и так естественно для Михал Михалыча, что Шведу стало за себя обидно. Хотя ничего компрометирующего он, кажется, не сказал, да и не собирался.

— Хорошо, что ты уже в курсе, мне работы меньше. Объяснять, надеюсь, ничего не надо? Люди, самовольно покинувшие «Монолит», — враги. А враги «Монолита»... что?..

— Должны быть уничтожены, — глухо закончил Сергей.

— Правильно. Бродяга и еще пятеро воинов подались куда-то на юг. Они не представляют опасности, но крайне вредны для единства отряда. Мне еще только смуты здесь не хватало... Ты сможешь убить ветерана, Швед? Для тебя это не будет преступлением против братства? — спросил Михал Михалыч, иронически сложив брови домиком.

— Я выполню любой приказ, для этого я и стремился в «Монолит».

— Приятно иметь под рукой человека, не отягощенного предрассудками. Надо было забрать тебя у Кабана еще раньше, ты мог бы разрулить мне несколько проблемок... или создать лишних, — добавил он то ли в шутку, то ли всерьез.

Хмель — если это был он — давно выветрился, Михал Михалыч снова выглядел собранным и абсолютно непроницаемым. Что было у него на уме — знал лишь он сам.

— Попробуй использовать против ветеранов их уязвимость, о которой ты уже осведомлен. В противном случае тебе будет трудно. Бродяга — сильный боец. Сколько человек тебе нужно в помощь?

— Речь идет только о молодых, — вопросительно произнес Швед.

— Ну разумеется. Ветераны друг в друга стрелять не будут ни при каких условиях.

— Я возьму еще двоих, этого будет достаточно, — ответил Сергей, подумав.

— Ты переоцениваешь свои способности.

— То, что нельзя сделать втроем, нельзя сделать в принципе. Мы ведь пойдем по территории диких? Большую группу быстрее заметят.

— Также правильно. Доберетесь до Барона, он должен был выяснить, где искать Бродягу. Если не выяснил — расстреляйте его к чертовой матери и ищите сами. Я дам карту, с ней будет легче. Маршрут до Янова относительно безопасный, но не короткий, — предупредил командир. — Поэтому поедете на машине. Не на моей. Свяжусь с Кабаном, чтобы пригнал к базе свою. Но, Швед, учти: если карта попадет в чужие руки...

— Только через мой труп, — пообещал Сергей.

— У Мотыля получите три комплекта сталкерской «Зари», на складе есть. Переоденетесь по старой схеме, чтобы ни наши, ни дикие вас не видели. Свои КПК оставите тут, все равно на юге у нас сети нет. Соответственно, предупреждения о выбросах вы получать не будете. Запасите анабиотика, это тоже у Мотыля. Что еще?.. Я ничего не забыл?

Ах, да. Чтобы не пришлось верить тебе на слово, принесешь мне шесть коммуникаторов. Вот теперь, кажется, все.

— Я хочу взять с собой Молота, — сказал Сергей.

— Бери, в чем проблема? Для него это будет хороший шанс искупить болтливость кровью, причем не своей. Мне нужен результат, Швед. И почти все равно, какой ценой. Не проси карту, достань беглецов и вернись живым — других условий у меня нет.

Третьим в группу Сергей выбрал Ильича — худого, но не хлипкого парня с ранними залысынами. Он был молчалив и прекрасно стрелял из всего, что имело ствол. Ильич, не задавая никаких вопросов, взвалил на левое плечо рюкзак со свернутым комбинезоном, а на правое — «Калашников» и СВД. Приказ от Михал Михалыча «поступить в распоряжение Шведа» он, кажется, воспринял буквально.

Молот выглядел встревоженным и вел себя нервно, и Швед на полном серьезе пообещал ему шашлык, вино и девочек. От этого Молот разволновался еще сильнее.

Через полчаса на улице показался джип Кабана, за рулем сидел Доктор Хаус.

— Не знаю, зачем вам понадобилась тачка, но это очень, очень не вовремя, — сказал он вместо приветствия. — Мы переезжать сегодня собирались.

— Да? И куда же? — поинтересовался Швед.

— К вам под бочок, в госпиталь, — уныло произнес Хаус. — В главном корпусе поселимся. Но там же вроде ваши обитают?

— Места хватит на всех, — заверил Сергей.

— Капитан, как узнал, что вы машину затребовали, прям взбесился. Он столько барахла в свою каптерку нанес... Вот теперь думаем: на руках через полгорода таскать или подождать до завтра.

— Таскайте, — сказал Швед. — К завтрашнему дню мы можем не вернуться. Да и к послезавтрашнему тоже, если честно.

— Бак полный и тут еще две канистры, — сказал Хаус, истолковав ответ друга по-своему. — Хотя могли бы и сами заправить. — Он кивнул на торчавшую из-за кинотеатра цистерну.

Бензовоз как прибыл полным, так и стоял до сих пор, поэтому Сергей сам не понял, для чего Михал Михалыч напрягал Кабана с топливом.

— Ну что, я свободен? — спросил Хаус, ревниво наблюдая, как спутники Шведа грузятся в джип.

— Конечно, свободен. Только я хотел еще... — начал было Сергей, но Хаус, не дослушав, развернулся и пошел прочь.

Швед долго смотрел ему в спину, потом вздохнул и заставил себя улыбнуться.

— Поехали! — скомандовал он.

Глава двадцать четвертая

Первый привал сделали сразу за городом, едва отъехав на километр. Ильич по приказу Сергея остановил джип на светлой сухой поляне. Втроем они зашли в лес, переоделись в новые комбинезоны и, передавая друг другу единственную лопату, выкопали неглубокий схрон. Сложили в него «монолитовскую» форму, укрыли сверху дерном и вскоре вернулись на поляну в образе диких стакеров. Молот направился было к машине, но Швед подобрал несколько сухих сучьев и проговорил донельзя расслабленно:

— Отставить служебное рвение! Потратим час-полтора на себя, любимых.

Костер соорудили небольшой, но душевный — как раз такой, чтобы разогреть три банки тушенки. Это было вместо шашлыка. Вместо вина пошла водка из фляжки Шведа, а точнее — Доктора Хауса. Сергей носил ее с собой почти месяц, не притрагиваясь, и вот дождался наконец-то момента. Ильич попытался отказаться, мотивируя тем, что он за рулем, но в ответ Сергей с Молотом лишь поржали. Это был первый раз, когда Швед слышал смех своего нового приятеля.

— Ну а девочки? — напомнил Молот. — Ты обещал оттяжку по полной.

— Этого добра навалом. — Сергей указал кривой веткой далеко за дорогу, туда, где паслись несколько румяных псевдоплотей.

Они снова посмеялись, уже все втроем, кинули пустые банки в костер и развалились на траве. Ильич умудрился минут десять вздремнуть. Сергею даже стали слышаться голоса лесных птиц, и он не спешил объяснять себе, что это те же самые вороны, только в хорошем настроении.

— Смотри: исчезли дома, и сразу начался другой ритм жизни, — сказал он Молоту. — Мы ведь не далеко уехали. С дороги город еще видно. А уже как будто природа. И мы уже по-другому чувствуем время. Черт, этого никогда не объяснить словами...

— Прекрасно, — откликнулся тот. — Костерок, двести граммов водяры, немного попсовой философии... Что еще нужно усталому солдату? И уже как бы становится похер, что мы едем убивать братьев. Хотя понятно: тебе они никто, ты с ними говно-кровь не хлебал. Тебе просто нужно прогнуться перед командиром.

Швед слушал, и умиротворенная улыбочка сползала с его лица. Он решительно встал, залил костер, потом застегнул ширинку и пнул Ильича в ногу:

— Подъем. Едем дальше.

Еще через километр они встретили первую группу диких. Сталкеры шли навстречу, их было четверо: старший и еще трое, с тяжелыми рюкзаками. Сергей торопливо сложил карту Михал Михалыча и сунул ее в ботинок. Молот на заднем сиденье взялся за турель и невзначай снял пулемет с предохранителя. Признаков агрессии дикие не проявляли, и первой мыслью Шведа было проскочить от греха мимо, но, чуть поразмыслив, он велел Ильичу затормозить.

— Привет, парни! — миролюбиво произнес он.

— Ну, привет, — сказал старший.

— Мы из отряда Пастора, — представился Швед.

— А мы от Санчо, — ответил сталкер.

— Ясно, — кивнул он. — Мы ищем наемников. Ничем не можете?

— Нет, не видели... — Бойцы, как болванчики, замотали головами.

— А вообще нечисти никакой вам не попадалось? Бандиты, «монолитовцы»?

— Хорошо идем, спокойно, — сказал старший. — Дорога чистая.

— Ну, удачи вам!

— Тачка-то у вас прям как у наемников, — заметил сталкер, не сводя глаз с джипа.

— Почему «как»? Это она и есть. Вернее, была, еще недавно, — нагло ухмыльнулся Швед.

— Лихой вы народ... И вам удачи, раз такое дело...

Как только «Хантер» тронулся, Сергей, не оборачиваясь, спросил:

— Молот, ты что-нибудь слышал про этого Санчо?

— Нет.

— А ты, Ильич?

— И я не слышал.

— А кто такой Пастор? — в свою очередь поинтересовался Молот.

— Просто так ляпнул, — сознался Сергей. — Должен же я был что-то сказать.

— Содержательно побеседовали, — подытожил Ильич, и все рассмеялись, хотя уже не так весело, как на привале.

Швед снова вытащил карту и, едва взглядевшись, воскликнул:

— Стоять!

Ильич ударил по тормозам, и Молот чуть не разбил лоб о турель.

— Что-то мы разогнались... — посетовал Сергей. — Дороги-то нет.

— Как нет? А что впереди? — воскликнул Молот.

— Это не дорога, это сплошное минное поле. Не проедем мы здесь. — В подтверждение он передал карту назад, но Молот ее брать отказался.

— Я в навигации не шарю, — заявил он.

— Простого пути из города на станцию нет. Есть только геморройный. Но все-таки есть. Правда, мы его проскочили, — Швед еще раз сверился с картой, — совсем чуть-чуть. Ильич, сдай назад.

В сторону от трассы уходила колея — неприметная, заросшая травой настолько, что без карты разглядеть ее на лугу было бы невозможно. Машина переехала глубокую придорожную канаву и встала на новый курс, через бывшее пастбище, к лесу.

До леса, однако, не доехали. Колея вскоре начала поворачивать, и Ильич, ободряемый Сергеем, строго следовал за ней. Чем дальше они уходили от трассы, тем паршивей становилась дорога, она словно куражилась над путниками, у которых уже не оставалось выбора. Джип нырял по ухабам, как утлое суденышко в океанском шторме. Молот все-таки приложился головой о железку и после этого заметил:

— По-моему, мы едем обратно.

— Так и есть, — подтвердил Ильич.

— Ты по солнцу, что ли, ориентируешься? — спросил Сергей.

— Да нет, тут компас на панели.

Швед опять взглянул на карту.

— Нормально, — успокоил он.

Им все-таки пришлось заехать в деревья — так распорядилась колея, — Впрочем, ненадолго. Машина пересекла посадку в самой узкой части и вынырнула из леса на пологом холме перед низиной.

В низине стоял поселок, вернее — то, что от него осталось после всех этих лет.

Издали Копачи напоминали старую свалку, хотя желтый экскаватор с поднятым ковшом пытался создать впечатление замороженной стройки. Безуспешно: стройкой в Копачах и не пахло. Наоборот, все свидетельствовало о гибели и упадке. Большинство домов было либо сожжено, либо разрушено, от них остались только фундаменты и печные трубы. Немногие уцелевшие строения постепенно кренились и уходили под землю, становясь похожими на тонущие картонные коробки.

Барон и его бойцы жили на отшибе с северной стороны поселка и умещались в одной бревенчатой избе.

Чтобы не тревожить их понапрасну, Ильич подъехал к дому медленно, но сигналить не стал. Это было и не нужно, их приближение давно заметили и успели подготовиться. Швед вдруг обнаружил, что машина окружена со всех четырех сторон.

— Отличная служба, — проговорил он, показывая пустые руки.

Молот демонстративно отсел от пулемета подальше, а Ильич заглушил мотор и положил ладони на руль.

После этого из-за ржавой конструкции в траве появился Барон. Он был чем-то похож на Кабана, какой-то неспешной основательностью, которая, Впрочем, не мешала ему ловко обращаться с оружием.

Барон сразу узнал Молота и чуть позже — Шведа.

— Ты ведь раньше у Кабана служил? — спросил он.

— Хорошая память, — отозвался Сергей. Более развернутого ответа Барон от него и не требовал.

— На чай не приглашаю, бисквиты закончились, — мрачно сдохмил командир группы. — С чем пожаловали?

— Ищем Бродягу и его приятелей, — сразу перешел к делу Швед. Лица четырех бойцов вокруг джипа не располагали к долгой вступительной речи. — Чем поможешь, Барон?

— Информации мало. Считаю, что нет вообще.

Сергей ненадолго задумался.

— Я предпочитаю считать, что ее все-таки мало. От слова «нет» меня коробит.

Барон почесал спину изогнутой рукояткой дробовика.

— Был слушок, что Бродяга собирается податься к Локи. Это бугор группировки «Свобода», — пояснил он. — Неприятный человек, анархист и беспредельщик. Если Бродяга

успел присоединиться к «Свободе», то встречаться с людьми «Монолита» ему уже не захочется. Даже если они придут в таких комбинезонах, — кивнул Барон на Сергея. — Поговорить же с ним против его воли будет затруднительно. «Свобода» — это довольно большой отряд.

— А если Бродяга еще не успел?

— В таком случае шансы есть. Но я не знаю, где его искать.

— Тогда скажи, где база «Свободы».

— Ты сошел с ума... э-э...

— Швед, — подсказал ему Молот.

— Ты сошел с ума, Швед, — повторил Барон.

— Я к тебе не за диагнозом приехал, — заявил Сергей. — С ветеранами ты, наверно, так не разговариваешь?

— С ветеранами разговариваю по-другому, — согласился он. — Но ты не ветеран. Вот Бродяга — тот ветеран, да. А ты выскочка желторотый. Локи ошивается на вокзале, — сообщил он без паузы. — На хрен мне не сдались ваши разборки... Все, доволен? Тогда отваливай. И не забудь передать мое почтение Михал Михалычу.

Ильич отъехал назад и развернулся.

Сергей разложил на коленях карту.

— Нам в сторону градирни, это на восток, — сказал он. — Не доезжая, выйдем на нормальную дорогу.

— Ты собираешься заявиться в «Свободу»? — спросил Молот. — Тогда Барон прав: ты действительно спятил.

— Не спятил, потому что не собираюсь, — задумчиво проговорил Швед. — Ты отличишь комбез «Свободы»? Какие у них нашивки, что на башке носят?

— Отличу легко, — заверил Молот.

— Вот и славно.

Асфальтовая дорога появилась довольно скоро. Она поворачивала под прямым углом и вела к грандиозному сооружению, состоявшему из огромных бетонных полуколец, уступами спускавшихся вниз.

— Это не градирня, это какой-то Колизей... — заметил Швед.

Из-за ближнего здания торчали две трубы — одна покороче, а вторая, как казалось, прямо до неба. Внизу на маленькой площадке, как на арене, стоял старый гнилой грузовик с цистерной.

— Поехали туда, и запаркуйся за бензовозом, — велел Сергей. — Чтобы с дороги не было видно.

— Это молочная бочка, — возразил Ильич, выворачивая руль.

— Да? Ну и пес с ней. А мне вот бензовозы повсюду чудятся...

Ильич загнал «Хантер» за грузовик и поманеврировал вперед-назад, чтобы встать аккурат за бочкой.

— Дальше пешком, — объявил Швед. — СВД не забудьте.

— А канистры? — спросил Ильич. — Ведь стырят же!

— Если стырят, то вместе с машиной. Не будь таким мелочным.

— Далеко нам идти-то? — осведомился Молот.

— Идти не далеко, а вот лежать, — Сергей взглянул на небо, — придется, наверно, долго.

Он поправил на плече автомат и двинулся вверх по дороге. Ильич и Молот переглянулись у него за спиной, при этом Молот сделал какой-то жест, скорее всего обидный. Швед усмехнулся и прибавил шаг.

Поднявшись от градирни, дорога повернула влево. Бойцы шли по ней, не таясь, минут двадцать, пока впереди не показался железнодорожный переезд. С одной стороны на путях стояла пустая платформа, с другой — сгоревший пассажирский вагон и электровоз, вряд ли исправный. Дальше за ними виднелось приземистое кирпичное здание вокзала.

— И что теперь? Атакуем? — с сарказмом произнес Молот.

Сергей молча огляделся и показал пальцем вправо от дороги — туда, где стояла опора ЛЭП. Вокруг нее широко разрослись кусты, и места для снайперской лежки было навалом.

— Ждем, когда стемнеет, — сказал Швед, заползая под заросли.

Ильич и Молот обосновались рядом. Земля была устлана сухими листьями, лежать было тепло и мягко.

— И что потом? — спросил Молот. — Атакуем вокзал ночью?

— Да что же тебе все нейдет-то атаковать... Лежим, наблюдаем за выходом. Когда появятся люди из «Свободы», попробуем взять «языка». Ты фильмы про войну смотрел? Хорошие, старые.

— И как ты его допрашивать собираешься?

— Желательно взять двоих или троих и сразу вычислить старшего.

— И убить?

— Нет, убить как раз не его, а другого. Сразу.

— Зачем?

— Остальных это заставит быть откровенными. Это вообще впечатляет, когда кому-то рядом с тобой дырявят башку, и тебе на лицо летят брызги крови.

— Согласен, — выдавил Молот. — Со мной такое бывало... А если враг и после этого говорить не станет?

— Тогда выколем ему глаз, — серьезно ответил Швед.

— А если все равно?..

— Выколем второй.

— А если...

— Хватит, — оборвал его Сергей. — Ты представь себя в таком положении, и все твои «если» сразу прекратятся.

— Да, наверно, — покивал Молот. — Умереть — это одно, а быть слепым в чужих руках...

— В этом вся фишка. Жизнь бывает хуже смерти, и любому человеку это можно организовать за пять минут.

— Интересные вещи рассказываешь.

— Это не я изобрел, — скромно признался Швед. — Один хороший человек научил. Вот он — реальный эксперт по томным беседам, а я так, любитель.

— Все правильно, — подал голос Ильич. — Но ведь «язык» может просто не знать того, что тебе нужно.

— Для этого есть другой «язык». Барон сказал, что у «Свободы» большой отряд, верно?

Как бы медленно время ни тянулось, но вечер все-таки наступил. Ильич успел еще раз вздремнуть, уже основательнее. Его даже приходилось пихать в бок, чтобы не храпел. В засаде переждали два коротких дождя — Ильичу это, впрочем, не помешало.

Когда окончательно стемнело, Сергей подтянул к себе винтовку, снял с прицела заглушки и вручил ее Молоту.

— Наблюдай за вокзалом.

Днем двери здания почти не закрывались, stalkеры входили и выходили постоянно — парами, поодиночке и целыми группами. Скрип железных ворот действовал на нервы страшно. Ночью эта активность поубавилась, но люди все равно продолжали ходить.

Минут через десять Молот шепотом доложил:

— Вижу тройку, все с нашивками. Это «Свобода», точно.

— Куда двигаются? — спросил Швед.

— Пока никуда. Стоят у стены, базарят.

Сергей отобрал у него винтовку. Расстояние до вокзала было не очень большим, но фонари на улице не горели, и разобрать что-либо в такой темноте без прицела было невозможно.

— Трое возле окна, один в каске и один с гранатометом, — сказал Сергей. — Это они, да?

— Они, — подтвердил Молот.

— Все, теперь я понял.

Воины «Свободы» не спешили. Они продолжали стоять между дверью и окном, словно находились не в Зоне, а вышли покурить да проветриться из обычного вокзального кабака. Мимо них успело пройти несколько человек, но Швед не хотел отвлекаться. Трое — это именно то, что ему было нужно.

Наконец сталкеры закончили треп и не спеша двинулись от вокзала к железнодорожным путям.

Сергей оторвался от прицела.

— Бегать быстро умеем? — Он перевел взгляд с Молота на Ильича. — Быстро и тихо, на полусогнутых. Ветка под ногой треснет — убью.

— Откуда здесь ветка... — пробубнил Ильич и оглушительно зашуршал кустами.

Все трое замерли, не дыша. Швед погрозил Ильичу кулаком и медленно пополз из-под зарослей. Оказавшись на воле, они пригнулись и понеслись вдоль полотна вправо, наперерез сталкерам. Те уже перебрались через рельсы и, подсвечивая фонариками, уходили куда-то в ночь. Сергей со спутниками продолжал бежать в прежнем направлении, пока не оказался за спиной у противника. Сталкеры, переговариваясь, спускались вниз, в беспроглядную темень, где по тяжелому запаху угадывалось болото или давно затопленная равнина.

Бойцы во главе со Шведом некоторое время следовали за противником, держась от него на приличном расстоянии. Когда вокзал остался далеко за пригорком, воины «Свободы» начали отчетливо хлюпать подошвами — к этому времени они уже дошли до воды.

Сергей жестами велел спутникам разойтись шире и, сделав мощный рывок, быстро сократил дистанцию.

— Стоять, руки в гору! — крикнул он.

— Стоять! — повторил слева Молот.

— Черт! — беспомощно бросил Ильич и выстрелил.

Впереди послышался мощный всплеск, кто-то рухнул в воду. Двое других сталкеров как по команде погасили фонарики и открыли ответный огонь. Швед влетел за ближайший куст и, не останавливаясь, прополз дальше. Куст немедленно обкорнали двумя перекрестными очередями. Сергей заметил одну из позиций и, взяв чуть пониже, несколько раз выстрелил одиночными. Ему тут же ответили: «Калашников» без глушителя выдавал его с головой. Как, впрочем, и противника. Швед катался по мокрой траве, не задерживаясь на месте ни на секунду. Пули неизменно ложились туда, где он был еще мгновение назад, и он начал чувствовать, что рано или поздно может не успеть убраться.

И Молот на левом фланге, и двое сталкеров впереди повторяли тот же рисунок: выстрел — смена позиции — выстрел — снова уход. Вот только Ильича Сергей не слышал, хотя и не помнил, чтобы в его сторону активно стреляли. По идее, он должен был оставаться живым.

Бой закончился совсем не так, как Сергей предполагал. Где-то близко грохнул гранатомет, и на склоне слева раздался взрыв. Вспышка осветила окрестности, и Швед, уже не думая о том, что противник тоже его видит, влепил три одиночных в чью-то каску, будто вбил гвозди в гроб, и полоснул очередью по ногам второй фигуры. После этого над топью опять стало темно.

Сергей перекатился на новое место и прислушался.

— Молот?... — позвал он.

Ответа не последовало.

— Ильич?..

— Да, я здесь, — бодро отозвался тот откуда-то справа.

— Ты рано начал стрелять, — простонал Швед. — Зачем?

— Возможно, я тебя не совсем понял?

— Ты меня, сука, совсем не понял. Ну вот просто совсем-совсем...

— Ясно, — безмятежно произнес Ильич. — А где Молот?

— Молота, кажется, убили.

«По твоей вине, вонючий ублюдок», — хотел добавить Сергей, но не стал с этим спешить.

— Подойди сюда, — приказал он, поудобнее подбирая автомат к плечу.

— А где ты? — спросил Ильич.

— Здесь, здесь. Иди на голос.

Справа зашуршала трава и треснула ветка, которую Ильич ну никак не мог пропустить. В то же мгновение впереди заработал автомат, и Швед, обнаружив противника, выстрелил ниже огонька.

Ильич упал и продолжал движение на четвереньках. Его даже не задело, но у Сергея подобное везение зависти не вызвало. Ильич, хоть и выглядел вменяемым человеком, на проверку оказался тупицей, а в Зоне у таких жизнь была коротка.

Швед включил фонарик и легко нашел третьего противника. Тот не шевелился.

«Барон говорил, что у них большой отряд», — с тяжелым сердцем вспомнил Сергей свои же слова. Идея начать все заново — без Молота, с одним Ильичом — уже не казалась ему удачной.

Швед поднялся и подошел к сталкеру из «Свободы». Тот еще дышал, часто и неглубоко, как будто ему сократили объем легких раз в десять. Это была несомненная удача, вот только радоваться ей Швед почему-то не мог.

— Что, брат, крепко тебя зацепило? — сказал он без всякой злобы.

— Ага... — Тот беспомощно улыбнулся, почти по-дружески.

Сергей присел возле раненого на корточки.

— Ты не старший в группе, — предположил он.

— Не...

— Но может, ты все-таки слышал? Несколько «монолитовцев» просились к вам в группировку.

— А... да... — ответил воин, выкраивая каждый выдох. Длинных слов он выговаривать не мог.

— Расскажи мне про них, и я тебе помогу. Обещаю.

— Не... ну... жны... нам.

— Вы их не взяли?

— Не... Ло... ки... не...

— Ладно, без подробностей, — остановил его Швед. — Где они сейчас?

Сталкер закатил глаза и задышал еще быстрее, хотя Сергею казалось, что это уже невозможно.

— Где они сейчас находятся, ты знаешь?

— Зэ... Эр... Ка.

— Что?! Еще раз!

— Зэ... Эр... Ка, — жмурясь от напряжения, повторил раненый.

— Зенитный ракетный комплекс! — угадал Ильич. — Я помню, где он стоит.

— Да? — спросил у сталкера Швед.

— Да... А... мне... мне...

— Что тебе? Что ты хочешь? У меня аптечка с собой. Может, промедола тебе вколоть?

— Мне... мне... Пулю, брат! — сказал он вдруг внятно и четко.

Сергей, не продлевая человеку мучений, выпрямился и прострелил ему сердце.

— А говорил — «глаз, глаз»... — протянул Ильич. — Ты уверен, что это правда? Насчет ЗРК.

— Уверен.

Швед приблизился к телу Молота, хотя телом назвать это было уже нельзя: граната взорвалась у него под ногами. Однако Сергей обязан был проверить и убедиться. Не бросать раненых — это все, что осталось от его кодекса чести.

За прошедшие полчаса от станции не донеслось ни единого звука — несмотря на то, что стрельба у болота была довольно интенсивной. И уж гранату они точно не могли не услышать, но все-таки с базы решили не вылезать. В «Монолите» такого нельзя было и

представить. Там реагировали на каждый выстрел в районе, а уж при нападении поднимались по тревоге как один.

Тем не менее Швед решил не рисковать и повел Ильича в сторону от вокзала, туда, где на карте значился научный пост. Близко к базе ученых подходить он не стал, лишь издали посмотрел на чудное сооружение в форме усеченного конуса, накрытое маскировочной сеткой. В городе Сергей ничего подобного не видел, и это показалось ему странным.

Сделав круг по топи, бойцы вернулись к дороге, которая привела их обратно к градишне. Джип угнать не успели и, судя по всему, даже не пытались. Канистры с бензином и боезапас пулемета были на месте.

Сергей снова вытащил промокшую карту и долго ее изучал, убавив яркость фонарика до минимума. Зенитный ракетный комплекс стоял далеко, в другой стороне от поста ученых. По дороге можно было добраться относительно быстро, но она вела мимо станции, а еще Шведа смущал железнодорожный мост. Ехать же напрямик, через Копачи и Барона, тоже не хотелось. Сергей просидел с фонарем довольно долго, прежде чем выстроил приемлемый маршрут. Он проходил через карандашную пометку на карте в виде буквы «В», обведенной в круг. Шведа это вполне устраивало.

Ильич завел мотор, выехал наверх, до угла, и свернул вправо, огибая болото по пересеченной местности. Джип трясло и качало, он тащился с черепашьей скоростью, но это было лучше, чем идти пешком. Оставив Копачи в стороне, машина доползла по кочкам до проселочной дороги, и дело пошло веселей. Ильич, уставший прыгать и болтаться, на радостях вдавил педаль. Кустарник вдоль обочины замелькал размытой каруселью. Ильич продолжал разгоняться. Сергей его не одергивал, лишь снова взглянул на карту — последний разик — и, аккуратно ее сложив, сунул обратно в ботинок.

В свете фар впереди возник маленький смерч из сухих листьев и пыли. Атмосферное явление выглядело не опасным, даже занятным. Швед сжал автомат крепче, намотав ремень на ладонь. Другой рукой он взялся за поручень и переставил ноги поудобнее.

— Держись за руль как следует, там может тряхнуть, — сказал он Ильичу.

— Объедем? — предложил тот, сбрасывая газ.

— Вперед!

Машина снова понеслась, и Сергей, досчитав до трех, с силой оттолкнулся от пола. Он влетел в густой старый куст, выломал грудью хрупкие ветви и, отскочив обратно, упал на дорогу. К габаритным огням впереди добавились красные пятна стоп-сигналов, Ильич отчаянно тормозил, но «воронка» была слишком близко, и от него уже ничего не зависело. Джип исчез в мгновение ока, будто сорвался в пропасть. Сергей, приподнявшись на локте, смотрел на пустую дорогу. Он думал, все будет выглядеть как-то иначе, со входом в спираль, хотя сделал он это вовсе не для того, чтобы полюбоваться аномальным эффектом.

В предстоящей операции напарник ему был не нужен. Вместо пользы Ильич мог принести один вред — Сергей уже видел все его навыки. И если с воинами «Свободы» им еще повезло — чего не скажешь о Молоте, — то с ветеранами счастливого случая могло и не выпасть. Швед не хотел надеяться на чудо, он знал, что там будет только один шанс — первый и последний. А значит, рассчитывать он мог только на себя.

Опираясь на автомат, Сергей поднялся и увидел впереди взрыв — застывший, как на фотографии. На том самом месте, где еще секунду назад кружился маленький пыльный смерч, появилось причудливое растение, состоящее из длинных лоскутов ткани, остекленевших нитей жидкости и вытянутых металлических частей, деформированных до неузнаваемости. Несколько мгновений этот замерший фонтан стоял неподвижно, хищно отсвечивая в лунном свете, а потом вдруг взлетел вверх, словно кто-то отпустил кнопку паузы, и обрушился обратно на землю проливным дождем. Швед успел только пригнуться и закрыть голову руками. Вокруг с грохотом осыпалось покореженное железо, чавкали увесистые куски плоти. Когда дождь из «воронки» прекратился, дорога оказалась усеяна влажным тряпьем и разорванной проволокой — аномалия выплеснула все, что успела накопить за время жизни. Похоже, джип с пассажиром превзошел ее аппетиты и вызвал извержение.

Швед даже не хотел думать, чем когда-то были и кому принадлежали все эти фрагменты до попадания в «воронку». Он кое-как отряхнулся и сошел с дороги в низину.

До ЗРК он добрался ближе к рассвету — едва отбившись от стаи тушканов и чуть не угодив в лапы кровососа. Возле подземного ангара чернел развернутый антенный пост станции наведения. Сергей обошел его стороной и приблизился к одноэтажному зданию. В окнах горел тусклый свет, но даже если ветераны спали, Бродяга не мог не выставить пост, и Швед это прекрасно понимал.

Значит, операция начнется не внутри дома, а еще раньше, на улице. Сергей проверил автомат, сделал несколько глубоких вдохов и, шагнув в полосу бледного света, громко объявил:

— Я пришел с миром, братья!

Глава двадцать пятая

Швед раскрыл сырой рюкзак и высыпал коммуникаторы прямо на стол перед Михал Михалычем. КПК были перепачканы в крови, но командира это нисколько не смутило. Он подвигал их по столу, выкладывая ровным рядом, и, тыкая пальцем в каждое устройство, демонстративно пересчитал.

— ...пять, шесть, — закончил он вслух. — Все мертвы?

— Нет, я просто велел Бродяге сдать коммуникаторы для отчетности, и он с радостью сдал.

— Не хами, Швед. Свободен.

Командир склонился над КПК, но заметил, что Сергей не уходит, и поднял голову.

— Я тобой доволен. Это всё, — сказал он.

Швед не сдвинулся с места.

— Ну говори, говори, — поддержал Михал Михалыч.

— Может, хватит этих странных проверок? — спросил Сергей. — Они начинают надоедать. Я хочу получить нормальную работу, нормальную службу, как у всех.

— Ты уже стоял на вахте, что тебя не устраивает?

— Ты меня понял, Михал Михалыч. Я и улицу подметал, это тоже бывает полезно. Но не каждый день.

— Метлой махать тебе скучно, в пекло лезть тебе тошно... — задумчиво проговорил командир. — Расскажи поподробней, как ты потерял Ильича и Молота.

— Молот погиб при захвате бойца «Свободы», а Ильич на машине въехал в «воронку». Я спрыгнул. Ильич — не успел.

— Я просил подробнее.

— Светила полная луна, — с каменным лицом ответил Швед. — Легкое дуновение ветерка шевелило волосы на макушке у Молота. Ворона приветственно взмахнула крылом и полетела туда, где на горизонте розовела тонкая полоска...

— Пошел вон отсюда! — заорал командир.

На пути от кафе к речному порту Сергей встретил Самсона. Тот с кем-то беседовал по коммуникатору и подал ему знак остановиться. Швед встал и покорно дожидался, пока ветеран не закончит разговор.

— Через три часа заступаешь на пост, — объявил Самсон, убирая КПК. — У тебя есть время отдохнуть и привести себя в порядок. Сбор у ворот.

— Есть! — отозвался Сергей.

— Идем охранять один важный объект. Вопросы?

— Сбор у ворот, вопросов нет! — отчеканил он.

Спустившись в кубрик, Швед выяснил, что за прошедшие сутки, пока он отсутствовал, в городе произошло едва ли не больше событий, чем за оба предыдущих месяца.

Самой обсуждаемой новостью был вертолет Кабана, который сбили военные. Сделали они это без какой-либо определенной цели, просто увидели его в небе, да и шмальнули

очередью из РПК наугад. И вот же, на тебе, угадали. Вертолет, чадя и завывая ротором, как бомбардировщик в пике, пронесся прямо над зданием порта, чуть не снес верхушку диспетчерской башни и булькнул в пруд, так что и следа не стало. Кабана там не было, управлял его заместитель Фридрих, и еще двое сталкеров сидели как пассажиры. Но Кабан, по свидетельству очевидцев, ревел так, словно ранили его самого. Лично приходил на базу и требовал от Михал Михалыча полной зачистки военных. На чем порешили, никто из бойцов не знал, но в душе они Кабана поддерживали.

— Да эти вояки хуже бандитов! Приперлись, твари! — понеслись со всех сторон возмущенные возгласы. — Кончать надо с ними! В один заход всех уроем!

— Вот и Фридриха уже нет... — печально произнес Сергей. — А кто еще в вертолете был, кличек не помните?

— Кажется, что-то на кулинарную тему, — сказал Лаврик. — Борщ, или как-то так... и второй в том же духе. А ты знал их?

— Фридриха — да. Он мне вроде крестника был.

Что это значит, Лаврик не понял, но на всякий случай похлопал Шведа по плечу.

Вторая крупная новость заключалась в том, что люди Кабана сменили базу и теперь обитали по соседству, в главном корпусе госпиталя. Шведа это не удивило, он лишь посочувствовал парням, перетаскавшим на горбу тоны оружия и боеприпасов, а также консервов и прочего скарба, которого у рачительного Кабана накопилось изрядно.

Бойцам «Монолита» пришлось уплотниться в кубриках, но не сильно, потому что потери несли и они. Стычки с военными случались все чаще, и в основном по их же инициативе. Вояки вели себя в городе как хозяева, причем не имея на то никаких оснований. Им полагалось бы сидеть в своей прачечной, как мышам, но они словно ждали подкрепления. Текущие потери их не смущали, и это был тревожный знак. В Припяти пахло большим переделом власти. Будто учуяв это, в город, как падальщики, стали подтягиваться зомбированные. Сергей и сам встретил пару таких субъектов, когда возвращался от ЗРК. Он заметил их еще издали и вначале не понял, что это зомби, а принял их за подвыпивших диких сталкеров в замурзанных комбинезонах. Швед даже не собирался стрелять, так ему было их жалко. Потом он увидел их лица и бессмысленные взгляды пустых недобрых глаз... И, естественно, прикончил обоих. По той же самой причине: из жалости.

Три часа пролетели незаметно.

На место сбора Швед явился первым. Дежурный у ворот посмотрел на него с интересом, но ничего не сказал. Через несколько минут подошли Снег и Мясо. Последним прибыл боец со странной кличкой Радио, он подбежал с таким видом, будто опоздал минут на сорок. Никаких дополнительных указаний Сергей не получал, поэтому взял с собой полюбившийся «винторез». Остальные тоже вооружились кто чем, и группа у них получилась довольно пестрой: еще один «винторез», «Калашников» и СВД.

С внешней стороны проволочного забора к воротам подкатил Самсон на джипе и поманил всех четверых пальцем. Они споро погрузились в машину, Радио со снайперской винтовкой сел впереди.

Ехали не долго. По проспекту Дружбы Народов Самсон домчал до общежития и зарулил во двор. Впятером они вошли в один из корпусов и спустились на цокольный этаж, а потом еще ниже, в подвал. Прямо от лестницы начинался узкий тоннель со сводчатым потолком и мутно-желтыми плафонами на стенах.

— Осторожней с пухом, поглядывайте вверх, — предупредил ветеран, неизвестно к кому обращаясь.

Швед вопросительно кивнул Снегу, в ответ тот пожал плечами — мол, я сам здесь впервые. Мясо, заметив эти переглядывания, выставил открытую ладонь: «Все в порядке, не дрейфить». Радио был погружен в себя и в беззвучном разговоре не участвовал.

В проходе было сыро. Вода мелкими ручейками бежала в ту же сторону, куда шли бойцы, и Сергей сделал вывод, что они продолжают плавно спускаться. Из-за спины Самсона он увидел, что впереди тоннель заканчивается, сужаясь вниз до крысиной норы. Неожиданно справа показался поворот, куда и свернул ветеран. Вода на полу текла дальше

по прямой, уходя в трубу дренажной системы. Тоннель был построен без излишеств, но с умом.

За поворотом оказался люк тамбура, который вывел на подвесную площадку под сводом циклопического зала. Далеко внизу пересекалось множество железнодорожных путей, на которых стояли два небольших состава с товарными вагонами и цистернами, брошенных тут неизвестно кем и когда. Поперек полотна торчала сошедшая с рельс платформа, груженная углем.

Самсон не спеша спустился по лестнице на один уровень. Ступени из стальных прутьев вибрировали и гудели под подошвами.

— Швед и Радио здесь, — распорядился ветеран. — Снег и Мясо за мной.

Сергей потрясенно огляделся. В проломе потолка, почти на самой вершине, виднелось небо и край жилого дома, но в каком они находились районе, Швед угадать не смог: это было стандартное панельное здание.

Самсон с двумя бойцами продолжал спускаться, пока они не превратились в трех игрушечных солдатиков на дне котлована.

Швед стоял у перил и не мог оторваться от фантастического зрелища. Он даже не представлял, какие средства были затрачены на строительство этого подземного сооружения. Сергей осторожно прошелся по площадке. Она целиком была сварена из металла, и казалось, что каждый шаг заставляет дрожать всю систему из лестниц и уровней, закрепленную на вогнутой бетонной стене.

Радио подобрал в углу табуретку и сел, положив ногу на ногу.

— Будем меняться каждые полчаса, — объявил он, глядя куда-то сквозь Шведа.

— Хорошо, — ответил Сергей. — А много раз мы таким макаром поменяться успеем?

— Тут обычно пара человек всего дежурит, — кивнул Радио.

— Мы здесь надолго? — спросил он.

— Во всем комплексе, я имею в виду. Один вон там, а второй в будке. Мне в будке больше нравится.

— Ты меня не слышишь? — нахмурился Сергей.

— Но здесь тоже нормально, — удовлетворенно заключил Радио. — Я не думаю, что сегодня будет прорыв. Нет, не думаю. Михал Михалыч, конечно, голова, но если бы он сюда спустился, да отсидел бы под этим куполом шестичасовую вахту...

— Радио! — испуганно позвал Швед.

— А? — встрепнулся боец.

— Я не пойму, ты с собой разговариваешь или со мной?

— ...тогда бы он сразу понял, что прорыва не будет ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра, ни послепосле...

— Радио! — настойчиво повторил Сергей.

— Что? — Тот моргнул и посмотрел на Шведа совершенно нормальным взглядом. — Меня опять понесло, да? Со мной это бывает, брат. Ты одергивай меня, не стесняйся.

— Я одергиваю, но...

— Четыре дня ждать какого-то прорыва — это не совсем рационально, — невозмутимо продолжал соратник. — Зачем здесь держать столько народа, когда можно заварить ворота или подогнать к ним вон тот электровоз и полностью закрыть проход? Я уж не говорю о том, что его можно заминировать.

Швед понял, что перебивать бесполезно, и решил просто слушать. Он уже догадался, откуда у Радио появилась его кличка, правда, легче ему от этого не стало.

— Если взглянуть на проблему с другой стороны, — сказал в пустоту боец, — то не ясно, почему здесь дежурит только часть отряда, а другие слоняются по базе. Допустим, этот гипотетический прорыв является для нас реальной угрозой. В таком случае мы, несомненно, обязаны...

Сергей повернулся к нему спиной и начал осматривать зал внимательней. На противоположной стене в сумраке терялась такая же сварная конструкция, на которой тоже

кто-то стоял. Железнодорожные пути на дне сооружения что с одной стороны, что с другой упирались в опущенные ворота-заглушки.

Чем дольше Сергей всматривался, тем больше он замечал в зале бойцов. Люди лениво прохаживались по площадкам или ословело сидели на ящиках и ступеньках. Швед стал подозревать, что за время его отсутствия случилось нечто важное, более значительное, чем крушение вертолета или переезд Кабана в госпиталь. Однако он вспомнил, как Радио говорил про четверо суток ожидания, — значит дело было не в переменах, а в том, что раньше его к этой теме просто не подпускали.

— ...поэтому затопить путепровод все равно не удастся, — поучительно закончил собеседник и вдруг добавил: — Садись, брат, твоя очередь. Нам тут еще шесть часов торчать. Вернее, уже пять с половиной.

— Какой путепровод? — спросил Швед, усаживаясь на нагретую табуретку.

— Подземный, — неожиданно адекватно ответил боец. — Это помещение — вроде станции на большом пути. А начинается он на заводе «Юпитер», в отделе транспортировки. Мелких изделий там не выпускали, поэтому и станция таких размеров.

— И что мы тут делаем?

— Я тебе ровно полчаса рассказывал, — с укором произнес Радио.

— Ах, это ты мне...

— Командиру кто-то свистнул, что на той стороне готовится группа сталкеров. Собираются попасть этим путем в город, потому что другого они не знают. И вот четыре дня коту под хвост. Они все равно здесь не пройдут. Ну посуди сам: подземелье было запечатано много лет, там наверняка скопилось такое количество всякой дряни, от которой...

— Извини, что перебиваю, но где мы сейчас находимся, в какой части города?

— Плюс двенадцать стрелков, — настырно бубнил Радио. — Даже если они сумеют открыть эти ворота, какими силами они должны прорываться, чтобы их попытка увенчалась успехом?

Едва Радио закончил эту фразу, как под высоким сводом заметался оглушительный скрип. Швед машинально поднял голову, хотя звук от купола шел отраженный. Определить его настоящий источник не составило труда: одна из двух многотонных створок слева медленно ползла вверх.

Сергей вскочил и схватился за коммуникатор, но решил, что тут и без него найдется кому вызвать базу. Он присел возле перил и, положив ствол на перекладину, прицелился. Ворота продолжали подниматься, но за ними была непроглядная темень.

Когда проход стал больше, из него повалил зеленоватый дым. Клубы тяжело выкатывались из зева тоннеля и расстилались по полу ядовитым туманом. Раньше, чем створка окончательно поднялась и зафиксировалась, из-под нее вместе с клубами дыма выкатились четыре фигуры — и мгновенно рассредоточились, укрывшись за ближайшими вагонами.

Отовсюду раздались выстрелы, но на площадке перед путепроводом уже никого не было. Швед для очистки совести тоже полоснул очередью по контейнерам, которые сверху казались не крупнее обувных коробок. Бойцы на позициях замерли, ожидая, когда гости начнут движение.

— Твои полчаса на табуретке уже истекли, но я пока садиться не буду, — отстраненно проговорил Радио. — Если хочешь, посиди еще, впрок.

С этими словами и все с тем же отсутствующим видом он вскинул винтовку на плечо и стоя, почти не целясь, выстрелил.

Сергей увидел, как упал выскочивший из-за цистерны противник. Он был одет в армейский защитный костюм замкнутого цикла. За спиной у него был прямоугольный ранец с баллонами, а на лице — выпуклая маска со светофильтром, не позволявшая рассмотреть лицо. Если бы не прозаический АКСУ в руках, его можно было бы принять за космонавта.

Бойцы, дежурившие на нижнем этаже, начали перегруппировку, но враги постоянно двигались, поэтому некоторое время сохранялась патовая ситуация: воины крадучись бродили вокруг вагонов, безуспешно пытаясь выйти в спину неприятелю.

Своих соратников Швед видел прекрасно, а вот гости умудрялись укрываться так, что почти не попадали на открытое пространство. Пару раз Сергей торопливо поднимал оружие, но пришельцы уже успевали шагнуть за колонну или цистерну. Судя по всему, они чертовски хорошо подготовились.

Внезапно двое из них бросились к противоположным воротам. Радио поспешно вскинул винтовку и вел их вдоль всего зала, но так и не сделал ни единого выстрела: противники бежали между вагонами, а когда оказывались в поле зрения, начинали передвигаться зигзагами. Третий пришелец, оставшийся у открытого прохода, без перерыва поливал площадки из РПК. Пули попадали в голые стены и вреда бойцам «Монолита» не наносили, но вынуждали постоянно отвлекаться от двух других гостей. Едва те добрались до высокой платформы с трансформатором в противоположном конце котлована, как один из них принялся обстреливать зал из гранатомета, а второй начал быстро взбираться по железной лестнице. В ту же секунду третий противник заскочил в диспетчерскую будку и вскоре появился в окнах нависавшей над залом операторской кабины. Оттуда он возобновил огонь из пулемета, прикрывая человека на лестнице.

— Зулус, готово! — заорал пришелец с платформы, перекрывая шум стрельбы.

— Да, Вано! — отозвались в операторской.

На крыше рубки заработал большой проблесковый маяк, и под куполом взвыла сирена.

Радио, примериваясь, несколько раз поднял и опустил винтовку: между ним и человеком с РПК висели какие-то конструкции, он почти ничего не видел. Наконец он улучил момент и тронул спусковой крючок. Черный пузырь неприятельского шлема раскололся на три части. В центре, там где лучи трещин сходились вместе, виднелось входное отверстие от пули. Кто уничтожил второго врага на трансформаторной платформе, Швед не мог разглядеть из-за колонны. Он лишь заметил, как человек повис на перилах, качнулся и спустя мгновение свалился вниз.

Куда подевался третий, Сергей не знал.

— Ушел, — констатировал Радио. — Они открыли дверь. Она там, возле рубильника. Четыре человека за четыре минуты поставили крест на нашей четырехдневной засаде. В этом определенно что-то есть. Если бы их было пятеро, то им понадобилось бы пять минут, а не четыре. А нам, соответственно, потребовалось бы ждать их пять суток. Или нет... вероятно, зависимость должна быть обратной.

— Помолчи! — взмолился Швед.

Он даже не сразу услышал, как в кармане пищит КПК.

«Вниз», — прочел приказ Сергей.

Бойцы по всему залу пришли в движение, лестницы загрохотали под множеством ботинок. Швед насчитал не меньше двух десятков человек и сам удивился, как они таким отрядом не сумели остановить гостей.

Когда Михал Михалыч нервничал, он становился похож на Кабана, и это его не красило. Несмотря на дождь, он построил вернувшихся бойцов в стороне от навеса и некоторое время молча расхаживал перед шеренгой. При этом он то и дело оглаживал карман, словно его рука сама тянулась к пистолету, чтобы застрелить Самсона, стоявшего отдельно от отряда.

— Четыре, всего четыре... — подавленно проговорил командир. — Четыре вонючих любителя...

— Это были профессионалы, — тихо возразил Самсон. — Они хорошо спланировали операцию.

— Какие-то отмороженные сталкеры уделали весь отряд, — не слушая его, продолжал Михал Михалыч.

— У нас потерь нет.

— Четыре! — Он повысил голос. — Четыре человека прошли там, где не могла пройти целая армия. Не должна была пройти.

— Прорвался только один, трое убиты, — снова возразил ветеран.

— Какая разница — один или двести?! — взревел командир. — Они распечатали путепровод. Теперь в город полезут толпами! Всякая мразь, которую не пускали сюда страх, глупость и лень, — все они будут здесь! У нас что, мало проблем с военными? Да у нас с ними вообще никогда проблем не было — вот что мы скоро скажем! Они открыли все шлюзы. Сколько дней будет выветриваться газ из тоннеля? Два, три? Может, один? Разойтись с глаз моих долой... — неожиданно закончил он.

К Шведу торопливо подошел Снег.

— Ну как тебе Радио? Красавец? — спросил он.

— Молодец, двоих завалил.

— Я не об этом, — негромко хохотнул боец. — Сильно он тебя замучил?

— Как ты догадался? — обронил Сергей, искоса поглядывая на командира.

— Вообще-то наш Радио — героический мужик, — объявил Снег. — Его однажды выброс застал в чужом районе, возле базы диких. Он еле успел в какой-то подвал нырнуть. И дикие ему вслед еще гранату бросили. Взрывом обрушило лестницу, и его завалило наглухо. И КПК еще разбился. Он там, прикинь, полторы недели без еды просидел. Пил воду из какой-то гнилой трубы. А чтобы не сойти с ума, представлял себе, что слушает радио и обсуждает новости с другом. В общем, в итоге он, конечно, все равно шизанулся. Но кажется, не фатально. Вреда от него нет.

— Как же его нашли на чужой территории?

— Случайно. Шли мимо и слышали голоса.

— Ясно. Подожди секундочку... — Сергей выбрал момент, когда Михал Михалыч в одиночестве подошел к кафе, и догнал его уже возле часового.

— Что еще? — раздраженно бросил командир. — Снова реального дела захотелось? Одно ты уже просрал.

— Есть идея насчет головной боли с военными.

— Идея, как эту боль преумножить? — съязвил Михал Михалыч.

— Как сократить, — серьезно ответил Сергей. — И число военных, и головную боль, которую они вызывают.

Командир остановился и, болезненно скривившись, посмотрел в пасмурное небо.

— Швед, ты думаешь, мне хочется тебя слушать?

— Они думают, что вправе на нас нападать, и мы должны это использовать в своих интересах, — не дожидаясь разрешения, сказал Сергей.

— Ты говоришь про засаду? — угадал командир. — Ах да, я и забыл, что ты у нас мастер-охотник. Рыцарь приманки и капкана, — добавил он снисходительно. — Ты считаешь это свежей идеей?

— Приманка, речь о ней, — подтвердил Швед. — В отряде есть замечательное оружие, оно меня поразило.

— Это ты про гауссовку?

— Если гаусс-пушка понравилась даже мне, то для военных лучшего подарка не найти.

Михал Михалыч отвел его в сторонку и заговорил тише:

— А нам она, по-твоему, не нужна?

— Я слышал, как Спирт говорил о ремонте. Вернее, о невозможности ремонта. Из этого я сделал вывод, что, кроме исправной гауссовки, у нас есть как минимум одна неисправная.

— Есть, и не одна, — вздохнул командир. — Только как выдать сломанную пушку за рабочую? Она же не стреляет.

— И не надо. Используем ее, как муляж. Спирт просто покажется на глаза военным с гауссовкой в руках. Издали. Например, с крыши. Рассадим стрелков по периметру, все продумаем. Мы ведь не торопимся, это наша партия.

— Гроссмейстер хренов... — буркнул Михал Михалыч, хотя было видно, что замысел пришелся ему по душе. — Только если пушка не стреляет, откуда военные узнают, где она? Как они поймут, что в такое-то время и в таком-то месте можно будет без усилий разжиться хорошим трофеем? Слив информации? Но у нас нет никаких контактов. Даже через третьи руки не передать.

Сергей придвинулся к командиру ближе и заговорил совсем тихо:

— В отряде ведь уже были перебежчики. Если ушел Бродяга, почему не может уйти кто-то еще? Предателей никто не любит, но слушать их стараются внимательно.

Михал Михалыч невольно отпрянул.

— Когда вояки обнаружат, что это была ловушка, нашего человека убьют, — сказал он.

— Да.

— И ты хочешь отдать на растерзание одного из братьев? — проговорил командир, глядя на Шведа с неподдельным интересом.

— Нас больше, чем военных, этот счет будет в нашу пользу.

— А сам ты готов пойти на такую жертву?

— Нет.

— Это я так, на всякий случай спрашивал.

— Только, Михал Михалыч... — Сергей принужденно кашлянул. — Я надеюсь, братья не узнают, чья это была идея?

— Не бойся, в отряде за все отвечаю я. Ну а где, как ты считаешь, это удобнее организовать? Так... молчи... — Командир словно опомнился. — Пойдем в кабинет, там закончим.

Швед спустился за ним в бункер, безропотно сдал Мотылю оружие и зашел в кабинет.

— Садись, — велел Михал Михалыч.

— Я думал о месте засады, — сообщил Сергей, усаживаясь на стуле. — На нашу территорию они не полезут, а если это устроить слишком далеко от базы, тогда рискуем мы. Нужно выбрать что-то поблизости. Я рассматривал два варианта: старый комбинат бытового обслуживания и госпиталь.

— Ну и? — поторопил командир.

— Госпиталь лучше.

— Ага... То есть ты еще и Кабана подставить решил, — заметил он без всякого осуждения.

— Территория госпиталя слишком велика, а у Кабана слишком много бойцов, чтобы мелкая группа военных чем-то ему навредила. Ну а если военных тоже окажется много... Тогда Кабан нам, безусловно, пригодится. Расчеты потерь такие: с нашей стороны один-два человека плюс перебежчик. Со стороны вояк — сколько народу придет, столько во дворе и останется. А называться эта пьеса будет «сами виноваты». Мы только защищаемся, правда за нами.

— Да уж, «правда», — крикнул Михал Михалыч. — Знаешь, Швед, не хотелось бы мне дожить до того дня, когда ты встанешь во главе какого-нибудь отряда.

Это означало, что предложение принято в полном объеме. Сергей тем не менее постарался сохранить нейтральное выражение лица.

— Одна поправка, — предупредил командир. — Мы это сделаем сегодня. Прямо сейчас. Мотыль! — крикнул он через дверь. — Вызови мне этого... как его... Фантома, вот! Хотя нет, стой! Позови Добермана. Нет!.. Лучше Фантома. Стой. Подожди.

Михал Михалыч помял нос, мучительно решая, что хуже: потерять ветерана или довериться новичку.

— Ты как думаешь? — хмуро спросил он у Сергея.

— Это не мое дело.

— Попробуй примерить наряд палача, вдруг понравится? — с неприязнью проговорил командир.

— Я бы отправил к военным Добермана, — не раздумывая, ответил Швед.

— Понятно... Мотыль! Фантома ко мне, срочно!

Глава двадцать шестая

Военные появились со стороны прачечной, даже не соизволили обойти госпиталь вокруг. Они шли по открытому пространству, едва пригибаясь, словно делали кому-то одолжение.

Швед лежал на крыше перехода между корпусами, периодически выглядывая из-за бордюра. Противника он наблюдал уже несколько минут, с тех самых пор, как они обогнули соседнее с прачечной здание.

Один из военных исчез за круглым кирпичным строением и вскоре возник на крыше, рядом с выросшим там кустом. Основательно осмотрелся, отгреб ногой мусор и улегся на живот.

— Типа снайпер, — хмыкнул Доктор Хаус.

Сергей испуганно обернулся.

— Тебя каким ветром сюда занесло?! — прошипел он. — Вам же велели сидеть по кубрикам и не высовываться.

— А что мне ваши веления? Я человек самостоятельный. В свободное от вахты время гуляю, где хочу. — Хаус подполз ближе, лег рядом и положил под руку СВД, показывая, что он тут не случайно и надолго. — Я, когда увидел, что ваш Спирт со своей чудо-пушкой к нам на чердак прется, сразу подумал: интересный будет замес.

Хаус улыбнулся, и Сергей почуял свежий водочный дух.

— Я так и знал, блин... — расстроился Швед. — Валил бы ты отсюда.

— Я, может, за тебя, дурака, волнуюсь. — Хаус срезал ножом с окаменевшего битума слой темно-зеленого мха.

— А что за меня, дурака, волноваться? Их пятеро, а нас тут почти два десятка.

— Ну, знаешь... Всякое бывает. — Он аккуратно водрузил моховой пласт Шведу на каску.

Сергей хотел уже обозлиться всерьез, но точно такую же процедуру Хаус проделал и со своей каской тоже.

— Вот теперь мы с тобой реально как два гриба, хрен кто увидит, — сказал он.

— Да нас и так в упор не видят, даже обидно становится.

Хаус взял свою винтовку и заглянул в окуляр. Некоторое время он изучал снайпера на крыше круглого здания.

Военные вошли во двор медленно, но по-прежнему беспечно. Такая самоуверенность вызывала у Шведа лишь глухое раздражение.

— Как дети в войнушку играют... — поделился Хаус. — О! А этого я знаю. Капитан Тарасов. Но наш Капитан мне больше нравится. Дай-ка я его сейчас...

— Стой! — проскрежетал Сергей. — Без приказа не стрелять!

— А кто приказ отдаст?

— Самсон командует.

— Ваш Самсон такой зануда... Смотри-смотри, — тихо засмеялся Хаус. — У этого Тарасова тоже «винторез». Небось у ваших же и отжал, у «монолитовских». Совсем оборзели вояки. А вам — паз-зор...

— Сейчас кровушкой смоем, — заверил Швед.

— Этого я тоже знаю, — бормотал Хаус, продолжая рассматривать врагов через прицел. — И этого подонка видел... Во, а это у них, кажись, новенький.

Сергей следовал взглядом за пояснениями товарища, переводя перекрестие с одного лица на другое. Вместе с военными к госпиталю приближался человек в обычном стalkerском комбинезоне без знаков различия. Это казалось странным, но гражданский вел себя более профессионально, чем люди в погонах: ноги ставил тверже, пригибался ниже и все время держался неподалеку от большой развернутой книги на массивном постаменте, готовый в любую секунду прыгнуть за укрытие. У него была короткая стрижка, хотя даже с ней он выглядел слегка обросшим. Крупноватый нос, прямой рот и твердо очерченный подбородок превращали его лицо в незапоминающуюся маску под названием «без особых примет». Вот разве что глаза...

— Ну когда шмалять начнем? — шепотом возмутился Хаус. — Сейчас они тут оправятся и на базу к себе пойдут. В прачечную, — добавил он. И, подумав еще немного, уточнил: — Портки отстирывать.

— Никуда они не денутся, пока гауссовку не отыщут. Или пока тебя, пьяного остолопа, не заметят. А штаны стирать им точно придется, если они узнают, сколько народу сейчас на них через прицелы пялятся.

Народу действительно было много. Час тому назад Самсон лично разводил людей по позициям и делал это так обстоятельно, будто ждал целую армию. Весь двухэтажный корпус, примыкавший к главному, был занят бойцами. Они сидели в каждом помещении, включая разграбленную операционную на углу второго этажа. В застекленном переходе между зданиями тоже залегли двое. Самсон курсировал между палатами по коридору, держась вдали от окон. Спирт с неукomплектованной гауссовкой сидел, как и было задумано, на крыше главного корпуса. И вот в такой мощный капкан явились всего пятеро врагов... Бойцы чувствовали себя обманутыми.

Самсон педантично дождался, когда противники окажутся в геометрическом центре двора, и наконец-то дал отмашку.

У военных не было шансов, ни единого. Швед с Хаусом даже не успели дотянуться до спусковых крючков — все было кончено за секунду. Из окон корпуса одновременно ударил десяток автоматов, и во дворе упало три трупa. Четвертый, снайпер, как лежал на крыше кирпичного домишки, так и остался там же, только ногу уже не почесывал.

— Но их было пятеро... — обронил Хаус. — Или нет?.. Черт, их точно было пятеро! — воскликнул он, от удивления приподнимаясь над бордюром.

Сергей едва успел обрушить ему на каску ладонь, как рядом свистнула пуля.

— Вот это компот... — потрясенно выдавил Хаус. — Он еще и отстреливается?! Он давно уже мертвый должен быть!

Мертвым он, однако, не был. Последний противник, тот самый гражданский — хотя всем теперь было ясно, что он спец почище любой десантуры, — успел нырнуть в правое четырехэтажное здание, вероятно, через разбитое окно. По проходу за ним помчались бойцы из соседнего корпуса. Те, кто остался на позициях, поливали окна через двор из автоматов, не давая врагу поднять голову. Вот только где он находится, в какой из палат, никто не знал.

— У нас потери! — почти сразу доложил кто-то и отчаянно заорал: — Умри, сука! Вперед! Уничтожаем врагов!

— Еще потери! — тут же крикнул другой боец.

— Ё-о-олочный базар... — сокрушенно протянул Хаус. — Где же его теперь искать-то? Представляешь, сколько там комнат на четырех этажах? Сколько шкафов, лестниц, закоулков?.. Тут, по-моему, один вариант: обложить со всех сторон и ждать выброса.

— Подвал-то, наверно, там тоже есть? — предположил Сергей.

— Нормального нет, мы смотрели уже. Но... у него ведь антибиотик может с собой оказаться? Тогда и выброс ничего не решит. Тухляк дело, — подытожил Хаус. — Пойду-ка я к себе, вот что.

— Все, сдуся? — поцедил Швед. — Концерт окончен?

— Ну это же ваш концерт, — резонно возразил товарищ. — Сейчас вы его будете искать. Долго, часа четыре. Не исключено, что за это время он успеет подстрелить еще пару ваших. Потом стемнеет, а палиться с фонариками — это вообще гибель, и Самсон прикажет возвращаться на базу. Вот такой сценарий. И чего я тут, спрашивается, не видел?

Доктор Хаус оказался прав во всем, кроме новых потерь. Больше неизвестный сталкер никого не убил, но в остальном пророчество сбылось. Бойцы разбились на двойки и прочесывали корпус, пока не начали психовать от каждого шороха. Всем было ясно, что враг либо ходит за ними по пятам, либо давно покинул госпиталь! Как только стало темнеть, Самсон, не дожидаясь ночи, собрал всех во дворе и с немалыми предосторожностями отправился на базу.

— Опять вы кого-то упустили... — сказал Михал Михалыч. — Вот хоть одного, да упустили. Ну что за гребаная жизнь! — Он всплеснул руками, как кухарка, разбившая

дорогой сервис. — В этом месяце премий не будет. Идите спать, парни. Тяжелый сегодня был денек...

Следующие двое суток прошли спокойно и бестолково. Военные продолжали шляться по городу, но конфликтов старательно избегали. Михал Михалыч считал это результатом засады, итоги операции он постепенно пересмотрел в положительную сторону. Арифметически отряд оказался в выигрыше: двое погибших плюс Фантом, расстрелянный во дворе прачечной, против четырех убитых военных. Командир с самого начала знал, на что шел, и угрызениями совести не мучился. Более того, Шведу показалось, что Михал Михалыч не прочь повторить трюк с ловушкой, вот только как это сделать, он не знал. Отправлять к военным второго перебежчика с новой дезинформацией было бы наивно. Но придумать всегда что-нибудь можно, для этого человеку мозги и даются. И вскоре командир придумал.

Швед проснулся от легкого прикосновения. Он вздрогнул, открыл глаза и увидел перед собой Добермана. Тот приложил палец к губам и поманил Сергея к выходу. Швед встревожился, но не за себя. К себе он давно уже был равнодушен и шел к цели кратчайшим самурайским путем, пребывая в ежесекундной готовности умереть. Испугался Сергей за отряд, за то, что на базе произошло нечто небывалое в самом худшем смысле.

Быстро одевшись, он прихватил «винторез» вместе с подсумком и последовал за ветераном. Дневального в кубрике не было — «Монолит» копировал воинские традиции, но не все подряд, — а часовой на улице сделал вид, что не заметил ни Добермана, ни Шведа.

Сергей сонно огляделся: на базе было тихо, как в лучшую из ночей. Небо было беззвездным, значит, утро ожидалось дождливым.

По-прежнему сохраняя молчание, Доберман привел Сергея к задней стороне речного порта, почти на самый берег, где, печально глядя на темную воду, стоял Самсон. Доберман медленно, со значением, достал из кармана коммуникатор и передал его второму ветерану. Потом жестами приказал Шведу сделать то же самое. Сергею не нужно было объяснять дважды, с некоторых пор он не удивлялся уже ничему. Он вручил Самсону свой КПК и догнал Добермана, который уже направлялся к воротам.

Следующие метров сто от базы они прошли тоже молча. Швед по привычке заглянул в окна автобуса, стоявшего в начале проспекта Дружбы Народов. Его давно одолевало детское желание зайти внутрь и посмотреть, что там, но все было недосуг. Вот и в этот раз тоже: ветеран шагал так широко, что Швед едва поспевал.

— Крик, Подкова, Сайгак, Движок, Мартин, — странным образом начал разговор Доберман. — Ты знаешь эти имена?

— Конечно, — отозвался Сергей. — Это все ветераны. Самые уважаемые люди в отряде.

— Вчера вечером они получили вызов от Бродяги. Вызов в прямом смысле, приглашение на встречу.

— Этого не мо... — Швед прикусил язык.

— Я знаю, — спокойно сказал Доберман. — Бродяга не может никого никуда пригласить. Поэтому я и не пошел.

— Тебя тоже вызывали?

— Да, всего шестерых, включая меня. Братья сочли это за трусость, но я отказался.

— А куда звали, если не секрет?

— Не секрет. Мы скоро там будем. Это в конце проспекта, в книжном магазине.

Сергей почувствовал слабость в ногах.

— Доберман, подожди! — сказал он. — Это какая-то провокация. Туда нельзя идти вдвоем, там может быть все что угодно...

— Что бы там ни было вчера вечером, сейчас это уже закончилось, — уверенно ответил ветеран.

— Но почему я? Тебе больше некого с собой взять?

— Потому что это твоих рук дело.

Швед нащупал большим пальцем предохранитель «винтореза».

— Не нужно, — предостерег его Доберман, глядя в другую сторону, на черные окна госпиталя. — Хотел бы тебя придушить — давно бы это сделал. Вопрос не в твоей вине, а в том, что происходит с отрядом.

— Часть ветеранов недовольна Михал Михалычем, и он предпринимает... э-э... ну, какие-то меры предосторожности, видимо. Это с его стороны логично.

— Есть определенная грань, за которой управление коллективом превращается в предательство. Нам лишь нужно проверить, не переступил ли ее Полковник.

— Полковник? — удивленно переспросил Швед.

— Да, Михал Михалыч Котятко — бывший полковник СБУ.

— Это я знаю. Но я не думал, что вы его между собой так зовете.

— Теперь уже нет, это старая привычка.

— Точно так же его называют в Департаменте стратегических операций при Евротрибунале, — заметил Сергей.

— Я об этом ничего не слышал, — равнодушно отозвался собеседник.

— А вызывать тех ветеранов ты не пробовал? Мартина, Крика и остальных, кто пошел на встречу?

— Пробовал, разумеется.

— Кто еще в курсе, что они не вернулись?

— Я, Самсон... — Доберман помедлил. — И еще несколько человек.

Своим ответом он ясно давал понять, что не доверяет Шведу, и Сергея это ничуть не смутило. Он с самого начала предполагал, что в случае чего все шишки повалятся не на командира, а на него. Вот только он не мог и представить, в чем заключается этот неведомый «случай», за который ему неминуемо придется отвечать. Швед почувствовал, как у него в мозгу зреет какая-то беспокоящая мысль, какая-то окончательная догадка, но ухватить ее суть он не смог.

— Вас ведь нельзя собирать вместе в закрытом помещении, верно? — спросил он невпопад. — Вас — я имел в виду ветеранов.

— Да, нежелательно, — согласился спутник.

— Те, кто получил приглашение в книжный магазин, должны были заподозрить неладное.

— Вызов был от Бродяги, — коротко ответил ветеран, словно одно это имя объясняло все.

— Его коммуникатор давно лежит в кабинете у командира, — вздохнул Сергей.

— И это мне тоже известно, — сказал Доберман, и в его голосе зазвучала сталь. — Я не смог отговорить братьев.

— Кстати, я так и не понял: на что рассчитывал Бродяга, когда уводил своих людей из отряда? Ведь с ним пошли одни ветераны? Я хочу сказать, что они... когда они все вместе... то есть вы... — Швед замялся, подбирая слова.

— Транс-индукция не настолько неизбежна, как об этом принято думать, — перебил его Доберман, избавив от неловких пояснений. — Достаточно вовремя отвернуться от того, кто впал в транс. Мы привыкли с этим жить. На воздухе это редко бывает проблемой.

— А если в помещении?

— Тогда другое дело. Никто не знает причину, но в замкнутом пространстве мы действительно легко можем... заразить друг друга трансом, — с иронией произнес Доберман. — Я осведомлен, как об этом говорят молодые. Я все знаю, Швед, но я слишком долго живу, чтобы обращать внимание на шепот за спиной. Тем более они это говорят любя.

— Так и есть, — подтвердил Сергей. — Авторитет ветеранов непререкаем. Но в этом и опасность: если Михал Михалыч захочет провести в отряде что-то вроде реорганизации, то первым делом начнет с вас.

— Подозреваю, что он уже начал, причем не вчера.

Госпиталь давно был позади, Швед с Доберманом проходили мимо заезда к прачечной. Луна в затянутом тучами небе так и не проклюнулась, переулочек был залит мраком. Сергей с

соратником продолжали двигаться на юго-запад, до книжного магазина оставалось чуть меньше половины пути.

— Обычные люди считают это чем-то вроде молитвы, — промолвил Швед, возвращаясь к разговору о ветеранском трансе.

— Прекрасно. Пусть считают и дальше. Так лучше для всех.

Сергей нахмурился, пытаясь сообразить, почему он сейчас об этом вспомнил и для чего, собственно, сказал вслух. Какая-то смутная догадка вновь закружила зудящим комаром где-то совсем близко.

— Осторожно, впереди контролер, — предупредил Доберман.

Они сбавили шаг, но не остановились, только взяли оружие наизготовку.

— Не вижу его, — откликнулся Швед.

— Я чувствую. Внимание налево.

За старым деревом маячила коренастая фигура в темных обносках. Мутант не прятался и вообще не реагировал на появление людей. Казалось, он был погружен в какие-то тяжкие раздумья.

— Контролер не один, он кого-то держит! — Доберман развернулся на сто восемьдесят градусов и направил «винторез» в темный проход между пятиэтажками справа, но там никого не оказалось.

Швед автоматически упал на одно колено, чтобы уменьшить для противника площадь попадания, и через прицел просканировал взглядом проспект впереди и сзади. Он тоже никого не обнаружил. Снова повернувшись к мутанту, Сергей влил ему две пули в лоб. Контролер издал хриплый стон и, пошатнувшись, опрокинулся на спину.

Доберман продолжал водить стволом из стороны в сторону, когда наконец заметил троих зомби, медленно выбредавших из двора общежития. Он расправился с ними в три выстрела, но еще некоторое время не опускал винтовку, ожидая возможного появления других зомбированных. Больше во дворе никого не было.

— Далеко он их прищучил. — Сергей кивнул на контролера.

— Зомбированными управлять легче, чем обычными людьми, — буркнул Доберман.

— С чего ты взял?

— Просто знаю. — Он похлопал себя по ветеранской нашивке и двинулся дальше.

На площади в конце проспекта сурово отсвечивало железное Дерево Дружбы Народов. Где-то далеко слева утробно завывали псевдособаки. Вокруг не было ни души.

Доберман со Шведом обошли книжный магазин с двух сторон и встретились на углу во дворе. Вдвоем они вернулись к парадному входу и, включив фонарики, зашли внутрь. В торговом зале царил обычный для брошенного здания бардак, признаков недавнего боя не было. Ни стреляных гильз, ни крови на полу, лишь старые школьные тетради, почерневшие от пыли и времени.

В первой секции изломанного коридора тоже оказалось пусто, но чем ближе они подходили к большой комнате в глубине магазина, тем тревожней становилось на душе у Сергея.

— Это Доберман! — объявил спутник, останавливаясь у последнего поворота. — Братя, вы здесь?

Ответа не последовало, и он, пригнувшись, бегом преодолел последний отрезок пути. В помещение он ворвался, как в логово противника: держа «винторез» у плеча и следуя стволом за движением глаз. Швед влетел за ним точно так же и чуть не врезался Доберману в спину — тот стоял возле сооружения из хлама с низко опущенной головой. Вокруг лежало семь тел: пять ветеранов «Монолита» и двое военных.

— Я был готов к этому с самого начала, — мрачно произнес Доберман, закидывая винтовку за спину. — Сайгак, Мартин, Крик, Движок, Подкова... — вслух перечислил он, медленно обходя убитых братьев.

Оружие в руках было только у Мартина, остальные погибли, находясь в трансе. Доберман зашел Мартину за спину и, посмотрев с этой позиции на двух военных, молча

покивал. Потом длинно, тяжело выдохнул и окинул взглядом творение Шведа в центре комнаты.

Мусорная постройка оказалась прочной, ни одна доска за все эти дни из конструкции не выпала.

— Командиру понравилась идея засады, но здесь что-то пошло не так, — высказался Сергей.

— Это не засада, — твердо сказал Доберман. — Пятеро наших и два чужака. Это подстава. Полковник сдал ветеранов военным, я только не пойму, как он это сделал. И для чего был нужен этот шалаш... Зачем ты его соорудил?

— Командир ничего мне не объяснял. Просто приказал построить что-нибудь эдакое. Все равно что. Без разницы, лишь бы стояло.

Тревожное предчувствие, которое донимало Сергея всю дорогу, внезапно оформилось в ясную мысль.

— Без разницы! — со значением повторил Швед. — Тебе ясно?!

— Нет.

— Это было сделано для чужих. Мы только что обсуждали ветеранский транс, который непосвященные принимают за молитву. Нас считают фанатиками. Всех: и ветеранов, и молодых. Весь отряд. Михал Михалыч не хотел развеивать это заблуждение, оно действительно для нас полезно. Но... сейчас не об этом речь, совершенно не об этом! — Сергей вдруг разволновался, он заговорил быстро и сбивчиво: — Знаешь, когда командир велел мне построить эту ерунду? В тот день, когда стало известно, что военные начинают свой «Фарватер». Тогда их здесь еще не было. Вертолеты появились в городе как раз после того, как я закончил тут возиться. Никто не предполагал, чем закончится армейская операция, я лично думал, что ни один военный не выживет. Командир готовил эту дурилку не для них. Не под конкретную ситуацию. Он это делал впрок, он заранее собирался вас сдавать, еще даже не зная о том, что Бродяга уйдет из отряда.

— Полковник заманил сюда наших братьев, используя коммуникатор Бродяги. Но как он привел в магазин военных? Ты думаешь, Полковник пошел с ними на сговор?

Швед покачал головой:

— Я думаю, что сговор между ними невозможен.

Он посмотрел на ближний труп военного и, нагнувшись, принялся ощупывать его карманы. Доберман это одобрил и взялся за второго.

— Вот он! — тут же объявил ветеран, показывая коммуникатор. — Это точно наш КПК.

— Только как он попал из бункера Михал Михалыча к этому сержанту?

— Его можно элементарно подбросить, — предположил Доберман. — У военных вчера погибла разведгруппа. Их взял в оборот контролер, и они перестреляли друг друга, Самсон лично это наблюдал. Что стоило потом сунуть кому-нибудь из них в карман КПК, якобы добытый ими в бою? Хотя... это выглядит как-то сумбурно...

— По-моему, вполне реалистичная версия, — отозвался Сергей. — Сначала подкинуть покойнику коммуникатор с информацией о встрече бойцов в магазине, а потом позвать сюда ветеранов от имени Бродяги. В этой комбинации всего два хода, и оба беспроигрышных — для Михал Михалыча, конечно. А чей это, кстати, КПК?

— Он выключен.

— Так включи, заодно и проверим, было ли там что-то для военных.

— Здесь этого нельзя делать. Мы его посмотрим на базе, аккуратно. Иначе Полковнику сразу станет известно, что коммуникатор снова работает.

— Когда вы его вскроете?

— Почему ты об этом спрашиваешь?

Швед посмотрел Доберману в глаза — его взгляд снова был холодным и слегка отстраненным. То, что Сергей принял за признак доверия, было всего лишь разговором. Закончился разговор — закончилось и доверие.

Доберман убрал КПК подальше.

— Если мы примем решение, затрагивающее твои интересы, тебе об этом сообщат, — бесцветно произнес он.

— В переводе на человеческий это означает, что, если ветераны приговорят меня к расстрелу, мне дадут время побриться. Так?

— Совершенно верно, — сказал Доберман.

Глава двадцать седьмая

Все утро Швед наблюдал, как два бойца под дождем сливают из бензовоза топливо.

— Вертолета у Кабана больше нет, столько бензина отряду уже не нужно, — пояснил дежурный на воротах, нисколько не сомневаясь в логике такого решения.

Цистерна по-прежнему стояла за кинотеатром и хлеба не просила. Однако Михал Михалычу зачем-то приспичило вылить несколько тонн бензина на асфальт.

Полковнику срочно понадобилась большая емкость, это было очевидно.

После ночного похода Швед уже не спал. Они с Доберманом вернулись под утро, и ложиться на час не было смысла. Когда у Сергея иссяк энтузиазм, вместе с ним улетучилась и бодрость. Он чувствовал себя разбитым, опоздавшим и обманутым. Одним словом — плохо.

Нападение на базу началось внезапно. Кто-то случайно увидел, как свалился вниз наблюдатель на крыше многоэтажки, той самой, где в гигантском лозунге «СЛАВА ТРУДУ» не хватало двух букв. На связь тут же вызвали второго снайпера в соседнем доме, но он не отвечал.

Через секунду на базе объявили тревогу.

Чуть позже они появились: около двадцати военных шли дворами от школы, все в броне и шлемах, все начищены, как на парад или, скорее, как в последний бой — иначе объяснить столь дерзкое вторжение на чужую территорию было невозможно.

— Да они рехнулись... — пробормотал Михал Михалыч.

Не поверив докладам, он поднялся наверх, чтобы убедиться в атаке лично, а убедившись, тут же спустился обратно и командовал обороной уже из бункера.

Противники продвигались медленно, с большим трудом, но, судя по натиску, отступать даже не думали. Переварив первый шок, бойцы «Монолита» начали занимать места по штатному расписанию. Шведу его место в обороне так и не указали, ему оставалось лишь действовать по своему усмотрению. Случайно Сергей увидел Хауса, стоявшего ровно посередине между двумя базами — речным портом и госпиталем.

— Иди сюда быстрее! — крикнул ему Швед.

— Да погоди ты... — отмахнулся товарищ.

— Ко мне бегом, урод! — заорал Сергей.

Доктор Хаус, растерявшись от такого напора, выполнил команду.

— Ты думаешь, им тебя запахло грохнуть? — выпалил Швед. — И плевать им, что ты без оружия стоишь. Я знаю этих людей. Пошли со мной.

— Да я без ствола, даже неудобно как-то...

— Посидишь рядом, мне так спокойней будет. Они и ваших сейчас порубят, сколько смогут. Вперед! — Сергей толкнул Хауса в сторону порта. — Это со мной! — запоздало предупредил он часового на воротах, но тому было не до формальностей.

Швед и Хаус вдвоем поднялись в диспетчерскую башню и через люк выбрались на крышу. Площадка была маленькой, не больше двух метров в длину и ширину, но для пары человек оказалась в самый раз. Вместо бруствера по краю лежало несколько мешков с песком, кто-то даже предусмотрительно затащил наверх и расстелил старое ватное одеяло.

— Винтовочка! — обрадовался Хаус оставленному кем-то оружию. — Ну значит, не зря я сюда залез. Повоюю тут с вами.

— В любом случае не зря, — откликнулся Сергей. — Оцени панораму!

— Да-а... — только и сказал приятель, оглядывая пространство от кинотеатра до госпиталя.

Военные были вооружены «винторезами» и «Валами», у некоторых из-за спин торчали трубки гранатометов. Они продолжали упорно пробиваться к речному порту, хотя сопротивление «Монолита» все больше сносило их в сторону, к статуе Прометея.

— Дворами-то они пролезли, а через площадь хрен пройдут, — высказался Хаус, прикладываясь к окуляру. — Слушай, они реально всем составом прут, вместе со своим безумным полковником. А, черт... магазин-то у меня пустой! У тебя много патронов?

— Не дам, самому в обрез. Лежи спокойно, любуйся. Только башкой не тряси, прошу тебя!

Сергей взглянул в прицел и увидел, как последовательно, один за одним, упали три бойца на крыше кинотеатра. Четвертый побежал к установленному там пулемету, но ему навесом отравили гранату из подствольника, и больше там никого не осталось.

Военные укрывались гораздо тщательнее. Несмотря на то что горячая фаза атаки продолжалась уже несколько минут, их потери были незначительными.

Дождь лил как из ведра, но вряд ли кто-то обращал на это внимание. Над городом стоял оглушительный грохот, в воздухе висел дым.

Кто-то из противников начал работать из гранатомета, и на территории базы стали раздаваться взрывы.

— Близо кладут, — прокомментировал Хаус. — Но им все равно не пройти. Что за бредовый план придумал их вонючий полковник? Черт, да я бы его уже два раза снял. Точка у нас реально отличная, что ты тормозишь?

— Проснуться не могу... — буркнул Швед, нажимая на спусковой крючок.

— Это у тебя нервное, — заключил товарищ. — Выпьешь?

— Давай, — неожиданно согласился Сергей и сделал крупный глоток из теплой фляжки. — Бр-р-р...

— Это не «бр», а вискарь, понял? Не отвлекайся! Послушай, отдай мне ствол. Или хоть магазин. Ты же все равно не стреляешь, что ты тут без толку лежишь, дремлешь?!

— Не ори, — прошипел Сергей. — Стреляю я, стреляю.

Атака окончательно сместилась на фланг и захлебнулась. Военные засели возле Прометея и заняли за бордюром круговую оборону, гранат в сторону базы полетело еще больше. Объяснение этой странной тактике нашлось очень скоро: сзади, из-за пруда, послышался рев вертолетов. Две машины шли на предельно низкой высоте, задевая за верхушки деревьев. Едва перевалив через порт, они стремительно снизились и сели на открытой площадке возле кинотеатра, чуть правее от статуи.

— Чтоб я так жил! — застонал Доктор Хаус. — Швед, они отваливают! Им не нужна ваша база, они просто улетают!

Возле уха свистнула пуля, и он проворно прижался лицом к сальному одеялу.

— Они улетают, — повторил он шепотом. — Конец геморрою, жизнь налаживается!

Как только вертолеты коснулись земли, военные двумя цепочками помчались на посадку. Бойцы «Монолита» продолжали их выбивать, кто-то целенаправленно палил под винты, но успеха это не имело.

Противников осталось не больше десятка, и погрузка быстро закончилась. Не теряя ни мгновения, вертолеты оторвались от земли и пошли обратно на восток, через пруд и дальше. Стрелять в них уже не было смысла.

— О! — воскликнул Хаус. — А этого почему бросили? Места не хватило? Или он сам тут остался? В одиночку воевать будет?

Один из воинов действительно сидел за бордюром, продолжая отстреливаться как ни в чем не бывало.

Хаус опять посмотрел в прицел и нетерпеливо поерзал.

— А знаешь, кто это такой, Швед? Это тот крендель, который был в госпитале.

Сергей сам видел противника в прицеле и тоже его узнал.

— Ну что ты не стреляешь-то? — возмущенно спросил Хаус. — Он же двоих ваших уложил!

— Не трещи! — огрызнулся Швед.

Человек на площади начал осторожно отступать. Промежуточные рубежи он выбирал идеально: ни с одной точки «Монолита», кроме крыши диспетчерской башни, увидеть его было нельзя.

Хаус незаметно дотянулся до подсумка Сергея и выхватил оттуда магазин.

— Тебя, тормоза, дожدهшься... — проворчал он. — Давно бы уже в ад его отправили, если бы ты не зевал.

Он вставил рожок, передернул затвор и снова приклеился к окуляру.

— Отпусти его, — тихо попросил Сергей, придавив винтовку товарища к мешкам.

— Что?! — не поверил Хаус.

— Пусть идет.

— Это тебе палтос вискаря рассудок помутит, или ты по жизни мутный? Я говорю, он двоих ваших братьев завалил в госпитале!

— А я сказал — не трогай его, — глухо произнес Швед.

— Он тебе денег обещал, что ли?

— Я последний раз повторяю...

— Да пошел ты! — Хаус оттолкнул Сергея, приподнялся над мешками и прижал приклад к плечу. — Вот он, сука...

Швед вырвал из-за пояса «беретту» и дважды выстрелил Хаусу в грудь. Потом, не глядя в его сторону, подобрал свою винтовку и снова посмотрел в прицел. Человек, скрываясь за кустами, уходил вдоль улицы к старому КБО, он был уже далеко. Сергей заморгал, что-то мешало ему смотреть. Он с силой дунул в окуляр, но лучше не стало, вокруг по-прежнему все плыло.

Швед не сразу понял, что он плачет.

— Внимание! — раздался голос из коммуникатора. — До выброса пять минут. Всем срочно зайти в укрытие!

Первой мыслью было остаться на крыше, рядом с другом. Сергей глубоко вздохнул, утерся рукавом и полез в люк.

В кубрик он спустился последним. Пол дрожал, потолок гудел, все здание порта сотрясала мощная вибрация. Выброс в этот раз был необычайно сильным. Стихия добивала на площади раненых, потоки дождя смывали с асфальта кровь.

Когда Швед поднялся наверх, небо снова было ясным, а солнце приветливым. От трупов перед базой мало что осталось, их можно было не замечать.

Сергей дошел до гастронома, не встретив по дороге ни души. Оказавшись во дворе, он вытащил из кармана коммуникатор и положил его под куст.

Возле магазина, у самой стены, прохаживался человек в обычном сталкерском комбинезоне. Крупноватый нос, прямой рот и твердо очерченный подбородок — это лицо было уже знакомым.

Сергей приблизился к нему вплотную и несколько секунд молча смотрел ему в глаза. Сталкер отвечал тем же. Оба держались за оружие, и оба знали, что оно не понадобится.

— Котлы посеял, а КПК сдох, — пожаловался Швед. — Не подскажешь, который час?

— Сколько бы ни было, а я сегодня без обеда, — отозвался незнакомец. — Тушенку просроченную подсунули.

Этот обмен репликами не значил ровным счетом ничего — для любого обитателя Зоны, кроме двух человек, стоявших сейчас во дворе.

— Майор Дегтярев, — представился мужчина. — Можно просто Саша.

— Лейтенант Шведов, — сказал Сергей. — Просто Швед.

Глава двадцать восьмая

Ночью опять был выброс, словно вчерашнего кому-то показалось недостаточно.

Как и в прошлый раз, Сергей дошел до гастронома незамеченным.

— Я передал твой доклад в Центр, — сказал Дегтярев. — Ответ уже есть. Аналитики сходятся на том, то мы сумеем уничтожить запасы биологического оружия с вероятностью в семьдесят пять процентов.

— Семьдесят пять? — с сомнением переспросил Швед.

— Не исключено, что обе емкости будут разрушены одновременно, и бинарные препараты успеют вступить во взаимодействие. Но здесь и так сплошная зараза кругом, а гражданского населения нет. Риск минимален, и он оправдан.

— Да какие аналитики?! — внезапно взорвался Сергей. — Что они посчитали, на чем это все основано? Они здесь были? Они это видели, щупали? — Он вытянул руки, показывая на окружающие дома и деревья, на весь город сразу.

— Им не надо ничего щупать. На то они и аналитики, чтобы мозгой шевелить, а не по помойке радиоактивной шастать, — терпеливо произнес майор.

— Мы даже не представляем, где находятся эти емкости и насколько они большие, — продолжал упорствовать Швед. — Я прожил на базе «Монолита» почти месяц, и я ни разу о них не слышал. Ни разу никто об этом не заикнулся. Я никогда не видел, чтобы хоть одна группа отправилась по каким-то непонятным мне делам. Где всё это прячут? Что конкретно военные собираются уничтожать?

— Операция на сей раз готовится крупная, это не «Фарватер». Участвуют союзники.

— Насколько крупная? — осторожно спросил Сергей.

— Масштаб будет очень серьезным. Речь идет обо всей Зоне. Планируется применение сверхмощных боеприпасов объемного взрыва. Даже если контейнеры с препаратами укрыты под землей, под водой или внутри капитальных зданий, при ковровой бомбардировке им не уцелеть.

— Ах, ковровой... — протянул Сергей. — Решили полностью перепахать всю территорию? Не лучше ли дать мне еще несколько дней? Я близок к цели, как никогда.

— Швед, ты не понимаешь. Времени больше нет. Ты должен как можно быстрее достать новые карты воздушных аномалий. Считай это своей главной и последней миссией в Зоне.

— Карт не будет, — отрезал он.

— Ты не знаешь новостей, — тихо проговорил Дегтярев. — Информация о биологическом оружии просочилась на телевидение. Ты просто не можешь себе представить, что сейчас происходит на Большой земле! В городах по всему миру начинается паника. Растут цены на еду, экономику лихорадит, биржи закрылись. Америка предлагает нанести по Зоне ядерный удар... А предлагать они умеют так, что хрен откажешься. ООН уже готова одобрить их инициативу специальной резолюцией. Ждать нельзя, Швед!

— Это правда?

— Мир катится в пропасть.

Сергей посмотрел под ноги и бессмысленно ковырнул носком ботинка какой-то камешек на асфальте. Они стояли во дворе гастронома возле старых газировочных автоматов, так, что заметить их можно было только с крыши. Ну или, возможно, со спутника. Швед безнадежно взглянул в белесое небо.

— Что насчет полковника Котятко? — спросил он.

— Карты, лейтенант!

— К вечеру будут, — сдался Сергей.

— Это не разговор, — покачал головой Дегтярев. — Сороковая бригада тактической авиации приведена в повышенную боевую готовность. Время перехода на полную — два часа. Через три они уже могут быть здесь.

— За три часа я успею.

— У тебя есть только два с половиной. Перед бомбардировкой нас эвакуируют, но для этого, как ты догадываешься, тоже нужна карта. У ближайшего блокпоста уже стоит вертолет. Чтобы нас вывезти, ему потребуется тридцать минут. Теперь слушай меня

внимательно. Я немедленно сообщаю в Центр о начале операции. Не позже, чем через два с половиной часа, — отчеканил майор, — ты обязан добыть свежую карту воздушных аномалий, а я должен передать ее командованию бригады для корректировки курса. «Фарватер» показал, что пролет над Зоной вслепую невозможен. По этой же карте за нами вылетит вертолет. Достанешь ее раньше — честь и хвала. Но не позже, лейтенант, ни минутой позже! Иначе нас не успеют вывезти из-под удара. Когда улетал Ковальский с военными, они запрашивали информацию по своим каналам, но после ночного выброса ситуация изменилась, ты это знаешь не хуже меня. Карту принесешь к прачечной. Туда же прилетит и вертолет, он сядет на баскетбольной площадке.

— Два с половиной часа, — кивнул Сергей.

— Добро. — Майор облегченно вздохнул. — И насчет Котятко, — спохватился он. — Дело бывшего полковника давно в архиве. Информация подтвердилась: разжалован и уволен из СБУ почти десять лет назад. Избежал суда по чистой случайности. Позже суд все-таки состоялся, и Котятко был приговорен, но заочно, поскольку к тому времени уже исчез. Венесуэла — да, вполне вероятно. Но какая теперь разница, если его вместе со всеми сотрут в пыль.

— То-то и оно, что вместе со всеми... — печально проговорил Швед.

— Хватил соплей, лейтенант! Были опасения, что в Зоне ты ожесточишься, а ты, вон, расклеился. Не будь тряпкой, на кону стоит слишком много. Все, разбежались!

Бежать Сергей не стал. Он дошел до арки и склонился над урной возле стены. Под желтой, хрустящей от старости газетой лежал его КПК. Сергей проверил, есть ли пропущенные вызовы, и нашел один от Самсона. Ветеран пытался связаться с ним около десяти минут назад, но текстовое сообщение не отправил. Швед не стал выяснять, что от него хотели, и, сунув коммуникатор в карман, вышел через арку на улицу.

На базе было непривычно безлюдно. Бойцы куда-то пропали, остались только патрули.

— А где все? — спросил Сергей у дежурного на воротах.

— Не знаю, — спокойно ответил тот, и Шведу это еще больше не понравилось.

Он сделал несколько шагов в сторону порта, но нерешительно остановился и, покусав губу, резко повернул к павильону кафе.

Часового возле входа не было, и это показалось Шведу совсем уже невероятным. Он еще раз проверил КПК, словно сервисное сообщение о пропущенном вызове могло объяснить отсутствие бойцов на базе. Если было бы что-то срочное, его выдавали бы неоднократно и в конце концов прислали бы приказ текстом. Так и не придя ни к какому выводу, Сергей снова убрал КПК и направился через зал к лестнице в бункер.

Долговязый Мотыль был на месте, а значит, ничего нештатного в отряде не произошло.

— Оружие? — вопросительно произнес Мотыль.

— Конечно, — ответил Швед и, сняв с плеча «винторез», бесшумно выстрелил ему в пах, а когда тот согнулся — добил в макушку.

Михал Михалыч сидел в кресле и что-то сосредоточенно обдумывал. Он машинально выстукивал по столешнице какой-то сложный ритмический рисунок, и это было кстати. Сергей с ходу прострелил ему обе кисти, чтобы он не смог взять в руки ни пистолет, ни нож, ни коммуникатор.

Командир вскрикнул, но, как показалось Шведу, скорее от неожиданности, чем от боли. Впрочем, это было не важно.

— Ну здравствуй, Полковник. Поговорим? — вкрадчиво произнес он.

— Ты что это учудил, говнюк? — сказал командир брюзгливо, но почти беззлобно. — Ты выбрал неправильный сценарий, Швед. Самый худший.

Сергей, не обращая внимания на эти слова, внимательно осмотрел кабинет и остановился взглядом на сейфе. Конечно.

— Что там? — спросил он.

— Тебе-то какое дело, щенок? — с вызовом бросил Михал Михалыч.

— Где лаборатория. Где цех. И где хранилище, — по частям, будто на диктанте, перечислил Сергей вопросы.

— Так «где лаборатория» или «что в сейфе»? — скривился командир.

— Я уверен, что это связано. — Швед подошел к стальному ящику и потрогал ручку. Дверца, естественно, была заперта. — Код! — потребовал он. — Не вынуждай стрелять тебе в колено.

— Денег там нет, — заверил Михал Михалыч.

— Я знаю. — Сергей все-таки выстрелил. — Какой код?!

Командир, забыв о боли в ладонях, схватился за ногу и сполз с кресла под стол.

— Там ничего интересного, — провыл он.

— Где цеха? Где емкости с препаратами?

— Опять, опять погнал... Какая же ты дубина! — разочарованно простонал Михал Михалыч.

— Код! — настойчиво повторил Швед.

— Семь, три, один.

— И все?..

— Все, да.

Сергей ткнул в «семерку» на засаленной панели и уже поднес палец к «тройке», но вдруг замер.

— Это не комбинация замка, правда же? — сказал он. — Это ключ самоуничтожения... чего? Содержимого сейфа? Бункера? Лаборатории? Или это просто сигнал тревоги?

— Идиот... идиот... — простонал Михал Михалыч со странной для его положения уверенностью.

Швед обошел стол и склонился над командиром.

— У тебя еще много суставов, — сказал он. — А у меня с собой два рожка. Беседа может неприятно затянуться.

— Семь, три, один — открывай на здоровье.

Сергей засомневался еще больше. Эти цифры ему вдруг что-то напомнили — далеко и близкое одновременно.

— Знакомый код... — проронил он. — Где я мог его видеть? Кажется, совсем недавно...

— Короткая память, Швед? — ему в затылок ткнулся ствол пистолета. — «Отряд 731», я же тебе про него рассказывал.

У стола стоял Роберто, или, как Сергей привык его называть, — Ахмет.

Через распахнутую дверь Швед увидел открытую комнату напротив командирского кабинета. Ахмет жил здесь же, в бункере, в двух метрах от Михал Михалыча и в пятидесяти — от кубрика Шведа. Все это время он находился на базе.

— Подними «винторез» прикладом вверх и медленно передай мне, — скомандовал Ахмет. — Теперь все остальное. Нож тоже. Коммуникатор можешь оставить себе, — улыбнулся он.

— Ты не мог еще дольше идти? — прокряхтел командир. — Здесь вроде не очень далеко?

— Не трепещи, Полковник, все вылечим. — Он кинул Михал Михалычу две шприц-ампулы с промедолом и движением пистолета велел Сергею выйти из-за стола и опуститься на стул. — Что ты потерял в чужом сейфе, дал ярак? — Ахмет снова улыбнулся. — Нет, лучше я спрошу о другом: «Фарватер» — твоих рук дело?

— Ты не поверишь, но это чистое совпадение. — Сергей тоже выжал из себя улыбку, хотя не был уверен, что она получилась убедительной. — У меня же нет связи, как я мог вызвать войска? Но вообще-то я ждал их раньше, гораздо раньше.

— Потому и рвался в «Монолит», как сучка на случку?

— Твое владение иностранными языками меня восхищает, — сказал Сергей.

— Спасибо, — равнодушно отозвался Ахмет. — Возможно, я даже позволю тебе умереть быстро и безболезненно. Хотя сам ты не был столь великодушен. Приемы войсковой разведки, мать их...

Михал Михалыч негнушимися пальцами вколол обе ампулы в раненую ногу, и ему немного полегчало.

— Мы тоже давно тебя ждали, Швед, — сказал он. — Роберто устал маяться в отряде у Кабана и корчить из себя дубину.

— Долго тупил, секунда бежала, жизнь терялся мимо, ананы сиким, — жалобно подтвердил тот.

— Не тяжело тебе было под двумя легендами работать? — буркнул Сергей.

— Да ну что ты! Я люблю, когда мозги постоянно в тонусе. Начальство из Евротрибунала считало меня чрезмерно деятельным. Они просто ничего не понимают в оперативной службе. Вареные медузы, — заключил Ахмет. — А здесь чувствуется пульс, здесь вечное движение и настоящее живое дело. Вот только заждались мы тебя, Швед, — повторил он вслед за командиром.

— Вы не могли знать, кто я такой.

— Мы и не знали, что это именно ты. Вначале не знали, — уточнил он. — Просто ждали человека из СБУ, которого не могли не прислать. Мы... приложили некоторые усилия к тому, чтобы вызвать интерес. И у нас получилось!

— Зачем все это нужно? — хмуро спросил Сергей. — Чтобы показать, где вы храните препараты? Могли бы сами доехать до ближайшего кордона и сдать.

— Кретин! — воскликнул командир. — Швед, я говорил тебе, что ты кретин? Если нет, то имей в виду: ты кретин. Впрочем, стоит ли тебя винить? Мы блестяще выполнили свою работу, а ты, как мог, свою.

— Ну и много ты их тут нашел, препаратов? — с издевкой осведомился Ахмет. — Сколько цехов разыскал, сколько лабораторий? Может быть, — он покатылся от смеха, — ты видел в «Монолите» хоть одного ученого? Или ты думаешь, что научные открытия совершаются обычными головорезами?

— Но вы же передавали зомби для тестов, вы подготовили бензовоз... — растерянно проговорил Сергей.

— Мы подготовили тебя! — торжествующе ответил Ахмет. — Мы просто слили бензин, вот и все, что мы сделали.

— Так это блеф?! — осознал наконец Сергей. — Биологического оружия в Зоне нет?

— Это не блеф, — проскрипел Михал Михалыч, по-прежнему сидя на полу. — Это, сынок, самый грандиозный бизнес-проект в истории человечества.

— Я же рассказывал тебе про «Гугл», — подхватил Ахмет. — У него нет ни станков, ни заводов. Он не производит печенье, Машины или мебель. Весь «Гугл», со всеми его сервисами, — это всего лишь сайты, куски программного кода на каких-то серверах. Это просто цифры! Их нельзя скушать, нельзя надеть вместо порток, ими даже нельзя потереться. И однако же перед падением акций он стоил свыше ста миллиардов долларов. Откуда взялась эта сумма? Из воздуха. «Гугл» стоит ровно столько, насколько в него верят акционеры. Это почти религия.

Сергей невольно посмотрел на фотографию командира с каким-то человеком в Венесуэле и снова — на Ахмета.

— Нет, это не я, — ответил тот. — Я бы, при всех своих способностях, до такого не додумался. Это основатель «Frenzy». Он гений, что там говорить... Но он предпочел отойти от дел и остаться на своем пляже. Мы всего лишь используем его идею, правда, немного иначе. Он выиграл на падении акций, а мы выиграем на повышении. А называется наше предприятие тривиально: Страх. Вера в плохое сильнее, чем вера в хорошее, ее нельзя проигнорировать, потому что она не дает людям спокойно спать.

— Вы заставили мир бояться?... Но какой в этом смысл?

— Бояться и платить, — изрек Михал Михалыч. — Платить и снова бояться.

— Послушайте, это же бред!

— Да неужели? — радостно откликнулся Ахмет. — Правительство Англии уже перевело деньги. Как раз хватит на симпатичный островок в теплых водах и скромное бунгало на двадцать комнат.

Швед недоуменно прищурился, и Ахмет ему подмигнул:

— В отряде Кабана коммуникаторы тоже прослушиваются. Мы не ленились, работали в поте лица. Зато имеем результат. Япония, — добавил он, — обещает прислать дань к концу недели. В Евросоюзе уже спорят, как будут платить — по отдельности или вскладчину. Ну, пусть поспорят, мы их не торопим, — царственно произнес он.

— И это не разовые платежи. — Михал Михалыч весомо поднял синеющий палец. — Это ежемесячные взносы от всех развитых стран. Назовем их абонентской платой за жизнь.

— Но вас же прихлопнут! Прихлопнут, как двух тараканов! — в ужасе проговорил Сергей.

— «Фарватер» уже прилетал хлопать, кто следующий? — сказал Ахмет. — Вообще мы думали, что это было с твоей подачи, и мне даже немного жать, что ты не причем. Красиво ведь получилось, правда? Армия убедилась в нашей неуязвимости, причем не за наш счет, а за свой. Но все равно половиной успеха мы обязаны тебе, Швед. Средства массовой информации не восприняли бы нашу новость с таким воодушевлением, если бы она не была подкреплена достоверными данными СБУ. Одно без другого не канает. Пожалуй, его можно назвать соавтором нашего проекта? — обратился Ахмет к Михал Михалычу.

— Да, наверное. Жаль только, что дивидендов он не получит даже в виде венка. Швед, ты ведь не думаешь, что сумеешь выйти отсюда живым? Или вера в чудеса тебя еще не покинула?

— В любом случае я бы на твоём месте гордился, — заявил Ахмет. — Хотя, конечно, предпочту оставаться на своём.

— Всем оставаться на местах, руки держать на виду! — прозвучала неожиданная команда.

В дверях стояли Доберман, Самсон и Бродяга. В коридоре за их спинами толпились другие бойцы, все с ветеранскими нашивками.

— Что тут происходит? Где командир?

— Я здесь! — Михал Михалыч помахал рукой из-за стола и выглянул сбоку, но встретился взглядами с Бродягой и поник.

— А счастье было так близко... — Ахмет тоже посмотрел на Бродягу, потом на Моржа из его группы и, моментально оценив ситуацию, решил не ждать разбирательств. Невзирая на окрики, он приставил пистолет себе к виску.

— Ну что же ты задумался? — тихо сказал ему Сергей.

— Да рука устала тебя на мушке держать, — ответил Ахмет и выстрелил.

Кровь разлетелась по стене большим вопросительным знаком.

Самсон прошел на середину комнаты, перешагнул через труп и выволок из-за стола Михал Михалыча. Действие промедола уже закончилось, и командиру было вдвойне мучительно.

— Что вы с ним сделаете? — спросил Швед.

— Будем решать, — ответил Самсон.

— А разве есть варианты?

— Нет вариантов, — отрезал Бродяга.

— После предательства в книжном магазине вариантов нет, — с небольшим опозданием сказал Доберман. — Ты хочешь казнить его сам?

— Это не доставляет мне удовольствия. — Сергей поднял с пола свой «винторез». — Но иногда приходится, — добавил он и выпустил в бывшего полковника весь рожок.

Тут же перезарядив оружие — это давно стало рефлексом, — он поставил винтовку на предохранитель и повесил за спину. И вдруг вспомнил про сейф.

На секунду задумавшись, он все же отважился набрать комбинацию из трех цифр. В сейфе, как и говорил Михал Михалыч, ничего интересного не нашлось — лишь кипа распечатанных биржевых котировок.

— Все правда, — вздохнул Сергей.

— Что правда? — поинтересовался Доберман.

— Что все ложь...

Доберман склонил голову набок, но в дискуссии вступать не стал.

— Я невольно слышал конец вашего разговора, — признался он. — И ничего не понял. На кого ты работаешь?

— Есть такая профессия — гадов истреблять.

— Швед... — Доберман преградил ему путь. — Мы обсудили положение в отряде. И мы тебе благодарны. Особенно Бродяга со своей группой. Мы предлагаем тебе нашивку ветерана и место в «Монолите», не командирское, но достойное.

— Спасибо, братья, но у меня другие знаки различия.

— Ты уверен?

— Сегодня этот вопрос звучит издевательски... — Швед шагнул в сторону и пошел к двери. — Но если вы хотите мне помочь, скиньте на мой КПК свежую карту воздушных аномалий.

— Зачем она тебе?

— За мной прилетят. Меня обещали забрать.

— Мы можем вывезти тебя на машине.

— Я полечу на вертолете. Так надо. — Сергей стиснул зубы.

— Хорошо. — Доберман достал коммуникатор и кого-то вызвал. — Лаврик, сбегай в диспетчерскую и передай, чтобы отправили карту на КПК Шведа. Сейчас будет, — сказал он Сергею. — Пойдем наверх.

База, против недавнего, выглядела необычайно оживленной. Похоже, у речного порта собрались все бойцы — и ветераны, и молодежь. Посты у ограды были сняты, патрулей на улице Швед тоже не видел.

— Такое впечатление, что отряд переезжает, — поделился он.

— Впечатление правильное, — ответил Доберман. — Мы снимаемся с базы. Это удобное место, но оно покрыто позором. «Монолит» начнет новую жизнь, так мы решили. Нам не впервой, были времена и похуже. Значит, впереди у отряда только хорошее. Так мы решили, — твердо повторил он. — Мы в это верим.

Сергей набрал воздуха, чтобы сообщить ветерану что-то важное, но, мысленно досчитав до десяти, просто выдохнул. Он не мог произнести этого вслух, у него не было столько сил. Люди верили. Люди ждали лучших времен. Как он мог им сказать, что времен здесь больше не будет — ни хороших, ни даже плохих... Что меньше чем через час время в Зоне остановится и исчезнет вместе со всем живым. Что все уродливое и прекрасное превратится в пепел, смешается в грязь, впитается в мертвую землю. Сказать им это означало бы отнять надежду и убить — еще раньше, чем самолеты сороковой бригады появятся в небе.

Они как раз поравнялись с воротами, когда у Сергея в кармане пискнул коммуникатор. Карта уже пришла.

— Счастливо, Швед, — с грустью сказал Доберман.

Сергей кивнул ему, потом Бродяге и махнул рукой Самсону. Чувство вины было таким огромным, что Швед больше не мог его на себе тащить. Он развернулся и скорым шагом двинулся к прачечной.

Дегтярев ожидал его снаружи у дверей, безмятежно греясь на солнышке. Он даже не поленился вынести на улицу стул.

— В кои-то веке приличная погода, а мы улетаем, — сказал он с деланным сожалением. — Карта есть?

— Останови бомбардировку, — торопливо произнес Сергей.

— Я не могу, Швед, — ответил майор тем же тоном, с ленцой. — Ты не принес карту?! — всполошился он.

— Дело не в карте. Оружия массового поражения в Зоне нет. Здесь нет никаких злодеев, никаких заговоров, никакой угрозы миру. В Зоне нет ничего, что было бы страшнее самой Зоны. Для Большой земли она не опасна. И поэтому не нужно ее трогать.

— Это не нам с тобой решать. Ты понимаешь, что такое бригада тактической авиации, и на каком уровне там отдаются приказы? Майору с лейтенантом туда даже чай занести не

позволят. Мы должны только передать карту для корректировки, больше от нас ничего не зависит. Операция давно началась. И все, что нам остается, это сматываться. После отлета Ковальского тут, кроме нас, никого больше нет.

— Серьезно? Вообще никого?! А сотни человек на юге, на востоке и в городе? «Монолитовцы», наемники, простые сталкеры — не люди?

— Они сами выбрали эту участь. Давно, когда только пришли в Зону.

— Ну, в общем, я так примерно и думал... — Сергей снял из-за спины «винторез» и бросил на землю коммуникатор. Прежде чем Дегтярев успел вскочить со стула, он превратил свой КПК в горсть горячего хлама. — Теперь сматывайся, майор. Ты прав: это единственное, что тебе осталось. А я отдохну...

Швед уселся на освободившийся стул и по примеру Дегтярева блаженно подставил солнцу небритое лицо.

Пару секунд майор молча глотал воздух, глядя на обломки коммуникатора.

— Лейтенант, вста-ать! — заорал он, опомнившись.

— Чем ты меня пугаешь, Саша? — промолвил Швед, не открывая глаз. — Я два месяца в Зоне, и внутри у меня — одна сплошная Зона, больше там ничего не осталось. Я даже не знаю, сколько человек я убил. Я давно перестал считать, чтобы не свихнуться.

— Вспомни о присяге!

— Я выполнил свой долг. Узнал, где в Зоне находится оружие массового поражения. Ответ: нигде. Его здесь нет.

— Прекрати, лейтенант, прекрати! — Дегтярев энергично потряс его за плечо. — Я тоже не бизнес-классом сюда добирался, мне тоже приходилось стрелять в людей. Такая служба... такая у нас судьба! Ну?.. У тебя же есть карта? Ты уничтожил другой коммуникатор, признайся в этом, шутник. Признайся, долбаный клоун! — он крикнул так, что чуть не сорвал связки, и, закашлявшись, упрямо прошипел: — У тебя есть карта, лейтенант.

— Есть. — Сергей достал из голенища ботинка потрепанный, много раз сложенный лист плотной бумаги.

— Что это? — удивился Дегтярев.

— Карта. Безопасный маршрут от Припяти до станции Янов. Держи, тебе пригодится. Не нужно больше лезть в путепровод. А командованию передай, что корректировки для самолетов не будет. Пусть разворачиваются, пока не долетели. Ну а если они прорвутся сквозь аномалии и начнут бомбить, значит, я сдохну вместе с Зоной. Такая судьба.

— Ты же был героем, Шведов... — горько произнес майор.

— Нет, — он медленно покачал головой, — я был агентом под прикрытием. Я делал все, чтобы выполнить задание. Делал слишком многое. Недопустимое. Нечеловеческое. Для агента это нормально. Для героя — нет.

Дегтярев бросил взгляд на часы и помчался на второй этаж прачечной, к рации.

Сергей посидел еще немного, потом приставил «винторез» к стене и вытащил «беретту». Хороший пистолет. Достаточно надежный, чтобы застрелить друга, и достаточно удобный, чтобы застрелиться самому.

Неподалеку, на севере города, собирались в путь бойцы «Монолита», которым не было места на Большой земле. Чем Сергей от них отличался? Ничем. Ветераны уводили отряд со старой базы — вперед, в неизвестность. С надеждой на новую жизнь. С верой в себя и в будущее, которую они до сих пор не потеряли.

Швед, сгорбившись, смотрел в землю и поигрывал «береттой».

Он не знал, куда ему идти.